

Международный редакционный совет

- Александрова О. В.*, д. филол. н., проф. (Россия, МГУ)
Балина М., д-р, проф. (США, ун-т Иллинойс Везлиан)
Богданова-Бегларян Н. В., д. филол. н., проф. (Россия, СПбГУ)
Брузене Р., д-р, доц. (Литва, Университет Миколаса Ромериса, Институт литовской литературы и фольклористики)
Буле О., д-р, доц. (Нидерланды, ун-т Лейдена)
Вендина Т. И., д. филол. н., проф. (Россия, Москва, Институт славяноведения РАН)
Виноградов В. А., д. филол. н., член-корр. РАН (Россия, Москва, Институт языкознания РАН)
Войтак М., д-р, проф. (Польша, Люблинский ун-т)
Георгиевская-Яковлева Л., д-р, проф. (Македония, Скопье, Институт македонской литературы)
Ерофеева Т. И., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Котельников В. А., д. филол. н., проф. (Россия, СПб., Институт русской литературы РАН)
Краузе М., д-р, проф. (Германия, ун-т Гамбурга, Институт славистики)
Левицкий Ю. А., д. филол. н., проф. (Россия, ПГППУ)
Мызников С. А., д. филол. н., проф. (Россия, СПб., Институт лингвистических исследований РАН)
Павлова А. В., д-р, проф. (Германия, Вальдорфский ун-т)
Полякова Е. Н., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Ристовский Б., д-р, проф., акад. Македонской академии наук и искусств (Македония, Скопье)
Рут М. Э., д. филол. н., проф. (Россия, УрГУ)
Савкина И., д-р, проф. (Финляндия, ун-т Тампере)
Саксена Р., д-р, проф. (Индия, ун-т Дели)
Спивак Р. С., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Ушакова О. М., д. филол. н., доц. (Россия, ТюменГУ)
Фэр-Дюпэр А., д-р, доц. (Франция, ун-т Пуатье)

Редакционная коллегия

<i>Бочкарёва Н. С.</i> (гл. ред.), д. филол. н., проф.	<i>Ерофеева Е. В.</i> , д. филол. н., проф.
<i>Русинова И. И.</i> (зам. гл. ред.), к. филол. н., доц.	<i>Кондаков Б. В.</i> , д. филол. н., проф.
<i>Шутёмова Н. В.</i> (зам. гл. ред.), д. филол. н., доц.	<i>Кочкарева И. В.</i> , к. филол. н., доц.
<i>Абашев В. В.</i> , д. филол. н., проф.	<i>Кушнина Л. В.</i> , д. филол. н., проф.
<i>Абашева М. П.</i> , д. филол. н., проф.	<i>Мишланов В. А.</i> , д. филол. н., проф.
<i>Алексеева Л. М.</i> , д. филол. н., проф.	<i>Мышкина Н. Л.</i> , д. филол. н., проф.
<i>Арустамова А. А.</i> , д. филол. н., доц.	<i>Нестерова Н. М.</i> , д. филол. н., проф.
<i>Баженова Е. А.</i> , д. филол. н., доц.	<i>Овчинникова И. Г.</i> , д. филол. н., проф.
<i>Боронникова Н. В.</i> , к. филол. н., доц.	<i>Петрова Н. А.</i> , д. филол. н., доц.
<i>Братухин А. Ю.</i> , к. филол. н., доц.	<i>Подюков И. А.</i> , д. филол. н., проф.
<i>Бурдина С. В.</i> , д. филол. н., доц.	<i>Проскурнин Б. М.</i> , д. филол. н., проф.
<i>Данилевская Н. В.</i> , д. филол. н., доц.	<i>Серова Т. С.</i> , д. филол. н., проф.
<i>Дускаева Л. Р.</i> , д. филол. н., доц.	<i>Фоминых Т. Н.</i> , д. филол. н., проф.

Адрес учредителя и редакции: 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15. E-mail: langlit2009@mail.ru

Сайт журнала: <http://www.rfp.psu.ru>

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций

Свидетельство о регистрации средства массовой информации: ПИ №ФС77-35029 от 20 января 2009 г.

Перерегистрирован в связи со сменой наименования учредителя в 2013 г.

Свидетельство о регистрации: ПИ №ФС77-53181 от 14 марта 2013.

Founder: Perm State University

International Editorial Board

Olga Aleksandrova (Russia, Moscow State University)
Marina Balina (USA, Illinois Wesleyan University)
Natalya Bogdanova-Beglarian (Russia, Saint Petersburg State University)
Rūta Brūzgienė (Lithuania, Mykolas Romeris University, Institute of Lithuanian Literature and Folklore)
Otto Boele (Netherlands, Leiden University)
Tatyana Vendina (Russian Academy of Science, Moscow, Institute of Slavonic Studies)
Victor Vinogradov (Russian Academy of Science, Moscow, Institute of Linguistics)
Maria Voytak (Poland, Lublin University)
Loreta Georgievska-Jakovleva (Macedonia, Skopje, Institute of Macedonian Literature, University St. Cyril and Methodius)
Tamara Erofeeva (Russia, Perm State University)
Vladimir Kotelnikov (Russian Academy of Science, Saint Petersburg, Institute of Russian Literature)
Marion Krause (Germany, University of Hamburg, Institute of Slavonic Studies)
Yurij Levitzkij (Russia, Perm State Humanitarian-Pedagogical University)
Sergej Myznikov (Russian Academy of Science, Saint Petersburg, Institute of Linguistics Studies)
Anna Pavlova (Germany, Walldorf University)
Elena Polyakova (Russia, Perm State University)
Blaze Ristovski (Macedonian Academy of Science and Art, Skopje)
Mary Rut (Russia, Ural State University)
Ranjana Sxaena (India, University of Delhi)
Irina Savkina (Finland, University of Tampere)
Rita Spivak (Russia, Perm State University)
Olga Ushakova (Russia, Tumen State University)
Anne Faivre Dupaigne (France, Universite de Poitiers)

Perm Editorial Board

<i>Nina Bochkareva</i> – <i>Editor-in-Chief</i>	<i>Ludmila Kushnina</i> (Perm National Research Polytechnic University)
<i>Irina Rusinova</i> – <i>Associate Editor</i>	<i>Valerij Mishlanov</i> (Perm State University)
<i>Natalya Shutemova</i> – <i>Associate Editor</i>	<i>Nelly Myshkina</i> (Perm National Research Polytechnic University)
<i>Vladimir Abashev</i> (Perm State University)	<i>Natalya Nesterova</i> (Perm National Research Polytechnic University)
<i>Marina Abasheva</i> (Perm State Humanitarian-Pedagogical University)	<i>Irina Ovchinnikova</i> (Perm State University)
<i>Larisa Alekseeva</i> (Perm State University)	<i>Natalya Petrova</i> (Perm State Humanitarian-Pedagogical University)
<i>Anna Arustamova</i> (Perm State University)	<i>Ivan Podukov</i> (Perm State Humanitarian-Pedagogical University)
<i>Elena Bazenova</i> (Perm State University)	<i>Boris Proskurnin</i> (Perm State University)
<i>Natalya Boronnikova</i> (Perm State University)	<i>Tamara Serova</i> (Perm National Research Polytechnic University)
<i>Alexander Bratukhin</i> (Perm State University)	<i>Tatyana Fominykh</i> (Perm State Humanitarian-Pedagogical University)
<i>Svetlana Burdina</i> (Perm State University)	
<i>Natalya Danilevskaya</i> (Perm State University)	
<i>Liliya Duskaeva</i> (Saint Petersburg State University)	
<i>Elena Erofeeva</i> (Perm State University)	
<i>Boris Kondakov</i> (Perm State University)	
<i>Irina Kochkareva</i> (Perm State University)	

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, ОБЩЕСТВО

Алексеева Л. М., Василенко Д. В. СИСТЕМНОСТЬ ТЕРМИНОЛОГИИ.....	5
Раева О. В., Риехакайнен Е. И. СИНТАГМА И СЕГМЕНТАЦИЯ УСТНОЙ СПОНТАННОЙ РЕЧИ.....	14
Шустова С. В., Смирнова Е. А. ГЛАГОЛЬНАЯ ВАЛЕНТНОСТЬ КАК СЕМАНТИКО-ГРАММАТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ.....	21
Горбунов Е. Ю. ТЕЗАУРУСНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ ТЕРМИНА <i>WORD</i> 'СЛОВО' В ПРЕДМЕТНОЙ ОБЛАСТИ «АНГЛИЙСКАЯ ЛЕКСИКОЛОГИЯ».....	30
Трошенкова Е. В. СТЕРЕОТИПНЫЕ ОЖИДАНИЯ ОТНОСИТЕЛЬНО РОЛИ ИММИГРАНТА В АМЕРИКАНСКОЙ И РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ: ОПЫТ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ.....	39
Данилевская Н. В. НАЦИОНАЛЬНО ЗНАЧИМЫЕ КЛЮЧЕВЫЕ СМЫСЛЫ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ ТЕЛЕВИЗИОННЫХ ТЕКСТОВ).....	51
Ермолова О. Б. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОБЩЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА С ДОМАШНИМИ ЖИВОТНЫМИ.....	58

ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

Абашев В. В. «ДИКАЯ КРАСОТА И СУМРАЧНОЕ ВЕЛИЧИЕ...». ПАНОРАМА УРАЛА В ПУТЕВЫХ ОЧЕРКАХ Вас. И. НЕМИРОВИЧА-ДАНЧЕНКО.....	67
Савкина И. Л. «Я ЖЕ – ЧЕЛОВЕК ОБЫКНОВЕННЫЙ»: АНАЛИЗ ДВУХ ЖЕНСКИХ ДНЕВНИКОВ СОВЕТСКОГО ВРЕМЕНИ.....	79
Абашева М. П., Чащинов Е. Н. ЭКФРАСИС В РОМАНЕ А. КОРОЛЕВА «ЭРОН».....	89
Горбунова Н. В., Ушакова О. М. СПЕЦИФИКА ПИЩЕВЫХ КОДОВ В ВИКТОРИАНСКОМ И МОДЕРНИСТСКОМ РОМАНЕ (ДЖ. ЭЛИОТ, Д. Г. ЛОУРЕНС).....	98
Шевченко А. А., Проскурнин Б. М. ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ РОМАНА ЛЕОНГАРДА ФРАНКА «ШАЙКА РАЗБОЙНИКОВ».....	110
Графова О. И. ЭКФРАСТИЧЕСКАЯ ЭКСПОЗИЦИЯ РОМАНА А. С. БАЙЕТТ «ДЕВА В САДУ».....	126
Хабибуллина Л. Ф., Виноградова А. А. КОНЦЕПЦИИ МУЛЬТИКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА В РОМАНЕ ДЖ. ЕВГЕНИДИСА «СРЕДНИЙ ПОЛ».....	135

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Бочкарева Н. С., Проскурнин Б. М. ОБРАЗ И МИФ В АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ О РОССИИ.....	142
---	-----

CONTENTS

LANGUAGE, CULTURE, SOCIETY

Larisa M. Alekseeva, Dariya V. Vasilenko SYSTEMIC FEATURES OF TERMINOLOGY.....5

Olga V. Raeva, Elena I. Riekhakaynen SYNTAGMA AND SEGMENTATION OF SPONTANEOUS SPEECH.....14

Svetlana V. Shustova, Elizaveta A. Smirnova VERB VALENCY AS A SEMANTIC-GRAMMATICAL CATEGORY.....21

Evgenij Ju. Gorbunov THESAURUS MODELLING OF THE SEMANTIC FIELD OF THE TERM ‘*WORD*’ IN THE SUBJECT FIELD «ENGLISH LEXICOLOGY».....30

Ekaterina V. Troshchenkova STEREOTYPICAL EXPECTATIONS OF THE ROLE OF MIGRANTS IN AMERICAN AND RUSSIAN LINGUOCULTURE: AN ATTEMPT OF PSYCHOLINGUISTIC MODELLING.....39

Natalia V. Danilevskaya NATIONALLY SIGNIFICANT KEY MEANINGS OF MODERN SOCIAL ADVERTISING (THROUGH THE EXAMPLE OF RUSSIAN TELEVISION TEXTS).....51

Olga B. Ermolova LINGUISTIC FEATURES OF HUMAN-TO-PET COMMUNICATION.....58

LITERATURE IN THE CULTURAL CONTEXT

Vladimir V. Abashev «SAVAGE BEAUTY AND TENEBROUS GRANDEUR...». A PANORAMA OF THE URALS IN VASILY I. NEMIROVICH-DANCHENKO’S TRAVEL WRITINGS.....67

Irina L. Savkina I’M JUST AN ORDINARY PERSON»: TWO WOMEN’S DIARIES FROM SOVIET TIMES.....79

Marina P. Abasheva, Evgeny N. Chashchinov EKPHRASIS IN A. KOROLEV’S NOVEL «ERON».....89

Natalya V. Gorbunova, Olga M. Ushakova FOOD CODES IN VICTORIAN AND MODERNIST NOVELS (GEORGE ELIOT, D.H. LAWRENCE).....98

Arkady A. Shevchenko, Boris M. Proskurnin THE GENRE ORIGINALITY IN THE NOVEL «DIE RÄUBERBANDE» BY LEONHARD FRANK.....110

Olga I. Grafova EKPHRASTIC EXPOSITION IN THE NOVEL «THE VIRGIN IN THE GARDEN» BY A.S. BYATT126

Liliya F. Khabibullina, Anastasia A. Vinogradova CONCEPTIONS OF MULTICULTURAL SPACE IN J.K. EUGENIDES’ NOVEL «MIDDLESEX».....135

ACADEMIC REVIEWS AND SURVIEWS

Nina S. Bochkareva, Boris M. Proskurnin IMAGE AND MYTH IN ENGLISH LITERATURE ABOUT RUSSIA.....142

УДК 81' 22

СИСТЕМНОСТЬ ТЕРМИНОЛОГИИ

Лариса Михайловна Алексеева

д. филол. н., проф. кафедры лингводидактики

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Пермь, ул. Букирева, 15. alm@psu.ru

Дарья Владимировна Василенко

преп. кафедры английского языка и межкультурной коммуникации

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Пермь, ул. Букирева, 15. dashavas2904@rambler.ru

Статья посвящена одной из слабоизученных проблем терминоведения – системности терминологии. Интерес к данной проблеме объясним тем, что она сопряжена с вопросом организации научного познания. С этих позиций мы рассматриваем системность терминологии как один из способов изучения мышления. Традиционно проблема системности термина изучалась в соотношении с понятием структурности. Главным критерием полагалась степень организованности совокупности термина. Структура ассоциировалась с низшим уровнем организованности, а система характеризовалась с учетом более высокого уровня организованности. Традиционные взгляды на системность оказались малопродуктивными, поскольку они не нашли существенного подтверждения в анализе практического материала. В нашей статье мы делаем попытку развить понятие системности термина и наполнить его содержанием, соотношенным с методологическим и когнитивным аспектами изучения термина. Трактовка термина в методологическом аспекте обусловлена тем, что данный элемент системы соотносится не с объектами, а с деятельностью, репрезентантом которой он является. Когнитивные характеристики термина связаны с естественным развитием конкретной области знания. Материалом анализа послужили тексты из сферы знания по нанотехнологии. Задачи анализа эмпирического материала предполагали выявление общих свойств нанотерминологии как формы репрезентации специального знания. Инновационный характер нанонауки, детерминированный способностью человека искусственно создавать нанообъекты, находит отражение в терминологии. В статье рассмотрены понятия фантазийности и визуальности термина как основные критерии системности терминологии.

Ключевые слова: термин; терминология; терминосистема; деятельность; научное знание; системный признак.

Исследование терминологии началось в 30-е гг. XX в. в Австрии (Э. Вюстер), Германии (Л. Ольшки) и России (Д.С. Лотте, С. А. Чаплыгин, Э. К. Дрезен, П.А. Флоренский, С.П. Обнорский, М. В. Сергиевский, Г. О. Винокур, А. А. Реформатский и др.). Эти исследования положили начало новой науке – терминоведению.

В ходе своего становления терминоведение пережило несколько этапов развития, революционных по своему характеру и связанных, прежде всего, с изменением трактовки главного понятия – термина. Так, первичные представления о термине, как известно, основывались на таких свойствах, как специфичность, особенность, независимость от общелитературного языка. В связи с

этим считалось, что термины зарождаются и живут в определенной терминосистеме и никак не связаны с самим контекстом [Alexeeva 2004: 63–64]. Понятие же терминологической системы не имело научного определения, а интуитивно понималось как сложная форма организации совокупности терминов.

В 90-е гг. подход к термину меняется. Термин начинает изучаться как единица мышления. Истоки этого нового направления в теории термина восходят к трудам Г.О. Винокура, считавшего, что термины не «появляются», а «придумываются», «творятся» по мере осознания их необходимости [Винокур 1996: 242]. В трудах П.А. Флоренского также содержится мысль о

том, что «слово есть точка приложения деятельности мысли, создающей предложение и даже целую речь» [Флоренский 1996: 368] и что «всякое техническое выражение, действительно нужное мысли, а не представляющее собой тормозящего речь варваризма, непременно предполагает и новое усмотрение мыслию внутренней связности того, к чему это выражение относится, – значит служит синтезу многих слов, которыми могла бы быть описана вновь найденная связность» [там же: 370].

Характеризуя развитие терминоведения этого периода, В. М. Лейчик высказал суждение о том, что «современный этап развития терминологии по своему содержанию может быть назван науковедческим» [Лейчик 1995: 279], поскольку так же, как и науковедение, науку о терминах волнуют проблемы языка науки в целом. Кроме того, становлению теории термина во многом способствовало коммуникативное описание языка, которое привело к созданию функциональных языковых теорий и «живых» грамматик.

Современный этап развития терминоведения получил название когнитивного. «Когнитивное направление делает терминоведение «открытой» наукой, с явной тенденцией к расширению своих пределов, с тяготением к интеграционным процессам, которые ведут к выделению междисциплинарных программ исследования» [Алексеева, Мишланова 2002: 23]. Расширение границ терминоведения и усложнение предмета исследования логически приводит к усложнению понятия термина. В исследованиях по терминоведению XXI в. «подчеркивается сложная (неоднородная, многослойная) структура термина, предполагающая многогранность и многоаспектность терминологического анализа» [там же: 15]. Термин как научный объект начинает изучаться с учетом таких признаков, как интегрированность и цельность [Алексеева 2010].

В когнитивном аспекте расширение понятия термина выразилось в том, что его стали понимать как постоянно изменяющуюся единицу ввиду его соотнесенности с процессом познания. Как полагает В. В. Налимов, «концепции нельзя определять, их надо разяснять, концептуальный характер терминов создает повышенный полиморфизм языка науки. Чем глубже и сложнее концепция, кодируемая термином, тем больше его полиморфизм» [Налимов 2003: 137]. Речь идет об открытости семантики термина. Ученый считает, что каждому понятию термина в языке науки соответствует множество значений и любая попытка окончательного определения термина связана с семантическими ограничениями, накладываемыми на термин, соответственно, и на научную теорию.

Это мнение разделяет С. Е. Никитина. Согласно ее представлениям, «термину нигде не дается строгого определения. Смысл его наращивается постепенно с изложением какой-либо научной концепции – так создается контекстуальное определение» [Естественный язык 1988: 33]. Действительно, имеет смысл говорить об *амбисемичности языка науки*, поскольку в научных текстах, являющихся для терминов ареалом их функционирования, непременно актуализируется новое приращение знания в виде вновь созданных терминов, дефиниции которых далеко не абсолютны, т.е. открыты для дальнейшей интерпретации, а сам научный текст всегда гипотетичен [Татаринов 1996: 168].

Современное развитие терминоведения отражает существенные и кардинальные изменения, происходящие в науке. Наука о терминах характеризуется введением новых понятий, принципов и методов исследования, в число которых входит понятие *системности*. В терминоведении, в сравнении с лингвистикой, данное понятие остается неразработанным. Отметим, что в методологическом плане понятие системности также вызывает немало дискуссий. Так, известный российский методолог Г. П. Щедровицкий полагает, что в настоящее время «не существует удовлетворительных, достаточно широко принятых понятий системы и структуры» [Щедровицкий 1995: 170]. Причину такой ситуации он видит в смешении понятий системы знания и системы знания об объекте и предмете. В этом плане особую актуальность приобретает проблема дифференциации трех понятий: системы знания, системы объекта и системы предмета.

В рамках статьи мы попытаемся подойти к решению проблемы системности терминологии с указанных позиций. Мы выбираем методологический аспект изучения терминологии, поскольку он позволяет рассматривать и объединять различные виды знания: научное, профессиональное и обыденное.

Бесспорно, проблема системности терминологии стала предметом обсуждения еще в 80-е гг. XX в. (В. М. Лейчик, Г. П. Мельников и др.). Тем не менее до настоящего времени остается нерешенной проблема терминологии в свете двух понятий: структуры и системы. Традиционно в терминоведении данные понятия противопоставлялись. Считалось, что терминология – это своеобразная неупорядоченность совокупности терминов, а терминосистема, наоборот, упорядоченное состояние терминологии [Реформатский 1994: 345]. В этом аспекте задача терминолога виделась в упорядочении стихийно сложившейся терминологии и доведении ее до такого уровня

осмысления, чтобы она могла называться терминосистемой [Мельников 1991: 15].

Идею о том, что термины являются не простым собранием слов, а находятся в отношениях семасиологических связей, т.е. проявляют системные свойства, выдвигали основатели терминоведения. Так, еще в 1936 г. А. Ф. Лесохин высказал предположение о том, что «научно-техническая терминология есть, очевидно, совокупность терминов, которые являются необходимыми и достаточными для четкой формулировки явлений и отношений (законов) между ними в той или другой области науки и техники» [Лесохин 1994: 170]. Э. К. Дрезен связывал понятие системности с назначением термина «воспроизводить в сознании человека возможно полнее представление о данном объекте (понятии) со всеми его свойствами и качествами» [Дрезен 1994: 105]. Г. О. Винокур полагал, что в терминологической системе отражаются связи и отношения входящих в нее слов. Чем более систематизированным является материал науки, тем важнее становится вопрос о ее терминологии [Винокур 1994: 222].

Таким образом, классики терминоведения считали, что термины связаны понятиями науки и отражают ее систему. В этом смысле исследование терминов в виде терминосистемы приобрело особую актуальность. В качестве существенных признаков терминосистемы исследователи называли наличие связи между отдельными терминами, цельность, полноту, а также сложность.

С учетом данных признаков определялся основной критерий дифференциации понятий структурности и системности, который связывался со степенью сознательности (стихийности) организации совокупности терминов. Терминосистема полагалась более высокой формой организации специальных единиц. Стихийно сложившуюся совокупность специальных единиц называли терминологией, а сознательно сконструированную терминологию определяли как терминосистему [Лейчик 2007: 106–107]. Более того, считалось, что терминосистема отражает не просто систему понятий, а систему понятий определенной теории [там же: 101].

В работах В. М. Лейчика понятие системности рассматривается с точки зрения трех принципов конструирования: формально-логического, лингвистического и гносеологического. Первый принцип способствует организации терминологии с позиций логических категорий рода-вида, части-целого, причины-следствия, простого-производного и др. Второй принцип предполагает рассмотрение собственных ресурсов языка как основы терминообразо-

вания. Третий принцип находится в стадии становления [там же: 130–133]. С. В. Гринев использует термин *терминология*, а не *терминосистема*. Он относит понятие системности к области функционирования терминов и связывает его с эвристической функцией термина, частью которой, по его мнению, является систематизирующая функция, заключающаяся в тенденции закрепления за терминами системы понятий определенной области знания [Гринев 1993: 221].

В конце XX в. проблема системности научного исследования становится центром методологических исследований. Особую важность понятие системности придавал Г. П. Щедровицкий. Традиционный взгляд на систему он считал ограниченным, поскольку усматривал в нем только одну сторону – формально-логическую. Системность, трактуемая с этих позиций, «не раскрывает и не может раскрыть ни содержания понятия, ни его объективной структуры сложного познавательного организма, ни его специфических функций в познавательной деятельности» [Щедровицкий 1995: 194].

В современном терминоведении, получившем статус когнитивной науки, понятие системы приобретает особый смысл. Это объясняется прогрессом науки, находящим отражение в терминологии. Поэтому, чтобы проследить закономерности репрезентации нового знания в терминах, нужен принципиально иной взгляд на проблему системности, учитывающий, с одной стороны, сложность объектов исследования и связей между ними, с другой – многогранность развития знания, отраженного в научных понятиях.

Однако дискуссии о системности терминологии конца XX в. оказались малопродуктивными, поскольку не нашли подтверждения в анализе практического материала. Трудность заключалась в том, что, теоретически основываясь на дифференциации понятий структуры и системы, исследователи не разработали конкретной методики, применимой к решению данной проблемы. На практике критерии структурности и системности терминологии оказались нечеткими. Поэтому данная проблема не была эмпирически подтверждена, поскольку не имела методических процедур обработки материала, помимо структурно-логического метода. Традиционное деление терминологии, соотносимой с конкретными объектами и явлениями, на структуру и систему не дало реального решения.

В свете современного понимания термина как сложной, многогранной единицы специального знания проблема системности терминологии должна получить комплексное рассмотрение. Основываясь на этом, признаки системности термина можно выявить при исследовании дея-

тельности человека в процессе создания нового знания. В структуре деятельности по изучению реальной действительности специальный язык выступает в роли средства, обеспечивающего репрезентацию результатов деятельности. Поэтому термины как основные компоненты языка описания деятельности оказываются элементами сложного процесса познания и языковой репрезентации. Соответственно и изучаться термин должен как элемент этой сложной структуры. В определенном смысле системность термина – это отражение системности познавательной деятельности.

В этом плане особую значимость приобретает высказывание Г. П. Щедровицкого о том, что для понимания языкового знака «нужно рассматривать его не в отнесении к объектам, а в отношении к деятельности, элементом которой он является и благодаря которой он получает смысл и значение» [Щедровицкий 1995: 542]. Мы видим, что Г. П. Щедровицкий рассуждает о новом виде существования знака, деятельностном или социальном. В отношении к термину данное суждение имеет следующий смысл. Традиционно терминологию понимали как совокупность отдельных изолированных знаков. С опорой на Г. П. Щедровицкого можно считать, что терминосистема – это определенным образом организованная совокупность отношений, отражающая человеческую социальную (научную) деятельность, обладающую органической целостностью. Это означает, что терминосистема рассматривается как отражение целостного феномена, принадлежащего естественно развивающейся области знания.

Таким образом, понятие системности приобретает методологическое значение. Первые попытки применения методологических категорий в исследовании системности терминологии принадлежат Г. П. Мельникову [Мельников 1991]. Он основывался на том, что любое исследование устойчивых свойств явления как органического целого предполагает изучение его внутренней характеристики, или «внутренней детерминанты» [там же: 20]. По его мнению, именно детерминанта определяет особенности единиц и уровней терминосистемы. Детерминантные, или системные, свойства явления проявляются только в случае ее соотносительности с надсистемой. В качестве надсистемы может выступать социальное знание. Только в такой связке проявляются наиболее устойчивые и специфические свойства системы, «а знание внутренней детерминанты системы позволяет объяснить, предсказать и взаимоувязать все специфические характеристики в системе» [Мельников 1991: 21].

В аспекте методологии наука понимается как знание, которое включает следующие блоки: 1) *факты* (единицы эмпирического материала); 2) *средства выражения* (ЯСЦ); 3) *методические предписания*, фиксирующие процедуры научного исследования; 4) *онтологические схемы*, изображающие идеальную действительность изучения; 5) *модели*, репрезентирующие частные объекты исследования; 6) *знания*, объединенные в *систему теории*; 7) *проблемы*; 8) *задачи* научного исследования [Щедровицкий 1995: 245–246]. Это то, что составляет содержание научного предмета науки и задает его системность. Между блоками существуют отношения и связи рефлексивного характера. Основываясь на этом, можно заключить, что терминология, будучи средством выражения научного знания, является одной из составных частей системы. Иными словами, терминология и система науки соотносятся как часть и целое.

Большой интерес представляет изучение терминологии новейших областей знания. Материалом нашего исследования послужили тексты, описывающие проблемы нанотехнологии. В ходе исследования терминологии этой области мы попытались сформировать свое представление о системности языковой репрезентации нового научного знания. Подчеркнем, что данную проблему мы связываем теснейшим образом с представлением о самой науке.

Как полагают исследователи нанотехнологии, эта наука есть принципиально новое, беспрецедентное, проникновение человека в мир материальных структур на основе прямого или косвенного научно-технологического изменения среды обитания человека. Термин «нанотехнология» был введен японским исследователем Норио Танигучи в 1974 г. У истоков данного научного направления стояли классики мировой науки – А. Эйнштейн, В. Гейзенберг, А. Л. Чижевский и др.

Под нанотехнологиями понимается совокупность процессов, позволяющих создавать материалы, устройства и системы с помощью мельчайших фрагментов структуры размером от 1 до 100 нанометров (нанометр (нм) – одна миллиардная метра). Такие инновации в науке связывают со способностью человека искусственно создавать нанообъекты. Отсюда основной задачей нанотехнологий является химический синтез нанопродуктов. Переход от «микро» к «нано» – это создание возможности манипуляции с отдельными атомами. На этом уровне законы макромира перестают «работать», ибо вступают в силу принципиально новые законы микромира. По международной классификации к наноструктурам относятся объекты, которые хотя бы в од-

ном измерении имеют размер не больше 100 нм [Мейдер 2011].

В ходе анализа, учитывая характер единиц эмпирического материала, мы задавались вопросами: обладает ли терминология нанонауки признаками системности и существуют ли какие-либо практические подтверждения системности терминологии?

Специфика знания, уровень решаемых проблем, а также содержание задач, решаемых нанонаукой, позволяют отметить ее основные черты: 1) специфику объектов научного исследования, заключающуюся в отсутствии возможности непосредственного наблюдения их в природе; 2) наличие особых процедур по созданию искусственным способом объектов исследования; 3) необходимость создания принципиально новых инструментов, предназначенных для изучения научных объектов.

Задачи лингвистического анализа состояли в следующем: 1) выявить общие стороны нанотерминологии как единиц репрезентации специального знания; 2) заместить выявленные характерные черты терминологии одним обобщенным абстрактным образом с целью очертить границы целого (обобщение предмета).

В результате анализа содержания основных понятий нанонауки было замечено, что в них выражена тенденция стирания грани между реальным и вымышленным мирами. Этот признак мы назвали *фантазийностью*. Приведем примеры терминоминаций, характеризующихся с помощью данного признака: *нанороботы, теория самовоспроизводящихся роботов, робот-чистильщик, нанофабрика, сверхрешетка, фотонная запрещенная зона, идея «умной пыли», «интеллектуальные» поверхности для самолетов и ракет*.

Особую роль в наших выводах сыграл анализ текстовых фрагментов. Рассмотрим фрагмент:

«На рисунке 10а изображен двуногий **шагающий наноробот**; он шагает за счет того, что по очереди то **присоединяет**, то **отсоединяет «ноги»** от «липких концов» к основанию, состоящему тоже из ДНК» [Разумовская 2008: 121].

Системный принцип фантазийности позволяет создать целостность (сюжетность) описания. Приведем еще несколько примеров сюжетности описания понятий:

«Одномерная (1D) магнитная **сверхрешетка** – чередование нанослоев ферромагнетика полупроводника – используется для считывания магнитной записи. Полупроводниковые **сверхрешетки** – это **система квантовых ям**, разделенных **барьерными слоями с туннельным** типом проводимо-

сти. **Фотонные кристаллы** – оптические **сверхрешетки**, в которых перемежаются области с разным коэффициентом преломления» [там же: 120].

«Для трехмерной оптической **сверхрешетки** условия максимума интерференции настолько усложняются, что для данной длины волны они могут **не выполняться ни для одного направления в пространстве**. В такой решетке **волны с некоторыми длинами волн распространяться вообще не могут**. Так появляется представление о «**фотонной запрещенной зоне**». Ситуация аналогична **запрещенной энергетической зоне** для электронов в зонной теории твердых тел. Понятие **запрещенной зоны** для электромагнитных волн (photonic band gap) ввел в 1987 г. Эли Яблонович. Он же создал в 1989 году первый **фотонный кристалл** для миллиметрового диапазона электромагнитных волн, который получил название ‘яблоновит’» [там же].

В содержании приведенных фрагментов текста проявляется признак фантазийности, т.е. соотнесенность с нереальными объектами.

Характер нанонауки талантливо предсказал В. Гейзенберг. Он писал: «В нашу эпоху люди проникают в отдаленные, непосредственно недоступные для наших чувств области природы, лишь косвенно, с помощью сложных технических устройств поддающиеся исследованию. В результате мы покидаем не только сферу непосредственно чувственного опыта, мы покидаем мир, в котором сформировался и для которого предназначен наш обыденный язык. Мы вынуждены поэтому изучать новый язык, во многих отношениях не похожий на естественный. Новый язык – это новый способ мышления» [Гейзенберг 1987: 224–225]. В. Гейзенберг указывает на одну из основных черт науки будущего – неподвластность непосредственному наблюдению.

Ненаблюдаемость объектов научного исследования послужила еще одним системным признаком терминологии – *визуальности*. Опираясь на ненаблюдаемые объектами, исследователи в этой области стремятся использовать термины, обладающие потенциальной возможностью наглядной представленности. Так, основные нанобъекты представлены терминами: *квантовая точка, нанотрубка, монокристалльный слой*. В нанотехнологиях можно менять *скрученность, «узоров», оперировать барьерными слоями*, решать проблему «серой слизи», можно помещать атомы - «гостей» внутрь фуллеренов, *сворачивать плоскую гексагональную сетку графита под разными углами*. Как мы видим, приведен-

ные термины обладают высшей степенью визуальности.

Системный признак визуальности присутствует в дефинициях многих терминов. Например: «Однослойная углеродная нанотрубка (ОСУНТ) представляет собой **цилиндр**, получаемый **сворачиванием** графенового **слоя** и **соединением его кромок без шва**», «**Очищенные однослойные** нанотрубки представляют собой **черный пушистый порошок**», «Как правило, ОСУНТ-продукты характеризуются также и значительным объемом мезопор, которые образуются вследствие **беспорядочной укладки** отдельных нанотрубок и тяжей (пучков) нанотрубок».

Визуальность присуща многим описаниям процессов и явлений. Приведем несколько примеров. Выделенные слова могут рассматриваться как термины, иллюстрирующие этот признак:

«За счет большого значения приложенного электрического напряжения зонд может **выдирать**» атомы из поверхности и **переносить** их в другое место. Таким образом, используя СТМ, можно **манипулировать** отдельными атомами и **видеть**» отдельные атомы. На рисунке 4 дана знаменитая фотография так называемого «**загона для скота**», или «квантового **коралла**». С помощью СТМ на чистую поверхность меди **высажены** по окружности с радиусом примерно 140 ангстрем 48 атомов железа, и после этого СТМ воспринимает не только их, но и электроны меди внутри окружности: «**волны**» на фотографии отражают состояние свободных электронов меди внутри «**загона**» [Разумовская 2008: 109].

«Многослойные углеродные нанотрубки могут быть похожи на **свиток** либо образовывать так называемую «**русскую матрешку**» (**вложенные друг в друга однослойные нанотрубки**). С увеличением числа **слоев** проявляются различные дефекты структуры, образуются изогнутые и спиралевидные, складывающиеся в сложные. Большой интерес для нанoeлектроники представляют разветвленные **Y- и T-образные углеродные нанотрубки**» [там же: 116]. «Идеальная однослойная нанотрубка – **цилиндр**, полученный при **свертывании плоской** гексагональной **сетки** графита **без швов**» [Титов 2009].

«Переходя к рассмотрению **крышечки** однослойной нанотрубки, отметим, что она представляет собой полусферический атомный **слой** с радиусом 0,68 нм с примерно постоянной величиной ф» [там же].

«В работе [47] описан процесс гидрирования графена. Метод сводится к пропус-

канию электрического тока через графен, находящийся в среде газообразного водорода. При этом атомы водорода **присоединяются поочередно** – один **сверху «листа»**, другой **снизу**, – немного **деформируя** плоскую **структуру** исходного графена. Этот новый материал получил название графан» [Разумов 2010: 20].

Приведенные примеры интересны в двух отношениях. Во-первых, они позволяют ощутить высокую степень визуальности описания. Во-вторых, визуальность способствует воплощению необходимого для автора специального смысла.

В статье предполагалось развить идею о том, что прогрессивное течение науки отражается в языке, специально приспособленном для этих целей. Как показал анализ терминологии нанонауки, данная область знания является интегрированным образованием. Терминология нанонауки принадлежит разным областям знания. Именно интеграционный характер этой науки обуславливает такую черту, как визуальность, способствующую пониманию и взаимодействию специалистов разных областей знания. Исследователи нанотехнологий ведут разговор на языке, системными признаками которого являются фантазийность и визуальность, демонстрирующие интеграцию различных видов знания – научного, профессионального и быденного.

Проведенный нами анализ показал, что нанотерминология изначально нацелена на ее адекватное восприятие и понимание. Мы наложили выявленные признаки на корпус практического материала и получили понятийную систему, репрезентированную в терминах. Отметим, что проведена работа только на первом уровне. Можно предположить, что существуют другие группы признаков, играющих важную роль в системообразовании.

Список литературы

Алексеева Л.М. Проблемы термина и терминообразования. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1998. 120 с.

Алексеева Л.М. Цельность текста в трактовке Л.Н. Мурзина и проблемы научного перевода // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып. 3(9). С. 128–132.

Алексеева Л.М., Мишланова С.Л. Медицинский дискурс: теоретические основы и принципы анализа. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2002. 200 с.

Винокур Г.О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // Татаринцев В.А. История отечественного терминоведения. Классики терминоведения: Очерк

и хрестоматия. М.: Моск. лицей, 1994. С. 218–284.

Гейзенберг В. Шаги за горизонт. М.: Прогресс, 1987. 368 с.

Гринев С.В. Введение в терминоведение. М.: Моск. лицей, 1993. 309 с.

Дрезен Э.К. Научно-технические термины и обозначения и их стандартизация // Татаринов В.А. История отечественного терминоведения. Классики терминоведения: Очерк и хрестоматия. М.: Моск. лицей, 1994. С. 104–165.

Естественный язык. Искусственные языки и информационные процессы в современном обществе. М.: Наука, 1988. 176 с.

Лейчик В.М. Место терминологии в системе современных наук (к постановке вопроса) // Татаринов В.А. История отечественного терминоведения. Направления и методы терминологических исследований: Очерк и хрестоматия. М.: Моск. лицей, 1995. Т. 2. С. 271–281.

Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. Изд. 3-е. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 256 с.

Лесохин А.Ф. Единицы измерений, научно-технические термины и обозначения // Татаринов В.А. История отечественного терминоведения. Классики терминоведения: Очерк и хрестоматия. М.: Моск. лицей, 1994. С. 166–189.

Мейдер В.А. Наука в XXI веке // Здравый смысл. 2011. № 3 (60). URL: <http://razumru.ru/humanism/journal/60/meider.htm> (дата обращения: 15.06.2014).

Мельников Г.П. Основы терминоведения. М.: Изд-во УДН, 1991. 116 с.

Налимов В.В. Вероятностная модель языка: О соотношении естественных и искусственных языков. Изд. 3-е. Томск-М.: Водолей Publishers, 2003. 368 с.

Реформатский А.А. О некоторых вопросах терминологии // Татаринов В.А. История отечественного терминоведения. Классики терминоведения: Очерк и хрестоматия. М.: Моск. лицей, 1994. С. 341–358.

Татаринов В.А. Теория терминоведения в 3 т. Т.1: Теория термина: история и современное состояние. М.: Моск. лицей, 1996. 331 с.

Флоренский П.А. Термин // Татаринов В.А. История отечественного терминоведения. Классики терминоведения: Очерк и хрестоматия. М.: Моск. лицей, 1994. С. 359–400.

Щедровицкий Г.П. Избранные труды. М.: Шк. Культ. Полит., 1995. 800 с.

Alexeeva L.M. What is a term? // Russian Terminology Science (1992–2002). Vienna: TermNet Publisher, 2004. P. 62–78.

Список источников

Разумов В.Ф. Графен – новый прорыв в области нанотехнологий // Российские нанотехнологии. 2010. Т. 5, № 11–12. С.17–22.

Разумовская И.В. Нанотехнология – основа третьей научно-технической революции // Вестник Рязан. гос. ун-та им. С.А. Есенина. 2008. Вып. 3(20). С. 102–123.

Тумов В.А. О замене объемного острейшего металлического зонда сканирующего туннельного микроскопа на проводящую нанотрубку // Вестник Волгоград. гос. ун-та. Сер. 1: Математика. Физика. 2009. Вып. 12. Научная библиотека КиберЛенинка. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/o-zamene-obemnogo-ostriynogo-metallichesкого-zonda-skaniruyuschego-tunnelnogo-mikroskopa-na-provodyaschuyu-nanotrubku#ixzz35LgIWBe8> (дата обращения: 21.06.2014).

References

Alexeeva L.M. Problemy termina i terminoobrazovaniya [Problems of term and term formation]. Perm: Perm State University Publ., 1998. 120 p.

Alexeeva L.M. Tsel'nost' v traktovke L.N. Murzina i problemy nauchnogo perevoda [The integrity of text regarded by L.N. Murzin and issues of scientific translation]. Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology]. 2010. Iss. 3(9). P. 128–132.

Alexeeva L.M., Mishlanova S.L. Meditsinskij dikurs: teoreticheskie osnovy i printsipy analiza [Medical discourse: theoretical foundation and principles of analysis]. Perm: Perm State University Publ., 2002. 200 p.

Alexeeva L.M. What is a term? // Russian Terminology Science (1992–2002). Vienna, TermNet Publisher, 2004. С.62–78.

Drezhen E.K. Nauchno-tehnicheskie terminy i oboznachenija i ikh standartizatsija [Scientific and technical terms and denotations and their standardization].

Tatarinov V.A. Istorija otechestvennogo terminovedenija. Klassiki terminovedenija: Oчерk i khrestomatija [History of Russian terminology science. Classics of terminology studies: Essay and reader]. М.: Моск. Litsej Publ., 1994. P. 104–165.

Florenskij P.A. Termin [Term]. Tatarinov V.A. Istorija otechestvennogo terminovedenija. Klassiki terminovedenija: Oчерk i khrestomatija [History of Russian terminology science. Classics of terminology studies: Essay and reader]. М.: Моск. Litsej Publ., 1994. P. 359–400.

Geizenberg V. Shagi za gorizont [Steps beyond the horizon]. М.: Progress Publ., 1987. 368 p.

Grinev S.V. Vvedenie v terminovedenie [Introduction into terminology science]. M.: Mosk. Litsej Publ., 1993. 309 p.

Jeststvennyj jazyk. Iskusstvennye jazyki i informatsionnye protsessy v sovremennom obshchestve [Natural language. Artificial languages and informational processes in modern society]. M.: Nauka Publ., 1988. 176 p.

Leitchik V.M. Mesto terminologii v sisteme sovremennykh nauk (k postanovke voprosa) [The place of terminology in the system of modern sciences (stating the question)]. Tatarinov V.A. Istorija otechestvennogo terminovedenija. Napravlenija i metody terminologicheskikh issledovanij: Oчерk i khrestomatija [History of Russian terminology science. Trends and methods of terminological research: Essay and reader]. M.: Mosk. Litsej Publ., 1995. Vol. 2. P. 271–281.

Leitchik V.M. Terminovedenie: predmet, metody, struktura [Terminology science: subject, methods, structure]. M.: LKI Publ., 2007. 256 p.

Lesokhin A.F. Jedinitsy izmerenij, nauchno-tehnicheskie terminy i ikh oboznachenija [Units of measurement, scientific and technological terms and their designation]. Tatarinov V.A. Istorija otechestvennogo terminovedenija. Klassiki terminovedenija: Oчерk i khrestomatija [History of Russian terminology science. Classics of terminology studies: Essay and reader]. M.: Mosk. Litsej Publ., 1994. P. 166–189.

Meider V.A. Nauka v XXI veke [Science in the XXIst century]. Zdravyj smysl [Common sense]. 2011. № 3 (60). Available at: <http://razumru.ru/humanism/journal/60/meider.htm>.

Mel'nikov G.P. Osnovy terminovedenija [Fundamentals of terminology science]. UDN Publ., M., 1991. 116 p.

Nalimov V.V. Verojatnostnaja model' jazyka: o sootnoshenii jeststvennykh i iskusstvennykh jazykov [A probabilistic model of language: about the correlation of natural and artificial languages]. Tomsk-M.: Vodolej Publishers, 2003. 368 p.

Reformatskij A.A. O nekotorykh voprosakh terminologii [On some questions of terminology]. Tatarinov V.A. Istorija otechestvennogo terminovedenija. Klassiki terminovedenija: Oчерk i khrestomatija [History of Russian terminology science. Classics of

terminology studies: Essay and reader]. M.: Mosk. Litsej Publ., 1994. P. 341–358.

Shhedrovitskij G.P. Izbrannye trudy [Selected works]. M.: Shk. Kul't. Polit. Publ., 1995. 800 p.

Tatarinov V.A. Teorija terminovedenija v 3 t. T.1. Teorija termina: istorija i sovremennoe sostojanie [Theory of terminology in 3 vols. Vol.1 Theory of the term: history and modern state]. M.: Mosk. Litsej Publ., 1996. 331 p.

Vinokur G.O. O nekotorykh javlenijakh slovoobrazovanija v russkoj tekhnicheskoi terminologii [On several cases of word formation in Russian technical terminology]. Tatarinov V.A. Istorija otechestvennogo terminovedenija. Klassiki terminovedenija: Oчерk i khrestomatija [History of Russian terminology science. Classics of terminology studies: Essay and reader]. M.: Mosk. Litsej Publ., 1994. P. 218–284.

Sources

Razumov V.F. Grafen – novyj proryv v oblasti nanotekhnologii [Grafen – new breakthrough in the sphere of nanotechnologies]. Rossijskie nanotekhnologii [Russian nanotechnologies]. 2010. Vol. 5. № 11-12. P. 17–22.

Razumovskaja I.V. Nanotekhnologija – osnova tret'ej nauchno-tehnicheskoi revolutsii [Nanotechnology – the basement of the third scientific and technical revolution]. Vestnik Rjazanskogo universiteta im. S.A.Jesenina [Bulletin of Ryazan State University named after S.A.Yesenin]. 2008. Iss. 3(20). P. 102–123.

Titov V.A. O zamene ob'jemnogo ostrijnogo metallicheskogo zonda skanirujushhego tunnel'nogo mikroskopa na provodjashhiju nanotrubku [On the substitution of the volume pointed metallic probe of a scanning tunnel microscope for a conducting nanopipe]. Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 1: Matematika. Fizika [Science Journal of Volgograd State University. Mathematics. Physics]. 2009. Iss. 12. Available at: Nauchnaja biblioteka KiberLeninka [Scientific library KiberLeninka]: <http://cyberleninka.ru/article/n/o-zamene-obemnogo-ostrijnogo-metallicheskogo-zonda-skaniruyuschego-tunnelnogo-mikroskopa-na-provodyaschuyu-nanotrubku#ixzz35LgIWBe8>.

SYSTEMIC FEATURES OF TERMINOLOGY

Larisa M. Alekseeva

Head of the Department of English Philology
Perm State University

Dariya V. Vasilenko

Lecturer in the Department of English Language and Intercultural Communication
Perm State University

The article is devoted to one of the unsolved issues of terminology science, that is, systemic features of terms. The interest to this issue is motivated by the fact that this terms quality is associated with the arrangement of scientific knowledge. For this reason, research on systemic features of terminology is one of the ways of studying human thinking. Traditionally this issue was regarded referring to the terminology structure. The main criterion was the level of terminology arrangement. The concept of structure was associated with the lowest level of terms arrangement, while the system was regarded in connection with the highest level. Traditional views on systemic features of terminology turned out to be fruitless, since they were not verified by empirical analysis. In our research, we are aimed at developing the concept of systemic features by considering terminology within the methodological and cognitive aspects. The methodological aspect provides to research terminology referring not to objects, but to human activity as a medium for a term. Cognitive characteristics of a term are based on the natural development of a certain branch of knowledge. The data for the analysis was compiled by means of texts devoted to nanotechnology. The tasks for the empirical analysis were intended to discover general features of nano-terminology as the units of representation of special knowledge. The innovational character of nanoscience, connected with the man's ability to create artificial nano-objects, is reflected in terminology. In the article, we discuss the main systemic features of nano-terminology, such as fantasticism and iconism.

Key words: term; terminology; system of terms; activity; scientific knowledge; systemic features.

УДК 81'342, 81'23

СИНТАГМА И СЕГМЕНТАЦИЯ УСТНОЙ СПОНТАННОЙ РЕЧИ¹

Ольга Васильевна Раева

инженер Службы сопровождения образовательных программ по направлениям востоковедение, журналистика, искусства и филология

Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9. olgaspace@rambler.ru

Елена Игоревна Риехакайнен

к. филол. н., старший преподаватель кафедры общего языкознания

Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 11 e.riehakajnen@spbu.ru

В статье представлен аналитический обзор русскоязычных работ, посвященных понятию «синтагма», а также зарубежных исследований, в которых речевые фрагменты рассматриваются с точки зрения их семантического и интонационного единства. Встречающиеся в русскоязычной литературе определения термина «синтагма» носят абстрактный характер, отсутствуют универсальные критерии выделения синтагмы в речи; в устной неподготовленной речи смысловые единства могут не совпадать с единствами интонационными, что противоречит сути понятия «синтагма». Проведенный анализ указывает на невозможность использования данного термина при описании процесса распознавания естественной звучащей речи, поскольку синтагма в ее традиционном понимании не может быть названа единицей речевой сегментации. Для описания наблюдаемого в спонтанной речи несоответствия объема единиц программирования и единиц акустической реализации наиболее удачным на данный момент представляется оперирование терминами «элементарная дискурсивная единица» и «межпаузальный интервал».

Ключевые слова: синтагма; интонационное единство; минимальная дискурсивная единица; спонтанная речь; восприятие речи.

В ходе исследования алгоритмов восприятия устной неподготовленной речи неизбежными оказываются вопросы о том, какими порциями (единицами) говорящий программирует речевые фрагменты, какими порциями они реализуются, а также о том, с речевыми единицами какого объема работает слушающий.

До недавнего времени такой единицей считалась **синтагма**.

В работе Ф. де Соссюра синтагмой называется сочетание слов, которые, «соединяясь друг с другом, вступают между собою в отношения, основанные на линейном характере языка, исключая возможность произнесения двух элементов одновременно» [Соссюр 1999 (1916): 123]. Данное определение очевидным образом не предполагает никаких ограничений на количе-

ство вступающих в такие отношения слов; синтагма может быть сколь угодно длинной, и, соответственно, одна синтагма может содержать несколько (теоретически – неограниченное количество) тех самых единиц порождения высказывания.

С точки зрения А. А. Реформатского, синтагма представляет собой «сочетание двух членов, связанных тем или иным отношением с неравноправной направленностью членов, где один член является определяемым, а другой – определяющим» [Реформатский 1996 (1967): 173]. Членами таких сочетаний могут выступать не только слова и «словосочетания, выступающие как один член» (например, *белый хлеб* или *работает сунтя рукава*), но и морфемы, а также их комбинации (например, *водо-воз*, *дом-ик*) [там же]. В

этом случае, с одной стороны, одним термином («синтагма») называются элементы (явления), не сопоставимые грамматически и семантически, а с другой – одна единица порождения речевого высказывания может содержать несколько подобных синтагм.

Отметим, что оба упомянутых выше определения, по нашему убеждению, являются следствием анализа письменных текстов, структуры их единиц и отношений между ними, однако едва ли соотносимы с описанием процессов порождения и восприятия устной речи.

Применительно к последней, точнее, к процессу ее порождения, термин «синтагма» впервые использовал Л. В. Щерба в работе «Фонетика французского языка» [Щерба 1953 (1937)]. Автор знакомит читателей с таким явлением французской речи, как ритмическая группа – последовательность слов, объединенных единым ударением, которое «ставится на последнем слоге последнего слова» [там же: 83]; такая группа, по мнению автора, выражает «в процессе речи единое смысловое целое» [там же]. Однако в некоторых случаях (например, при инверсии неодносложного определяющего и определяемого слов) смысловое единство, представленное несколькими ритмическими группами, может нарушаться. Тогда ритмические группы объединяются за счет «легкого усиления последнего ритмического ударения» и «выразительной интонации» [там же: 86]. Далее Л. В. Щерба пишет: «...это фонетическое единство, выражающее единое смысловое целое в процессе речи-мысли и могущее состоять как из одной ритмической группы, так и из целого ряда их, я называю **синтагмой**» [там же]. Согласно всему сказанному выше синтагма представляет собой набор ритмических групп с модифицированным ударением на каждой непоследней группе. Л. В. Щерба указывает и на то, что в разговорной речи несколько ритмических групп, «выражающих единое смысловое целое», могут объединяться в одну, сохраняя ударение на гласном последнего слова конечной группы [там же: 86–87]. Следовательно, «щербовская» синтагма может состоять из нескольких ритмических групп только в условиях отчетливого речепорождения; в ситуации же спонтанного говорения границы между ритмическими группами внутри синтагмы стираются и последняя становится эквивалентна одной ритмической группе, выражающей единое смысловое целое, с ударением на конечном слоге последнего слова. Таким образом, в рамках описания естественной неподготовленной речи понятие «синтагма», дублирующее понятие «ритмическая группа», в качестве термина становится излишним.

Несмотря на это, данный термин активно используется авторами отечественных работ, применяющими его при изучении «интонационно-смысловых единств» [Буланин 1970: 169]. Однако необходимо сразу отметить, что большинство исследований, в которых встречается термин «синтагма», было проведено на материале прочитанных вслух текстов (например: [Светозарова 1982] и др.). Это значит, что порождение речи говорящим в данном случае ограничивалось перекодированием буквенного описания в последовательность артикуляторных команд и порождением акустического сигнала. Смысловое и синтаксическое единство задавалось читаемым текстом, а не высшими уровнями когнитивной системы носителя языка, которые с необходимостью включаются в процесс речепорождения в ситуации естественного речевого общения.

Более того, неопределенными оказываются сами принципы выделения синтагм. Л. Л. Буланин называет синтагмой «интонационно-смыслов[ое] единств[о], возникающ[ее] в процессе речи и являющ[ееся] составн[ой] част[ью] фраз или отдельн[ой] фраз[ой]» [Буланин 1970: 169]. Термин «фраза» автором не разъясняется; из текста становится понятным лишь то, что эта единица по своей структуре оказывается сложнее синтагмы, т.е. иерархически находится выше, что вполне соответствует определению, данному Л. В. Щербой: фраза – «законченное целое, которое может состоять из группы синтагм, но может состоять и из одной синтагмы, и которое нормально характеризуется конечным понижением тона» [Щерба 1953 (1937): 87].

Л. Л. Буланин отмечает, что «отрезки», на которые делится речевой поток, – «это осмысленное сочетание слов», образующих «определенные синтаксические конструкции: группу подлежащего, группу сказуемого», «границы между такими отрезками обозначаются паузами» [Буланин 1970: 169]. Таким образом, синтагма в указанной работе представлена в качестве межпаузального интервала, однако необходимо учесть авторское примечание о том, что «за основу взято не естественное свободное говорение, а чтение написанного текста или отдельных фраз» [там же: 171]. Несмотря на то что Л. Л. Буланин понимает разницу между живой разговорной речью и прочитанной, представленные им результаты анализа последней не могут использоваться при описании особенностей спонтанного речевого потока без дополнительного исследования.

В работе М. В. Гординой синтагма определяется как «минималн[ая], основн[ая] интонационн[ая] единиц[а], т.е. так[ая] часть предложения (или шире – потока речи), которая содержит ос-

новые интонационные характеристики» [Гордина 1973: 159]. Далее следует дополнение: «синтагма – это цепочка слов, связанная единым интонационным рисунком» [там же: 159]. Под интонационными характеристиками, значимыми с лингвистической точки зрения, автором подразумеваются следующие суперсегментные признаки: изменение высоты основного тона, т.е. мелодика (или интонационный/мелодический рисунок), темп, паузы. С помощью мелодического рисунка, по мнению М. В. Гординой, выражается фонетическое единство синтагмы; показателем смены одного мелодического рисунка другим названы «своеобразные мелодические изменения» [там же], суть которых в работе не раскрывается. Роль темповых особенностей в процессе сегментации речевого потока описана кратко: «конец ее (синтагмы. – О. Р., Е. Р.) характеризуется некоторым замедлением (т.е. увеличением длительности звуков)» [там же]. Паузы, как отмечает автор, возможны между двумя синтагмами, однако они нередко отсутствуют в месте синтагматической границы и, таким образом, не являются ее «основным показателем» [там же: 159].

М. В. Гордина указывает на то, что принципы сегментации речи «лежат за пределами фонетики» и основываются на смысловых отношениях [там же: 160]. С точки зрения автора, членение речевого потока осуществляется говорящим согласно тем смысловым нюансам, которые субъекту речи необходимо выразить в своем высказывании. Тем не менее в работе не указывается, каким образом говорящий маркирует осуществленное им смысловое членение, которое должно быть выявлено и распознано слушающим на этапе восприятия того или иного речевого фрагмента.

В целом, в отечественной лингвистической литературе с точки зрения формы синтагма описывается достаточно расплывчатыми терминами: «интонационно оформленный отрезок речи» [Буланин 1970: 171], отрезок речи, имеющий «специфическое интонационное оформление» [Бондарко 1977: 161] и т.п. Такие определения не помогают прояснению вопроса о том, где завершается синтагма, что было бы важно для слушающего, если при восприятии речи он работает с единицами именно такого «размера».

Отметим, что и в работе Л. В. Щербы указывается на то, что «после синтагмы пауза и вдох возможны, но вовсе не обязательны» [Щерба 1953 (1937): 86]. Если предположить, что слушающий оперирует при восприятии теми же фрагментами речи, что и говорящий в процессе программирования своего высказывания (т.е. единицами, выражающими единое смысловое

целое), то синтагмы, следующие друг за другом, должны каким-то образом разграничиваться субъектом речевосприятия. Пауза и вдох не всегда могут выступать маркерами конца одной и начала следующей синтагмы, так как их может и не быть. Во французской разговорной речи конец синтагмы, вероятно, определяется с помощью ритмического ударения, указывающего на то, что после ударного слога будет проходить синтагматическая граница. Но это предположение справедливо только для французского языка. Применительно к русскому языку во многих исследованиях [Ударение... 1973: 61–62; Бондарко 1977: 160–161; Бондаренко 1978: 43–44; Касевич и др. 1990: 102–107; Вольская, Степанова 2005: 19–20 и др.] речь ведется о синтагматическом ударении, реализующемся на ударном гласном последнего слова, которое и является конечным элементом синтагмы. Однако есть данные, что синтагматическое ударение не всегда приходится на последнее слово [Качковская 2015: 55], что не позволяет придать этому признаку статус пограничного маркера. К тому же синтагматическое ударение реализуется на ударном слоге (гласном), и, следовательно, оно может указывать на последний ударный слог в синтагме, но не может быть маркером ее конца.

Показателем границы некоторые исследователи называют также резкое «изменение линии деклинации», отмечая, что «о начале нового речевого отрезка свидетельствуют различия в тональном уровне первого ударного слога в сопоставляемых синтагмах» [Вольская и др. 2005: 23]. Авторы не комментируют данное утверждение, оставляя неясным, начальный ударный слог какой синтагмы – первой, второй или обеих – имеется в виду, а также то, с чем этот слог необходимо сравнивать для выявления «различия в тональном уровне». Кроме того, авторы указанной статьи, обращаясь к термину «синтагма», отмечают: «Для нас синтагма – это минимальная, основная интонационная единица» – и далее в качестве дополнения к определению цитируют работы [Гордина 1973: 159; Ударение... 1973: 61–62]. Однако в первоисточниках приведенные фрагменты представлены в следующих контекстах:

«с внешней формально-фонетической стороны (выделение наше. – О. Р., Е. Р.) синтагма – это цепочка слов, связанная единым интонационным рисунком; членение потока речи на синтагмы достигается, с одной стороны, интонационным объединением внутри синтагмы, с другой – особым интонационным оформлением границы синтагмы», а также

«синтагма с фонетической точки зрения (выделение наше. – О. Р., Е. Р.) может быть

определена как отрезок потока речи, заключенный между двумя паузами и характеризующийся усилением ударения на ударном слоге наиболее важного по смыслу слова (т.е. синтагматическим ударением) и объединяющей мелодикой» [Ударение... 1973: 61–62].

С одной стороны, из этого следует, что в работе [Вольская и др. 2005] синтагма рассматривается только как формальная единица, являющаяся результатом сегментации потока речи с опорой на акустические параметры речевого сигнала без обращения к семантическому аспекту. Однако сугубо формальный (фонетический) подход к членению речи является необоснованным и, с точки зрения слушающего, бессмысленным; кроме того, игнорирование смыслового компонента противоречит позиции Л. В. Щербы, в работах которого значимость «единого смыслового целого» [Щерба 1953 (1937): 83; см. также: Гордина 1973; Бондарко 1977 и др.] очевидна.

С другой стороны, обращение к определению, представленному в [Ударение... 1973: 61–62], указывает на то, что Н. Б. Вольская и С. Б. Степанова понимают синтагму как межпаузальный интервал, однако в рамках своего исследования делают попытку найти синтагматическую границу там, где паузы нет: «отсутствие паузы не мешает членить отрезок звучащей речи на фразы, а фразы – на синтагмы» [Вольская, Степанова 2005: 18]. В качестве примера авторы приводят следующий речевой фрагмент:

(1) «77 Да. / У меня были куча разных животных в детстве // 78 У меня были хомяки / (пауза 198мс) потом у меня был кролик / (пауза 570мс) собака / черепахи. /²» [Вольская, Степанова 2005: 18].

В целом, рассмотренные исследования подтверждают отсутствие четко сформулированного определения термина «синтагма», что исключает единство в толковании данного явления. Неочевидными применительно к русской спонтанной речи оказываются также критерии проведения границ и объем синтагмы. В связи с этим синтагму нельзя считать единицей речеобразования.

Необходимо обратить внимание на терминологическое многообразие, которое наблюдается в зарубежной литературе: исследователи используют различные термины для обозначения речевых фрагментов, которые характеризуются семантико-интонационным единством.

Основная интонационная единица, объединяющая слова и подобные им элементы речи, в [Levelt 1989] названа **интонационной фразой**. Эта единица считается первичной при анализе значения, и именно на ней реализуется выбранный говорящим мелодический контур

[Pierrehumbert, Hirschberg 1990: 271]. У. Чейф также обращается к интонационной единице, интерпретируя ее как «выражение информации в активном сознании» («the expression of information in active consciousness») [Chafe 1994: 6]. Х. Кларк и Дж. Три, в свою очередь, определяют такую единицу как отрезок речи, объединенный общим интонационным контуром [Clark, Tree 2002: 93].

М. Сэлтинг в [Selting 1996, Selting 2000] рассматривает смену реплик в диалоге или полилоге и предпринимает попытку объяснить, каким образом слушающий определяет, что реплика говорящего завершена, для того, чтобы начать свое высказывание. С этой целью в его работах анализируются **минимальные составляющие реплики**, т.е. единицы, образованные с помощью синтаксических и просодических средств в рамках семантического и прагматического контекста [Selting 2000: 477].

В [Degand, Simon 2005] на материале французского языка выделяется два вида единиц в рамках дискурса: понятийные, соответствующие понятийному содержанию дискурса, индивидуализированному в форме идей, и стратегические, зависящие от ситуации дискурса и конструирующие шаги, с помощью которых планируются «идеи», выражаемые говорящим/пишущим. Эти идеи реализованы в форме интонационных или пунктуационных единиц и названы **минимальными дискурсивными единицами**.

В более раннем исследовании [Carlson et al. 2001] для описания элементарного речевого фрагмента, который может быть выделен в рамках речевого взаимодействия, используется термин «**элементарная дискурсивная единица**».

Именно этот термин (возможно, стремясь избежать описанной выше неопределенности термина «синтагма») используют авторы русскоязычной работы [Рассказы... 2009], в которой представлен анализ записей спонтанных устных монологов. Выделение таких единиц опирается в том числе и на четкие смысловые критерии (ЭДЕ описывает одно событие или состояние и синтаксически представлено одной предикацией, или клаузой) [там же: 57]. При этом авторы указывают на несистемное членение паузами того речевого материала, на котором проводилось исследование: «во-первых, ЭДЕ нередко следуют друг за другом без паузы, а во-вторых, паузы встречаются и внутри ЭДЕ» [там же: 59]. Таким образом, если считать единицами программирования клаузы, соответствующие по содержанию одному событию или состоянию и, значит, характеризующиеся смысловой завершенностью, то определение границ таких семантико-синтаксических единиц оказывается невозмож-

ным с опорой лишь на особенности их акустической реализации. Межпаузальный интервал может соответствовать одной клаузе, быть ее частью или объединять несколько клауз, что указывает на несовпадение объема единиц программирования и единиц акустической реализации [Рассказы... 2009: 66].

Допуская тот факт, что субъект речевосприятия также оперирует минимальными смысловыми единствами, отметим, что в случае членения паузами семантико-синтаксического целого слушающему необходимо восстановить нарушенную целостность. В связи с этим целесообразным может оказаться гипотетическое высказывание Л. П. Бондаренко, согласно которому пауза внутри смыслового единства не должна нарушать мелодическую кривую [Бондаренко 1978: 48]. Однако данное предположение нуждается в проверке, для его подтверждения или опровержения требуются результаты специально проведенного исследования.

Подводя итоги, необходимо отметить, что термин «синтагма» описывает явление, для которого характерна семантико-интонационная целостность и которое, возможно, свойственно прочитанным вслух текстам. Однако в связи с тем, что последние могут отличаться по своей структуре от спонтанного монолога [Светозарова 1982: 98, 103–106], понятие «синтагма» не отражает специфики интонационного оформления смысловых единств, реализуемых в устной неподготовленной речи, и, соответственно, синтагма не может быть названа единицей речевой сегментации.

Примечания

¹ Исследование выполнено в рамках проекта «Исследование роли мелодических контуров в сохранении целостности "расчлененных" дискурсивных единиц спонтанной речи», поддержанного грантом РФФИ №13-06-00374.

² Фразовые границы отмечены символом «//», синтагматические – символом «/».

Список литературы

Бондаренко Л. П. Членение спонтанной речи паузами колебания и его соотношенность с синтагматическим членением (экспериментально-фонетическое исследование на материале американского варианта английского языка): дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1978. 217 с.

Бондарко Л. В. Звуковой строй современного русского языка: учеб. пособие для студ. пед. интов по специальности «Рус. яз. и литература». М.: Просвещение, 1977. 175 с.

Буланин Л. Л. Фонетика современного русского языка. М.: Высш. шк., 1970. 206 с.

Вольская Н. Б., Степанова С. Б. О некоторых проблемах синтагматического членения спонтанного текста // XXXIV Международная филологическая конференция. СПб., 2005. Вып. 10. С. 16–24.

Гордина М. В. Фонетика французского языка. Л.: Изд-во ЛГУ, 1973. 208 с.

Касевич В. Б., Шабельникова Е. М., Рыбин В. В. Ударение и тон в языке и речевой деятельности. Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. 246 с.

Качковская Т. В. Взаимодействие сегментных и просодических факторов, влияющих на степень и локализацию предпаузального удлинения в русском языке: дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2015. 175 с.

Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса / под ред. А. А. Кибрика и В. И. Подлеской. М.: Языки славянских культур, 2009. 736 с.

Реформатский А. А. Введение в языковедение / под ред. В. А. Виноградова. М.: Аспект Пресс, 1996 (1967). 536 с.

Светозарова Н. Д. Интонационная система русского языка. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. 176 с.

Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики / пер. с фр. А. М. Сухотина; под ред. Ш. Балли и А. Сеше. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999 (1916). 285 с.

Ударение и интонация в немецком языке: пособие для студентов педагогических институтов / под ред. М. Г. Кравченко и др. Л.: Просвещение, 1973. 288 с.

Щерба Л. В. Фонетика французского языка. Очерк французского произношения в сравнении с русским: пособие для студентов факультетов иностранных языков. М.: Изд-во лит. на иностр. языках, 1953 (1937). 257 с.

Carlson L., Marcu D., Okurowski M. E. Building a discourse-tagged corpus in the framework of rhetorical structure theory // Current directions in discourse and dialogue / ed. by J. van Kuppevelt, R. Smith. New York: Kluwer Academic Publishers, 2001. P. 85–112.

Chafe W. L. Discourse, consciousness, and time: the flow and displacement of conscious experience in speaking and writing. Chicago: The University of Chicago Press, 1994. 340 p.

Clark H. H., Tree J. E. F. Using *uh* and *um* in spontaneous speaking // Cognition. 2002. Vol. 84. P. 75–111.

Degand L., Simon A. C. Minimal discourse units: Can we define them, and why should we? // Proceedings of SEM-05. Connectors, Discourse Framing and Discourse Structure: From Corpus-Based and Experimental Analyses to Discourse Theories / ed. by M. Aurnague et al. Biarritz, 2005. P. 65–74. URL: <https://www.uclouvain.be/cps/ucl/doc/valibel/>

documents/degand_simon_sem05_final.pdf (дата обращения: 01.06.2015).

Levelt W. J. M. Speaking: from intention to articulation. Cambridge: The MIT Press, 1989. 566 p.

Pierrehumbert J. B., Hirschberg J. The meaning of intonation contours in the interpretation of discourse // Intentions in Communication / ed. by P. R. Cohen, J. Morgan, M. E. Pollak. Cambridge: The MIT Press, 1990. P. 271–311.

Selting M. On the interplay of syntax and prosody in the constitution of turn-constructive units and turns in conversation // Pragmatics. 1996. Vol. 6.3. P. 357–388.

Selting M. The construction of units in conversational talk // Language in Society. 2000. Vol. 29. P. 477–517.

References

Bondarenko L. P. Chlenenie spontannoj rechi pazuzami kolebanija i jego sootnesjonnost' s sintagmatischeskim chlenenijem (eksperimental'no-foneticheskoe issledovanie na materiale amerikanskogo varianta anglijskogo jazyka). Diss. kand. fil. nauk [Segmentation of spontaneous speech by hesitation pauses and its connection to syntagmatic segmentation (an experimental phonetic research on American English). Cand. philol. sci. diss.]. Leningrad, 1978. 217 p.

Bondarko L. V. Zvukovoj stroj sovremennogo russkogo jazyka: uchebnoe posobie dlja studentov ped. institutov po spetsial'nost'i "Rus. jaz. i literatura" [The sound system of modern Russian: a textbook for students of pedagogical higher educational institutions specialized in the Russian language and literature]. Moscow: Prosveshhenie, 1977. 175 p.

Bulanin L. L. Fonetika sovremennogo russkogo jazyka [Phonetics of modern Russian]. Moscow: Vysshaja shkola, 1970. 206 p.

Carlson L., Marcu D., Okurowski M. E. Building a discourse-tagged corpus in the framework of rhetorical structure theory // Current directions in discourse and dialogue. Ed. by J. van Kuppevelt, R. Smith. New York: Kluwer Academic Publishers, 2001. P. 85–112.

Chafe W. L. Discourse, consciousness, and time: the flow and displacement of conscious experience in speaking and writing. Chicago: The University of Chicago Press, 1994. 340 p.

Clark H. H., Tree J. E. F. Using *uh* and *um* in spontaneous speaking. Cognition. 2002. Vol. 84. P. 75–111.

Degand L., Simon A. C. Minimal discourse units: Can we define them, and why should we? // Proceedings of SEM-05. Connectors, Discourse Framing and Discourse Structure: From Corpus-Based and Experimental Analyses to Discourse Theories. Ed. by M. Aurnague et al. Biarritz, 2005. P. 65–74.

Available at: https://www.uclouvain.be/cps/ucl/doc/valibel/documents/degand_simon_sem05_final.pdf (accessed 01.06.2015).

Gordina M. V. Fonetika frantsuzskogo jazyka [Phonetics of French]. Leningrad: Leningrad State University Publ., 1973. 208 p.

Kachkovskaja T. V. Vzaimodejstvie segmentnykh i prosodicheskikh faktorov, vlijajushhikh na stepen' i lokalizatsiju predpauzal'nogo udlinenija v russkom jazyke. Diss. kand. fil. nauk [Interaction of segment and prosodic factors influencing the extent and localization of phrase-final lengthening in Russian. Cand. philol. sci. diss.]. St. Petersburg, 2015. 175 p.

Kasevich V. B., Shabel'nikova E. M., Rybin V. V. Udarenie i ton v jazyke i rechevoj dejatel'nosti [Stress and tone in language and speech]. Leningrad: Leningrad State University Publ., 1990. 246 p.

Levelt W. J. M. Speaking: from intention to articulation. Cambridge: The MIT Press, 1989. 566 p.

Pierrehumbert J. B., Hirschberg J. The meaning of intonation contours in the interpretation of discourse. In: Intentions in Communication. Ed. by P. R. Cohen, J. Morgan, M. E. Pollak. Cambridge: The MIT Press, 1990. P. 271–311.

Rasskazy o snovidenijakh: Korpusnoe issledovanie ustnogo russkogo diskursa [Stories about dreams: corpus study of oral Russian discourse] / ed. by A. A. Kibrik, V. I. Podlesskaja. Moscow: Jazyki slavjanskikh kul'tur Publ., 2009. 736 p.

Reformatskij A. A. Vvedenie v jazykovedenie [Introduction to linguistics] / ed. by V. A. Vinogradov. Moscow: Aspekt Press Publ., 1996 (1967). 536 p.

Saussure F. de Kurs obshhej lingvistiki [Course in general linguistics] / transl. by A. M. Sukhotin; ed. by Ch. Bally, A. Seshe. Ekaterinburg: Ural University Publ., 1999 (1916). 285 p.

Shherba L. V. Fonetika frantsuzskogo jazyka. Ocherk frantsuzskogo jazyka v sravnenii s russkim [Phonetics of French. An essay on the French language in comparison to Russian]. Moscow: Izdatel'stvo literatury na inostrannykh jazykakh Publ., 1953 (1937). 257 p.

Selting M. On the interplay of syntax and prosody in the constitution of turn-constructive units and turns in conversation. Pragmatics. 1996. Vol. 6.3. P. 357–388.

Selting M. The construction of units in conversational talk. Language in Society. 2000. Vol. 29. P. 477–517.

Svetozarova N. D. Intonatsionnaja sistema russkogo jazyka [The intonation system of Russian]. Leningrad: Leningrad State University Publ., 1982. 176 p.

Udarenie i intonatsija v nemetskom jazyke: posobie dlja studentov pedagogicheskikh institutov [Stress and intonation in German: a textbook for students of pedagogical higher educational institu-

tions] / ed. by M. G. Kravchenko et al. Leningrad: Prosveshhenie, 1873. 286 p.

Vol'skaja N. B., Stepanova S. B. О некоторых проблемах синтагматического членения спонтанного текста [On some problems of syntagmatic

segmentation of spontaneous text]. XXXIV Mezhdunarodnaja filologičeskaja konferentsija [The XXXIVth international philological conference]. St. Petersburg, 2005. P. 16–24.

SYNTAGMA AND SEGMENTATION OF SPONTANEOUS SPEECH

Olga V. Raeva

Engineer

Saint Petersburg State University

Elena I. Riekhakaynen

Senior Lecturer in the Department of General Linguistics

Saint Petersburg State University

The article presents a review of Russian linguistic papers on syntagma and foreign papers that focus on semantic and prosodic segmentation of speech. The definitions of the term «syntagma» given in numerous Russian-language researches turn out to be vague; there are no common and universally applicable criteria for dividing a speech signal into syntagmas; the fact that syntactic and prosodic units do not necessarily coincide in spontaneous speech contradicts the very idea of syntagma. According to the research results presented in the paper, the term «syntagma» cannot be used for the description of the process of spoken word recognition, as syntagma in its traditional for Russian linguistics interpretation cannot be considered a unit of speech segmentation. For the moment, the terms «elementary discourse unit» and «interpausal interval», if used together, seem to be the most convenient ones for showing the mismatch between the units of speech production and acoustic realization.

Key words: syntagma; intonation unit; minimal discourse unit; spontaneous speech; spoken word recognition.

УДК 81'37: 81'367

ГЛАГОЛЬНАЯ ВАЛЕНТНОСТЬ КАК СЕМАНТИКО-ГРАММАТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

Светлана Викторовна Шустова

д. филол. н., профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614000, Пермь, ул. Букирева, 15;

профессор кафедры рекламы, связей с общественностью и гуманитарных дисциплин

Пермский институт экономики и финансов

614068, Пермь, ул. Екатерининская, 141. e-mail: lanaschust@mail.ru

Елизавета Александровна Смирнова

к. филол. н., доцент департамента иностранных языков

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

614072, Пермь, ул. Студенческая, 38. e-mail: esmirnova2@hse.ru

В предлагаемой статье исследуется глагольная валентность, которая рассматривается авторами как универсальная семантико-грамматическая категория, фиксирующая соотношение семантических (потенциальных) актантов с синтаксическими (актуализированными). Анализ валентности проводится на примере группы метеорологических глаголов английского языка, в которую входят такие глаголы, как *to thunder; to frost; to ebb; to fog; to hail; to rain; to snow*. Валентностный потенциал исследуемых глаголов выявляется на базе их семантического и синтаксического потенциалов. В качестве источников эмпирического материала использовались данные Корпуса Лейпцигского университета и Корпуса современного американского английского языка. В результате анализа семантических и синтаксических актантов, входящих в валентностную структуру данных глаголов, определяется расположение выделенных актантов на шкале «центр–периферия», что позволяет получить наиболее полное представление о валентностном потенциале исследуемых глаголов.

Ключевые слова: метеорологический глагол; валентность; категория; актант; семантическая валентность; синтаксическая валентность; актуализация; валентностный потенциал.

Тезис о том, что глагол является синтаксическим и семантическим центром предложения, находит отражение в трудах целого ряда отечественных и зарубежных лингвистов (М. А. Анохина, А. В. Бондарко, И. Б. Долинина, В. Б. Касевич, С. Д. Кацнельсон, С. М. Кибардина, Ю. А. Левицкий, В. П. Недялков, И. Г. Ольшанский, В. А. Плунгян, Е. В. Рахилина, Г. Г. Сильницкий, Е. В. Урысон, В. С. Храковский, Л. Теньер, Н. Хомский). Так, Ю. А. Левицкий вслед за Н. Хомским полагает, что наиболее общей структурной моделью простого предложения в большинстве языков является модель NV, т. е. конструкция, состоящая из именного и глагольного компонентов [Левицкий 1995: 91]. Главным компонентом этой модели

является глагол, поскольку именно семантика и валентностные свойства глагола определяют набор входящих в то или иное предложение именных компонентов.

Термин валентность был введен в языкознание в 1948 г. С. Д. Кацнельсоном. По его мнению, глагол потенциально обладает определенным набором «мест» или «гнезд», которые заполняются в предложении словами, категориальные признаки которых соответствуют категориальным признакам «гнезда» [Кацнельсон 1972: 88]. Г. Г. Сильницкий называет синтаксическую валентность глагола «лексическим окружением» и определяет ее как совокупность лексем, синтаксически связанных с

синтаксической позицией, имеющейся в простом предложении [Сильницкий 2006: 132].

В ходе изучения глагольной валентности ученые пришли к выводу о том, что ее следует рассматривать не только на уровне синтаксиса, но и на уровне семантики. Так, В. С. Храковский отмечает, что участники ситуации, которую называет глагол, могут быть выделены из толкования глагольной лексемы [Храковский 2014: 26], т.е. семантическая валентность глагола непосредственно связана с его лексическим значением. При толковании лексического значения слова количество сем «должно быть небольшим (требование экономности), но достаточным для того, чтобы все лексические значения в рамках фиксированного объекта были описаны исчерпывающим образом (требование полноты)» [Апресян 1995: 72]. По мнению Ч. Филлмора, типы ролей, которые соотносятся с семантической структурой предикатов, образуют устойчивую универсальную систему [Fillmore 1972: 14]. Однако Е. В. Падучева полагает, что словарное толкование не является исчерпывающим, но оно должно быть достаточным, чтобы объяснить особенности языкового поведения слова [Падучева 2004: 27], т.е. словарная дефиниция дает лишь представление о потенциальных возможностях слова, которые реализуются в процессе его употребления. Эта идея позволяет выйти на новый уровень изучения валентности, когда данное свойство глагола рассматривается одновременно и на уровне синтаксиса, и на уровне семантики.

Каждая конкретная функция той или иной единицы включается в систему функций языка и речи и, следовательно, зависит от этой системы [Бондарко 1984]. Языковая единица обладает набором потенций, которые реализуются в процессе ее функционирования, поэтому, по мнению А. В. Бондарко, функция языковой единицы может рассматриваться в двух аспектах: потенциальном и результативном [Бондарко 2013: 17]. Функция в потенциальном аспекте понимается как способность языковой единицы выполнять определенное назначение и функционировать соответствующим образом. Результативный аспект предполагает взаимодействие данной единицы со средой в процессе ее функционирования, т.е. назначение, которое достигает своей цели в речи [Бондарко 2013: 17]. Семантическая валентность представляет собой потенциальную способность глагола связываться с различными актантами, а синтаксическая валентность является реализацией этой способности [Шустова 2013:

163]. Таким образом, семантическая валентность глагола обуславливает его синтаксическую валентность. А. В. Бондарко считает, что преобразование потенциальной функции в результативную всегда предполагает развитие, т.е. в процессе функционирования языковая единица может выполнять больше назначений, чем предполагается изначально. Существует и обратная связь: при увеличении количества реализаций языковой единицы увеличивается и количество ее потенций [Бондарко 2013: 18], а значит расширяется ее функциональный потенциал.

Попытки связать семантику и синтаксис при анализе глагольной валентности предпринимались и ранее. Так, В. С. Храковский писал о принадлежности глагола к определенному валентностному классу, который определяется числом элементов, входящих в глагольную конструкцию; а также к определенному семантическому классу, который зависит от типа ролей, выполняемых участниками ситуации, называемой глаголом [Храковский 2014: 29]. Как отмечает Ю. Д. Апресян, «семантические и синтаксические актаны глагольных лексем находятся в отношении взаимно-однозначного соответствия: каждому семантическому актанту данной лексемы соответствует один синтаксический актант, а каждому синтаксическому – один семантический» [Апресян 2006].

Мы исследуем глагольную валентность с позиций динамико-функционального подхода. В его основе лежат коммуникативные, прагматические и собственно лингвистические принципы, позволяющие исследовать и выявлять закономерности внутривидовой системности семантики глагола, исследовать взаимодействие его семантической и синтаксической валентности и особенности реализации актантажного наполнения ситуации, формируемой глаголом. Динамико-функциональный подход дает возможность увидеть взаимоотношения лексической и грамматической систем с системой коммуникативной [Шустова 2010: 40–41], что обеспечивает глубокий комплексный анализ исследуемого явления.

В высказывании актуализируются лишь те смысловые компоненты, которые релевантны для говорящего, поэтому право выбора тех или иных языковых средств остается за говорящим. Именно он, будучи носителем языковой компетенции, определяет, с помощью каких языковых средств будет реализована интенция. Рассматривая необходимость введения в предложение тех или иных компонентов, следует

обратить внимание и на контекст / ситуацию, поскольку обязательная проекция на соответствующую сочетающуюся форму содержится во введенных в предложение формах. Реальное смысловое наполнение проецируемая форма получает из контекста / ситуации. Валентностный потенциал предполагает учет специфики семантического и синтаксического потенциалов. В этом смысле считаем возможным говорить о том, что семантический потенциал языковой единицы соотносится с понятием семантической валентности, а синтаксический потенциал – с понятием синтаксической валентности. Базой для определения понятий семантическая и синтаксическая валентность являются философско-языковые категории плана выражения и плана содержания (означающего и означаемого) (см., например: [Шустова 2014]).

Валентность рассматривается нами как *семантико-синтаксическая категория*. По определению С. Д. Кацнельсона, категория – это «формы отношения» между значением-понятием и его актуализированной формой, необходимо связанной с высказыванием и без которой невозможно высказывание» [Кацнельсон 2001: 229–230], т.е. это отношение потенциальных (виртуальных, в терминологии С.Д.Кацнельсона) значений слова, содержащихся в языке, к реализованным в речи значениям.

Так, в состав грамматических значений входят категории речевого мышления и специфические коммуникативные категории, обуславливающие развертывание текста и уточняющие содержание слов по их отношению к речевой ситуации. Вычлняемая валентность как семантико-синтаксическая категория соотносится с семантико-грамматическими категориями С. Д. Кацнельсона [Кацнельсон 2010: 155], которые ученый рассматривает как элементарные мыслительные категории [там же: 156]. «Грамматический строй языка содержит в себе не только семантико-грамматические категории, но и грамматические категории иных типов, отграничить которые от семантико-грамматических категорий не всегда легко. Для того чтобы выделить семантико-грамматические категории, необходимо иметь ясное представление о роли этих категорий в процессах порождения речи. Эти процессы непосредственно недоступны наблюдению и судить о них мы можем только по косвенным данным» [Кацнельсон 2010: 155].

Валентность как сочетательная потенция глагольной лексики проецируется на предложение, в связи с этим речь идет о

валентности как семантико-синтаксической категории, выражающей отношение неактуализированных актантов глагола (семантических) к актуализированным (синтаксическим). Еще одним важным аргументом в пользу данного подхода является его универсальность, применимость ко всем языкам. Основные грамматические категории определяются во всех языках [Bybee 1998: 260], глагол используется во всех языках для обозначения событий и состояний, он всегда находится в центре той или иной ситуации с определенным набором участников, следовательно, и глагольная валентность может быть исследована на материале любого языка.

Исследование валентности как семантико-синтаксической категории глагола позволит не только проанализировать актанты, входящие в ее состав, но и определить их положение на шкале «центр–периферия»: актуализированные актанты будут располагаться в центре валентностной структуры, а не актуализированные, или не входящие в семантическую валентность, – на периферии.

Рассмотрим данное положение на примере метеорологических глаголов (термин В. С. Храковского) [Храковский 2014: 28], которые, согласно разработанной нами классификации глаголов с инкорпорированными актантами, входят в группу глаголов с инкорпорированным неодушевленным субъектом (подробнее см.: [Смирнова 2014: 36–37]). Метеорологические глаголы не были предметом специального рассмотрения в аспекте описания их валентностного потенциала.

Рассматриваемая группа включает такие глаголы, как *to thunder – греметь, грохотать; to frost – подмораживать; to ebb – отступать, убывать (обычно о воде при отливе); to fog – затуманивать(ся); to hail – идти (о граде); to rain – идти (о дожде); to snow – идти (о снеге)*. Рассмотрим семантическую валентность данных глаголов:

to thunder – *make a loud, deep resounding noise* (OD); *when it thunders, a loud noise comes from the sky* (CALD); *to produce thunder* (MWD);

to frost – *cover (something) with or as if with frost; freeze* (OD); *to cover (something) with frost* (MWD);

to ebb – *(of tidewater) move away from the land; recede* (OD); *of a tide : to flow outward from the land* (MWD); *when the sea or tide ebbs, it moves away from the coast and falls to a lower level* (CALD);

to fog – *to cover or become covered with steam* (OD); *to envelop or become enveloped with or as if*

with fog (CED); *to cover, envelop or suffuse with or as if with fog* (MWD);

to hail – *if it hails, small hard balls of ice fall from the sky like rain* (CALD); *hail falls* (OD); *to precipitate hail* (MWD);

to rain – *rain falls* (OD); *used with it to say that rain is falling* (MWD); *if it rains, water falls from the sky in small drops* (CALD);

to snow – *snow falls* (OD); *used with it to say that snow is falling* (MWD); *if it snows, snow falls from the sky* (CALD).

Анализ словарных дефиниций глаголов данной группы показал наличие следующих семантических актантов:

– субъект: *it* (CALD), *a loud noise* (CALD), *small hard balls of ice* (CALD), *hail* (OD), *tidewater* (OD), *the sea or tide* (CALD), *water* (OD), *rain* (CALD), *snow* (OD, MWD, CALD), а

также имплицитно выраженный в словарных толкованиях субъектными глаголами: *to make* (OD), *to cover* (OD), *to produce* (MWD), *to envelope* (CED), *to precipitate* (MWD);

– объект: выражен как эксплицитно – *thunder* (MWD), *noise* (OD), *hail* (MWD), *something* (OD, MWD), так и имплицитно переходным глаголом – *to cover...* (CED);

– атрибутив¹: *like rain* (CALD), *as if with fog* (CED, MWD), *in small drops* (CALD);

– локатив: *from the sky* (CALD), *from the land* (OD), *to a lower level* (CALD);

– инструмент: *with steam* (OD).

Результаты анализа можно представить в табл. 1:

Таблица 1

Семантическая валентность метеорологических глаголов

Семантический актант	thunder	frost	ebb	fog	hail	rain	snow
Субъект	+	+	+	+	+	+	+
Объект	+	+	-	+	+	-	-
Атрибутив	-	-	-	+	+	+	-
Локатив	+	-	+	-	-	+	+
Инструмент	-	-	-	+	-	-	-

В семантическую валентность почти всех рассмотренных нами метеорологических глаголов входят актант-субъект и актант-объект. Исключение составляют глаголы *to rain* и *to snow*, которые являются непереходными. В семантическую валентность глаголов *to ebb*, *to rain* и *to snow* входит актант-локатив, обозначающий место, откуда начинается действие (*from the sky*), а также направление действия (*to a lower level*). Семантический актант-атрибутив представлен у глаголов *to hail*, *to rain* и *to fog*. К семантической валентности глагола *to fog* относится также семантический актант-инструмент.

Семантические актанты актуализируются в виде синтаксических актантов.

Синтаксический актант-субъект действия в валентностной структуре глагола *to thunder* в половине проанализированных нами примеров актуализируется существительным (например: *White-capped storm surf thundered against beaches and high winds knocked out power to thousands of Bermudians on Monday*; *The lake has thundered a few times, but, for the most part, the booming storm voice (touch the wood of this computer desk) has been in the distant background* (КЛУ), что является нетипичным для метеорологических глаголов,

т.к. обычно в качестве субъекта в таких предложениях выступает местоимение *it*, например: *Then it thundered over the back garden, the privy, the barnyard and barn to disappear over the rise of a corn lot*; *The black tide ran all afternoon, and when it ebbed again, the oil stayed behind, an undulating goo nearly three feet deep* (КСА); *Jimmie got a full day in, and it rained on Tuesday and we didn't get any testing in* (КЛУ). У. Чейф называет такие предложения «амбиентными» и утверждает, что глагол здесь играет роль «всеохватывающего» элемента, подразумевающего события безотносительно к предмету окружения. Подлежащее *it* является лишь поверхностным элементом [Чейф 1975: 120]. Как отмечает Е. В. Зарецкий, выбор именно местоимения *it* для оформления имперсонала «обусловлен его максимальной отвлеченностью от категории деятеля, особенно одушевленного» [Зарецкий 2008: 159], т.е. глагол в таких предложениях несет на себе максимальную семантическую нагрузку. Это можно проследить и в предложениях с субъектом, выраженным существительным: несмотря на его наличие, внимание акцентируется на природном явлении, обозначенном глаголом, а не на формальном подлежащем.

Актант-объект действия в валентностной структуре глагола *to thunder* не актуализируется. Однако в синтаксическую валентность рассматриваемого глагола входит актант-темпоратив, обозначающий время совершения действия, который отсутствует в структуре семантической валентности данного глагола (33 % случаев): *Five minutes later, it thundered again; Then it thundered* (КСА).

Следует отметить, что актант-темпоратив актуализируется в валентностной структуре всех проанализированных нами метеорологических глаголов (в 61 % примеров). Данный факт можно, на наш взгляд, объяснить следующим образом: метеорологические глаголы типа *to rain, to snow, to fog* образованы от соответствующих существительных, которые, как полагает С. Д. Кацнельсон, «сами по себе обозначают некое целостное явление, некое событие и для их актуализации требуется лишь некое общее указание на то, что это событие происходит в определенный момент» [Кацнельсон 2001: 222–223], т.е. для полного развертывания ситуации, описываемой метеорологическим глаголом, необходимо указание на время действия.

Синтаксический актант-локатив с глаголом *to thunder* отмечается в 50 % случаев, например: *Timmy Murphy kept his mount out wide in the early stages, away from trouble, and Pipe's representative was one of several travelling powerfully as they thundered over the Melling Road heading for home* (КЛЮ); *The windows of the Camry were frosted up on both sides* (КСА).

Таким образом, в валентностной структуре глагола актуализируются три актанта – субъект, темпоратив и локатив. Количество актуализированных (реализованных) актанта совпадает с количеством неактуализированных (потенциальных), но их наборы различаются. В семантическую валентность не входит актант-темпоратив, а в синтаксической валентности отсутствует объект, что, однако, может объясняться тем, что глагол *to thunder* в английском языке является непереходным и данный актант представлен в примерах функционирования имплицитно.

В валентностной структуре глагола *to frost* актуализируются следующие синтаксические актанта: субъект действия, представленный местоимением *it* или имплицитно формой пассивного залога: *Her hair, for example, was frosted just before she left Mobile; We hailed the guard, but as the windows were frosted, the man posted on the lookout did not see us* (КСА). Семантический актант-объект актуализируется в

подавляющем большинстве случаев неодушевленным существительным: *The windows of the Camry were frosted up on both sides* (КСА). В структуре синтаксической валентности данного глагола также представлены актанта – локатив, темпоратив и инструмент (по 18 % случаев), не входящие в семантическую валентность. Актуализация актанта-инструмента обусловлена необходимостью обозначения ситуаций, в которых «замерзание» объекта вызвано не только обычными природными условиями, но и каким-то внешним воздействием: *A big ebb tide was running: one could see the westward drift of the level, tan-colored water, frosted with cat's-paws of wind; The windshield was frosted with his breath* (КСА). Таким образом, количество синтаксических актанта рассматриваемого глагола значительно превышает число семантических (пять и три соответственно).

В валентностной структуре глагола *to ebb* актуализируется только два синтаксических актанта: субъект и темпоратив. Например: *By morning it would have ebbed again and he could wade back to the mainland* (КСА). Актант-локатив, представленный в словарных толкованиях данного глагола, не получает отдельной синтаксической позиции, однако представлен имплицитно. Здесь можно говорить об инкорпорации актанта. Инкорпорированный актант в данном случае зафиксирован «с точностью до лексемь», но синтаксически невыразим (например, глаза у *видеть*; губы у *целовать*) [Алпатов 1983: 85]. Например, в предложении *Avoid windy afternoons and time your trip to head upriver when the tide is rising and to return when it is ebbing* (КСА) явно представлена ситуация, связанная с движением воды, с ее отливом от берега, несмотря на отсутствие упоминания самого берега как места протекания действия в рассматриваемом примере.

Глагол *to fog* обладает самой широкой синтаксической валентностью из всех проанализированных нами метеорологических глаголов, что, вероятно, обусловлено его способностью функционировать в качестве каузативного глагола. В структуру его синтаксической валентности входят актанта: субъект, объект, локатив, темпоратив, инструмент, атрибутив, ризонтив. Рассмотрим некоторые из них отдельно.

Актант-объект актуализируется в 100 % примеров функционирования глагола *to fog*. Интересно отметить, что в некоторых предложениях данный актант синтаксически

представлен подлежащим, однако семантически, безусловно, обозначает объект воздействия (ср., например, *Richardson said the windows were fogged up, but he could see a man sitting in the driver's seat, so he approached and shined a flashlight in; My windshield fogged up* (КЛЮ).

Атрибутив, актант, обозначающий качественную характеристику действия [Смирнова 2014: 51], актуализируется в 32 % примеров функционирования исследуемого глагола. Например: *But in a few minutes I noticed that aquarium had fogged up a little* (КЛЮ).

Актант-ризонтив, обозначающий причину, по которой совершается действие [Смирнова 2014: 109], актуализируется в предложениях, где глагол *to fog* проявляет свои каузативные свойства: *And the area must be fogged with a chemical to kill mold, he said; Two square-mile areas of Scottsdale will be fogged Thursday night to control mosquitoes that could carry the West Nile virus* (КЛЮ). Данный актант представлен инфинитивной конструкцией и наблюдается в 10 % проанализированных нами примеров.

Структура синтаксической валентности глаголов *to hail, to rain, to snow* существенно не различается, в нее, помимо субъекта, входят

актанты локатив, темпоратив и атрибутив. Все эти глаголы являются непереходными, в их синтаксической валентности не актуализируется объект, несмотря на его наличие в семантической валентности глагола *to hail*.

Актант-локатив присутствует как в семантической, так и в синтаксической валентности глаголов *to rain, to snow*, однако у глагола *to hail* его присутствие наблюдается только на синтаксическом уровне, например: *It hails from the blistering hot Atlantic shore of Senegal or from Kruger National Park* (КСА).

Атрибутив входит в семантическую валентность глаголов *to hail* и *to rain*, тем не менее его актуализация в синтаксической валентности глагола *to snow* является еще одной иллюстрацией тезиса о том, что синтаксическая валентность глаголов всегда шире его семантической валентности: *It also snowed off and on all weekend, but the snow melted quickly* (КЛЮ).

Соотношение семантических и синтаксических актантов в валентностной структуре проанализированных нами метеорологических глаголов представлено в табл. 2.

Таблица 2

Валентность метеорологических глаголов

Актант	thunder	Frost	ebb	fog	hail	rain	snow
Субъект	сем. + синт.	сем. + синт.	сем. + синт.	сем. + синт.	сем. + синт.	сем. + синт.	сем. + синт.
Объект	сем. + синт. (импл-но)	сем. + синт.	–	сем. + синт.	сем.	–	–
Атрибутив	–	синт.	–	сем. + синт.	сем. + синт.	сем. + синт.	синт.
Локатив	сем. + синт.	синт.	сем. + синт. (импл-но)	синт.	синт.	сем. + синт.	сем. + синт.
Темпоратив	синт.	синт.	синт.	синт.	синт.	синт.	синт.
Инструмент	–	синт.	–	сем. + синт.	–	–	–
Ризонтив	–	–	–	синт.	–	–	–

Как показывает анализ, синтаксическая валентность всех проанализированных нами метеорологических глаголов шире семантической валентности. Это объясняется тем, что «...при всей своей жесткости структура логико-синтаксической схемы предполагает не только определенную свободу лексического наполнения синтаксических позиций, но и синтаксическое варьирование второстепенных элементов» [Бондарко 2014: 430], т.е. в процессе функционирования глагол может «притягивать» дополнительные элементы, которые изначально отсутствовали в его окружении, согласно словарному толкованию. Актанты, представленные на семантическом и на синтаксическом уровнях, входят в центр категории валентности, остальные актанты располагаются на периферии.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что полное представление о валентности глагола можно получить лишь при ее комплексном изучении как на уровне семантики, так и на уровне синтаксиса. Кроме того, полагаем, что валентность следует рассматривать как семантико-грамматическую категорию, поскольку это позволит преодолеть «непроницаемость» (термин С. Д. Кацнельсона) подсистем языкового строя. Очевидно, что каждая подсистема языка обладает своим набором формальных и функциональных средств, отличающихся от системы средств других подсистем. Несомненно и то, что особую значимость приобретает взаимодействие средств разных подсистем, так как именно это обеспечивает спаянность и целостность всей системы.

Примечание

¹ Атрибутив – актант, обозначающий качественную характеристику действия [Смирнова 2014: 51].

Список литературы

Алпатов В. М. К топологической характеристике айнского языка // Вопросы языкознания. 1983. № 5. С. 81–86.

Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. I: Лексическая семантика (синонимические средства языка). М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 364 с.

Апресян Ю. Д. Типы соответствия семантических и синтаксических актантов // Проблемы типологии и общей лингвистики. СПб., 2006. С. 15–27. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/apresyan-06.htm> (дата обращения: 24.06.2015).

Бондарко А. В. Теоретические проблемы русской грамматики. СПб.: Изд-во С.-Петербур.ГУ, 2004. 208 с.

Бондарко А. В. Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис. М.: Кн. дом «Либроком», 2013. 352 с.

Бондарко А. В. Функциональная грамматика. Л., 1984. 133 с.

Бондарко Н. А. Языковые стереотипы как конструктивные элементы традиционного языка в немецкой духовной прозе XIII–XV веков // Acta linguistica Petropolitana: труды Ин-та лингв. исслед. РАН. СПб.: Наука, 2014. Т. X, ч. 1. С. 429–451.

Зарецкий Е. В. Безличные конструкции в русском языке: культурологические и типологические аспекты (в сравнении с английским и другими индоевропейскими языками). Астрахань: Изд. дом «Астраханский университет», 2008. 564 с.

Кацнельсон С. Д. Категории языка и мышления: из научного наследия. М.: Языки слав. культуры, 2001. 864 с.

Кацнельсон С. Д. Общее и типологическое языкознание. М.: Кн. дом «Либроком», 2010. 344 с.

Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л.: Наука, 1972. 216 с.

Левицкий Ю. А. От высказывания – к предложению. От предложения – к высказыванию: учеб. пособие. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1995. 196 с.

Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки слав. культуры, 2004. 608 с.

Сильницкий Г. Г. Семантика. Грамматика. Квантитативная и типологическая лингвистика I. Смоленск: ФГУ «Смоленский ЦНТИ», 2006. 255 с.

Смирнова Е. А. Функциональный потенциал английских глаголов с инкорпорированными актантами. Пермь: НП ВПО «Прикамский социальный институт», 2014. 148 с.

Храковский В. С. Два подхода к анализу синтаксических конструкций: «лексико-семантический» и «конструкционный» опыт сопоставления // Acta linguistica Petropolitana: труды Ин-та лингв. исслед. РАН. СПб.: Наука, 2014. Т. X, ч. 2. С. 25–40.

Чейф У. Л. Значение и структура языка. М.: Прогресс, 1975. 141 с.

Шустова С. В. К вопросу о функциональном потенциале языковой единицы (на примере семантической и синтаксической валентности) // Истор. и соц.-образоват. мысль. Краснодар, 2013. № 3. С. 161–164.

Шустова С. В. Системность как средство интегративности в языке // Исслед. журн. рус. яз. и лит. Иран. ассоц. рус. яз. и лит. 2014. № 1 (4). С. 25–37.

Шустова С. В. Функциональные свойства каузативных глаголов: динамический подход / Перм. гос. ун-т; Прикам. соц. ин-т. Пермь, 2010. 248 с.

Bybee J. L. “Irrealis” as a Grammatical Category // Anthropological Linguistics. 1998. Vol. 40, No. 2. P. 257–271.

Fillmore Ch. Subjects, Speakers and Roles // Semantics of Natural Languages. Dordrecht-Holland: D. Reidel Publishing Company, 1972. P. 1–24.

Список источников

КЛУ – Корпус Лейпцигского университета. URL: <http://corpora.informatik.uni-leipzig.de/> (дата обращения: 24.06.2015).

КСА – Корпус современного американского английского. Corpus of Contemporary American English. URL: <http://corpus.byu.edu/coca/> (дата обращения: 24.06.2015).

CALD – Cambridge Advanced Learner’s Dictionary. URL: <http://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 24.06.2015).

СЕД – Collins English Dictionary. URL: <http://www.collinsdictionary.com/dictionary/english> (дата обращения: 24.06.2015).

МВД – Merriam-Webster Dictionary. URL: <http://www.merriam-webster.com/dictionary> (дата обращения: 24.06.2015).

ОД – Oxford Dictionary. URL: <http://oxforddictionaries.com> (дата обращения: 24.06.2015).

References

Alpatov V. M. K topologicheskoy kharakteristike ajnskogo jazyka [On the topological characterization of

the Aino language]. *Voprosy jazykoznanija* [Issues of Linguistics]. 1983. № 5. P. 81–86.

Apresjan Ju. D. Izbrannye trudy. T. I: Leksicheskaja semantika (sinonimicheskie sredstva jazyka) [Selected works. Vol. I: Lexical semantics (synonymic means of language)]. Moscow: Jazyki russkoj kul'tury Publ., 1995. 364 p.

Apresjan Ju. D. Tipy sootvetstvija semanticheskikh i sintaksicheskikh aktantov [Types of correlation of semantic and syntactic actants]. *Problemy tipologii i obshhej lingvistiki* [Problems of typology and general linguistics]. 2006. P. 15–27. Available at:

<http://www.philology.ru/linguistics2/apresyan-06.htm> (accessed: 24.06.2015).

Bondarko A. V. Teoreticheskie problemy russkoj grammatiki [Theoretical problems of Russian grammar]. St. Petersburg: Saint Petersburg State University Publ. 2004. 208 p.

Bondarko A. V. Teorija funkcional'noj grammatiki: Vvedenie, aspektual'nost', vremennaja lokalizovannost', taksis [Theory of functional grammar: introduction, aspectuality, temporal locality, taxis]. Moscow: Kniznyj dom «Librokom» Publ., 2013. 352 p.

Bondarko A. V. Funktsional'naja grammatika [Functional grammar]. Leningrad, 1984. 133 p.

Bondarko N. A. Jazykovye stereotipy kak konstruktivnye elementy traditsionnogo jazyka v nemetskoj dukhovnoj proze XIII–XV vekov [Language stereotypes as constructive elements of the traditional language in German spiritual prose of the XIII–XV centuries]. *Acta linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvistichekikh issledovanij RAN* [Proceedings of the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2014. Vol. X. Part 1. P. 429–451.

Bybee J. L. “Irrealis” as a Grammatical Category // *Anthropological Linguistics*. 1998. Vol. 40. No. 2. P. 257–271.

Chafe W. L. Znachenie i struktura jazyka [The meaning and structure of the language]. Moscow: Progress Publ., 1975. 141 p.

Fillmore Ch. Subjects, Speakers and Roles // *Semantics of Natural Languages*. Dordrecht-Holland: D. Reidel Publishing Company, 1972. P. 1–24.

Katsnel'son S. D. Kategorii jazyka i myshlenija: iz nauchnogo nasledija [Categories of language and thinking: from scientific heritage]. Moscow: Jazyki slavjan. kul'tury Publ., 2001. 864 p.

Katsnel'son S. D. Obshhee i tipologicheskoe jazykoznanie [General and typological linguistics]. Moscow: Kniznyj dom «LIBROKOM» Publ., 2010. 344 p.

Katsnel'son S. D. Tipologija jazyka i rechevoe myshlenie [Typology of language and verbal thinking]. Leningrad: Nauka Publ., 1972. 216 p.

Khrakovskij V. S. Dva podkhoda k analizu sintaksicheskikh konstruksij: «leksiko-semanticheskij» i «konstruktsionnyj»: opyt sopostavlenija [Two approaches to the analysis of syntactic constructions]. *Acta linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvistichekikh issledovanij RAN* [Proceedings of the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2014. Vol. X. Part 2. P. 25–40.

Levitskij Ju. A. Ot vyskazyvanija – k predlozheniju. Ot predlozhenija – k vyskazyvaniju: ucheb. posobie [From an utterance to a sentence. From a sentence to an utterance: a tutorial]. Perm: Perm State University Publ., 1995. 196 p.

Paducheva E. V. Dinamicheskie modeli v semantike leksiki [Dynamic patterns in the semantics of lexis]. Moscow: Jazyki slavjan. kul'tury Publ., 2004. 608 p.

Shustova S. V. K voprosu o funkcional'nom potentsiale jazykovoj edynitsy (na primere semanticheskoi i sintaksicheskoi valentnosti) [On the issue of the functional potential of a language unit]. *Istor. i sots.-obrazovat. mysl'* [Historical and social-educational thought]. Krasnodar, 2013. № 3. P. 161–164.

Shustova S. V. Sistemnost' kak sredstvo integrativnosti v jazyke [Systematicity as a means of integrity in language]. *Issledovatel'skij zhurnal russkogo jazyka i literatury* [Research journal of the Russian language and literature]. 2014. № 1 (4). Tegeran: Iranian Association for the Russian Language and Culture Publ. P. 25–37.

Shustova S. V. Funktsional'nye svoystva kauzativnykh glagolov: dinamicheskij podkhod [Functional properties of causative verbs: the dynamic approach]. Perm: Perm State University, Perm Social Institute Publ., 2010. 248 p.

Sil'nitskij G. G. Semantika. Grammatika. Kvantitativnaja i tipologicheskaja lingvistika I [Semantics. Grammar. Quantitative and typological linguistics I]. Smolensk: Smolensk Scientific and Technical Information Centre Publ., 2006. 255 p.

Smirnova E. A. Funktsional'nyj potentsial anglijskikh glagolov s inkorporirovannymi aktantami: monografija [Functional potential of English verbs with incorporated actants]. Perm: Perm Social Institute Publ., 2014. 148 p.

Zaretskij E. V. Bezlichnye konstruksii v russkom jazyke: kul'turologicheskie i tipologicheskie aspekty (v sravnenii s anglijskim i drugimi indoevropejskimi jazykami): monografija [Impersonal constructions in the Russian language: culturological and typological aspects]. Astrakhan: Astrakhan University Publ., 2008. 564 p.

VERB VALENCY AS A SEMANTIC-GRAMMATICAL CATEGORY

Svetlana V. Shustova

Professor in the Department of Theoretical and Applied Linguistics

Perm State University

Professor in the Department of Advertising, Public Relations and Humanities

Perm Institute of Economics and Finance

Elizaveta A. Smirnova

Associate Professor in the Department of Foreign Languages

National Research University «Higher School of Economics»

The present article explores verb valency, which is seen as a universal semantic-grammatical category specifying the correlation between semantic (potential) actants and syntactic (actualized) ones. Valency is analysed through the example of the group of meteorological verbs of the English language, which comprises such verbs as *to thunder*; *to frost*; *to ebb*; *to fog*; *to hail*; *to rain*; *to snow*. Valency potential of the stated verbs is determined on the basis of their semantic and syntactic potential. Data from the Leipzig Corpora Collection and the Corpora of Contemporary American English were used as the sources of empirical evidence. The analysis of the semantic and syntactic actants, which constitute the valency structure of the verbs under study, enabled us to determine the position of the identified actants on the «centre – periphery» scale. The research findings give a more comprehensive idea of the valency potential of the investigated verbs.

Key words: meteorological verb; valency; category; actant; semantic valency; syntactic valency; actualization; valency potential.

УДК 81'374.822:811.111

ТЕЗАУРУСНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ ТЕРМИНА *WORD* 'СЛОВО' В ПРЕДМЕТНОЙ ОБЛАСТИ «АНГЛИЙСКАЯ ЛЕКСИКОЛОГИЯ»

Евгений Юрьевич Горбунов

к. филол. н., доцент кафедры теории и методики преподавания иностранных языков и культур

Тольяттинский государственный университет

445667, Тольятти, ул. Белорусская, 14. evgenigorbunov@yandex.ru

С позиций семиотики и лингвистической синергетики в статье рассматривается специфика тезаурусного моделирования семантического поля термина *word* 'слово', являющегося одним из ключевых в пределах семантической области *general lexicological terms* 'общелекسیкологические термины', которая, в свою очередь, входит в семантическое пространство предметной области (ПО) «Английская лексикология». Компонентный анализ корпуса англоязычных дефиниций лексикологических терминов выявил имплицитные семантические признаки терминологических знаков (ТЗ) и терминологических словосочетаний (ТСС) с последующим описанием семантических отношений, связывающих эти единицы «жесткими» рамками словарной статьи. По результатам лингвистического эксперимента, в основе которого лежит неососсюрианская концепция терминологического знака, установлены эквивалентные, иерархические и ассоциативные отношения между заглавным термином *word* 'слово' и другими терминологическими единицами в пределах моделируемого семантического поля.

Ключевые слова: английские лексикологические термины; неососсюрианская модель лингвистического знака; доказательно-экспериментальная парадигма; тезаурусно-сетевое моделирование; семантические отношения.

Современный модельный эксперимент, проводимый с семиотико-синергетических позиций, предполагает поиск скрытых от прямого наблюдения механизмов самоорганизации и развития языковых систем [Пиотровский 1999, Пиотровский 2006]. Актуальность данного подхода применительно к тезаурусному моделированию «мягкой» системы английской лексикологической терминологии подтверждается результатами современных исследований метаязыка английской [Горбунов 2014: 149–155, Горбунов 2007, Горбунов 2014: 138–140, Горбунов 2006: 82–89; Жучкова 2014: 53–59; Петрякова 2014: 142–151] и французской [Горбунов 2012: 46–52; Сенницкая 2014: 244–247] лингвистики.

Настоящая статья посвящена моделированию с позиций семиотики и лингвистической синергетики семантического поля термина *word* 'слово', являющегося одним из ключевых в пределах семантической области *general lexicological terms* 'общелексікологические термины', которая, в свою очередь, входит в семантическое пространство пред-

метной области (ПО) «Английская лексикология». Цель исследования состоит в выявлении имманентных смысловых признаков терминологических знаков (ТЗ) и терминологических словосочетаний (ТСС) с последующим доказательным описанием семантических отношений, связывающих эти терминологические единицы в единую «жесткую» систему терминопоя.

Достижение поставленной цели осуществляется с применением комплекса инновационных технологий тезаурусно- сетевого моделирования нечетко структурируемых лингвистических объектов. В основе эксперимента лежит неососсюрианская концепция терминологического знака, которая опирается на понимание знака как двусторонней психической сущности, состоящей из означаемого и означающего [Пиотровский 1999: 43–63]. В связи с положением о билатеральности терминологического знака терминологию ПО «Английская лексикология» можно моделировать с учетом выбора одного из следующих критериев:

1) формальное сходство между английскими лексикологическими терминами в плане выражения (с ориентацией на означающее ТЗ);

2) понятийно-функциональный (с ориентацией на означаемое ТЗ).

Построение терминологии в технических и естественных науках опирается на предположение о полной симметрии означаемого и означающего в знаке. Поэтому уже существующие тезаурусы по научно-технической терминологии моделировались с позиций первого, формального, подхода к исследуемым терминам. Эта традиция, к сожалению, продолжается и в лингвистических терминосистемах. В результате такого моделирования разметка терминосистемы механически переносится на терминопле исходя из принимаемого по умолчанию предположения, что между означаемым и означающим существует одно-однозначное отношение. Если такое облегчающее задачу исследователя предположение (принципиально неверное в русле семиотико-синергетического подхода) связано со сравнительно небольшой потерей научной информации в достаточно жестко формируемых и контролируемых технических и естественно-научных терминологиях, то в гуманитарных науках, где асимметрия между означаемыми и означающими ТЗ обнаруживается на каждом шагу, такой упрощающий подход ведет к значительным потерям ценной научной информации [Горбунов 2015: 47].

Таким образом, как и в случае с моделированием английской морфологической и морфосинтаксической терминологий [Горбунов 2014: 149–155, Горбунов 2007, Горбунов 2006: 82–89], примени-

тельно к «мягкой» системе ПО «Английская лексикология» эффективнее использовать второй подход, опирающийся на компонентный анализ дефиниций терминологических единиц. Только он позволяет выявить глубинные синергетические механизмы понятийной матрицы исследуемой ПО, на базе которых в дальнейшем возможно доказательное лингвистическое конструирование модели обучающего англо-русского лексикологического тезауруса.

Материалом для понятийно-функционального тезаурусного моделирования терминопле *word* 'слово' послужили следующие источники:

1. Англоязычный корпус научно-лингвистических текстов, который включает учебники, учебно-методические пособия как отечественных [Антрушина 2013, Арнольд 1986, Бабич 2010, Гвишиани 2013, Дубенец 2010], так и зарубежных [Halliday 2004, Jackson 2007, Kvetko 2009] авторов по лексикологии современного английского языка.

2. Печатные лексикографические источники [Bussman 1996, Crystal 2008, Matthews 2005].

3. Русскоязычные учебники отечественных авторов [Иванова 2011] по лексикологии современного английского языка и англо-русские печатные словари [Баранов 2003, Кульгавова 2013] лингвистических терминов.

После рассмотрения уже существующих моделей тезаурусных словарных статей [Горбунов 2012: 48–50; Жучкова 2014: 55–57; Сенницкая 2014: 245–246] и при учете специфики исследуемой ПО «Английская лексикология» схема словарной статьи выглядит так, как это показано в таблице.

Схема словарной статьи обучающего англо-русского лексикологического тезауруса

Заглавный термин на английском языке	Русский эквивалент
Определение на английском языке со ссылкой на источник	
Эквивалентные отношения	варианты
	синонимы
	квазисинонимы
Иерархические отношения	гиперонимы
	гипонимы
	голонимы
	меронимы
Ассоциативные отношения	антонимы
	аспект
	когипонимы
	комеронимы
	корреляты
	метод
	наука
	объект
	признак
	процесс
	свойство
	теория
форма	
функция	

Семантическое поле термина *word* 'слово', ключевые отношения которого показаны на рисунке, отражает совокупность значений, присущих этому термину в метаязыке английской лексикологии. По результатам компонентного анализа 22 дефиниций ТЗ *word* 'слово' в качестве рабочего было выбрано определение, приводимое по учебному пособию Г. Н. Бабич «Лексикология английского языка»:

“the basic unit of the lexical system of a language resulting from the association of a particular meaning with a particular group of sounds capable of a particular grammatical employment” [Бабич 2010: 9].

В зоне эквивалентных отношений словарной статьи устанавливается первый тип отношения по признаку синонимии, связывающего заглавный термин с ТСС *lexical item* и ТСС *lexical unit*.

Далее перейдем к описанию зоны иерархических отношений. Так, компонентный анализ корпуса дефиниций ТЗ *word* 'слово' позволил выявить его гипероним, а именно ТСС *language unit* 'единица языка' с его синонимами *lingual unit*, *linguistic unit*, *unit of language*. Следующий тип иерархического отношения по признаку гиперо-гипонимии устанавливается между ТЗ *word* (гипероним) и его многочисленными гипонимами, классифицируемыми по фонетическому, структурному, лексико-грамматическому, семантическому, функционально-стилистическому и этимологическому критериям.

Согласно фонетическому критерию заглавный термин-гипероним *word* связан сетью семантических отношений с группой ТСС, выступающих его гипонимами:

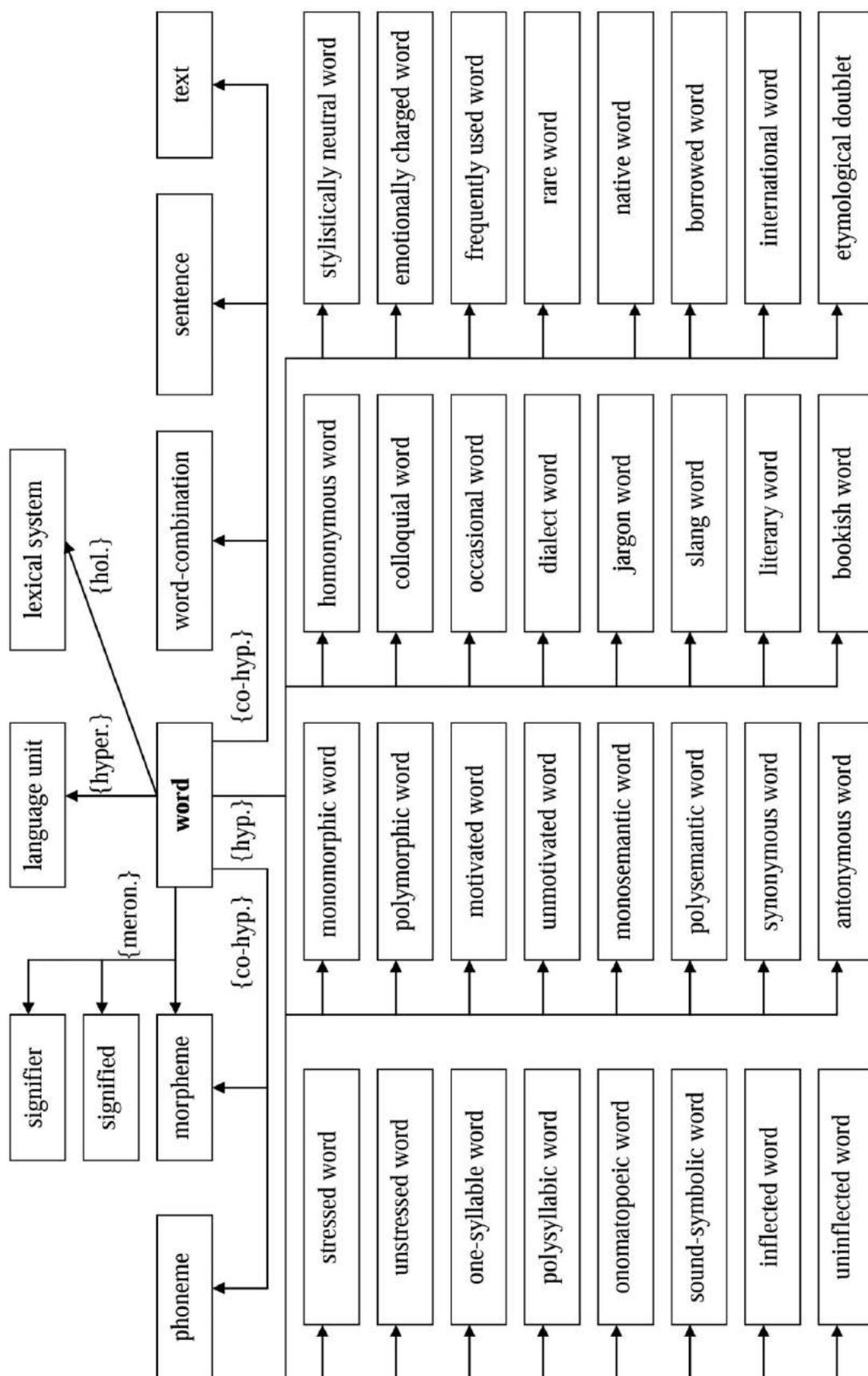
- ТСС *stressed word* 'ударное слово' с гипонимами ТСС *one-stressed word* 'одноударное слово' и ТСС *two-stressed word* 'двухударное слово';
- ТСС *unstressed word* 'безударное слово';
- ТСС *one-syllable word* 'односложное слово' с синонимом ТСС *monosyllabic word* 'моносиллабическое слово';
- ТСС *polysyllabic word* 'многосложное слово', 'полисиллабическое слово';
- ТСС *onomatopoeic word* 'ономатопическое слово' с фонетико-орфографическим вариантом ТСС *onomatopoeical word* 'ономатопичное слово' и синонимом ТСС *sound-imitative word* 'звукоподражательное слово';
- ТСС *sound-symbolic word* 'звукосимволическое слово'.

Согласно структурному критерию слова-гипонимы классифицируются следующим образом:

- ТСС *inflected word* 'флективное слово';
- ТСС *uninflected word* 'неизменяемое слово';
- ТСС *monomorphic word* 'одноморфемное слово' с синонимами ТСС *root word* 'корневое слово' и ТСС *simple word* 'простое слово';
- ТСС *polymorphic word* 'многоморфемное слово' с синонимами ТСС *affix-built word* 'аффиксальное слово' и ТСС *derivative word* 'производное слово'. В свою очередь, ТСС *polymorphic word* 'многоморфемное слово' выступает гиперонимом по отношению к двум гипонимам – ТСС *monoradical word* 'однокоренное слово' и ТСС *polyradical word* 'многокоренное слово', каждый из которых дополнительно дробится, образуя в совокупности семантическое субполе. Так, гипонимами ТСС *monoradical word* 'однокоренное слово' являются ТСС *radical-suffixal word* 'однокоренное суффиксальное слово', ТСС *radical-prefixal word* 'однокоренное префиксальное слово' и ТСС *prefixo-radical-suffixal word* 'однокоренное префиксально-суффиксальное слово', а гипонимами ТСС *polyradical word* 'многокоренное слово' выступают ТСС *compound word* 'сложное слово' и ТСС *compound-derivative word* 'сложнопроизводное слово';
- ТСС *motivated word* 'мотивированное слово';
- ТСС *unmotivated word* 'немотивированное слово'.

В соответствии с лексико-грамматическим критерием слово понимается как часть речи с последующей разбивкой на гипонимы:

- ТЗ *noun* 'существительное';
 - ТЗ *verb* 'глагол';
 - ТЗ *adjective* 'прилагательное';
 - ТЗ *adverb* 'наречие';
 - ТЗ *pronoun* 'местоимение';
 - ТЗ *numeral* 'числительное';
 - ТЗ *preposition* 'предлог';
 - ТЗ *conjunction* 'союз';
 - ТЗ *interjection* 'междометие'.
- Семантическая классификация слов-гипонимов включает следующую группу единиц:
- ТСС *monosemantic word* 'однозначное слово';
 - ТСС *polysemantic word* 'многозначное слово';
 - ТСС *synonymous word* 'синонимичное слово';
 - ТСС *antonymous word* 'антонимичное слово';
 - ТСС *homonymous word* 'омонимичное слово'.

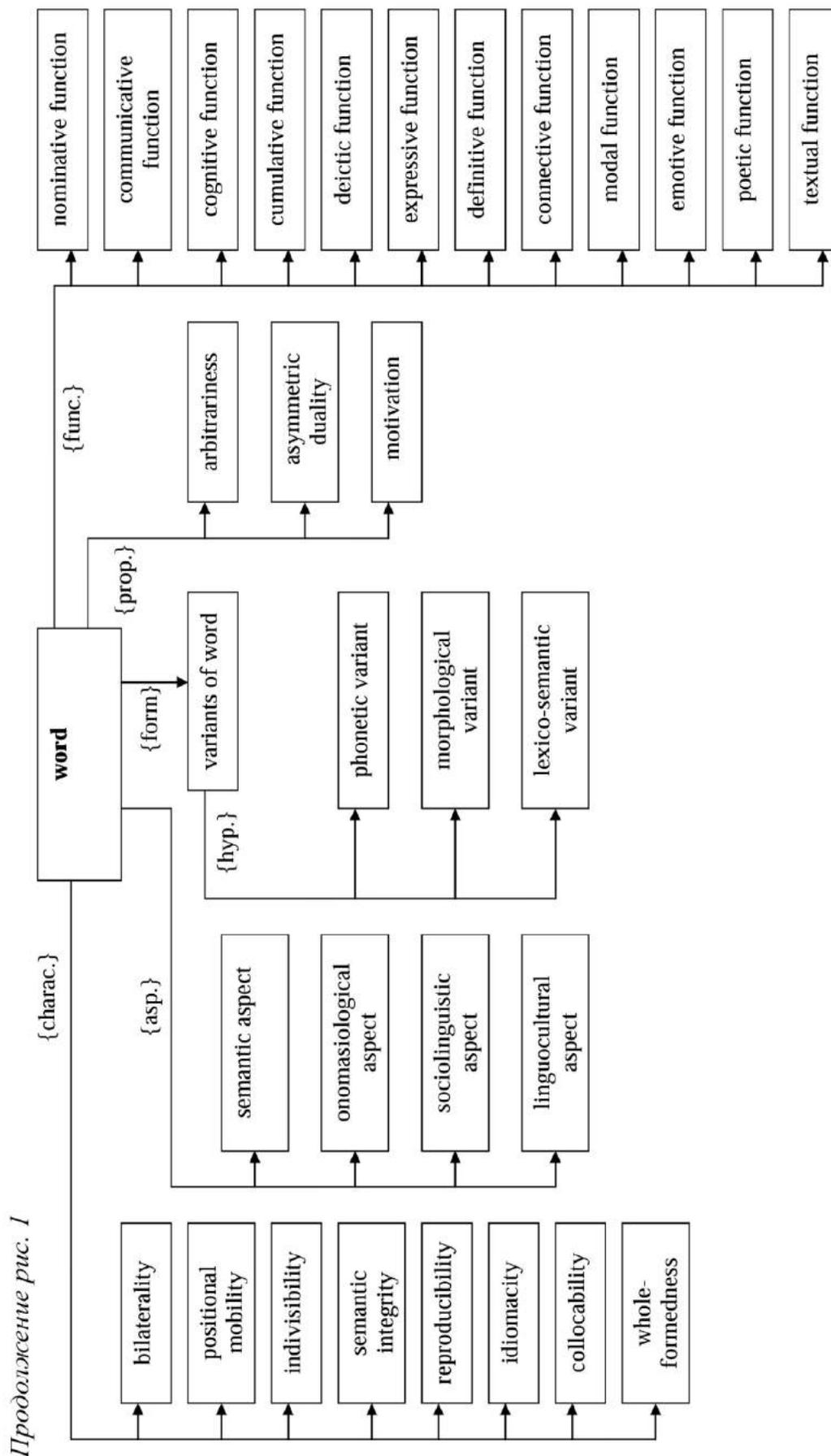

Рис. 1. Семантическое поле термина *word* 'слово'

Гипонимы слова в функционально-стилистическом аспекте образуют следующую таксономию:

- ТСС *colloquial word* 'разговорное слово';
- ТСС *occasional word* 'оказиональное слово' с синонимами ТСС *nonce-word* 'оказионализм' и ТСС *ephemeral word* 'эффемерное слово';
- ТСС *dialect word* 'диалектное слово';
- ТСС *jargon word* 'жаргонное слово';
- ТСС *slang word* 'сленговое слово';
- ТСС *literary word* 'литературное слово';
- ТСС *bookish word* 'книжное слово';
- ТЗ *term* 'термин';
- ТСС *stylistically neutral word* 'стилистически нейтральное слово';
- ТСС *emotionally charged word* 'эмоционально окрашенное слово';
- ТСС *frequently used word* 'распространенное слово';
- ТСС *rare word* 'малораспространенное слово'.

Завершает классификацию гипонимов заглавного термина *word* 'слово' типология, базирующаяся на этимологическом критерии:

- ТСС *native word* 'исконное слово';
- ТСС *borrowed word* 'заимствованное слово';
- ТСС *international word* 'интернационализм' с синонимом ТЗ *interonym* 'интероним';
- ТСС *etymological doublet* 'этимологический дублет'.

Продолжая описание зоны иерархических отношений, отметим наличие у заглавного ТЗ *word* 'слово' голонима, а именно ТСС *lexical system* 'лексическая система', выявленного в ходе компонентного анализа рабочей дефиниции термина. Лингвистический анализ англоязычного корпуса текстов по лексикологии [Антрушина 2013, Арнольд 1986, Бабич 2010, Гвишиани 2013, Дубенец 2010, Halliday 2004, Jackson 2007, Kvetko 2009], а также дополнительная сверка с лексикографическими источниками [Bussman 1996, Crystal 2008, Matthews 2005] позволили установить дополнительный тип отношения по признаку «голоним-мероним». С точки зрения структурного критерия слово подразделяется на морфемы. Однако в рамках семиотического подхода слово понимается как лингвистический знак, традиционными компонентами которого являются означающее и означаемое. В рамках словарной статьи термина *word* объединены обе точки зрения на природу составных частей лексической единицы. В результате меронимами ТЗ *word* 'слово' являются:

- ТЗ *morpheme* 'морфема';
- ТЗ *signifier* 'означающее' с синонимами ТЗ *form* 'форма', ТЗ *significant* 'сигнификант' и ква-

зисинонимом ТСС *plane of expression* 'план выражения' в авторской концепции Л. Ельмслева;

– ТЗ *signified* 'означаемое' с синонимами ТЗ *content* 'содержание', ТЗ *designatum* 'десигнат', ТЗ *meaning* 'значение', ТЗ *significatum* 'сигнификат' и квазисинонимом ТСС *plane of content* 'план содержания' в авторской концепции Л. Ельмслева.

Описание зоны ассоциативных отношений начинается с определения когипонимов заглавного термина. По результатам компонентного анализа дефиниций ТСС *language unit* 'единица языка' были выявлены следующие ТЗ: *phoneme* 'фонема', *morpheme* 'морфема', *word-combination* 'словосочетание', *sentence* 'предложение', *text* 'текст'. Далее ассоциативное отношение по признаку «форма» устанавливается между заглавным термином и ТСС *variants of word* 'варианты слова', выступающим, в свою очередь, гиперонимом по отношению к следующим гипонимам:

- ТСС *phonetic variant* 'фонетический вариант';
- ТСС *morphological variant* 'морфологический вариант' с синонимом ТЗ *doublet* 'дублет' и двумя гипонимами: ТСС *grammatical variant* 'грамматический вариант' и ТСС *word-building variant* 'словообразовательный вариант';
- ТСС *lexico-semantic variant* 'лексико-семантический вариант'.

Компонентный анализ дефиниций англоязычного корпуса учебно-методических текстов по проблемам лексикологии выявил совокупность дополнительных ассоциативных отношений, таких как: «признак», «свойство», «функция» и «аспект». Так, отношение «признака» связывает ТЗ *word* 'слово' с группой следующих единиц:

- ТЗ *bilaterality* 'билатеральность';
- ТСС *positional mobility* 'способность к перестановкам';
- ТЗ *indivisibility* 'неделимость' с синонимами ТЗ *inseparability* 'нераздельность' и ТСС *morphological uninterruptedness* 'морфологическая непрерывность';
- ТСС *semantic integrity* 'семантическая целостность';
- ТЗ *reproducibility* 'воспроизводимость';
- ТЗ *idiomaticity* 'идиоматичность';
- ТЗ *collocability* 'сочетаемость';
- ТЗ *whole-formedness* 'цельнооформленность' с тремя гипонимами: ТСС *graphical whole-formedness* 'графическая цельнооформленность', ТСС *phonetic whole-formedness* 'фонетическая цельнооформленность' и ТСС *grammatical whole-formedness* 'грамматическая цельнооформленность'.

Ассоциативное отношение по признаку «свойство» устанавливается между заглавным термином и такими единицами, как:

- ТЗ *arbitrariness* 'произвольность';
- ТСС *asymmetric duality* 'асимметричный дуализм';
- ТЗ *motivation* 'мотивированность' с синонимами ТЗ *iconicity* 'иконичность' и ТСС *inner form* 'внутренняя форма', а также тремя гипонимами: *phonetic motivation* 'фонетическая мотивированность', *morphologic motivation* 'морфологическая мотивированность' с фонетико-орфографическим вариантом ТСС *morphological motivation*, ТСС *semantic motivation* 'семантическая мотивированность'.

Основные функции слова представлены в моделируемом терминопле следующими терминологическими единицами:

- ТСС *nominative function* 'номинативная функция';
- ТСС *communicative function* 'коммуникативная функция';
- ТСС *cognitive function* 'когнитивная функция';
- ТСС *cumulative function* 'накопительная функция';
- ТСС *deictic function* 'указательная функция';
- ТСС *expressive function* 'экспрессивная функция';
- ТСС *definitive function* 'идентифицирующая функция';
- ТСС *connective function* 'служебная функция';
- ТСС *modal function* 'модальная функция';
- ТСС *emotive function* 'эмотивная функция';
- ТСС *poetic function* 'поэтическая функция';
- ТСС *textual function* 'текстовая функция'.

Заключительное ассоциативное отношение по признаку «аспект» устанавливается между главным термином и понятиями, выражающими основные аспекты изучения слова в лексикологии английского языка:

- ТСС *semantic aspect* 'семантический аспект' с синонимом ТСС *semasiological aspect* 'семасиологический аспект';
- ТСС *onomasiological aspect* 'ономасиологический аспект';
- ТСС *sociolinguistic aspect* 'социолингвистический аспект';
- ТСС *linguocultural aspect* 'лингвокультурологический аспект'.

В итоге представленная нами словарная статья ТЗ *word* 'слово' включает в себя 131 англоязычную терминологическую единицу. Семантические отношения, связывающие рассматриваемые ТЗ и ТСС, выражены следующими признаками: вариантность, синонимия, квазисинонимия, гиперогипонимия, меронимия, когипонимия, «форма», «признак», «свойство», «функция», «аспект».

В настоящей статье на примере терминопле *word* 'слово' была рассмотрена процедура выявления, унификации и систематизации семантических признаков, формирующих интенционалы английских лексикологических терминов. Семантические отношения стягивают ТЗ и ТСС «жесткими» рамками словарной статьи тезауруса, выступая инструментом упорядочения слабоструктурируемых лексикологических объектов. Используемая в статье технология получает перспективу дальнейшего внедрения в процесс моделирования полей семантической области *semasiological terms* 'семасиологические термины' обучающего англо-русского лексикологического тезауруса.

Список литературы

- Антрушина Г. Б., О. В. Афанасьева, Н. Н. Морозова. Лексикология английского языка: учеб. для бакалавров. М.: Юрайт, 2013. 287 с.
- Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка: учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высш. шк., 1986. 295 с.
- Бабич Г. Н. Лексикология английского языка: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2010. 200 с.
- Баранов А. Н., Д. О. Добровольский. Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике. М.: Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2003. 640 с.
- Гвишиани Н. Б. Современный английский язык. Лексикология: учеб. для бакалавров. М.: Юрайт, 2013. 273 с.
- Горбунов Е. Ю. Семиотико-синергетические принципы тезаурусного моделирования семантического поля термина *lexicology* 'лексикология' // Вестник Чуваш. гос. пед. ун-та им. И. Я. Яковлева. 2015. №2 (86). С. 46–53.
- Горбунов Е. Ю. Семиотико-синергетическая природа английских морфологических терминов, обозначающих части речи // Вестник Сургут. гос. пед. ун-та. 2014. №5 (32). С. 149–155.
- Горбунов Е. Ю. Тезаурусное моделирование английских грамматических терминов морфологии и морфосинтаксиса: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2007. 24 с.
- Горбунов Е. Ю. Тезаурусно-сетевое моделирование «мягкой» предметной области как инновационная гуманитарная технология // Вестник Орлов. гос. ун-та. 2014. № 1 (36). С. 138–140.
- Горбунов Е. Ю. Тезаурусный подход к моделированию английской морфологической терминологии // Вестник Самар. гос. ун-та. 2006. № 10-2. С. 82–89.
- Горбунов Ю. И. Тезаурусное моделирование метаязыка французской фонетики и фонологии // Научное мнение. 2012. № 9. С. 46–52.

Дубенец Э. М. Современный английский язык. Лексикология: учеб. пособие для студ. гум. вузов. М.; Ростов н/Д: Глосса-Пресс; Феникс, 2010. 191 с.

Жучкова И. И. Тезаурусное моделирование терминологического поля предметной области «text linguistics» // Вестник Волгоград. гос. ун-та. 2014. № 2. С. 53–59.

Иванова Е. В. Лексикология и фразеология современного английского языка: учеб. пособие для студ. учреждений высш. проф. образования. СПб.: Филол. фак-т С.-Петерб.ГУ; М.: Академия, 2011. 352 с.

Кульгавова Л. В. Карманный англо-русский тематический словарь лексикологических терминов. Иркутск: ИГЛУ, 2013. 137 с.

Петрякова М. С. Тезаурусно-сетевое моделирование семантического поля термина *Pragmatics* 'лингвистическая прагматика' // Вестник Чуваш. гос. пед. ун-та им. И. Я. Яковлева. 2014. № 4 (84). С. 142–151.

Пиотровский Р. Г. Лингвистический автомат (в исследовании и непрерывном обучении). СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 1999. 255 с.

Пиотровский Р. Г. Лингвистическая синергетика: исходные положения, первые результаты, перспективы. СПб.: Изд-во филол. фак-та С.-Петерб.ГУ, 2006. 58 с.

Сенницкая Е. Ю. Семантическая область французских социолингвистических терминов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 12-3. С. 244–247.

Bussman H. Routledge Dictionary of Language and Linguistics. London: Routledge, 1996. 1335 p.

Crystal D. A dictionary of linguistics and phonetics. Oxford: Blackwell Publishing, 2008. 529 p.

Halliday M. A. K. Lexicology and Corpus Linguistics. An Introduction. London: Continuum, 2004. 184 p.

Jackson H. Word, Meaning and Vocabulary. An Introduction to Modern English Lexicology. London: Bloomsbury Publishing, 2007. 260 p.

Kvetko P. English Lexicology in Theory and Practice. Trnava: Univerzita Sv. Cyrila a Metoda v Trnave Filozofická fakulta, 2009. 203 p.

Matthews P. H. The concise Oxford dictionary of linguistics. London: Oxford Univ. Press, 2005. 410 p.

References

Antrushina G. B., Afanas'eva O. V., Morozova N. N. Leksikologija anglijskogo jazyka: uchebnik dlja bakalavrov [English lexicology: a textbook for Bachelors]. Moscow: Jurajt Publ., 2013. 287 p.

Arnold I. V. Leksikologija sovremennogo anglijskogo jazyka: uchebnik dlja institutov i fakul'tetov inostrannykh jazykov [Modern English lexicology: a

textbook for institutes and faculties of foreign languages]. Moscow: Vysshaja shkola Publ., 1986. 295 p.

Babich G. N. Leksikologija anglijskogo jazyka: uchebnoe posobie [English lexicology: a textbook]. Moscow: Flinta Publ., Nauka Publ., 2010. 200 p.

Baranov A. N., Dobrovol'skij D. O. Anglo-russkij slovar' po lingvistike i semiotike [English-Russian dictionary on linguistics and semiotics]. Moscow: V. V. Vinogradov Russian language Institute of the Russian Academy of Sciences Publ., 2003. 640 p.

Bussman H. Routledge Dictionary of Language and Linguistics. London: Routledge, 1996. 1335 p.

Crystal D. A dictionary of linguistics and phonetics. Oxford: Blackwell Publ., 2008. 529 p.

Dubenets E. M. Sovremennij anglijskij jazyk. Leksikologija: uchebnoe posobie dlja studentov gumanitarnykh vuzov [Modern English. Lexicology: a textbook for students of humanities universities]. Moscow: Rostov-on-Don: Glossa-Press, Feniks Publ., 2010. 191 p.

Gorbunov E. Ju. Semiotiko-sinergeticheskie printsipy tezaurnogo modelirovanija semanticheskogo polja termina "lexicology" [Semiotic-synergetic principles of thesaurus modelling of the semantic field of the term "lexicology"]. Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ja. Jakovleva [I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin]. 2015. Iss. 2(86). P. 46–53.

Gorbunov E. Ju. Semiotiko-sinergeticheskaja priroda anglijskikh morfologicheskikh terminov, oznachajushhikh chasti rechi [Semiotic-synergetic nature of English morphological terms identifying parts of speech]. Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Surgut State Pedagogical University Herald]. 2014. Iss. 5(32). P. 149–155.

Gorbunov E. Ju. Tezaurnoe modelirovanie anglijskikh grammaticheskikh terminov morfologii i morfosintaksisa. Avtoreferat diss. kand. filol. nauk [Thesaurus modelling of the English grammar terms of morphology and morphosyntax. Synopsis of Cand. philol. sci. diss.]. St. Petersburg, 2007. 24 p.

Gorbunov E. Ju. Tezaurno-setevoe modelirovanie "mjagkoj" predmetnoj oblasti kak innovatsionnaja gumanitarnaja tekhnologija [Thesaurus-net modelling of the "soft" subject field as an innovative humanities technology]. Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta [Orjol State University Herald]. 2014. Iss. 1(36). P. 138–140.

Gorbunov E. Ju. Tezaurnyj podkhod k modelirovaniju anglijskoj morfologicheskoi terminologii [Thesaurus approach to modelling of the English morphological terminology]. Vestnik Samarskogo

gosudarstvennogo universiteta [Vestnik of Samara State University]. 2006. Iss. 10-2. P. 82–89.

Gorbunov Ju. I. Tezaurusnoe modelirovanie metajazyka frantsuzskoj fonetiki i fonologii [Thesaurus modelling of the metalanguage of French phonetics and phonology]. Nauchnoe mnenie [Scientific opinion]. 2012. Iss. 9. P. 46–52.

Gvishiani N. B. Sovremennij anglijskij jazyk. Leksikologija: uchebnik dlja bakalavrov [Modern English. Lexicology: a textbook for Bachelors]. Moscow: Jurajt Publ., 2013. 273 p.

Halliday M. A. K. Lexicology and Corpus Linguistics. An Introduction. London: Continuum, 2004. 184 p.

Ivanova E. V. Leksikologija i frazeologija sovremennogo anglijskogo jazyka: uchebnoe posobie dlja studentov uchrezdenij vysshego professional'nogo obrazovanija [Lexicology and phraseology of modern English: a textbook for students of higher professional education institutions]. St. Petersburg: Faculty of Philology of St. Petersburg St. Univ. Publ.; Moscow: Akademija Publ., 2011. 352 p.

Jackson H. Word, Meaning and Vocabulary. An Introduction to Modern English Lexicology. London: Bloomsbury Publ., 2007. 260 p.

Kul'gavova L. V. Karmannyj anglo-russkij tematičeskij slovarik leksikologičeskikh terminov [A pocket English-Russian thematic glossary of lexicological terms]. Irkutsk: ISLU Publ., 2013. 137 p.

Kvetko P. English Lexicology in Theory and Practice. Trnava: Univerzita Sv. Cyrila a Metoda v Trnave Filozofická faculta, 2009. 203 p.

Matthews P. H. The concise Oxford dictionary of linguistics. London: Oxford Univ. Press, 2005. 410 p.

Petrjakova M. S. Tezaurusno-setevoe modelirovanie semantičeskogo polja termina "Pragmatics" ('lingvističeskaja pragmatika'). [Thesaurus-net modelling of the semantic field of the term "Pragmatics"]. Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta imeni I. Ja. Jakovleva [I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin]. 2014. Iss. 4(84). P. 142–151.

Piotrovskij R. G. Lingvističeskij avtomat (v issledovanii i nepreryvnom obuchenii) [A linguistic machine (in investigation and continuous education)]. St. Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia Publ., 1999. 255 p.

Piotrovskij R. G. Lingvističeskaja sinergetika: iskhodnye položženija, pervye rezul'taty, perspektivy [Linguistic synergetics: assumptions, first results, prospects]. St. Petersburg: Faculty of Philology of St. Petersburg St. Univ. Publ., 2006. 58 p.

Sennitskaja E. Ju. Semantičeskaja oblast' frantsuzskikh sotsiolingvističeskikh terminov [The semantic field of French sociolinguistic terms]. Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomičeskie i obščestvennye nauki [Humanities, socioeconomic and social sciences]. 2014. Iss. 12-3. P. 244–247.

Zhuchkova I. I. Tezaurusnoe modelirovanie terminologičeskogo polja predmetnoj oblasti "text linguistics" [Thesaurus modelling of the terminological field of the subject field "text linguistics"]. Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta [Science Journal of Volgograd State University]. 2014. Iss. 2. P. 53–59.

THESAURUS MODELLING OF THE SEMANTIC FIELD OF THE TERM 'WORD' IN THE SUBJECT FIELD «ENGLISH LEXICOLOGY»

Evgenij Ju. Gorbunov

Associate Professor in the Department of Theory and Methods of Foreign Languages and Cultures Teaching
Togliatti State University

Based on principles of semiotics and linguistic synergetics, the article deals with the peculiarities of thesaurus modelling of the semantic field of the term 'word', which stands to be the key one entering the semantic domain 'general lexicological terms', which, in its turn, enters the semantic space of the subject field «English lexicology». The componential analysis of corpus of English-language definitions of lexicological terms has revealed implicit semantic features of terminological signs (TS) and terminological word-combinations (TWC) with further description of the semantic relations linking these units by «rigid» frameworks of a dictionary entry. According to the results of the linguistic experiment based upon the Neo-Saussurean theory of the terminological sign there have been defined equivalent, hierarchical and associative relations between the head term 'word' and other terminological units within the modelled semantic field.

Key words: English lexicological terms; neo-Saussurean model of the linguistic sign; proof-experimental paradigm; thesaurus-net modelling; semantic relations.

УДК 811.111: 159.923.2

СТЕРЕОТИПНЫЕ ОЖИДАНИЯ ОТНОСИТЕЛЬНО РОЛИ ИММИГРАНТА В АМЕРИКАНСКОЙ И РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ: ОПЫТ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ

Екатерина Владимировна Трощенко

к. филол. н., доцент кафедры английской филологии и лингвокультурологии

Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9. kathlyntr@gmail.com

В статье поднимается вопрос о стереотипных ожиданиях к некоторым социальным ролям в культуре, которые могут оказывать влияние на социополитический дискурс. Отмечается, что одним из продуктивных методов исследования подобных ролевых ожиданий является психолингвистический эксперимент, который позволяет моделировать современные актуальные представления о роли, что не всегда возможно в рамках традиционного лингвистического анализа. Автор анализирует результаты психолингвистического эксперимента с американскими респондентами, которые должны были продолжить предложения трех типов: на идеал, антиидеал и статус-кво исполнения роли. Таким образом, можно описать стереотипные ролевые ожидания относительно роли Migrant в сравнении с некоторыми другими ролями. В частности, в статье проводятся параллели с ролью Muslim с учетом того, что респонденты демонстрируют повышенную степень осознания стереотипизации и тенденции упоминать в ответах о дискриминации группы, а не о характеристиках исполнителей роли. Внимание фокусируется также на гендерных различиях в ролевых ожиданиях. Для того чтобы подчеркнуть лингвокультурный аспект исследуемых ментальных репрезентаций, сравниваются результаты эксперимента с американцами с данными аналогичного эксперимента с русскими респондентами. Это дает возможность говорить о различиях в идеале интеграции для двух культур.

Ключевые слова: моделирование фрагмента социокультурного знания; психолингвистический эксперимент; стереотипы; ролевые ожидания; иммигранты; лингвокультурный аспект.

Вводные замечания

Понятия ролевые «ожидания» и «стереотип» изначально получили активное развитие в социальной психологии в русле исследований идентичности и представлений о социальных группах [Tajfel 1981; Шибутани 1969]. В отечественной науке работы по стереотипам появляются со второй половины XX в. [Кон 1968, 1971; Кондратенко 1966; Шихирев 1971; Ядов 1960, 1961, 1975]. Исследователи предлагают различное видение признаков стереотипа, однако изучение разных подходов позволяет выделить несколько основных характеристик.

В результате анализа большого массива исследований в этой области можно сделать вывод о том, что прототипический стереотип – это устойчивые, плохо поддающиеся изменению, стандартные, упрощенные, эмоционально

нагруженные представления о социальной группе, включающие ее отчетливую оценку и определяющие шаблоны действий по отношению к ней, причем такие представления должны разделяться значительной частью лингвокультурного сообщества. Речь в данном случае идет о концепте «стереотип» как прототипической категории в том виде, как она используется в современных научных исследованиях стереотипизации. Конкретные стереотипы при этом могут в большей или меньшей степени соответствовать описанному и, следовательно, выступать как хорошие или плохие примеры этой категории.

В лингвистических исследованиях термин «стереотип» также получил достаточно широкое распространение. Отмечается [Дьяконова 2002: 31], что стереотипность ситуаций в действительности приводит к возникновению стереотипов в

речи, для указания на которые в лингвистике, помимо термина «речевой стереотип», используются также термины «штамп», «клише», «стандарт», «шаблон» и т.д. В ряде работ существенное внимание уделяется проблеме разграничения положительных, конструктивных единиц и единиц дисфункциональных со стилистической точки зрения [Солганик 1968, 1969; Кохтев 1968; Костомаров 1968; Дридзе 1980: 139; Слепцова 2006]. Соответственно, проводится и терминологическое размежевание: последние чаще называются штампами или канцеляризмами, первые – клише или стандартами.

Наибольшее внимание уделяется «словесным ярлыкам». Этот термин применяется по отношению к эвфемистическому/дисфемистическому обозначению предметов и явлений, которое используется, чтобы оправдать собственные действия, замаскировать негативную окраску поступков и создать иллюзию их привлекательности или сформировать образ врага в общественном сознании [Оллпорт 1998: 165; Фрейдджер, Фэйдимен 2004: 536; Кудрявцева 2011].

Помимо ярлыков лингвисты [Крысин 2003; Бартминьский 2005] называют много иных способов закрепления и выражения стереотипов в языке: в мотивировках слов, фразеологических единицах, сравнительных оборотах, атрибутивных сочетаниях, пословицах, поговорках, анекдотах и др.

Однако, в отличие от употребления ярлыков и выстраивания высказываний таким образом, чтобы в подтексте содержалась отсылка к тому или иному стереотипу, большинство из названного далеко не всегда отражает существующее на данный момент положение дел. Многие закрепившиеся в устойчивых языковых выражениях стереотипы могут со временем трансформироваться, в то время как языковые выражения инерционно будут продолжать свидетельствовать о существовавшей некогда связи. Поэтому нельзя не согласиться с Е.Л. Вилинбаховой [Вилинбахова 2012] в том, что при реконструировании стереотипов по данным языка следует учесть возможность подобных расхождений между стереотипами, актуальными в настоящее время для лингвокультурного сообщества, и стереотипами, зафиксированными в ряде языковых выражений.

В настоящем исследовании нашей задачей было рассмотреть существующие в американской лингвокультуре стереотипные представления о социальной роли Migrants как одной из ролей, актуальных для общественно-политического дискурса. Нас интересовали не столько речевые клише, которые закрепляют в себе исторические

представления о роли, сколько живые стереотипные представления, включаемые в современные общественно-политические дискуссии как основа стратегий воздействия. Это поставило перед нами задачу провести исходное моделирование стереотипных ролевых ожиданий в рамках психолингвистического эксперимента на продолжение незаконченных предложений.

Респонденты, реагируя на предложенные в эксперименте стимулы, активируют в своем сознании соответствующий фрагмент социокультурного знания – стереотипные представления об исполнителях заданной роли – и вербализуют их в форме законченного высказывания. Статистическая обработка полученного массива реакций позволяет оценить степень согласованности этих знаний с точки зрения того, насколько единообразны полученные реакции, либо, напротив, выяснить, что ответы демонстрируют наличие контрастных представлений, что, по сути, свидетельствует об их потенциальной конфликтогенности. Приводимые данные о процентном соотношении разных видов реакций показывают, какие из представлений оказываются более актуальными в соответствующей лингвокультуре. Выявленные таким образом инварианты, равно как и значимые внутрикультурные варианты реакций, представляют собой первичную модель стереотипных представлений о роли, которая в дальнейшем может использоваться в качестве опоры для анализа конкретных коммуникативных взаимодействий представителей этого лингвокультурного сообщества.

Лингвокультурологическая направленность исследования предполагает также выявление специфики видения изучаемой роли в американской культуре. С нашей точки зрения, наиболее продуктивно это можно сделать в ходе сопоставительного анализа, когда данные одной культуры сравниваются с данными другой, и эта последняя становится тем зеркалом, которое позволяет наиболее наглядно показать особенности первой. В связи с этим мы предприняли аналогичное исследование роли иммигранта в русской лингвокультуре и предлагаем анализ результатов американского и русского экспериментов в сравнительном ключе.

В современном мире, когда процессы миграции населения становятся все более масштабными, стереотипизация мигрантов в разных лингвокультурах приобретает все большую актуальность. Так, в работах по проблемам аккультурации и адаптации мигрантов [Berry, Kalin 1979; Berry 1994; Берри 2014; Лебедева 2009] большое значение придается уровню предрассудков и дискриминации в межгрупповых отношениях,

взаимным установкам и ожиданиям как самих мигрантов, так и принимающего населения. Психолингвистическое моделирование соответствующих ментальных репрезентаций у доминирующей группы может стать важной основой для дальнейшего дискурсивного анализа общественно-политических дискуссий, во многом определяющих развитие взаимоотношений иммигрантов и принимающего социума и выбор стратегий межкультурного взаимодействия.

Дизайн эксперимента по выявлению стереотипных ролевых ожиданий

Психолингвистический эксперимент на продолжение незаконченных предложений был направлен на выявление стереотипных ожиданий относительно ряда социальных ролей, актуальных для американского общественно-политического дискурса. Всего в нашем эксперименте, проведенном в 2011 г., в качестве стимула использовалось 13 ролей: Politician, Republican, Democrat, Government official, Journalist, Soldier, Military commander, Law enforcement officer, Christian, Muslim, Judaist и Migrant. Однако в настоящей статье мы подробнее опишем только данные, полученные для роли Migrants, с некоторыми сравнениями по другим ролям.

В качестве респондентов в данном психолингвистическом исследовании выступали американцы – 55 человек (из них мужчин – 23, женщин – 32), в возрасте от 17 до 73 лет, однако с преобладанием студентов.

В 2013 г. мы также провели аналогичный эксперимент с русскими респондентами (49 человек, студенты магистратуры и старших курсов бакалавриата, лингвисты и социологи; 36 женщин, 13 мужчин). Всего рассматривалось пять ролей: Российский гражданин, Политик, Журналист, Полицейский и Иммигрант. Таким образом был получен материал для некоторых лингвокультурных сопоставлений, что позволяет делать определенные выводы об особенностях стереотипных ожиданий относительно одних и тех же ролей в американской и русской культурах.

При планировании эксперимента мы исходили из предположения о том, что стереотипы в силу их устойчивости и стандартизованности легко актуализируются в сознании представителей лингвокультурного сообщества. Поэтому при выполнении задания на продолжение предложений, где заданы различные социальные роли, респонденты будут в значительном количестве случаев развивать мысль именно в соответствии с подобными стереотипными ролевыми ожиданиями. Причем, возможно, в такого рода эксперименте будут озвучиваться представления,

настолько тривиальные для данного лингвокультурного сообщества, что в реальных дискуссиях они, будучи основой коммуникативных стратегий, остаются исключительно в имплицитии и никогда или почти никогда не вербализуются. В этом случае их экспликация в данных эксперимента позволит при дальнейшем анализе данных общественно-политического дискурса снизить субъективизм исследователя при трактовке.

Нас интересовало несколько аспектов стереотипных представлений: стереотипы относительно того, каким должен быть исполнитель роли (**идеал** исполнения роли), каким он быть не должен (**антиидеал**) и какими они обычно бывают (**status quo**), т.е. насколько в реальности они соответствуют идеалу/антиидеалу. При этом существенна также и степень согласованности взглядов различных представителей данного социокультурного сообщества по указанным вопросам. В связи с этим респондентам было предложено закончить предложения трех типов. Начало первых двух предложений помимо указания на роль содержало глагол *should (not)*, основные значения которого, согласно грамматикам, предполагают, что нечто с точки зрения говорящего делать правильно/неправильно, уместно и морально оправданно, что хорошо согласуется с идеалом/антиидеалом исполнения роли. Действительно, в своих ответах респонденты использовали данный глагол именно с этим значением, сходным образом в эксперименте с русскими употреблялся и глагол (*не*) *должен*. Третий тип предложения включал в себя наречие *usually* в начальной позиции и номинацию роли во множественном числе, чтобы актуализировать представления о наиболее типичном, с точки зрения респондентов, поведении субъектов, исполняющих данную роль.

Задание для американских респондентов выглядело следующим образом:

Below you will find a number of unfinished sentences about different social groups (3 sentences in each box). Please, write down the first thing that comes to your mind to complete them.

Migrants

1. *Migrants should...*; 2. *Migrants should not...*; 3. *Usually migrants...*

Задание русским респондентам предлагалось в следующей форме:

Вам предлагается пять социальных ролей, относительно которых существуют типичные ожидания в русском социуме. Продолжите нижеследующие предложения. Запишите первый вариант, который приходит вам в голову.

Иммигранты

1. Иммигрант должен ...; 2. Иммигрант не должен ...; 3. Обычно иммигранты ...

Задания выполнялись в письменной форме. Время выполнения задания и возможное количество продолжений не ограничивалось, поэтому в ряде случаев респонденты могли давать достаточно развернутые ответы, однако чаще ограничивались относительно краткими характеристиками. В ряде случаев таких характеристик могло быть более одной. При этом семантически они могли быть как более или менее тесно связанными, так и относительно независимыми. В связи с этим было принято решение при обсчете данных эксперимента рассматривать их как отдельные реакции, таким образом, число реакций на разные роли при одинаковом количестве респондентов разнится. Одинаковые или максимально близкие по языковой формулировке реакции объединялись в группу. В дальнейшем при содержательном анализе результатов эксперимента такие группы реакций могли объединяться при классификации по различным принципам в большие кластеры.

В связи с тем что для разных ролей было получено разное количество реакций, а также с проводимым сравнением реакций респондентов разного пола мы приводим данные процентного отношения реакций той или иной группы к общему количеству реакций, полученных для данной роли (для всех респондентов в целом или по отдельности для респондентов мужского и женского пола).

Анализ данных эксперимента относительно роли Migrants

Роль иммигранта, так же как и роль мусульманина, выделяется по результатам эксперимента с американскими респондентами повышенной степенью осознанности стереотипизации и общей напряженностью в сфере выражения мнения по вопросу. Это, в частности, отражается в отказах продолжать предложенную фразу или ответах «*I don't know*», свидетельствующих об избегании респондента как-либо высказываться на щекотливые темы, даже несмотря на анонимность опроса.

Поскольку у нас есть данные аналогичного эксперимента с русскими респондентами относительно данной роли, интересно провести сопоставление по этому аспекту. Как мы увидим из данных эксперимента, русские респонденты почти не продемонстрировали указанной тенденции: готовность предлагать негативно коннотированные продолжения, в общем, соответствует подобной готовности у американцев в отноше-

нии, например, сторонников другой политической партии.

В связи с этим следует, вероятно, выдвинуть предположение о том, что на данном этапе для американского лингвокультурного сообщества степень актуализированности проблемы иммиграции значительно выше, чем для русского. Это, по всей видимости, должно находить отражение и в сфере общественно-политического дискурса. Одновременно такая заостренность внимания общества на проблеме при наличии культуры политической корректности неизбежно приводит к повышению самоконтроля при выполнении экспериментальных заданий, а следовательно, можно ожидать, что расхождение между выражаемым и истинным мнением в таких ситуациях потенциально выше.

Русские респонденты в ответах на предложения первого типа (**идеал исполнения роли**) демонстрируют высокую степень согласия во мнениях, что отличает их реакции от реакций американцев на аналогичный стимул. С точки зрения русских респондентов, существуют два основных требования к иммигранту (% от 58 реакций):

1. Социальная адаптация иммигрантов должна проходить с учетом необходимости уважения принимающей страны и изучения ее языка (51,7%):

Иммигрант должен подчиняться моральным нормам страны, куда приехал; уважать уклад жизни, культуру чужой страны; **знать русский язык; изучать язык и культуру страны; с уважением относиться к культуре страны проживания и знать язык; принять культуру той страны, куда едут; учить язык; изучать иностранный для него язык; уважать культуру страны, куда он прибыл; уважать чужую культуру и традиции; уважать** обычаи страны, куда въезжает; **знать русский и уважать традиции и культуру страны; уважать граждан страны, в которую он иммигрировал; уважительно относиться к стране и людям, живущим в ней; стараться как можно лучше интегрироваться в то общество, в котором он проживает; обязательно постараться ассимилироваться в обществе; стараться вписаться в страну, в которой он живет; с легкостью включаться в жизнь общества, к которому теперь принадлежит; вести себя достойно в чужой стране.**

2. Иммигрант должен въезжать в страну на законных основаниях и подчиняться существующим там законам (34,5%):

Иммигрант должен подчиняться законам страны, куда он приехал; уважать устоявшиеся права; **уважать законы и порядки страны, в**

которую он иммигрировал; жить по законам страны, в которую иммигрировал; **уважать** законы страны, в которой находится; соблюдать законы страны, в которую въезжают; принять законы страны, куда едут; **уважать** страну, в которую приехал.

Как мы видим, подавляющее большинство ответов (86,2%) приходится на эти две категории, которые внутренне также достаточно однородны: ключевым словом для описания является «уважение», понимаемое как интеграция в среду и принятие законов, моральных норм и культурных образцов принимающей страны.

Все другие реакции в отношении идеала исполнения роли у русских респондентов единичны. Среди них мы находим утверждения о необходимости *работать, быть выносливым* – намек на возможность дискриминационного отношения к иммигрантам с указанием на то, что иммигранты вынуждены *давать взятки представителям правоохранительных органов*, а также собственно дискриминационная реакция – *уехать из России*.

Ответы американских респондентов в данном случае более разнообразны, хотя основные категории в целом совпадают с русскими. Наибольший процент реакций также связан с проблемой адаптации и законности пребывания в стране (% от 57 реакций):

1. Социальная и культурная адаптация к новой среде (28%). Особое внимание при этом уделяется владению языком принимающей страны. Ряд респондентов, однако, также отмечает необходимость сохранить связи и со своей родной культурой (см. подчеркивание), что не отмечалось русскими респондентами:

Migrants should most definitely learn English and use it just as all of the ones who came to this country 100 years ago had too; integrate into society but also should hold onto their heritage, the USA is a melting pot; preserve their culture while adapting to US culture; forge a new cultural identity; assimilate and contribute to new society; assimilate to where they live; assimilate; care for their culture and new country; be required to speak fluent English to stay; take steps to learn the language and culture of his adopted country; be able to communicate acceptably; learn and maybe adapt to new culture; speak more than 1 language; retain his national identity; get accustomed to his new life; attempt to learn the language of their new country.

Так же как и в случае с русскими респондентами, мы находим в ответах терминологическое разнообразие – ассимиляция, интеграция, создание новой идентичности, что может соответствовать несколько различающимся взглядам на то,

насколько должен измениться вновь прибывший в страну.

В этом отношении особенно любопытно разнообразие синтаксических конструкций, которые используют американские респонденты для того, чтобы указать на необходимость как интегрироваться в принимающую культуру, так и сохранить элементы своей прежней культурной идентичности. Интерес представляет профилизация: какая информация помещается в главное предложение, а какая в придаточное, или идеи подаются через сочинительную связь, или упоминается только что-то одно, т.к. это, вероятно, отражает приоритеты респондентов. Мы видим, что в данном случае мнения выражены по-разному, от наиболее категоричного «*retain his national identity*» без упоминания необходимости интеграции к «*preserve their culture while adapting to US culture*», где сохранение прежней культурной идентичности упоминается первым, и в главном предложении, при наличии в придаточном упоминания адаптации к новой среде. Далее, вероятно, в этом континууме мнений можно разместить вариант с сочинением «*care for their culture and new country*», предполагающим относительную равнозначность упоминаемых идей (впрочем, очередность их упоминания также может иметь значение). Далее идет вариант, где идеи сохранения прежней культурной идентичности помещаются в придаточное, стоящее после главного, которое содержит идею адаптации: «*integrate into society but also should hold onto their heritage, the USA is a melting pot*», и, наконец, все оставшиеся реакции, где речь идет исключительно об адаптации к новой среде.

Нужно также заметить, что в языковом отношении разнятся и ответы респондентов касательно необходимости для иммигранта выучить язык принимающей страны. Некоторые респонденты категоричны в заявлениях («*most definitely learn English*», «*be required to speak fluent English*»), в то время как другие предлагают более мягкие формулировки («*take steps to learn the language*», «*attempt to learn the language*», «*maybe adapt to new culture*»).

Таким образом, судя по лексическому и синтаксическому оформлению ответов, мы находим довольно широкий спектр мнений по поводу степени требуемой ассимиляции. Учитывая словесное оформление ответов русских респондентов и отсутствие упоминаний о необходимости сохранения прежней культурной идентичности, можно сделать вывод, что для русской культуры эта степень желательной ассимиляции в среднем выше, чем для американской.

2. Легальность иммиграции и добросовестное выполнение обязанностей гражданина принимающей страны (19,3%):

Migrants should *only come in legally; get immigration papers if s/he wants to make life easy; be prepared to assume the costs and responsibilities of citizenship, from paying taxes to observing laws, no matter their economic or social status; be legal; be respectful of our laws; respect the laws of his/her host country; get a green card; have papers; apply for citizenship; be a good citizen; live peacefully with others.*

В сравнении с ответами русских респондентов особый интерес здесь представляет наличие упоминаний о получении гражданства, что воспринимается (см. ниже п. 3) как дар, который нужно ценить и ради которого необходимо прилагать значительные усилия. Поскольку роль иммигранта в эксперименте не детализировалась, представляется важным отметить, что, если исходить из реакций респондентов, для американцев образ иммигранта чаще связывается с тем, кто приехал в страну для постоянного пребывания с перспективой натурализации. В то время как русские, вероятно, часто продолжают предложения, опираясь на образ трудового мигранта, приехавшего на территорию РФ на заработки.

В отличие от русских, американцы в целом ряде случаев предлагают продолжения предложения, связанные:

3. С необходимостью для иммигранта много и упорно трудиться для того, чтобы достичь успеха (17,5%):

Migrants should *be hardworking; do their best for their; never stop trying to be the best/succeed; work hard; work hard to find his place in a new society; be appreciative of their gifts and work to become a citizen; work to become citizens of the US.*

При этом значительная доля реакций (22,8%) уже на продолжение предложений первого типа описывает тяжесть жизни мигранта, к чему он должен быть готов, и свидетельствует об осознании возможности дискриминации, т.к. некоторые респонденты указывают на необходимость лучше относиться к иммигрантам:

Migrants should *keep not only their family's interests, but also their own in mind; expect dignity; try to be treated well; be welcomed warmly in the US; get their deserved rights; defy discrimination; be allowed to work in America; be welcome to this country; be allowed to work where he wants; be courageous; be prepared for new experiences; have more rights; be paid well.*

В отношении этой категории ответов здесь и для продолжений предложений 2 и 3 интересно проследить гендерные различия. Для респонден-

тов-мужчин (от 23 мужских реакций) доля реакций данного типа для предложения 1 (*immigrants should...*) составляет 13%, а для женщин (от 31 женской реакции) – 32,3%, т.е. женщины почти в 2,5 чаще упоминают в своих ответах о проблемах иммигрантов.

Анализ продолжений предложения 2 (**анти-идеал**) у американских респондентов показывает, что наиболее частая проблема – это именно нарушение иммигрантами законов США. В 30,8% реакций отмечается, что иммигрант не должен быть нелегалом и нарушать другие законы, вести себя агрессивно и создавать проблемы другим гражданам:

Migrants should not *be violent; question the orders of his overlord; be illegal; come to America illegally; try to stay in the US illegally; be somewhere illegally; disturb others; break the law; do things he knows are morally wrong; purposely avoid citizenship; succumb to a life of crime; be allowed to stay illegal; violate the law; break laws; be an illegal alien.*

Для сравнения тема несоблюдения законодательства поднимается в реакциях на роль гражданина США только в 14% ответов на предложение 2, соответственно, можно предположить, что иммигранты чаще воспринимаются как угроза. При этом есть отчетливые гендерные различия: мужчина упоминают о такой угрозе со стороны иммигрантов в два раза чаще, чем женщины (мужчины – 41,7% от 24 реакций, женщины – 21,4% от 28 реакций).

Американцы также отмечают, что иммигрант не должен быть пассивным, становиться обузой для государства, не работая, а лишь получая пособие, и не должен думать, что кто-то должен решать за него его проблемы (13,5%):

Migrants should not *expect to reap the benefits of a national system without contributing to its upkeep; receive social security until they pay in for a lifetime (as those of us who are born here) or receive other benefits (such as medical) that Americans cannot receive; be lazy; wait to be cared for; expect to enjoy all the rights and privileges of citizens; use language barrier as an excuse; take advantage of what they have.*

Одновременно с этим респонденты полагают, что иммигрант, несмотря на отмеченные сложности в обустройстве жизни в новой стране, не должен отчаиваться и опускать руки (11,5%):

Migrants should not *feel alien and hopeless; give up in what they believe; give up because she/he thinks that she/he is too old for school/work; give up; fear the future; be bitter about migrating.*

Среди упоминаний о возможных проблемах с иммигрантами есть также блок реакций, касаю-

щийся отсутствия адекватной адаптации к новым условиям (5,8%):

Migrants should not avoid becoming integrated into his new country; fail to assimilate somewhat; reject American culture.

Однако в равной степени упоминается и необходимость сохранять элементы принадлежности к той культуре, откуда иммигрант родом (5,8%):

Migrants should not forget where s/he came from; forget his culture; lose their culture

Существенное количество ответов американских респондентов имеет отношение не к негативным качествам исполнителя роли, а к такому принимающего общества. 26,9% реакций касаются того, что иммигрантов нельзя дискриминировать и что они не должны позволять с собой так обращаться; из этого можно сделать вывод, что, несмотря на осознание недопустимости дискриминации, она присутствует в обществе:

Migrants should not be deported for taking up important jobs; be deported; expect to be vilified; be discriminated against; be discriminated against when this nation was founded out of them; let themselves be pushed hard; be prosecuted just because they are illegal; be afraid; be discriminated against; be considered slave labor; be treated like a slave; be mistreated by others; settle for cheap labor; just toil.

Как и в случае с аналогичным блоком реакций на роль Muslim (результаты данного исследования еще не были опубликованы), мы видим значительное количество употреблений пассивного залога. И, так же как и в реакциях на идеал, здесь заметны гендерные различия. Мужчины упоминают эту проблему лишь в 12,5% (от 24 реакций), а женщины – в три раза чаще (39,3% от 28 реакций).

Картина ответов русских респондентов несколько иная. Основные три блока ответов, связанных с опасениями относительно иммигрантов, выглядят следующим образом:

1. Хамское поведение, неуважение к принимающей стране, ее культуре и гражданам (29,4%):

Иммигрант не должен вести себя вызывающе; наглеть; быть хамом; неуважительно себя вести; быть наглым; пренебрежительно относиться к языку, культуре страны; оскорблять чужую культуру; неуважительно относиться к народу в стране, куда приехал; вести себя неуважительно по отношению к другим гражданам; оскорблять граждан; игнорировать культуру страны; сравнивать страну, в которую переехал, с родной и говорить, что тут хуже;

угрожать гражданам страны, в которую приехал.

2. Навязывание своих правил (21,6%):

Иммигрант не должен утверждать, что его культура/религия/образ жизни – самые лучшие, единственно верные; противопоставлять себя тому обществу, где он живет, точнее, насаждать устои и обычаи, свойственные его стране/национальности; диктовать свои правила гражданам страны, в которую приехал; ставить ультиматумы и устанавливать свои правила; пытаться навязывать свои порядки; стараться подстроить порядки чужой страны под себя; навязывать свое миропонимание принимающей стране; менять устои и традиции в стране, где он проживает; насаждать свою культуру; пытаться "принести свой устав в чужой монастырь"; навязывать свои культурные особенности, традиции.

3. Нарушение закона (15,7%):

Иммигрант не должен действовать против закона; нарушать закон; оскорблять страну пребывания и нарушать ее законы; преступать закон; то же самое, что и гражданин РФ (нарушать закон и угрожать безопасности других граждан); любыми способами стараться заработать на неофициальной, незарегистрированной работе; причинять вред стране, в которую прибыл.

Как мы видим, по сравнению с американцами, русские в меньшей степени обеспокоены проблемой нарушения закона со стороны иммигрантов, хотя этот блок ответов также достаточно многочислен. Однако в большей степени русских респондентов волнует невыполнение того, что в предложениях на идеал формулировалось как «уважение к принимающей стране» и также было наиболее частотным вариантом реакции.

Создается впечатление, что идеал интеграции в русском варианте – это полная ассимиляция. В этом отношении показательна, как нам кажется, следующая реакция: «Иммигрант не должен чувствовать, а тем более называть себя "чужим/другим"». Реакции, предполагающие сохранение элементов прежней культурной идентичности, немногочисленны (5,9%):

Иммигрант не должен забывать родной язык; забывать свою культуру; забывать родину.

При этом, в отличие от ответов американцев, антидискриминационные продолжения единичны (3,9%):

Иммигрант не должен терпеть оскорбления; быть притеснен.

Зато есть собственно дискриминационные варианты продолжений, причем в существенном количестве (15,7%):

Иммигрант не должен в общественных местах говорить на своих родных языках, т.к. это не всем гражданам этой страны приятно; выступать; зарабатывать много денег; показывать свою религиозную принадлежность; привлекать внимание; отстаивать свои права; пропагандировать свою страну.

Наконец, анализ предложений относительно **status quo** дает следующую картину исполнения роли иммигранта в американской и русской культурах.

В ответах американцев наибольшее число реакций положительно коннотированно. Рисуеться образ иммигрантов, которые много и упорно работают и приносят пользу США, что не всегда признается должным образом (36%):

Usually migrants are hard-working; work hard, pay taxes and contribute more than they take; contribute more to the US society than is publicly acknowledged; work hard; work hard; are hard workers; are hardworking; care for the country; contribute to the economic and social life of their host country; do the best they can in the circumstances; do their best to make a better life for themselves; are loyal Americans; do what they can to survive until they can obtain proper documents; grow into their new habitat; are fine; are deserving of being here.

Вторая по численности группа ответов связана не с характеристикой самих исполнителей роли, а с отношением к ним в обществе. Респонденты вновь высказывают озабоченность тем, что иммигрантов дискриминируют, эксплуатируют и незаслуженно мало им платят (24%):

Usually migrants are discriminated against in the US; are really discriminated against; are unfairly discriminated against; are marginalized and discriminated; are exploited and impoverished; do the job no one else wants to; are regarded as exploitable, dirty people, unfortunately; are low on the pay scale; are underpaid; are treated poorly and blamed for everything; find work for low wages; have little in the way of amenities and healthcare.

Гендерные различия в ответах в данном случае особенно заметны: у респондентов мужчин – это лишь 9% (от 22 реакций), у женщин – почти в четыре раза больше (37,5% от 28 реакций).

Одновременно с этим мы встречаем осознанные отказы от стереотипизации – отказы от выполнения задания, ответы «*I don't know*» и продолжения предложений следующего типа:

Usually migrants all are different; fall in between waiting to be cared for and working to be

come citizens; not sure, there are many different migrants.

Видно, что такого рода ответы аналогичны тем, что мы видели в продолжениях предложений на *status quo* в отношении роли Muslims, хотя в отношении роли Migrants они встречаются реже (ср. Migrants 6% – Muslims 16,5%).

В ответах респондентов-женщин намечается озабоченность тем, что иммигранты образуют замкнутые группы и плохо интегрируются в американское общество (10%). В ответах респондентов-мужчин реакции этой группы не встречаются:

Usually migrants do not mingle outside their circle; fail to take up opportunities that are handed to them; are too shy in their new country; don't assimilate; isolate themselves.

Группа отрицательно коннотированных ассоциаций относительно невелика и составляет всего 8% общего числа реакций:

Usually migrants perceive the US as richer and better-equipped than it really is, many do not understand that the idea of the US is based on responsible participation by all parties, and simply stripping away benefits does harm to both their reputation and the US, Everyone is welcome here but you have to pay to play; are illegal; forget who they were, how hard they worked to get to new place; are lazy.

Имеется также группа нейтральных реакций (10%):

Usually migrants miss their homeland somehow; do not like in the countries they are from; leave their country out of financial necessity; are Hispanic; come from other countries to start a new life in America.

Что касается ответов русских респондентов, то здесь мы наблюдаем картину, во многом противоположную. Наиболее частотны как раз отрицательные ассоциации в отношении иммигрантов (30%). Положительные реакции единичны. Респонденты полагают, что иммигранты наносят вред принимающей стране и ведут себя неподобающим образом:

Обычно иммигранты могут нанести ущерб стране, в которую приехали, живя в нее свою (чуждую нам) культуру; ведут себя нагло и неуважительно; ведут себя нагло; ведут себя вызывающе; нахальны, бескультурны и невежливы; ведут себя неуважительно; злоупотребляют гостеприимством принимающей страны; не все делают правильно; бывают громкими ("кричат" про свою страну); несут свою собственную культуру, игнорируя чужую; не проявляют должной лояльности к обществу, в котором они живут; ведут себя отвратительно; придерживаются правил, которые приняты в его стране;

не проявляют должного уважения к чуждой культуре.

Тем не менее в 18% случаев респонденты отмечают присутствие дискриминации иммигрантов и тот факт, что им приходится в основном выполнять тяжелую и низкооплачиваемую работу:

Обычно иммигранты несчастные люди, которые не получают поддержку от государства; подвержены угнетению со стороны представителей новой страны; не нравятся коренным жителям, а зря; не могут найти работу; доставляют дискомфорт гражданам РФ; воспринимаются негативно; являются необразованной и неквалифицированной рабочей силой; кладут кирпичи; согласны на любую, даже самую тяжелую и низкооплачиваемую работу.

Так же как и американцы, русские отмечают (8%), что иммигранты плохо адаптируются и образуют замкнутые группы:

Обычно иммигранты скучают по родине; живут обособленно от граждан страны; создают "гетто" и не вливаются в жизнь страны; живут в комьюнити.

В качестве еще одной проблемы упоминается нарушение закона в среде иммигрантов и проживание в стране на нелегальном положении (8%):

Обычно иммигранты устраиваются на работу нелегально; не живут по законам страны, куда приехали; живут на территории страны нелегально; чувствуют вседозволенность и безнаказанность.

Случаи осознанного отказа от озвучивания каких-либо стереотипных представлений в количественном отношении сопоставимы с ответами американцев (10%):

Обычно иммигранты разные; бывают разными; бывают разные; по-разному себя ведут.

Выводы

Таким образом, по данным эксперимента мы видим, что в американской лингвокультуре проблема иммиграции оказывается более актуализированной, чем в русской, а существующие схемы ее рассмотрения близки к тем, которые мы наблюдали в отношении мусульман. Респонденты в значительной степени отдают себе отчет в проблемности роли и необходимости аккуратно высказываться по данному вопросу, что приводит к тому, что они часто предпочитают в продолжениях предложений описывать не характеристики исполнителя роли, а характеристики принимающего сообщества. Причем в предложениях разных типов мы последовательно наблюдаем гендерные различия в степени осознания того, что в США присутствуют дискри-

минационные практики в отношении иммигрантов: женщины-респонденты реже говорят об иммигрантах как об угрозе для американского общества и чаще упоминают проблемы самих иммигрантов. Кроме того, при сравнении русской и американской частей эксперимента выявляются различия в понимании идеала аккультурации иммигрантов. Для русской культуры степень желательной ассимиляции, по всей видимости, выше, в то время как американцы с большей готовностью воспринимают идею сохранения части предыдущей культурной идентичности при включении иммигрантов в культурную сферу принимающей страны, т.е. здесь речь идет скорее об интеграции, а не об ассимиляции.

Список литературы

- Бартминьский Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике: пер. с польск. М., 2005. 528 с.
- Берри Дж. Аккультурация и адаптация среди мигрантов. Презентация для Московского городского университета управления Правительства Москвы. 2014. URL: <http://mguu.ru/wp-content/uploads/2014/12/john-berri.pdf> (дата обращения: 31.08.2015).
- Дридзе Т.М. Язык и социальная психология. М.: Высшая школа, 1980. 224 с.
- Дьяконова И.В. Междисциплинарный подход к рассмотрению понятия «стереотип» // Проблемы социо- и психоллингвистики. Пермь, 2002. Вып. 1. С. 29–33.
- Кон И.С. Национальный характер – миф или реальность? // Иностран. лит. 1968. № 9. С. 215–229.
- Кон И.С. К проблеме национального характера // История и психология / под ред. Б.Ф. Поршнева, Л.И. Анцыферовой. М., 1971. С. 122–158.
- Кондратенко Г.М. Об особенностях стереотипизации // Вестник МГУ. 1966. № 1. С. 57–67.
- Костомаров В.Г. Эстетствующее фразерство и проблема стандарта // Вестник МГУ. Сер. 11: Журналистика. 1968. № 4. С. 70–76.
- Кохтев Н.Н. Клише и газетная речь. // Вестник МГУ. Сер. 11: Журналистика. 1968. № 3. С. 38–44.
- Крысин Л.П. Этностереотипы в современном языковом сознании: к постановке проблемы // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности / ред. Н.А. Купина, М.Б. Хомяков. Екатеринбург, 2003. С. 450–455.
- Кудрявцева Л.А. Массмедийный политический дискурс Украины: особенности «послемайданного» периода // Язык и дискурс средств мас-

совой информации в XXI веке. М.: Акад. проект, 2011. С. 30–43.

Лебедева Н.М. Теоретические подходы к исследованию взаимных установок и стратегий межкультурного взаимодействия мигрантов и населения России. К постановке проблемы // Стратегии межкультурного взаимодействия мигрантов и населения России / под ред. Н.М. Лебедевой и А.Н. Татарко. М.: РУДН, 2009. С. 10–63. URL: http://www.hse.ru/data/2010/03/27/1217654121/Lebedeva_PerspAnalyzeAttit&InteractStrat.pdf (дата обращения: 31.08.2015).

Оллпорт Г.В. Личность в психологии. М.: КСП+, СПб: Ювента, 1998. 345 с.

Слепцова С.В. Речевые стандарты в языке газеты (на материале французской публицистики) // Единство системного и функционального анализа языковых единиц: материалы междунар. науч. конф. Белгород, 11–13 апр. 2006 г. / отв. ред. О.Н. Прохорова. Белгород, 2006. Вып. 9, ч. 2. С. 323–326.

Солганик Г.Я. О штампах и газетном языке // Вестник МГУ. Сер. 11: Журналистика. 1968. № 2. С. 42–48.

Солганик Г.Я. Язык газеты и штампы // Вопросы истории, теории и практики местной печати: тез. докл. науч.-практ. конф. Воронеж, 1969. С. 64.

Фрейджер Р., Фэйдимен Д. Теории личности и личностный рост. М.: Мир, 2004. 2095 с.

Шибутани Т. Социальная психология. М.: Прогресс, 1969. 534 с.

Шихирев П.Н. Исследование стереотипа в американской социальной психологии // Вопросы философии. 1971. № 5. С. 168–175.

Ядов В.А. К вопросу о теории «стереотипизации» в социологии // Философские науки. 1960. № 2. С. 47–58.

Ядов В.А. Идеология как форма духовной деятельности. Л.: Изд-во ЛГУ, 1961. 234 с.

Ядов В.А. О диспозиционной регуляции социального поведения личности // Методологические проблемы социальной психологии / под ред. Е.В. Шороховой. М., 1975. С. 89–105.

Berry J.W., Kalin R. Reciprocity of inter-ethnic attitudes in a multicultural society // International Journal of Intercultural Relations. 1979. №3. P. 99–112.

Berry J.W. Acculturation and psychological adaptation: review // Journeys into cross-cultural psychology: Selected papers from the 11th International conference of the International association for cross-cultural psychology held in Liege, Belgium / ed. by Bouvy A. M. et. al. Lisse, etc.: Swets & Zeitlinger, 1994. P. 139–140.

Tajfel H. Social Stereotypes and Social groups // Intergroup behavior / J.C. Turner, H. Giles (eds.). Oxford: Basil Blackwell, 1981. P. 144–167.

References

Allport G.V. Lichnost' v psikhologii [The person in psychology]. М.: КСП+, СПб: Juventa Publ., 1998. 345 p.

Bartmin'skij E. Jazykovej obraz mira: ocherki po etnolingvistike [Linguistic image of the world: ethnolinguistic studies]. М., 2005. 528 p.

Berry J.W. Acculturation and psychological adaptation: review. Journeys into cross-cultural psychology: Selected papers from the 11th International conference of the International association for cross-cultural psychology held in Liege, Belgium. Bouvy A.M. et. al. (Eds.). Lisse, etc.: Swets & Zeitlinger, 1994. P. 139–140.

Berry J.W. Akkul'turatsija i adaptatsija sredi migrantov. Prezentatsija dlja Moskovskogo gorodskogo universiteta upravlenija Pravitel'stva Moskvy [Acculturation and adaptation of migrants. Presentation for Moscow City Government University of Management]. 2014. Available at: <http://mguu.ru/wp-content/uploads/2014/12/johnberri.pdf> (accessed 31.08.2015).

Berry J.W., Kalin R. Reciprocity of inter-ethnic attitudes in a multicultural society. International Journal of Intercultural Relations. 1979. Iss. 3. P. 99–112.

D'jakonova I.V. Mezhdistsiplinarnyj podkhod k rassmotreniju ponjatija «stereotip» [Interdisciplinary approach to the notion of stereotype]. Problemy sotsio- i psikholingvistiki [Problems of socio- and psycholinguistics]. 2002. Iss. 1. P. 29–33.

Dridze T.M. Jazyk i sotsial'naja psikhologija [Language and social psychology]. М.: Vysshaja shkola, 1980. 224 p.

Frager R., Fadiman J. Teorii lichnosti i lichnostnyj rost [Personality and personal growth]. М.: Mir Publ., 2004. 2095 p.

Jadov V.A. Ideologija kak forma dukhovnoj dejatel'nosti [Ideology as a form of spiritual activity]. Leningrad: Leningrad Univ. Publ., 1961. 234 p.

Jadov V.A. K voprosu o teorii «stereotipizatsii» v sotsiologii [On the theory of “stereotypisation” in sociology]. Filosofskie nauki [Philosophical sciences]. 1960. Iss. 2. P. 47–58.

Jadov V.A. O dispozitsionnoj reguljatsii sotsial'nogo povedenija lichnosti [On dispositional regulation of a person's social behaviour]. Metodologicheskie problemy sotsial'noj psikhologii [Methodological problems of social psychology] / ed. by E.V. Shorokhova. М., 1975. P. 89–105.

Kokhtev N.N. Klishe i gazetnaja rech' [Cliches and language of newspapers]. Vestnik MGU. Ser.

11: Zhurnalistika [Moscow State University Bulletin. Series 11: Journalism]. 1968. Iss. 3. P. 38-44.

Kon I.S. Natsional'nyj kharakter – mif ili real'nost'? [National character – a myth or reality?]. Inostrannaja literatura [Foreign literature]. 1968. Iss. 9. P. 215-229.

Kon I.S. K probleme natsional'nogo kharaktera [On the issue of national character]. Istorija i psikhologija [History and psychology] / ed. by B.F. Porshneva, L.I. Antsyferova. M., 1971. P. 122-158.

Kondratenko G.M. Ob osobennostjakh stereotipizatsii [On peculiar features of stereotypization]. Vestnik MGU [Moscow State University Bulletin]. 1966. Iss. 1. P. 57-67.

Kostomarov V.G. Estetstvujushhee frazjerstvo i problema standarty [Aestheticising phrase-making and the problem of standard]. Vestnik MGU. Ser. 11: Zhurnalistika [Moscow State University Bulletin. Series 11: Journalism]. 1968. Iss. 4. P. 70-76.

Krysin L.P. Etnostereotipy v sovremennom jazykovom soznanii: k postanovke problemy [Ethnostereotypes in the modern linguistic consciousness: on the problem statement]. Filosofskie i lingvokulturologicheskie problemy tolerantnosti [Philosophical and linguocultural problems of tolerance] / ed. by N.A. Kupina, M.B. Homjakov. Ekaterinburg, 2003. P. 450-455.

Kudrjavtseva L.A. Massmedijnyj politicheskij diskurs Ukrainy: osobennosti «poslemajdannogo» perioda [Political discourse of the mass media in Ukraine: particular features of the “after-Maidan” period]. Jazyk i diskurs sredstv massovoj informatsii v XXI veke [Language and discourse of the mass media in the XXIst century]. M.: Akademicheskij proekt, 2011. P. 30-43.

Lebedeva N.M. Teoreticheskie podkhody k issledovaniju vzaimnykh ustanovok i strategij mezhkul'turnogo vzaimodejstvija migrantov i naselenija Rossii. K postanovke problemy [Theoretical approaches to studying mutual attitudes and strategies of intercultural interaction of migrants and pop-

ulation of Russia: on the problem statement]. Strategii mezhkul'turnogo vzaimodejstvija migrantov i naselenija Rossii [Strategies of intercultural interaction of migrants and population of Russia] / ed. by N.M. Lebedeva, A.N. Tatarko. M.: PFUR Publ., 2009. P. 10-63. Available at: http://www.hse.ru/data/2010/03/27/1217654121/Lebedeva_PerspAnalyzeAttit&InteractStrat.pdf (accessed 31.08.2015).

Shibutani T. Sotsial'naja psikhologija [Social psychology]. M.: Progress Publ., 1969. 534 p.

Shikhirev P.N. Issledovanie stereotipa v amerikanskoj sotsial'noj psikhologii [Study of stereotypes in American social psychology]. Voprosy filosofii [Issues of philosophy]. 1971. Iss. 5. P.168 -175.

Sleptsova S.V. Rechevye standarty v jazyke gazety (na materiale frantsuzskoj publitsistiki) [Speech standards in newspaper language (case study of French press)]. Edinstvo sistemnogo i funktsional'nogo analiza jazykovykh edinit: materialy mezhdunar. nauch. konf., Belgorod, 11-13 apr. 2006 g., BelGU [Unity of systemic and functional analysis of language units: proceedings of the international sci. conference, Belgorod, 11-13 April, 2006] / ed. by O.N. Prokhorova. Belgorod, 2006. Iss. 9. P. 2. P. 323-326.

Solganik G. Ja. O shtampakh i gazetnom jazyke [On cliches and newspaper language]. Vestnik MGU. Ser. 11: Zhurnalistika [Moscow State University Bulletin. Series 11: Journalism]. 1968. Iss. 2. P. 42-48.

Solganik G.Ja. Jazyk gazety i shtampy [Newspaper language and cliches]. Voprosy istorii, teorii i praktiki mestnoj pečati. Tez. dokl. nauch.-prakt. konf. [Issues of history, theory and practice of local press. Proceedings of the science-to-practice conf.]. Voronezh, 1969. P. 64.

Tajfel H. Social Stereotypes and Social groups. Intergroup behaviour. Turner J.C., Giles H. (Eds.). Oxford: Basil Blackwell, 1981. P. 144-167.

STEREOTYPICAL EXPECTATIONS OF THE ROLE OF MIGRANTS IN AMERICAN AND RUSSIAN LINGUOCULTURE: AN ATTEMPT OF PSYCHOLINGUISTIC MODELLING

Ekaterina V. Troshchenkova

Associate Professor in the Department of English Philology and Cultural Linguistics
Saint Petersburg State University

The article raises the question of stereotypical expectations of some social roles in a culture that can influence socio-political discourse. It is claimed that one of the productive methods of studying such role expectations is a psycholinguistic experiment, as it allows for modelling current ideas about a role, which is not always possible to do by means of traditional linguistic analysis. The article covers the results of a psy-

cholinguistic experiment with American respondents, asked to continue three types of sentences concerning an ideal, an anti-ideal and the status quo of a role performance. Thus, it is possible to describe stereotypical role expectations of the role of migrants in comparison with some other roles. In particular, the article draws some parallels with the role of Muslims in terms of respondents' self-consciousness and tendencies to mention discrimination against the group rather than the group characteristics in the answers. Also the article focuses on gender differences in role expectations. In order to emphasise a linguocultural aspect of the mental representations in question, the results of the answers of American respondents are compared with the results of an analogous experiment with Russians. This makes it possible to speak of the differences in the ideal of integration for the two cultures.

Key words: modelling of a fragment of sociocultural knowledge; psycholinguistic experiment; stereotypes; role expectations; migrants; linguocultural aspect.

УДК 81'42:659.181

НАЦИОНАЛЬНО ЗНАЧИМЫЕ КЛЮЧЕВЫЕ СМЫСЛЫ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ (на материале русских телевизионных текстов)¹

Наталья Васильевна Данилевская

д. филол. н., профессор кафедры русского языка и стилистики

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Пермь, ул. Букирева, 15. danil6@mail.ru

В статье рассматриваются особенности современной социальной рекламы. Освещается вопрос соотношения рекламы и культуры, влияния рекламы на формирование поведенческих стереотипов и нравственных ценностей общества. Приводятся и анализируются основные признаки социальной рекламы. Утверждается, что реклама, созданная для распространения в определенном национальном коллективе, отражает картину мира этого коллектива, которая фиксируется в языковых единицах рекламного текста как национально значимая информация, или национально значимые ключевые смыслы. Высказывается мнение о том, что современная телевизионная реклама часто совмещает в себе информацию двух типов – коммерческую и социальную. При этом коммерческая составляющая текста как бы уходит на второй план, становится сопутствующей информацией, приобретая при этом за счет ценностных смыслов «социального» плана акцентированный характер звучания в общем контексте рекламного сообщения. Доказывается, что в коммерческой телерекламе усиливается воспитательная функция, свойственная социальной рекламе.

Ключевые слова: коммерческая реклама; социальная реклама; картина мира; ключевой смысл; национальные ценности; социально-коммерческая направленность телерекламы.

Интенсивное развитие рыночных отношений в экономике и жесткая конкурентная борьба производителей за своего потребителя сформировали в индустриальном, а затем и постиндустриальном обществе особый вид деятельности человека – рекламный. Особенность рекламной деятельности заключается не только в том, что она является неотъемлемой частью экономической и политической жизни современного общества, но и в том, что она стала одним из *важнейших элементов культуры*. Примечательно в связи с этим мнение М. А. Измайловой о том, что рекламная коммуникация «детерминирует основные закономерности социального взаимодействия, выходя, тем самым, за рамки своих изначальных экономических и маркетинговых целей и оказывая влияние на облик и процесс развития современной культуры в целом» [Измайлова 2011: 158. Курсив наш. – Н. Д.].

Лингвисты давно изучают особенности рекламной коммуникации, в результате чего к настоящему времени накоплен богатый опыт интерпретации рекламных текстов, сформировалось особое лингвистическое направление – тео-

рия рекламы – обладающее собственной терминосистемой. При этом о влиянии рекламы на культуру, об их связи пишут многие учёные, подчёркивая не только роль рекламных сообщений в динамических процессах языка, но и влияние рекламы на динамику социальных ценностей, поведенческих норм, на изменение национальных стереотипов [см., например: Тунникова 2005; Детинкина 2010; Гаран 2009; Юрчук 2009 и др.].

Действительно, общее количество рекламных сообщений в пространстве всех текстов массовой информации велико настолько, что способно не просто воздействовать на потребителей, но и перестраивать в той или иной степени их сознание, эмоции, убеждения, даже привычки. Не случайно А. К. Симонова рассматривает рекламу как феномен, определяющий и в какой-то степени «регулирующий все сферы общественной и личной жизни» [Симонова 2010: 5]. Изучая проблему «взаимодействия личности с различными социальными группами и индивидами в типичных ситуациях», исследователь утверждает, что «специфика детерминации коммерческой рекла-

мой социального поведения заключается в том, что она побуждает реализовать фундаментальную для личности потребность в самоутверждении, прежде всего, путем приобретения товаров и услуг в той социальной группе, которая для неё является референтной» [Симонова 2010: 8]. Более того, А. К. Симонова считает, что реклама «побуждает к рационально обоснованному пересмотру тех ценностных ориентаций, которыми человек руководствуется в повседневной жизни путём демонстрации одобряемых социумом форм реализации долга, ответственности перед людьми и самим собой» [там же].

Иными словами, феномен рекламы как неотъемлемой части современного медиапространства заключается не только в том, что она информирует о товарах и услугах, но и в том, что она влияет на формирование внутреннего мира потребителей, трансформируя унаследованные им от предшествующих поколений традиционные ценности, изменяя эмоционально-психологическое состояние людей, вплоть до поведенческих и языковых стереотипов.

В самом деле, в российской действительности за последние годы наблюдалось много фактов такой трансформации. Например, телереклама пива, которая показывала людей (и мужчин, и женщин), пьющих пиво во время отдыха где-нибудь на природе, в бане, в компании друзей или просто идущих по улице и пьющих прямо из бутылки, привела к тому, что, во-первых, объёмы потребления пива возросли в несколько раз; во-вторых, появилось много именно «пивных алкоголиков», особенно среди молодых людей, тогда как в советские годы «пивного» алкоголизма почти не было; в-третьих, пиво действительно стали пить прямо из бутылки и на ходу. И только Федеральный закон «О государственном регулировании производства и оборота алкоголя», принятый депутатами Государственной думы РФ, одобренный Советом Федерации РФ и подписанный Президентом Российской Федерации (июль 2011 г.), постепенно меняет сложившуюся ситуацию.

Всё это говорит о реальном влиянии рекламы на поведенческие стереотипы общества, а шире – на уровень его культуры. По верному замечанию Е. С. Кара-Мурзы, «психолого-педагогическое воздействие рекламы по масштабам сопоставимо с прагматическим эффектом от удачных продаж: не случайно же, по мнению американских специалистов по коммуникации, на становление американского образа жизни реклама повлияла не меньше, чем Библия. Поэтому рекламные постеры – больше, чем красивые картинки; рекламные

слоганы – больше, чем забавные запоминающиеся фразы; рекламные телеперсонажи – больше, чем условные потребители» [Кара-Мурза 2000]. Обращает на себя внимание также мнение о том, что «тип рекламного оповещения постепенно заявляет себя как **диффузный** продукт всепроникающей информационной деятельности. Диффузный – это значит не четко локализованный, но просачивающийся во все поры общественного организма, затрагивающий непосредственно или косвенно все общественные структуры» [Ученова, Старуш 1996: 22. Выделено авторами. – *Н.Д.*].

Сегодня общественная практика формирует новые реалии, а следовательно, ставит перед лингвистами новые задачи. Так, в условиях изменившейся государственной политики, направленной на формирование нового гражданского общества, способного противостоять вызовам глобализации, особое значение приобретает социальная реклама, которая до сих пор остается недостаточно изученной лингвистами. А между тем роль социальной рекламы в воспитании общества сложно переоценить: востребованность рекламной продукции разных жанров, насыщенность ею радио-, телеэфира и городского пространства в целом предоставляют большие возможности для целенаправленного и педагогически взвешенного воздействия СМИ на духовно-нравственную зону сознания массового потребителя. Особенно если при этом среди 100 % коммерческих рекламных текстов будет присутствовать хотя бы 30 % текстов социальной направленности.

Считаем, что в помощь социальной рекламы в современном медиапространстве можно развернуть широкий конструктивный диалог с обществом, причем с совершенно разными его слоями. Тем более что специфика социальной рекламы заключается, кроме всего прочего, в ее гуманитарном характере: она детерминирует социальное поведение человека в том смысле, что побуждает реализовывать фундаментальную для личности потребность в самоутверждении и национальной самоидентификации. Не случайно многие исследователи подчёркивают такие существенные особенности социальной рекламы, как ее способность

1) определять и трансформировать систему ценностных ориентиров общества [Музыкант 2006; Песоцкий 2003; Симонова 2010 и др.];

2) отражать своеобразие национальной картины мира [Детинкина 2010; Ивченко 2010 и др.];

3) демонстрировать культурные приметы жизни того или иного общества, его духовные скрепы [Глухова 2013; Карпова 2014 и др.].

Иными словами, весьма значимой с социально-исторической точки зрения оказывается способность рекламы быть источником информации об особенностях жизни разных народов (разных стран), встраиваться в контекст межнациональной (= планетарной - ?) коммуникации и культуры, т.е. обретать статус *элементов общечеловеческого культурного пространства*, входя в это пространство – наряду с другими феноменами культуры – в качестве составляющих его единиц.

На сегодняшний день в русской лингвистической литературе почти нет исследований, посвященных проблемам соотношения рекламы с культурой, языка рекламы с языковой картиной мира российского общества, хотя сама способность рекламы нести культурно значимую информацию не вызывает вопросов.

Так, всякий рекламный текст, написанный на определенном языке (русском, китайском, английском и пр.), ориентирован на особенности мировосприятия того народа, к которому обращен. Если, например, какой-либо рекламный текст информирует разные народы об одном и том же предмете (например, об автомобиле определённой марки), то в формально-содержательной структуре этого текста, как правило, отражаются национально-специфические черты того коллектива, ради которого данный текст создается.

Функционируя в зоне определённого этнического коллектива (одной страны), рекламные тексты «подстраиваются» под свойственный этому коллективу культурный контекст, под характерные для этой нации нормы, правила, привычки, традиции, стереотипы – одним словом, под национальную картину мира. Ср., например, русский и китайский рекламные тексты, в которых рекламируется автомобиль *TOYOTA*. Русский текст сопровождает всем известный слоган: *TOYOTA – управляй мечтой!* Китайской рекламе соответствует слоган *Даже в горах [для неё] дорога есть! Где есть дорога – там обязательно TOYOTA!* [车到山前必有路! 有路必有丰田车!] Рекламируется одна и та же марка автомобиля, но по-разному. В русском слогане фиксируется понятие *мечты*, которое отражает исторически обусловленное состояние русского человека – мечту о хорошем (комфортном в использовании, красивом, технически продуманном) автомобиле, которого русский автолюбитель был лишён в советское время и некоторую часть постсоветского периода, потому что Автопром делал машины, как говорят сами русские, не для человека, а на продажу. Именно эту сокровенную, выстраданную мечту и отражают в слогане авторы рекламы. В китайском слогане

выражена, напротив, мечта среднестатистического китайца иметь автомобиль-универсал, который, во-первых, может ехать в любую точку Китая независимо от местного рельефа (в город или в деревню, в горы или пустыню), во-вторых, относится к «народной» машине, типичной для китайцев, распространённой среди них (ср. утверждение *Где есть дорога – там обязательно TOYOTA!*) [подробнее см.: Вань Нин 2015].

Эта общая закономерность – отражение в рекламном сообщении национально специфической картины мира – распространяется и на социальную рекламу.

Например, всем известна телевизионная реклама Газпрома, информирующая о строящемся газопроводе «Сила Сибири»; этот рекламный текст довольно часто присутствует в рекламных блоках таких каналов, как «Россия 1», «Россия 24», «Первый канал». Интересен вербальный текст рекламы, ср.:

Сила тайги, сила реки, сила гор, сила духа, сила воли, сила красоты, сила семьи, сила традиций, сила движения, сила света, сила Сибири – национальное достояние.

В этом тексте последовательно перечисляются традиционные русские ценности: просторы природы (тайга, реки, горы), особенности русского характера (сила, дух, воля), общезначимые жизненные стереотипы (красота, семья, традиция, движение, свет). Однако объединяются все перечисляемые ценности одним понятием – *сила*, пожалуй, главным, исходным среди других представлений о русском характере. Ср. общеизвестные представления о русских: это люди с твердым характером и непобедимой волей, все, чего добился этот народ за свою многовековую историю, исходит от силы его духа. Иными словами, в данной рекламе эксплицируется стереотипное представление о специфике русского характера.

Национальный характер, по мнению Т. А. Квашиной, это «компонент психического склада нации, определяемый как отношение к различным сторонам действительности, закрепившееся и проявляющееся в устойчивых стереотипах мышления, эмоционального реагирования и поведения в целом» [Квашина 2011: 23. Разрядка наша. – Н.Д.]. Она же приводит высказывание В.Г.Белинского о том, что «тайна национальности каждого народа заключается не в его одежде или кухне, а в <...> манере понимать вещи» [там же. Разрядка наша. – Н.Д.].

К настоящему времени на материале текстов различных стилей описаны многие концепты, конструирующие русскую концептосферу (рус-

ское концептуальное поле сознания). По мнению большинства исследователей, к национально-специфическим концептам, составляющим так называемую среднюю зону концептосферы, относятся такие, как *душа, совесть, вера, тоска, печаль, воля, свобода, грех, родина, соборность, сердце, поле, дом, дорога, ум, разум, мечта, надежда, любовь, красота* [Концепты перечислены по убыванию степени важности для ядра русской ментальности. – По данным авторов «Антологии русских концептов» (2007 г.)].

Как видно, основу русского мироощущения составляют ментальные единицы, находящиеся в зоне духовности, духа, чувств и переживаний. Даже концепты, номинирующие, казалось бы, материальные объекты – *сердце, поле, дорога, дом*, – своей понятийной стороной уходят в глубину зоны духовности и чувственности (т.е. в зону аффекта). Ср., например, русское чувство ностальгии по России как единственной, ничем не заменимой родной земле; или образ поля, уходящий корнями в бескрайние просторы и отсюда – в свободу, широту (души), чисто русское ощущение безграничности чувств и действий; или образ дома, неразрывно связанный с бесконечной дорогой к дому, родному порогу, движение к которому из-за бескрайних русских просторов может быть бесконечным. Иными словами, даже лексемы с предметным значением, как носители концептуальных смыслов, являются в русской концептосфере выразителями именно духовной сферы жизни русского человека (о русской концептосфере см.: [Антология концептов 2007; Маслова 2010: 68–72; Доценко 2011: 48–59 и др.]).

Интересно также, что первыми среди этих центральных обычно называются концепты *душа, совесть, вера, тоска, печаль, воля, свобода*, которые, по мнению культурологов, наиболее точно и прежде всего отражают состояние русского мироощущения, выражая специфику национального характера. Именно с этими качествами в русском классическом искусстве связываются особенности мировосприятия и, следовательно, поведения русского человека: обострённое ощущение себя как личности в этом мире, нацеленность на собственные эмоциональные переживания (внутренняя рефлексия), ответственность за Родину и своих близких, устремлённость к воле и свободе и при этом незатухающие тоска и печаль по несбывшимся надеждам, отсутствию рядом близкого человека, невозможности достичь гармонии и возведённого в мечту идеала.

Таким образом, концептосфера русской ментальности полностью основана, на наш взгляд,

на духовной сфере жизни человека, на его ощущении и понимании себя в окружающей действительности и, наоборот, окружающей действительности – в себе, т.е. расположена вдоль сонаправленного вектора «Я ↔ Мир вокруг меня» [Ху Сяосюэ 2013: 59].

Заметим в качестве уточнения: по мнению китайской исследовательницы Ху Сяосюэ, концептосфера китайской ментальности двухполюсна: с одной стороны, она основана на почтении, преклонении рядового китайца перед высшей мудростью, с другой (как и в русской ЯКМ) – на духовной сфере жизни китайцев, на особенностях их ощущения и понимания себя в окружающей действительности. Иначе говоря, концептуальное поле китайского сознания имеет двухвекторную направленность и организовано по типу соотношения «Высшая Мудрость ↔ Я ↔ Мир вокруг меня» [Ху Сяосюэ 2013: 63; см. также: Данилевская, Ху Сяосюэ 2014].

Итак, социальная реклама, как и любая другая, включает в себе культурно значимую информацию о том народе, к которому обращена. Однако в социальной рекламе, в отличие от коммерческой, целенаправленно эксплуатируются те или иные этнические стереотипы, поведенческие нормы, те или иные исторически сложившиеся ценности, как, например, в телерекламе Газпрома. (Ср. с коммерческой рекламой, где этнически значимые ценности не актуальны.) Вообще, интересно само появление данной рекламы на телевидении: Газпрому рекламировать себя нет никакой необходимости, потому что россияне и без рекламы пользуются газом так же естественно, как, например, горячей водой, в основном не имея альтернативных источников энергоснабжения (кроме электричества, которое чаще всего не заменяет, а дополняет газ). Появление данной рекламы имеет прежде всего цель воспитательную, т.е. культурно значимую. С помощью текста этой рекламы нам, живущим в России, напоминают о таких ценностях, как сила, дух, воля, семья, красота, движение, свет, т.е. о том, что всегда было концептуально важным для представлений как о самой России, так и о людях, в ней живущих и ее защищающих; о том, что с точки зрения русской картины мира традиционно относилось к истинным нравственным ценностям.

Весьма важно, что в последнее время на основе национально значимых нравственных ценностей все чаще начинают создаваться тексты не только собственно социальной рекламы, но и коммерческой. В этом случае коммерческая составляющая текста как бы уходит на второй план, становится сопутствующей информацией,

приобретая при этом, за счет ценностных смыслов «социального» плана, акцентированный, усиленный характер звучания в общем контексте рекламного сообщения.

Так, например, авторы телерекламы детской игрушки-лакомства «Киндер Сюрприз» избрали неожиданную форму «Имя мамы знаменитого человека – Киндер Сюрприз». См. текст рекламы:

Знаете, как звали маму Пушкина? – Ее звали Надежда. – А маму Галины Улановой? – Мария. – А маму Леонардо да Винчи? – Катерина. – А маму Моцарта? – Анна Мария. – А маму Эйнштейна? – Паулина. – А мою маму зовут Наташа. Я вырасту и тоже прославлю имя моей мамы. Киндер – выбор мам замечательных детей.

Как видно, на 45 слов этого рекламного текста всего 5 (*Киндер – выбор мам замечательных детей*) формируют коммерческий план содержания (т.е. 11 % от 100 % целого текста), остальные 40 слов (89 % всего текста) формируют социально направленный план содержания. Этот социально направленный план текста выражает гуманистическую идею «матери, вырастившие талантливых людей, ставших достоянием мировой культуры». Но, пожалуй, главное в том, что завершает формирование «социального» плана данного текста мысль проспективной направленности – «я тоже прославлю свою маму». Тем самым акцентируются (выносятся в сильную, завершающую, позицию текста) значимые для русской картины мира концепты – «семья», «мать», «личность и общество».

Подобных примеров можно привести много. Особенно часто они стали появляться в телерекламе в последнее время. Таков, например, текст рекламы МТС, ср.:

Для тебя, кто покажет ему Байкал. Кто изменит Красному с Черным морем. Кто придет, как обещал; кто Третье променяет на Золотое. Для тебя, кто любовь расстоянием не мерит; кто на коне встречает старость; и для тебя, кто прокричит: «Бабушка, я научилась плавать!». Мы отменили роуминг в России. МТС – ты знаешь, что можешь.

Содержание социально направленного плана здесь цементируют следующие ключевые смыслы: «забота» / «опека» / «наставничество» (*кто покажет ему Байкал*), «верность слову» (*Кто придет, как обещал*), «верность Родине» / «любовь к Родине» (*Кто изменит Красному с Черным морем*), «истинная любовь» (*Для тебя, кто любовь расстоянием не мерит*), «активная жизнь» (*кто на коне встречает старость*), «се-

мья» («*Бабушка, я научилась плавать!*»). Все эти смыслы отражают традиционные ценности русского менталитета, благодаря которым текст приобретает тональность доброты, душевного тепла, красоты, надежды на будущее.

Еще пример. Телереклама «Боксер»:

Тренер по боксу принимает вызов по мобильному телефону от беременной жены: – *Опять дерется? Давай поговорю.* – [Жена подставляет трубку к своему животу] – *Привет, хулиган! Ты уже большой парень, почему так себя ведешь? Давай так: успокойся, а я вернусь пораньше. Договорились?* – [В диалог вступает жена] – *Кажется, успокоился.* – [Голос за кадром] – *Не жалейте слов, чтобы быть услышанными!*

Эта реклама так же, как и предшествующие, основана на концепте «семья»: муж-отец помогает жене-матери воспитывать еще не родившего ребенка, заботится о семье, думает о поведении сына, а значит, о его будущем. Интересно здесь последнее предложение текста, тоже несущее социально-воспитательную – не коммерческую (!) – направленность и звучащее как аксиома, как «изречение мудрых».

Основываясь на приведенных примерах, можно утверждать, что с помощью внедрения в коммерческую рекламу фрагментов с социально значимым содержанием рекламодатели стремятся не только информировать адресата о своем продукте, но и придать ему «человеческое» звучание, так сказать, вписать в матрицу традиционных ценностей, упаковать в обертку душевно близкую, родную, понимаемую не столько разумом, сколько эмоциями, внутренними ощущениями. Социальная направленность коммерческой рекламы, во-первых, придает последней именно русское звучание, во-вторых, явно или неявно пробуждает в сознании воспринимающих добрые чувства, высокие идеалы, нравственные ценности. А поскольку, как мы отмечали, среди телевизионных рекламных текстов таких – вариативно оформленных, т.е. социально-коммерческих, – становится все больше, можно говорить об определенной тенденции: современная телереклама «берет курс» на усиление воспитательной функции, поскольку последняя является одной из главных примет социальной рекламы (ср. с приведенными выше специфическими особенностями социальной рекламы).

Таким образом, российская реклама и, в частности, ее телевизионный сегмент сегодня характеризуются ориентацией на национально значимые ценности, в том числе на духовно-нравственную зону сознания массового потребителя.

Примечание

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 14-04-00575а.

Список литературы

Антология концептов / под ред. В.И.Карасика, И.А.Стернина. М.: Гнозис, 2007. 512 с.

Вань Нин. Слоган русской автомобильной рекламы в структурно-содержательном аспекте (на фоне китайской рекламы): дисс. ... канд. филол. наук. Пермь, 2015. 230 с.

Гаран Е.П. Лингвокультурологические аспекты интерпретации рекламного дискурса (на материале русского и английского языков): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2009. 20 с.

Глухова Д.С. Социальная реклама: функционально-предметные особенности и специфика творческого процесса: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2013. 23 с.

Данилевская Н.В., Ху Сяосюэ. Русская и китайская «успешная женщина»: восприятие и толкование современниками // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2013. Вып. 3(27). С. 42–53.

Детинкина В.В. Рекламный дискурс как способ создания социального мифа: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2010. 24 с.

Доценко Д.В. Лингвистика и межкультурная коммуникация. Красноярск: Науч.-иннов. центр, 2011. 278 с.

Ивченко М.В. Функционально-семантические и лингвокультурологические особенности вербализованного концепта «волшебство» в сказочном и рекламном дискурсах: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2010. 22 с.

Измайлова М.А. Психология рекламной деятельности. М.: Дашков и К°, 2011. 444 с.

Кара-Мурза Е.С. Русский язык в рекламе. 2000. URL: <http://www.gramota.ru> (дата обращения: 26.12.2014).

Карпова С.В. Международная реклама. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2014. 472 с.

Квашина Т.А. Телевидение и общество: Этнокультурные факторы телевизионного дискурса. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2011. 24 с.

Маслова В.А. Лингвокультурология. 3-е изд., испр. М.: Изд. центр «Академия», 2010. 20 с.

Музыкант В.Л. Формирование бренда средствами PR и рекламы. 2-е изд., с изм. М.: Экономика, 2006. 606 с.

Песоцкий Е.А. Современная реклама. Теория и практика. Изд. 2-е, перераб. и доп. Ростов н/Д: Феникс, 2003. 352 с. (Серия «Психология бизнеса»).

Симонова А.К. Реклама в процессе детерминации социального поведения личности: автореф. дисс. ... канд. социол. наук. Екатеринбург, 2010. 19 с.

Тунникова В.А. Проблема лингвокультурных стратегий коммуникации: дисс. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2005. 156 с.

Учёнова В.В., Старуш М.И. «Философский камешек» рекламного творчества: Культурология и гносеология рекламы. М.: Максима, 1996. 105 с.

Ху Сяосюэ. Речевое воплощение концепта «успешная женщина» в текстах русских глянцевого журналов (на фоне китайского языка): дисс. ... канд. филол. наук. Пермь, 2013. 224 с.

Юрчук О.Л. Роль массовой коммуникации в формировании индивидуальной картины мира // Межкультурная коммуникация: современные проблемы и решения / науч. ред. Г.А. Дзида. М.: Спутник, 2011. С. 47–53.

References

Antologija kontseptov / pod red. V.I. Karasika, I.A.Sternina. [Anthology of concepts/ ed. by V.I. Karasik, I.A. Sternin]. Moscow: Gnozis Publ., 2007. 512 p.

Danilevskaja N.V., Hu Sjaosjue Russkaja i kitajskaja «uspeshnaja zhenshhina»: vosprijatije i tolkovanije sovremennikami [The Russian and Chinese “successful woman”: contemporary perception and interpretation]. Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija. [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology]. 2013. Iss. 3(27). P. 42-53.

Detinkina V.V. Reklamnyj diskurs kak sposob sozdanija sotsial'nogo mifa. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Advertising discourse as a way of creating a social myth. Synopsis of Cand. philol. sci. diss.]. Izhevsk, 2010. 24 p.

Dotsenko D.V. Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikatsija [Linguistics and intercultural communication]. Krasnoyarsk: Centre for Science and Innovation Publ., 2011. 278 p.

Garan E.P. Lingvokul'turologicheskie aspekty interpretatsii reklamnogo diskursa (na materiale russkogo i anglijskogo jazykov. Avtoref. dis. kand. filol. nauk.) [Linguocultural aspects of the interpretation of advertising discourse (case study of the Russian and English languages). Synopsis of Cand. philol. sci. diss.]. Rostov-on-Don, 2009. 20 p.

Glukhova D.S. Sotsialnaja reklama: funktsional'no-predmetnye osobennosti i spetsifika tvorcheskogo protsessa. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Social advertising: functional and substantive peculiarities and specifics of creative process. Synopsis of Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2013. 23 p.

Hu Sjaosjue Rechevov poploshhenie kontsepta «uspeshnaja zhenshhina» v tekstakh russkikh gljantsevych zhurnalov (na fone kitajskogo jazyka). Dis. kand. filol. nauk [Verbalization of the concept “successful woman” in texts of Russian glossy magazines (compared with the Chinese language). Cand. philol. sci. diss.]. Perm, 2013. 224 p.

Ivchenko M.V. Funktsional’no-semanticheskie i lingvokulturologicheskie osobennosti verbalizovanogo kontsepta «volshество» v skazochnom i reklamnom diskursakh. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Functional-semantic and linguocultural features of the verbalized concept “magic” in fairy-tale and advertising discourses. Synopsis of Cand. philol. sci. diss.]. Rostov-on-Don, 2010. 22 p.

Izmajlova M.A. Psikhologija reklamnoj dejatel’nosti [Psychology of advertising activity]. Moscow: Dashkov & Co Publ., 2011. 444 p.

Jurchuk O.L. Rol’ massovoj kommunikatsii v formirovanii individual’noj kartiny mira [The role of mass communication in the formation of an individual world view]. Mezkul’turnaja kommunikatsija: sovremennye problemy i reshenija [Intercultural Communication: Modern Issues and Solutions]. Moscow: Sputnik Publ., 2011. P. 47–53.

Kara-Murza E.S. Russkij jazyk v reklame [The Russian language in advertising]. 2000. Available at: <http://www.gramota.ru> (accessed: 26.12.2014).

Karpova S.V. Mezhdunarodnaja reklama [International advertising]. Moscow: Jurajt Publ., 2014. 472 p.

Kvashina T.A. Televidenie i obshhestvo: etnokul’turnye factory televizionnogo diskursa [Tele-

vision and society: ethnic and cultural factors of television discourse]. Saint Petersburg Univ. Publ., 2011. 24 p.

Maslova V.A. Lingvokulturologija [Cultural linguistics]. Moscow: Akademija Publ., 2010. 20 p.

Muzykant V.L. Formirovanie brenda sredstvami PR i reklamy [Formation of a brand by means of PR and advertising]. Moscow: Ekonomist Publ., 2006. 606 p.

Pesotskij E.A. Sovremennaja reklama. Teorija i praktika [Modern advertising. Theory and practice]. Rostov-on-Don: Feniks Publ., 2003. 352 p.

Simonova A.K. Reklama v protsesse determinatsii sotsial’nogo povedenija lichnosti. Avtoref. dis. kand. sotsiol. nauk [Advertising in the process of determination of social behaviour. Synopsis of Cand. philol. sci. diss.]. Ekaterinburg, 2010. 19 p.

Tunnikova V.A. Problema lingvokul’turnykh strategij kommunikatsii. Dis. kand. filol. nauk. [The issue of linguocultural communication strategies. Cand. philol. sci. diss.]. Rostov-on-Don, 2005. 156 p.

Uchjonova V.V., Starush M.I. «Filosofskij kameshek» reklamnogo tvorcestva: Kul’turologija i gnoseologija reklamy [The “Philosopher’s stone” of advertising creativity: Cultural studies and epistemology of advertising]. Moscow: Maksima Publ., 1996. 105 p.

Van Ning Slogan russkoj avtomobilnoj reklamy v strukturno-soderzhatel’nom aspekte (na fone kitajskoj reklamy). Dis. kand. filol. nauk [Slogans of Russian automotive advertising in terms of structure and content (compared to Chinese advertising). Cand. philol. sci. diss.]. Perm, 2015. 230 p.

NATIONALLY SIGNIFICANT KEY MEANINGS OF MODERN SOCIAL ADVERTISING (THROUGH THE EXAMPLE OF RUSSIAN TELEVISION TEXTS)

Natalia V. Danilevskaya

Professor in the Department of Russian Language and Stylistics
Perm State University

The article considers peculiarities of modern social advertising. The issues of correlation between advertising and culture, of influence of advertising on the formation of behavioural stereotypes and moral values of society are covered, main features of social advertising are analysed. It is claimed that advertisements made for distribution in a particular national group reflect this group’s view of the world, which is captured in the language units of the advertising text as nationally significant information, or nationally significant key meanings. It is noted that modern television advertising often combines information of two types – commercial and social. At the same time, the commercial component of text is fading away becoming auxiliary information, however due to the value meanings of the «social» plan acquiring more intensive sounding in the whole context of an advertising message. It is also proved that the educational function inherent to social advertising is being enhanced in commercial TV advertising.

Key words: commercial advertising; social advertising; view of the world; key meaning; national values; social and commercial focus of TV advertising.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОБЩЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА С ДОМАШНИМИ ЖИВОТНЫМИ¹

Ольга Борисовна Ермолова

к. филол. н., зав. филиалом службы обеспечения дополнительных образовательных программ Учебного отдела по направлениям востоковедение, искусство и филология Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 11. o-ermolova@mail.ru

В процессе речевой деятельности человек вступает в контакт с различными коммуникантами, в том числе и не вполне стандартными. Подавая реплики такому нестандартному адресату, адресант не получает вербального ответа. Несмотря на это, подобное общение существует и достаточно часто встречается в разговорной речи. В лингвистике имеется ряд работ, посвященных этой тематике. Основные наблюдения, сделанные лингвистами, которые занимаются исследованиями в этой области, иллюстрируются в настоящей статье примерами из материалов одного из модулей Звукового корпуса русского языка – «Один речевой день» (ОРД). Главной задачей разработчиков при создании этого модуля было изучение речевого поведения носителя языка в течение дня с использованием методики 24-часовой записи. Таким образом появляется возможность получить представление о том, как строится общение представителей разных социальных (гендерных, возрастных, профессиональных и т.п.) групп на протяжении дня. В течение своего «речевого дня» информанты говорят с коллегами и друзьями, с учениками и учителями, с членами семьи и со случайными собеседниками на улице, в транспорте, в магазине, аптеке и т.д. В бытовом общении среди партнеров этих информантов встречаются кошки и собаки, растения и мебель, компьютеры и автомобили. В статье круг рассматриваемых нестандартных адресатов ограничивается домашними животными. Информанты, обозначенные в соответствии с шифром, принятым в ОРД (И04, И22, И24, И28, И35, И72), двое мужчин и четыре женщины, контактируют со своими домашними питомцами: пятью кошками и собакой. В числе прочего автором отмечаются речевые особенности одного и того же информанта, проявляющиеся в его общении со взрослыми людьми (собеседниками, коммуникантами), в сравнении с его разговорами с животными (партнерами). Подчеркивается сходство общения с животными и общения с детьми. Выявляются мотивы, стимулирующие речевые контакты с нестандартными партнерами.

Ключевые слова: звуковой корпус; разговорная речь; общение; ролевое поведение; разговоры с животными; разговоры с детьми; диалог; монолог; русский язык.

Введение

В повседневном общении человека выделяется сфера, в которой говорящий не получает и не может получить от собеседника полноценного ответа на вербальном уровне. Так выглядит, например, контакт с домашними животными, растениями, автомобилем, компьютером или предметами обихода. Нестандартность такого общения заключается в том, что говорящий не имеет возможности обмениваться репликами с адресатом. Такое общение нельзя считать полноценной беседой или разговором в полном смысле этого слова, и поэтому его участников правильнее назвать не собеседниками, а *партнерами*. Однако, несмотря на эту нестандартность, обще-

ние такого рода происходит достаточно регулярно. В настоящей статье из перечисленного ряда нестандартных партнеров рассматриваются только домашние животные.

Многие лингвисты, признанные специалисты в области изучения разговорного языка, уделяли внимание специфике речи человека при его общении с животными (см., например: [Ермакова 1988, 1998; Сиротинина 1999; Китайгородская, Розанова 1999; Байкулова 2008]). Несколько с других позиций, но также в связи с коммуникацией, эти проблемы волнуют биологов и филологов (см.: [Панов 1970; Каган 1988]).

О. П. Ермакова в статье «Речевой портрет собаки» отмечает, что изучение этой сферы обще-

ния человека может быть полезно для лучшего понимания некоторых функций человеческой речи [Ермакова 1998: 94]. С лингвистической точки зрения представляют интерес жанровые, стилистические, лексические, морфологические и прочие особенности такого общения. Каковы жанры разговоров человека с животным? Чем отличается (и отличается ли) лексический состав обращений к животному от обращений к человеку? Имеются ли другие специфические особенности общения человека с животным? В настоящей статье делается попытка найти ответы на все эти вопросы. Материалом для анализа и наблюдений стал Звуковой корпус русского языка «Один речевой день» (ОРД) (подробнее о нем см., например: [Баева 2014; Богданова-Бегларян и др. 2015]).

Жанровые характеристики общения с животными

Жанровая классификация общения человека с животными имеет свои особенности. Именно с позиций речевых жанров анализируют разговоры с животными М. В. Китайгородская и Н. Н. Розанова [Китайгородская, Розанова 1999]. Они считают, что общение с животными осуществляется в разных жанрах в зависимости от типа коммуникации: в целеориентированной коммуникации актуализируются прежде всего *монологические жанры* прескриптивного и апеллятивного характера (команда, замечание, запрет, выговор и др.); в ситуациях фатического характера имеет место *квазидialogическое взаимодействие*: прямой «речевой» контакт (животное в качестве ответных реплик подаёт звуковые сигналы или производит акциональные реакции) или *вербальный диалог*, когда говорящий сам озвучивает реакцию животного (цит. по: [Байкулова 2008: 15]).

В обращениях с апеллятивной функцией человек говорит непосредственно с животным, отдавая ему приказы и команды, ругая его или запрещая ему что-либо. Здесь мы имеем дело с монологической речью. Морфологической особенностью таких монологов можно считать частое употребление императивов разного типа:

- *кошка / иди вон // иди вон давай* (И72, жен., 24 г., руководитель среднего звена)²;
- *иди сюда / водичку пей // *П давай* (И72);
- *Дыма / пошёл / пошёл отсюда!* (И35, муж., 70 л., инженер-строитель);
- *не ругайся; сиди; живи тут; не толкай меня; брысь отсюда; лежать!* (разные информанты ОРД).

В ситуациях фатического характера в основном также встречается монолог:

- *Дымуленька! ты мой хороший! ты мой хорошенький! котик, котик мой хороший, красавец ты наш* (И35);
- *да / бежит меня провожать / моя хорошая // *П да(:) // пока / мой сладкий // пока / мой сладкий котёнок* (И72).

В статье «Разговоры с животными» О. П. Ермакова пишет, что монолог может быть обращен к животному, а может произноситься в расчете на некое третье лицо с целью привлечения внимания к себе, с целью завязать знакомство, наладить отношения с кем-то, с целью косвенного назидания, для самовыражения – демонстрации разного рода словесного творчества, остроумия или для выражения таких чувств и мыслей, которые трудно высказать «открытым текстом» [Ермакова 1988: 240–241].

Такое же наблюдение делает Д. Таннен в своей книге «Talking the Dog: Framing Pets as Interactional Resources in Family Discourse» («Разговор через собаку: использование домашних животных как средства взаимодействия в семейном общении») [Tannen 2015]. Автор исследует, как члены семьи используют своих домашних питомцев в качестве ресурса для общения. В частности, люди передают друг другу информацию, говоря ЗА животное: «Among the interactive goals that family members accomplished by using dogs as resources 'are occasioning a switch out of an argument frame; rekeying the interaction as humorous; buffering criticism; reinforcing solidarity among family members; delivering praise; teaching values to a child; providing the occasion to talk as a way of enacting affection for pets; reinforcing a couple's bond by positioning them as "Mommy" and "Daddy" to their dog; resolving a conflict by conveying and triggering an apology; framing pets as family members; and reinforcing bonds among individuals who live together by exhibiting, reinforcing, and creating their identity as a family» (Путём использования собак как инструмента взаимодействия достигаются в числе прочих следующие цели: изменение течения спора; перевод общения в юмористическую тональность; смягчение критики; упрочение сплоченности членов семьи; похвала; обучение ребёнка простым ценностям; ласка в отношении собаки как повод начать разговор; упрочение связи в паре за счёт обретения ролей «мамы» и «папы» собаки; разрешение конфликта за счёт принесения извинений или вызова к извинениям; включение собаки в число членов семьи и усиление связей между людьми, живущими вместе, путём демонстрации, упрочения и создания их семей-

ной идентификации; перевод мой. – О. Е.) [Tannen 2015: 416–417].

В материалах ОРД находим фрагмент, когда девушка (И72) рассказывает своей кошке про уехавшего друга, выражая тем самым свои собственные чувства:

- *не переживай Мусик // завтра Димыч придет к нам уже;*
- *да(:) // ты / я знаю / соскучилась () по Димычу // конечно;*
- *кош скучает без Димыча / да ?*
- *кош скучает без Димыча³.*

Произнося монолог от лица животного, говорящий иногда объединяет себя со своим питомцем. В таких конструкциях появляется часто встречающееся в общении с животными псевдомножественное число 1 л., вместо 2 л. или 3 л. ед. ч.:

- *о / как мы умеем! мы вот / вот как можем (И35);*
- Такие конструкции широко распространены в устной речи. Так, например, в фильме о Шерлоке Холмсе и докторе Ватсоне «Король Шантажа» актёр В. Ливанов произносит:
- *Это Нора! Не бойтесь. Мы очень любим мятные пряники.*

Ролевой элемент в общении

Когда владелец домашнего животного произносит монолог от лица своего питомца, можно говорить о *языковой игре*. При общении с животными распространены различные формы языковой игры. Домашний питомец наделяется при этом некоторой ролью, или «номинацией» [Байкулова 2008]. Ролевой характер имеет, конечно, основания в реальности, но в большой степени здесь имеет место очеловечивание партнёра по коммуникации.

Иногда к животным в семье относятся, как к детям. Особенно часто это бывает, если хозяином животного является одинокий человек, бездетная пара или родители выросших детей. Хозяйева в таких случаях отводят себе роль родителей и называют друг друга *papa* и *мама*:

- ***papa** скоро придёт, с тобой выйдет, а мне уже прямо некогда, честное слово (И24, жен., 63 г., историк);*
- *ах ты / какой **мохнатка-то** / **пану** встречает! (И35);*
- ***мама** не умеет / да ? (И35).*

Согласно Д. Таннен, пара таким образом усиливает связь друг с другом: «reinforcing a couple's bond by positioning them as “Mommy” and “Daddy” to their dog» (упрочение связи в паре за

счёт обретения ролей «мамы» и «папы» собаки; перевод мой. – О. Е.) [Tannen 2015: 417].

В «Записках ветеринара» английского писателя Дж. Херриота есть целый рассказ, построенный на подобной ролевой игре. Героиня рассказа, пожилая, одинокая, состоятельная дама, очеловечивала своего песика. В ее «сценарии» он получил роль немного сварливого, вздорного джентльмена. Она писала письма редактору журнала от имени своего любимца, делала за него ставки на скачках, и он «выигрывал». По ее словам, песик мог обозвать не понравившуюся ему беседку «навозной дырой» и был очень благодарен за лечение «своему дядюшке Херриоту». И т.д., и т.п.

Возможен и еще один ролевой элемент, когда «животному приписываются человеческие характеристики (Петух – щеголь, Кот – бандит, хитрец, льстец, Хомяк – жадина, Попугай – вреднюга ...» (см.: [Яковлева 1998: 403]). В материалах ОРД имеется, например, кот-мыслитель и кот-военачальник, герой:

- *Пушков ! Пуся ! *П Пуся / ты тоже медитациями будешь заниматься ? да / Пушковский ? *П да / Пушков ? (И22, жен., 35 л., филолог, преподаватель);*
- *Дыма молодец ? Бенкендорф (И35).*

Несмотря на то что адресант не получает ответа на свои реплики, общение с животным не всегда можно считать монологом. Часто встречающиеся риторические вопросы являются как бы приглашением к диалогу. Задающий вопрос понимает, что ответа не будет, но всё же делает некоторую подачу, словно играя в диалог:

- *ты кто это ? кто это такой / кусачий кот ? это кто это царапается ? *Н кусается ? кто это царапается ? что за кот такой ? и что за сердитая кошка ? (И22);*
- *зайчик мой / играть хочет / да ? (И35);*
- *Дымочка / *П кто все цветы покусал ? *П кто все цветы разрыл ? (И35);*
- *ты живая вообще ? *П твоя башочка выдержала ? (И72);*
- *вот это / *Н это у тебя такой домик / да ? заяц (И22).*

Разговоры членов семьи с «номинантом» происходят в соответствии с предполагаемым «сценарием», более или менее развернутым. Такое общение может содержать как реплики, производимые участниками общения в определенной тональности, так и целые сцены, разыгрываемые одним или несколькими людьми. Встречаются вербальные (по терминологии М.В. Китайгородской и Н.Н. Розановой) диалоги, в которых ре-

плики подаются говорящим по очереди, то от лица человека, то от лица животного. Животное «реагирует» в соответствии с приписанным ему по ролевому сценарию характером. В одном из примеров из ОРД хозяйка отвечает на вопрос за кошку, используя образ возмущенной кошки-ворчуньи:

- – *страшно было?*
- – *страшно было // конечно // ужасно // просто // дикое издевательство! дикое издевательство над кошкой (И72).*
- Диалог, приведенный ниже, строится так, как будто кошка спорит с хозяйкой по поводу кормления:
- – *что ты сюда пришла? я тебе уже положила всё // у тебя еда уже есть //*
- – *ничего не знаю (И72).*

Иногда в такой сцене участвует один человек, а иногда несколько. Такие сцены могут повторяться изо дня в день и, таким образом, обрести форму штампа (см. описание такой ситуации: [Ермакова 1988: 244]). В записи информанта И72 в ОРД встречается даже пример звукоподражания, «диалог», когда хозяйка передразнивает свою кошку, повторяет ее мяуканье, так сказать, «говорит» на ее языке.

Лексические, морфологические и фонетические особенности общения с животными

В разговорах с животными изобилуют *дими-нутивы*. Уменьшительно-ласкательные суффиксы встречаются как в обращениях к животным, так и в этикетных формулах, им адресованных, а также в названиях окружающих предметов.

Наименования:

- *ты мой хорошенький, красавчик мой маленький, красавчик мой сладкий, зайчик мой, солнышко, кошечка* (разные информанты ОРД).

Этикетные формулы:

- *так ладно // всё Ласка / до свиданьица ! счастливенько (И24);*

Окружающие предметы:

- *иди пей // давай водичку // *П иди сюда // иди сюда / водичку пей // *П давай (И72);*
- *кто свой *П хвостик пожирает // *П да / кошечка ? (И72);*
- *ты видишь / провода / заряжаю телефон // телефончик заряжаю / видишь ? (И35).*
- *он искал свою игрушечку / она туда закатилась (И35).*

Такое словоупотребление характерно и для общения с детьми (baby talk). В этой сфере общения встречается также преобладание императивного стиля, повторы, риторические вопросы. Часто вопросы к ребёнку не являются собствен-

но вопросами, как описано выше в ситуации с животными, не преследуют цели получить информацию и, таким образом, являются не прямым, а косвенным речевым актом.

В описании общения с детьми, сделанном известным специалистом по вопросам детской речи С. Н. Цейтлин, говорится: «У любой матери, воспитывающей малыша, как бы два языка – на одном она говорит со своим ребенком, на другом – со всеми остальными людьми. Если вы прислушаетесь к ее голосу, раздающемуся из соседней комнаты, то всегда сможете определить, говорит ли она со своим ребенком или с кем-то из взрослых» [Цейтлин 2000: 25]. Это наблюдение можно отнести и к разговорам с животными.

Например, запись речевого дня информанта И35 включает общение и с коллегами, и с женой, и разговор с продавцом. Фонетическая форма этих эпизодов контрастирует с тем, как звучит его разговор с котом. Интонация говорящего здесь специфическая, «воркующая». Происходит замена некоторых звуков на другие и изменение качества звуков. Например, в словах *хороший, хорошенький* вместо звука [r] слышится [l]. Палатализируются согласные на месте букв Т, Л и даже Ж в словах *ты, сладкий, мужики*:

- *ну привет / *П привет // *П ты мой сладкий-то;*
- *ух ты мой хороший / *П ты мой хорошенький;*
- *и мы же мужики / друг друга понимаем*
- (см.: [Ермолова 2014: 61]).

В записи информанта И72 встречаются следующие примеры:

- *привет / кошеч;*
- *кошеч* (удлинение гласных и шепелявый губно-зубной ф-образный звук на месте переднеязычного ш);
- *кто свой *П хвостик пожирает // *П да / кошечка;*
- *да // *П да(:)* (удлинение гласных и палатализация согласных на месте букв Т и Д в словах *кто, да*).

Отношение к животному не как к некоторой объективной данности, а как к абстрагированному образу объясняет, возможно, и тот факт, что в материалах ОРД встречаются случаи игнорирования пола животного. Так, хозяин кота И35, с одной стороны, подчёркивает половую принадлежность своего питомца, которая, вероятно, кажется ему объединяющей их с котом в некое «мужское братство». У него в семье есть союзник, «мужик», который его понимает, и между ними есть нечто недоступное его жене:

- *и мы же мужики / друг друга понимаем;*
- *мама не умеет так делать;*
- *мы знаем / что нам надо;*
- *о / как мы умеем ! а мама не умеет / она (...);*
- *мальчик // мальчик ты / ой // ой // мальчишка ! ты мальчишка ?*
- *играть хочет // играть мой мальчик хочет.*

Для общения информанта с котом характерны следующие обращения, в которых подчеркивается пол животного:

- *мальчик* – 5 раз;
- *мальчишка* – 3-4 раза (один из них: *наступлю на лапу – заплачешь как мальчишка*);
- *мужик* (во фразе *мы же мужики*) – 2 раза.
- С другой стороны, жена информанта И35, не поддерживающая данной игры, употребляет, обращаясь к тому же животному, то мужской, то женский род:
- *ты моя сладкая / любимая / солнышко / ну пусть играет / он искал свою игрушечку / она туда закатилась* (жена И35, 65 л., служащая).

И у другой женщины – И22 – тоже встречается не определенное на вербальном уровне обозначение пола животного. В разных репликах она использует попеременно то мужской, то женский род. Пол животного в сознании владельца не является константой:

- *Пуся / *Н кто это целый день спит ? кто это / целый день храпит ? а что за пушистая кошка ? ой ! пушистая кошка / Пуся / Пушок-лапушок / Пуся ! Пушин !*
- *Пуся !*
- *Пушковский !*
- *Пуся / ты Пушок / белый снежный лапушок ?*
- *моська / Пушок ! Пуся / Пуся белая лапуся / *П кто так / говорит ? кто такой котик хороший ?*
- *Пуся дорогуша;*
- *Пушок ! *П Пушок !*
- *ты кто это ? кто это такой / кусачий кот ? это кто это царапается ? *Н кусается ? кто это царапается ? что за кот такой ? и что за сердитая кошка ?*

Интересно, что иногда не только пол, но и сама суть животного неважна. Человек не столько видит перед собой конкретное существо, сколько реализует свою потребность в общении. Животное выступает как объект некоторых вербальных

проявлений хозяина, обычно эмотивных. Желание проявить свою властность или нежность находит выражение в общении с домашними питомцами. Например, в одной семье охотник, всю жизнь державший собак, но на старости лет оставшийся с кошкой, подзывал её свистом и отдавал команды, употребляемые обычно при дрессировке собак.

На лексическом уровне часто наблюдается обозначение кошек и собак парадоксальными эпитетами. В материале ОРД встречаем: *зайчик, заяц, ласточка* – при обращении к котам и собакам.

Очень выразительны эпитеты, связанные с внешностью животного. Здесь имеет место изобразительное словотворчество говорящих. В записях ОРД встречаются такие оригинальные описательные словоформы, как *бодайчик, мохнатка*, (И35), *упрямстик* (И28 муж., 19 л., студент-историк), *утконос* (И22), *тушкан* (И72):

- *ах ты / какой мохнатка-то / лапу встречается ! (И35);*
- *ой ты какой / ой бодайчик // давай пободаемся ! бодается мой мальчик / ой // так сильно бодает ! (И35).*

Контексты ОРД показывают, что многие эпитеты порождаются в процессе созерцания и осознания животного:

- *– чё вы его так называете ?*
- *– так он утконос ! посмотри какой у него нос-то ! *П во рыло сюда ! как крысолов ! (И28).*

Языковая игра проявляется в словотворчестве, спровоцированном чувствами, которые вызывает питомец у своего хозяина. Это, например, рифмование клички:

- *Пуся / ты Пушок / белый снежный лапушок ? (И22);*
- *Пуся белая лапуся (И22).*

И более расширенно – сочинение шуточных стишков например:

- *Муся, Муся, мой котёнок на меня глядит спросонок* (из семейного фольклора).

Языковая игра проявляется также в создании многочисленных вариантов имени и придумывании прозвищ. Удивительно, как в течение одного дня одно имя кота Дымки было употреблено его хозяевами в 7 вариантах, не считая повторов *Дыма-Дыма* и *Дымка-Дымка*:

- 1) *Дыма*: 14 раз
- 2) *Дымочка*: 6 раз
- 3) *Дымка*: 5 раз
- 4) *Дымуля*: 1 раз
- 5) *Дымулька*: 1 раз
- 6) *Дымулечка*: 1 раз

7) *Дымуленька*: 1 раз.

Кота Пушка называют пятью разными вариантами его имени, не считая таких обращений, как *Пушистая кошка* (2 раза) и *Пушистый кот* (1 раз):

- 1) *Пуся*: 9 раз
- 2) *Пушков*: 4 раза
- 3) *Пушок*: 3 раза
- 4) *Пушин*: 2 раза
- 5) *Пушковский*: 2 раза.

Наиболее часто повторяющимися вариантами кличек и в первом, и во втором случаях являются короткие и простые, без уменьшительно-ласкательных суффиксов (*Дыма* и *Пуся*).

Эмотивная функция общения с животными

Во многих статьях о контакте людей и животных упоминается расслабление и снятие напряжения как прагматическая цель такого разговора, ср.: «Стремление к приручению, одомашниванию животных и совместной жизни с ними, первоначально обусловленное чисто утилитарными потребностями охотничьего, скотоводческого, земледельческого хозяйства, войны и путешествий, стало затем *бескорыстным* (курсив автора. – О. Е.), основанным – особенно у одиноких людей – на желании иметь рядом преданного друга, с которым можно поделиться своими переживаниями, который всегда тебя поймет, посочувствует, защитит» [Каган 1988: 223]; «В этом общении человек отдыхает, снимает напряжение, расковывается. Он может говорить любые глупости, не контролируя себя» [Ермакова 1988: 244].

В материалах ОРД часто встречается подтверждение этого наблюдения. Так, хозяйка кошки (И72) создает варианты нейтральной словоформы *кошка*, такие как *кошечка*, *кош*, *коша*, желая, вероятно, эмоционально выделить свое обращение. При встрече, произнося слово *кошечка*, она повторяет его 7 раз. Позже И72 в такой же ситуации 4 раза повторяет сконструированное ею слово *кош-массаж*. В данном случае эти повторы, вероятно, сопровождает поглаживание. Здесь повторы в прагматическом плане сродни физической ласке, они доставляют удовольствие и адресату, и адресанту, но не на тактильном, а на вербальном уровне.

Люди трогают, рассматривают своих питомцев, демонстрируют их:

- *смотри морда какая* (И28);
- *подожди / когти вытеру** / *П подожди *Пуся / что ты () морщишься? всё* (И28);
- *потерял где-то зуб // *П сейчас развернётся / я тебе покажу / ой какие лапки* (И28);

- *да у него не эта лапа-то болела / *П но вот эта / как ка... то ли правая* (И28);
- *вот какие у тебя усы / конечно / не то что у вашего / (И22);*
- *ну да / кот такой (...) солидный ... ой / твёрдый! ... ну так это у него позвоночник // @ ой / *П ты знаешь / что потрогай? @ а нет / это мыш... .. @ ты потрогай плюшевую грудь! ... это мыш... мышца такая* (И4, жен., 34 г., лингвист);

Большое значение в общении с домашними питомцами придаётся этикетным моментам. Когда хозяин входит в дом, то питомец встречает его и провожает, когда тот уходит. Хозяин здоровается при встрече, прощается при расставании. Иногда почти всё общение сводится только к этому. Так, И24 не вступает с собакой в эмоциональный контакт на протяжении всего эпизода общения. Но, уходя, прощается с ней.

- *так ладно // всё Ласка / до свиданьца! счастливенько* / *П оставаться / *П глупая собака.*

Отношения И35 с котом Дымкой эмоционально очень тёплые. Хозяин нежно здоровается со своим питомцем:

- *ну привет, привет ты мой сладкий-то.*

И72 приветствует кошку утром и вечером (*спокойной ночи, доброе утро, кошечка*) и так долго прощается с ней, что, кажется, не может уйти, не завершив прощания:

- *кошечка / *П я ухожу // кошечка // *П кошечка // пока // да / бежит меня провожать / моя хорошая // *П да(:) // пока / мой сладкий // пока / мой сладкий котёнок.*

«Стиль разговоров с животными может соответствовать общей речевой манере человека, а может контрастировать с ней» [Ермакова 1988: 246]. И в самом деле, одни и те же люди в одном эпизоде обращаются к своим питомцам то очень ласково, то не характерно для себя, грубо. На материале записей ОРД можно заметить, что в разговоре с людьми эти же информанты более сдержанны, чем в обращении к животному. Перепады настроений и вытекающее из этого изменение стиля общения свидетельствуют о снятии контроля над речью, эмоциональной расслабленности. Ниже приведены примеры реплик трех информантов из ОРД (И72, И35 и И28), где в левой колонке находятся примеры их грубого

обращения к кошкам, а в правой – намного более мягкого:

- что ты воешь ? (И72)
- кошка / иди вон // иди вон давай (И72)
- ты вообще засрань (И72)
- посрала / гадина ? (И72)
- что ты орёшь ? (И72)
- Дыма / пошёл / пошёл отсюда ! (И35)
- так ты опять жрать хочешь да? *П дрянь такая! (И28)

Нередко в общении с животными (или при комментировании поведения животных) люди используют дисфемизмы, грубые обращения и грубый тон. В материалах ОРД встречаются следующие обращения такого рода: *паразит, наглая рыжая морда девятикилограммовая, кошак, дрянь такая, гадина, чудовище*, а также глаголы *жрать, клячнить, орать, посрала, выть*.

Нельзя сказать, что эти словоупотребления характеризуют человека или его отношение к своему питомцу. Вероятнее, здесь имеет место расширение стилистического диапазона, объясняемое эмоциональной раскрепощенностью говорящего. Так, Е. С. Яковлева в статье «Человек <=> животное: взаимные языковые проекции» приводит интересные наблюдения над лексической базой для описания человека и животного в историческом аспекте [Яковлева 1998]. Автор пишет, что изначальная антропоцентричность языка со временем претерпевала изменения. Многие слова, воспринимаемые сейчас как зооморфизмы, в древнерусском языке таковыми не были. Приводятся в качестве примеров *лаяти*, имеющее изначальное значение ‘бранить, наветовать, клеветать’, *рыкати* – ‘стонать, рыдать’. Эти слова, употребляемые в древнерусском языке как антропоморфизмы, в современном русском стали зооморфизмами, ср.: «Зооморфный языковой код сложился не сразу. К примеру, слово *лапа* до XVII века не встречается в русских памятниках» [Черных 1994, I: 466].

В плане синхронии Е. С. Яковлева отмечает, что для описания животного характерен нейтральный стиль: «Малейшее отклонение от нейтрального в область экспрессии маркирует языковую форму человеческим содержанием» [Яковлева 1998: 413]. Однако «если животное мыслится как партнер языковой коммуникации (аналог человека), оно может выступать в качестве объекта языковой экспрессии, иронии (*Барсик умудрился съесть целую тарелку этой дряни*), эвфемистических замен (*Что-то наш кролик*

- доброе утро // кошечка (И72)
- коша / ты соня // ты сонька // сонька (И72)
- да ты мой сладкий такой / смешной // *П сладкий кош (И72)
- Дымочка / не мешай / я сейчас (И35)
- сейчас развернется / я тебе покажу / ой какие лапки (И28)
- хромал на переднюю лапку (И28)

поправился вместо: *потолстел*) и языковой игры» [там же].

В материалах ОРД встречаем подтверждение этих наблюдений. Информанты употребляют стилистически выпадающие из зооморфного кода слова, желая придать своей речи дополнительную эмоциональную окраску, ср.:

- твоя *башочка* выдержала (И72);
- давай *ногти* стричь (И72);
- на лапу наступлю / *В *П всё // заплачешь как (...) *В *П мальчишка // (И35).

Приведённые выше в качестве примеров дисфемизмов слова *орать* и *выть* в зависимости от контекста можно отнести и к зооморфизмам.

Заключение

Наблюдения за общением людей с животными, в основном хозяев с домашними питомцами, показывают, что эта коммуникативная сфера характеризуется повышенной эмотивностью. Человек по-разному говорит с животным и с человеком. В разговоре с животным люди, не ожидая ответа на свои реплики, часто сами себе отвечают. В таком общении человек более расслаблен, так как общение не несет информативной функции. Адресант не оказывается в жестких рамках контакта с определенным адресатом. В этой ситуации партнер неопределен настолько, что качества его могут создаваться или, точнее, корректироваться фантазией говорящего. В некоторой степени человек сам создает себе образ партнера. Разговор человека и животного характеризуется употреблением эмоционально окрашенной лексики, большим количеством повторов, риторических вопросов, высокой вариативностью словоформ, особенно вариантов имен собственных, изменением интонации и некоторых звуков.

Примечания

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 14-18-02070 «Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах».

² В атрибуции примеров указывается номер информанта, а также при первом упоминании его

социальные характеристики – пол, возраст, профессия или род занятий. О специфике орфографического представления материала см.: [Шерстинова и др. 2009].

³Имена собственные в примерах, взятых из корпуса ОРД, изменены, за исключением тех случаев, где изменение повлекло бы за собой другую трактовку материала.

Список литературы

Баева Е. М. О способах социолингвистической балансировки устного корпуса (на примере «Одного речевого дня») // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. Вып. 4 (28). С. 48–57.

Байкулова А. Н. Речевое общение в семье: роль в нём животных, растений и предметов вещного мира // Изв. Саратов. ун-та. Т. 8. Сер.: Филология. Журналистика. 2008. Вып. 2. С. 14–20.

Богданова-Бегларян Н. В., Асиновский А. С., Блинова О. В., Маркасова Е. В., Рыко А. И., Шерстинова Т. Ю. Звуковой корпус русского языка: новая методология анализа устной речи // Язык и метод: Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века. Вып. 2 / ред. Д. Шумска, К. Озга. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2015 (в печати).

Ермакова О. П. Разговоры с животными (лингвopsихологические заметки) // Разновидности городской устной речи: сб. науч. ст. / под ред. Д. Н. Шмелёва и Е. А. Земской. М.: Наука, 1988. С. 240–247.

Ермакова О. П. Речевой портрет собаки // Лики языка. К 45-летию научной деятельности Е. А. Земской. М.: Наследие, 1998. С. 94–104.

Ермолова О. Б. «Один речевого дня» говорящего с точки зрения прагматики // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. Вып. 3 (27). С. 21–31.

Каган М. С. Мир общения. Проблема межсубъектных отношений. М.: Политиздат, 1988. 319 с.

Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Речь москвичей. Коммуникативно-культурологический аспект. М.: Русские словари, 1999. 396 с.

Панов Е. Н. Сигнализация и «язык» животных (эволюционные аспекты поведения животных). М.: Знание, 1970. Вып. II. С. 3–30.

Сиротинина О. Б. Речевой портрет собаки: иллюзия или реальность? // Вопросы стилистики: межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 1999. Вып. 28. С. 167–174.

Цейтлин С. Н. Язык и ребенок: Лингвистика детской речи: учеб. пособие для студентов высших учебных заведений. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2000. 240 с.

Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М.: Русский язык, 1994. Т. 1–2. 1182 с.

Шерстинова Т. Ю., Рыко А. И., Степанова С. Б. Система аннотирования в звуковом корпусе русского языка «Один речевого дня» // Формальные методы анализа речи: материалы XXXVIII Междунар. филол. конф. (16-20 марта 2009 г.). СПб.: Фак-т филологии и искусств С.-Петербург.ГУ, 2009. С. 66–75.

Яковлева Е. С. Человек <=> животное: взаимные языковые проекции // Лики языка. К 45-летию научной деятельности Е. А. Земской. М.: Наследие, 1998. С. 402–416.

Tannen D. Talking the Dog: Framing Pets as Interactional Resources in Family Discourse. URL: http://faculty.georgetown.edu/tannend/pdfs/talking_the_dog.pdf (дата обращения: 08.2015).

References

Baeva E. M. O sposobakh sotsiolingvisticheskoj balansirovki ustnogo korpusa (na primere «Odnogo rechevogo dnja») [On Means of Sociolinguistic Balancing of a Speech Corpus (through the example of «One Speaker's Day»)]. Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology]. 2014. Iss. 4 (28). P. 48-57.

Bajkulova A. N. Rechevoe obshhenie v sem'e: rol' v njom zhivotnykh, rastenij i predmetov veshhnogo mira [Speech Communication in a Family: the Role of Pets, Plants and Inanimate Objects in it]. Izvestija Saratovskogo universiteta. [Izvestia of Saratov University. Vol. 8. Series: Philology. Journalism]. 2008. Iss. 2. P. 14-20.

Bogdanova-Beglarjan N. V., Asinovskij A. S., Bli-nova O. V., Markasova E. V., Ryko A. I., Sherstino-va T. Ju. Zvukovoj korpus russkogo jazyka: novaja metodologija analiza ustnoj rechi [Speech Corpus of the Russian Language: New Methodology of Spoken Speech Analysis]. Jazyk i metod: Russkij jazyk v lingvisticheskikh issledovanijakh XXI veka [Language and Method: the Russian Language in Linguistic Research of the XXI Century]. Iss. 2. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2015 (in print).

Chernykh P. Ja. Istoriko-etimologicheskij slovar' sovremennogo russkogo jazyka [The Historic and Etymological Dictionary of the Contemporary Russian Language]. Vol. 1-2. Moscow: Russkij jazyk Publ., 1994. 1182 p.

Ermakova O. P. Razgovory s zhivotnymi (lingvopsikhologicheskie zametki) [Conversations with Animals (Linguistic and Psychological Notes)]. Raznovidnosti gorodskoj ustnoj rechi. Sbornik nauchnykh statej [The Varieties of Urban Spoken

Speech. Collected scientific articles]. Moscow: Nauka Publ., 1988. P. 240-247.

Ermakova O. P. Rechevoj portret sobaki [The Speech Portrait of a Dog]. Liki jazyka. K 45-letiju nauchnoj dejatel'nosti E. A. Zemskoj [Faces of the Language]. Moscow: Nasledie Publ., 1998. P. 94-104.

Ermolova O. B. «Odin rechevoj den'» govornjashhego s tochki zrenija pragmatiki [Pragmatics of "One Speaker's Day"]. Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology]. 2014. Iss. 3(27). P. 21-31.

Jakovleva E. S. Chelovek \Leftrightarrow zhivotnoe: vzaimnye jazykovye proektsii [A Man \Leftrightarrow an Animal: Mutual Linguistic Projections]. Liki jazyka. K 45-letiju nauchnoj dejatel'nosti E. A. Zemskoj [Faces of Language]. Moscow: Nasledie Publ., 1998. P. 402–416.

Kagan M. S. Mir obshhenija. Problema mezhsjubektnykh odnoszenij [The World of Communication. The Problem of Intersubjective Relations]. Moscow, 1988. 319 p.

Kitajgorodskaja M. V., Rozanova N. N. Rech' moskvichej. Kommunikativno-kul'turologicheskij aspekt [The Speech of Moscow Citizens. Communicative and Cultural Approach]. Moscow: Russkie slovari Publ., 1999. 396 p.

Panov E. N. Signalizatsija i «jazyk» zhivotnykh (evol'utsionnye aspekty povedenija zhivotnykh) [Signaling and Animal Language (Evolutionary Aspects

of Animal Behavior)]. Iss. II. Moscow: Znanie Publ., 1970. P. 3-30.

Sherstinova T. Ju., Ryko A. I., Stepanova S. B. Sistema annotirovanija v zvukovom korpuse russkogo jazyka «Odin rechevoj den'» [The Annotate System in the Speech Corpus of the Russian Language "One Speaker's Day"]. Formal'nye metody analiza rechi. Materialy XXXVIII mezhdunarodnoj filologicheskoi konferentsii [Formal Methods of Speech Analysis. Proceedings of the XXXVII International Philological Conference]. St. Petersburg: St. Petersburg State Univ. Publ., 2009. P. 66–75.

Sirotinina O. B. Rechevoj portret sobaki: ill'uzija ili real'nost'? [The Speech Portrait of a Dog: an Illusion or Reality?]. Voprosy stilistiki: Mezhvuzovskij sbornik nauchnykh trudov [The Issues of Stylistics: a Collection of Research Papers]. Saratov, Iss. 28, 1999. P. 167-174.

Tannen D. Talking the Dog: Framing Pets as Interactional Resources in Family Discourse. Available at: http://faculty.georgetown.edu/tannend/pdfs/talking_the_dog.pdf (accessed 08.2015).

Tsejtin S. N. Jazyk i rebjonok: Lingvistika detskoj rechi: Uchebnoe posobie dlja studentov vysshikh uchebnykh zavedenij [Language and a Child: Linguistics of Children's Speech: a Course Book for Students of Higher Educational Institutions]. Moscow: Gumanit. izd. tsentr VLADOS Publ., 2000. 240 p.

LINGUISTIC FEATURES OF HUMAN-TO-PET COMMUNICATION

Olga B. Ermolova

Head of Branch Office

Department of Extended Study Programmes in Oriental Studies, Arts and Philology
Saint Petersburg State University

In everyday life a person often communicates with a number of addressees, including those that are not quite usual. Talking to such an unusual addressee, the speaker does not receive a verbal reply. However, this does not keep people from talking to non-responsive communicants. There is a number of research papers devoted to this issue. The main findings so far are reviewed in the article being illustrated with examples from one of the modules of the «One Speaker's Day» corpus of the spoken Russian language (ORD). The principal aim of the researchers created this module was to investigate speech behaviour of native Russian speakers using the method of 24-hour continuous stream recording. Thus, there is a possibility to recreate and study communication of various social (gender, age, and professionally-oriented) groups during a single day. On the day of recording volunteers of the project may be talking to their colleagues and friends, their students and teachers, family members and fellow commuters; they talk in the street, at work, in stores, at pharmacies, while travelling etc. The list of their unusual communicants includes cats and dogs, plants, furniture, computers, cars. The article focuses on conversations with pets. The speakers labeled in the ORD corpus as I22, I24, I28, I35, I72 are two males and four females. Their communicants are five cats and a dog. The article also highlights the common patterns of a particular speaker's speech behaviour while conversing with pets and children and describes trends in their talking to adults. It also examines possible motives stimulating speech contacts with unusual communicants.

Key words: speech corpus; colloquial speech; communication; role behaviour; talking to animals; talking to children; monologue; dialogue; Russian language.

УДК 821.161.1-4

«ДИКАЯ КРАСОТА И СУМРАЧНОЕ ВЕЛИЧИЕ...».
ПАНОРАМА УРАЛА В ПУТЕВЫХ ОЧЕРКАХ
Вас. И. НЕМИРОВИЧА-ДАНЧЕНКО¹

Владимир Васильевич Абашев

**д. филол. н., профессор кафедры журналистики и массовых коммуникаций
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614022, Пермь, ул. Мира, 33-36. vv_abashev@mail.ru**

Статья посвящена книге Вас. И. Немировича-Данченко «Кама и Урал» (1890), в которой описано его путешествие 1875 г. Уральский травелог Немировича стал важным этапом в истории формирования геопозитического образа одного из важных в истории страны регионов России. В статье анализируются особенности этого образа. Основным принципом формирования образа Урала в очерках Немировича является *панорамирование*. Эффект панорамы создается не только беспрецедентной широтой охвата повествованием пространства региона. Как панорамы строятся в очерках ландшафтно-пейзажные описания. Излюбленный прием Немировича – описание окрестностей с доминирующих высот, что позволяет включить в маршрут путешествия прилегающие местности. Интенсивное использование в очерках чужого слова, в особенности преданий о местных культурных героях (Ермак, Строгановы, Демидовы), резко расширяет временной горизонт повествования. Средоточием уральской идентичности в очерках Немировича оказываются горные заводы. В описании горнозаводского дела: рудников и металлургических процессов – Немирович не только проявляет осведомленность и наблюдательность, но и дает волю поэтическому воображению. Описывая переделку чугуна и выплавку стали в образах космогонии и алхимии, Немирович приближается к созданию своеобразной мифопоэтики Урала. Стилистически в описании уральских заводов Немирович склонялся к эстетически близкому ему романтическому гиперболизму Виктора Гюго. Очерки В.И. Немировича-Данченко дополняли художественное исследование Урала в творчестве Д.Н. Мамина-Сибиряка. Их трудами Урал из географической данности превращался в суггестивный топос русской литературы.

Ключевые слова: В.И. Немирович-Данченко; Д.Н. Мамин-Сибиряк; геопозитика; литературный образ Урала.

Важный аспект уральской литературной истории, как и словесности любого другого региона, – формирование образа этой земли в отечественной культуре [История литературы Урала 2012: 18–22]. Важно проследить, как регион из географической данности превращался в культурный феномен, как ландшафт, накапливая от текста к тексту черты культурной субъектности, становился, как это было с Уралом, «подземным царством рудников и копей», «опорным краем державы» или «хребтом России». Это длительный исторический процесс, вплетенный в движение демографического, экономико-производственного, путешествивного и исследовательского освоения новой земли.

В истории формирования образа территории важен момент, когда после «лабораторного» накопления образно-символических репрезентаций в специализированной словесности [Анисимов 2006; Власова 2013] этот образ через популярное чтение становится достоянием широкого читателя. Только тогда можно считать, что образ территории вышел из лабораторных условий существования и вошел в общий культурный оборот.

Знакомство широкого русского читателя с уральской страной можно датировать с точностью до десятилетия: это 1880-е гг. и, наконец, решающее время – рубеж 1880–1890-х гг. Главные лица в истории литературного открытия Урала – Д. Н. Мамин-Сибиряк и Вас. И. Немиро-

вич-Данченко. Один – коренной уралец, другой – столичный писатель. В 1888 и 1889 гг., завершая период многочисленных журнальных публикаций, один за другим вышли в свет два тома «Уральских рассказов» Д. Н. Мамина-Сибиряка. Годом позднее была издана книга очерков В. И. Немировича-Данченко «Кама и Урал». Очерки, из которых она была составлена, до этого были также разбросаны по журналам и газетам 1880-х гг.

Практически одновременный выход книг об Урале не был случайным. Со значительной долей уверенности можно предположить, что именно появление «Уральских рассказов» Мамина-Сибиряка заставило В. И. Немировича-Данченко поспешить собрать в книгу очерки своего уральского путешествия. Он объехал Урал еще летом 1875 г. Его путевые очерки публиковались циклами, начиная с 1877 по 1884 г., в журналах «Дело», «Русская речь» и «Исторический вестник», в газете «Русские ведомости»². Как видим, с середины 1880-х Немирович к ним не обращался, а тут вдруг собрался с книгой. И, скорее всего, с ревнивой оглядкой на Мамина.

Краткое предисловие к «Каме и Уралу» такую версию поддерживает, обнаруживая мотив писательского соперничества. Немирович хотя и отдал в предисловии должное уральскому писателю: «русская литература <...> обогатилась прекрасными сочинениями об Урале г. Мамина» [Немирович-Данченко 1890: 3], но акцентировал все же свой приоритет и актуальность собственной книги. Во-первых, отметил, что путешествовал по Уралу еще в 1875 г. Во-вторых, подчеркнул, что ничего нового с тех пор об Урале не было сказано: «все, что приходилось читать об этом крае, за последние десять лет, являлось для меня знакомым» [там же: 3], а потому и его очерки «не устарели».

Ситуация соперничества, вероятно, была взаимной. Мамин ревниво следил за уральскими публикациями Немировича и как к живописателю Урала относился к популярному уже столичному писателю с иронией и недоверием. Красно речивое свидетельство такого отношения проявилось в цикле путевых очерков «От Урала до Москвы». Они печатались с октября 1881 по февраль 1882 г. в газете «Русские ведомости». Заметим, что параллельно маминским очеркам в журнале «Русская речь» с сентября по декабрь 1881 г. публиковался цикл путевых очерков Немировича «Урал»³.

Мамин на эти очерки отреагировал. Описывая берега Камы близ Перми, он упомянул «жалкие кусты» на правом берегу и тут же заметил в сноске: «Это тот самый дремучий сибирский лес,

который привел в восхищение г. Немировича-Данченко, когда он любовался Камой» [Мамин-Сибиряк 1951: 221]. Коренной уралец, знаток здешних мест и трезвый наблюдатель реальной жизни, он язвительно поправил самоуверенного столичного туриста с его поверхностным взглядом и склонностью к литературным эффектам, что было принято вменить в вину Немировичу с “тяжкой” руки сурового Н. К. Михайловского [Михайловский 1877].

Однако приходится признать, что в данном конкретном случае Мамин был предвзят и неправ. Описание Немировича и до сих пор визуально точно. А все потому, что, как и Е. А. Вердеревский за 40 лет до него [Вердеревский 1988: 111], Немирович осматривал закамские дали с высокого берега Камы, а не с палубы парохода, как Мамин. Отсюда и разница в картине. Но красноречива, как улика, пристрастность замечания. В Немировиче, как авторе уральских очерков, Мамин увидел литературного соперника, претендующего на его писательскую территорию.

Между тем у Немировича все же были основания претендовать на первенство в открытии Урала. Не только потому, что он по праву чувствовал себя первопроходцем темы, не только потому, что на рубеже 1880–90-х гг. Немирович был, пожалуй, более известным и уже популярным журналистом и писателем. Но главное, что в очерках Немировича собственно образ Урала развернут с большей полнотой и художественно-образной интенсивностью, чем в «Уральских рассказах» Мамина. И дело тут не в масштабе таланта, а в авторской интенции и в жанровом содержании. Немирович писал путевые очерки, изначально предполагающие сосредоточенность на поисках *Couleur locale*: «Меня давно манило в самую глубь Урала...».

Существенную роль играла также степень текстовой концентрации. В сущности, и содержательно, и стилистически Немирович и Мамин во многих отношениях близки, но то, что у Мамина рассеяно по многим текстам, у Немировича сфокусировано в одном большом произведении. Да и такой знаток Мамина, как И. А. Дергачев, замечал, что в большинстве рассказов первого тома собственно уральского у Мамина немного. Мамин повествует «о путях и судьбах передовой русской интеллигенции в условиях политической реакции новых социальных антагонизмов» [Дергачев 2005: 48]. Только во втором томе в очерках «Бойцы» и «Золотуха» Мамин, по словам того же И. А. Дергачева, рассказывая о сплаве по Чусовой и уральских золотых приисках, обращается к самобытно уральским темам и колориту.

Было у Немировича еще одно – и решающее – «преимущество»: преимущество позиции внешнего наблюдателя. Фигурально это преимущество проявляется в ситуации с видом Закамья: с высокого речного берега открывался лесной океан, с палубы парохода замечались «жалкие кусты» на низменном берегу. Мы имеем в виду преимущество взгляда со стороны. Немирович на Урале в силу естественной позиции внеаходимости оказывался более чувствительным к специфике чужой для него жизни и к особенностям нового ландшафта. Обострял силу взгляда и опыт путешествий. До поездки на Урал Немирович основательно изучил русский Север, путешествовал по Волге и Каспию, бывал в Малороссии и на Кавказе и обладал, как показывает его путевая очеркистика, развитым чувством места [Rose 1995].

Важно подчеркнуть, что именно определение авторской позиции или установка взгляда в очерковой книге Немировича становятся предметом особой авторской рефлексии. Взгляд и позиция Немировича в отношении к малоизвестному уральскому миру выстроены в повествовании в осознанном и принципиальном дистанцировании от позиции, олицетворенной типом петербургского чиновника, приехавшего на Урал с «ученой целью». Не однажды в разных обликах он встречается на страницах книги – и в натуре, и в рассказах попутчиков. Петербуржец характеризуется тем, что высокомерно не видит, не замечает здешней жизни. Впервые этот персонаж появляется в главке XIII «Вверх по Каме...»:

«Между нами оказался чистокровный петербуржец. Шляпа точно сейчас из витрины у Брюно, щегольской сюртучок, какие-то прюнелевые летние ботинки. *Монокль* в глазу (курсив наш. – В.А.) и на лице улыбка снисходительного благоволения ко всему окружающему.

— Вы куда? – спрашивают его.

— Командирован! И в голосе слышится: вы де со мной поосторожней.

— Зачем?

— С уче-но-ю целью! – отчеканил он, точно сверху вниз» [Немирович-Данченко 1890: 145].

На ритуальное одобрение собеседников из местных: рады, мол, что о них вспомнили, – ученый петербуржец замечает с раздражением: «У вас ничего не увидишь!» Оказалось, что гостеприимные уральцы от «ученых» запросов петербуржца отделяются обильными бедами и ужинами. И тому есть вынесенный из опыта общения с высокопоставленными особами резон. «Вы <...> на нашего спутника полюбуйте, – делятся попутчики с повествователем, – ишь у него пале-вые прюнелевые ботинки; ну как он в них по

нашим горам полезет. Неужели в своей жакетке в рудники опускаться станет? <...> Мы ведь видим, кому что нужно. Явится этакий ветер, ну, угостим обедом, честь честью <...> и ступай себе дальше. Вы копните-ка его. Думаете, действительно интересуется чем. Ни Боже мой! Для него вопрос: скоро ли его камер-юнкером сделают, гораздо интереснее всяких других соображений. А тоже – «с ученою целью» [там же: 146]. Собеседникам Немировича на камском пароходе вторит позднее ямщик, везущий автора на Косьву. Ему тоже приходилось иметь дело с учеными петербуржцами: «Много знают ваши ученые, много они видели... Помалкивай уж... Вон они какие – чуть дорога похуже, лягут на брюхо <...> Эдак мало усмотришь» [там же: 378].

Тип чиновного петербуржца не раз всплывает в рассказах Немировича об Урале, неизменно олицетворяя позицию, которую в беседе с путешественником резюмирует управляющий заводами кн. Абамелек-Лазаревой Н. Н. Новокрещенных: «В Петербурге не только не знают России, но и не заботятся узнать ее» [там же: 474]. Это взгляд, который высокомерно не замечает ничего вокруг себя, уверенный в собственном превосходстве. И *монокль* петербуржца не столько оптическое орудие, умножающее возможности зрения, сколько маркер социального превосходства.

Дистанцируясь от такой политически, социально и психологически мотивированной позиции высокомерной слепоты и нежелания знать, В.И. Немирович-Данченко в качестве повествователя декларирует стратегию пристального и солидарного с окружающим вглядывания в новую малоизвестную землю и своеобычный уклад жизни ее обитателей. «Зорко присматривался», «всмотрелся <...> еще с большим интересом», «внимательный взгляд туриста» [там же: 27, 249, 432], – такими автокомментариями, подчеркивая внимание и пристальность взгляда, комментирует Немирович свое поведение в ситуациях путешествия.

Он пристально всматривался в окружающее, что и позволяло различать и живописный красочный слой своеобразной местной жизни, и ее второй план. «Опять пошли меловые горы, – любителю он камскими берегами. – Вон две бабы всползают вверх. Точно два маковых цветка, от кумачного платья, в которое они одеты. Посмотрел я в *бинокль* (курсив наш. – В.А.). Прделают ступеньку, станут на нее и следующую высекают. Танталов труд» [там же: 147]. За красочной подробностью ландшафта – алые пятна на белоснежном фоне – скрывается социальная подоплека: женщины заняты тяжким и опасным трудом на добыче известняка. Оптические инстру-

менты – *монокль* у петербуржца, *бинокль* у путешественника – в контексте темы выступают как метафоры качества и остроты взгляда, общего отношения к жизни.

Уроки пристального взглядывания дают повествователю его попутчики, люди из гущи той самой жизни, которую он стремится узнать. С таким «героем зрения», мастером взглядывания и всматривания он встречается в самом начале путешествия, в очерке «Лоцман Терентий», открывающем книгу: «Дно – он точно ладонь свою видит, все выпуклины, гребни, морщинки на нем ясны ему до того, что умей он взять в руки карандаш, начертит бы их безошибочно» [Немирович-Данченко 1890: 9]. Лоцман различает симптомы глубины на поверхности: по оттенку цвета воды, по особенностям течения и десяткам других, одному ему видимых, примет. Он безошибочно различает очертания и детали судна, которое чуть показалось на горизонте. «Ему и бинокля не надо» [там же: 14], – комментирует капитан парохода. Такое «напряжение внимания» [там же: 10] вызывает неподдельное восхищение повествователя: «Зоркость необычайная и для меня <...> непонятная» [там же: 14]. Такой же урок непостижимой зоркости он получает у кизеловского старожила, восьмидесятилетнего старика: «А ты посмотри. Тут главная причина – смотреть надо, и тогда откроется тебе» [там же: 223].

В опоре на собственный взгляд и в солидарной общности с народным опытом видения и понимания жизни повествователь резюмирует свою стратегию взглядывания в уральский мир: «Я смотрел на уральскую действительность не сквозь одни свои *очки* (курсив наш. – В.А.): мне помогали в этом деле все, начиная от простых рудокопов и кончая заводскою администрацией» [там же: 218].

Так обеспечивается и поддерживается общая интенция литературного путешествия Немировича-Данченко в Прикамье и на Урал – охватить в максимальной широте и подробностях жизнь неведомой еще земли с ее яркой и суровой природой и сложившимся своеобразным укладом жизни и открыть ее России. Как аспект этой общей интенции рождается стремление привлечь, заинтересовать читателя. Вот Немирович озирает с восторгом причудливое и в свете заката кажущееся фантастическим нагромождение скал на реке Косье и недоумевает, почему эту красоту никто не знает? «Протираешь глаза себе – куда попал я? Неужели это уголок России? Отчего же где такой здоровый воздух, такие чудные окрестности, такие поэтические виды, – отчего сюда не направляются наши скучающие тури-

сты?...», – задается он до сих пор актуально звучащим в России вопросом [там же: 433, 434]⁴.

В итоге усилий к познанию России и русского человека в его особом уральском складе Немировичу-Данченко удалось создать впечатляющую, исполненную «дикой красоты и сумрачного величия» [там же: 430] картину Уральской страны (о регионе-стране см.: [Крылов 2010: 41–42]). Именно так. Очерки Немировича открывают читателю целый своеобразный мир, где «в вечном мраке рудника гном-человек ценою невероятных усилий отнимает у земли ее глубоко схороненные сокровища; где одинокие старательские артели в глуши дремучих лесов по целым месяцам выживающие у золотоносных рек, еще не намеченных даже на карте; где высокие горы стали на самый рубеж студеного сибирского царства, точно заслоняя Россию от его ледяного дыхания» [там же: 617]. Собственно, это пусть и отмеченная некоторой публицистической риторичностью, но все же первая геопозитическая формула Урала, предваряющая его будущее определение вплоть до «хребта России» [Абашев 2009].

Основной принцип изображения Урала в очерках В. И. Немировича-Данченко можно определить как панорамность. Прежде всего, на уровне предмета изображения: очерки отличает панорамность путешественного охвата пространства. Маршрут Немировича впечатляет пространственным охватом региона. На пароходе из Нижнего Новгорода Волгой и Камой он добрался до Перми, оттуда пароходиком же поднялся вверх по Каме до строгановского Усоля. Из Усоля долиной реки Яйвы доехал до Кизела, где надолго остановился. Живя в Кизеле, объездил его окрестности: посетил Александровский завод, Луньевку и Шабурное, т.е. Всеволодовильву. Покинув Кизел, перевалив через гору Белый Спай, Немирович добрался до поселка Няр в среднем течении горной реки Косье. Из Няра на лодке-«душегубке» с двумя гребцами поднялся вверх по реке до Троицкого рудника. Оттуда вернулся в Няр, где снова нанял лодку и по Косье, минуя Губаху, спустился до Камы и заехал в Чермоз. Из Чермоза он вернулся в Пермь, а оттуда Сибирским трактом через Кунгур, Суксун, Бисерть и Билимбай доехал до Екатеринбургa и объездил его окрестности. Из Екатеринбургa Немирович отправился в Верх-Нейвинск, оттуда в Невьянск, потом в Нижний Тагил, далее в Верхнюю и Нижнюю Салду, объезжая демидовские заводы и рудники. Даже если не считать водный путь до Перми за 3 месяца, с конца мая до начала сентября, Немирович проехал не менее полутора тысяч верст по Прика-

мью и Уралу: где экипажем, где на подводе, где на лодке-душегубке, а где и пешком.

В беглом обзоре маршрута мы назвали только его опорные точки. Между тем в повествовании каждая такая точка становится центром обзора окрестностей. Немирович по пути замечает и втягивает в повествование, где более развернутым описанием, где беглым замечанием или простым упоминанием, десятки соседствующих поселений, гор, речек, урочищ. Это важный компонент повествования у Немировича – насыщенность топонимами. «Только до одной Ослянки и Няра, по тому пространству, по которому мы только что проехали, – рассказывает Немирович-Данченко о сплаве по горной реке, – Косьва приняла в себя более двадцати речек. <...> Рассольная, Большая Чирковая, Малая Чирковая, Ершовка, Гремяча, Малая и Большая Усвинки, Тоскаиха, Рассолка, Сухая, Ломовая, Ослянка, Ташковка, Полуденная – одна красивее другой» [Немирович-Данченко 1890: 430]. Перечни топонимов создают впечатление развертывающейся в путешествии карты Урала. Сотни топонимов размечают пространственные перспективы повествования, связывая ход рассказа с географией местности, вписывают точку или локус путешествия в сетку координат географической карты.

Панорамность как повествовательный принцип не исчерпывается, конечно, пространственно широким охватом территории и ее художественным картированием [Абашев, Фирсова 2010: 98, 99].

В приведенном выше суммирующем описании, где Урал предстает царством рудников и золотых приисков, щитом, берегущим Россию от «ледящего дыхания» Сибири, присутствует ясное видение этой земли в общей геопанораме России. И это принцип повествования. Рассказывая об Урале, В.И. Немирович-Данченко соотносит виденное с другими краями России, прежде всего с хорошо знакомым ему Поморьем и Волгой⁵, берега Камы он сравнивает с волжскими и берегами Донца, находя то сходства, то различия. Показательно в этом смысле вызвавшее сарказм Мамина-Сибиряка описание лесных закамских далей из Набережного сквера в Перми: «Не оторвешься от них, как не оторвешься от картин Заволжья с нижегородского откоса, от саволакских далей с горы Пойю в Финляндии, от вида Подола и Заднепровья в Киеве...» [Немирович-Данченко 1890: 134]. Река Кизел напомнила путешественнику «Тириберку на Мурмане», хотя «последняя обставлена более грандиозными массами полярных гор» [там же: 216], а цветы шиповника, заполнившего долину Яйвы, показались гуще цветом, чем виденные в Лапландии. Срав-

нивая виды Урала с другими местами, Немирович вводит их таким образом в широкий ряд ландшафтной типологии России.

Панорамность у Немировича – принцип повествования, действующий и на уровне структуры повествования, и на уровне отдельных его компонентов. Он проявляется, например, в ландшафтно-пейзажных описаниях. В.И. Немировича-Данченко любит именно панорамные описания окрестностей с вершин гор и холмов. Выразительны описания вида долины Яйвы с горы у деревни Камень, панорамы окрестностей Кизела с вершины Коршуновской копи, вида на вершины Уральского хребта с вершины горы Белый Спай, вида излучин Косьвы и горы Ослянки из дома управляющего Троицким рудником, вида с Суксунской горы, панорамы Екатеринбурга с Плешивой горки, панорамы Верх-Нейвинска и его окрестностей с Сухой горы [там же: 206; 264, 264; 376, 377; 415, 416; 524, 525; 588; 642].

Для подобных описаний характерно особенное внимание к ориентации в пространстве. Развертывая описание, Немирович всегда располагает детали видимого ландшафта относительно наблюдателя, фиксирует их ориентацию по сторонам света, меняет планы от общего до крупного: от мерещащихся далее до внезапно укрупненной, словно рассмотренной в бинокль, детали. Он строит зримую карту окрестностей, как бы втягивая в линию маршрута окружающие его просторы.

«Внизу под нами Косьва, – развертывает Немирович описание вида из дома управляющего Троицким рудников, – делает пять излучин и образует два прелестных острова <...> Налево гора Троицкая, вся изрытая рудниками, за ней вечные снега и ягелевые пастбища Ослянки... Противоположный берег тоже весь заставлен горами. Это какой-то хаос скал, лесистых склонов, голых вершин... Быстро течет мимо них река, гремя в бесчисленных переборах. Вода до того чиста, что мы отсюда под солнечными лучами видим дно ее, с высоты полтораэта фута... Узенькие душегубки (тип лодки. – В.А.) замерли у берега, рядом тоже замерла засмотревшаяся в воду хорошенькая девочка. Под ее ногами река делает маленький каскад, и ребенок смотрит – не насмотрится» [Немирович-Данченко 1890: 416]. Здесь хорошо проявляется важный конструктивный принцип описаний Немировича: он вводит читателя в оптическую работу разглядывания окрестностей, подчиняя описание блуждающему движению взгляда. Иными словами, повествователь вовлекает чита-

теля в собственную работу визуального конструирования ландшафта.

Ландшафтно-пейзажные фрагменты Немировича хорошо иллюстрируют мысль исследователей поэтики пространства, что конститутивным элементом места как феномена культуры является «усилие, которое прилагает созерцающий субъект», что наблюдатель «создает бытие места, обращая на него свой пристально разглядывающий взор» [Ottum 2012: 179]. Важно и то обстоятельство, что погружение в сиюминутную ситуацию рассматривания ландшафта придает описанию спонтанность и свежесть, помогая преодолеть нередкую у Немировича литературную банальность определений вроде «прелестный» и т.п. Этот принцип делает возможным сближение в одном абзаце далекой заснеженной вершины горы Ослянки с водоворотом речных струй вокруг ног ребенка, вызывая эффект первоизданности вида.

Принцип панорамности сказывается не только в многочисленных ландшафтно-пейзажных описаниях. На уровне структуры повествования ее обеспечивает также интенсивное использование чужого слова. «Смотрел на уральскую действительность не сквозь одни свои очки, мне помогали в этом деле все, начиная от простых рудокопов и кончая заводскою администрацией» [Немирович-Данченко 1890: 218], – означает, в частности, что В. И. Немирович-Данченко максимально расширяет охват действительности, включая в свой рассказ чужие рассказы.

Немирович насыщает повествование рассказами встречаемых им в путешествии людей, стремясь воссоздать их слово в индивидуальном речевом колорите. Некоторые из таких рассказов образуют целые вставные новеллы, как, например, рассказ помещика-любителя псовой охоты о том, как он променял любовницу на пса Зефира, или рассказ о камской разбойнице Фелисате, быличка о Демидове, который подстрелил лебедя и тем самым, как оказалось, смертельно ранил свою красавицу-любовницу [там же: 89–90; 449–452; 461, 462]. Художник щедро расцвечивает колоритными историями свое повествование, явно любясь цветистостью речевого материала. Но важно другое. Жадно вслушиваясь в рассказы уральцев, записывая их, Немирович погружается в стихию местного мышления, выделяет и акцентирует важные константы этого сознания, запечатленный в рассказах образ мира.

Разорившиеся помещики и чувствующие себя хозяевами жизни купцы, управляющие заводами и инженеры, ямщики, лесорубы, рабочие заводов и рудников, старатели, крестьяне и выбившиеся из привычной жизненной колеи колоритные чу-

даки, – их личные истории, рассказы о производстве и экономике, о ремесле, бытовых обычаях и происшествиях, а также местные легенды и предания широко раздвигают рамки повествования. В том числе и пространственные. Рассказы попутчиков и проводников вводят в рассказ Немировича новые географические горизонты: «Мой спутник был старожилом кизеловского завода. На сотни верст кругом не нашлось бы холма и утеса ему неизвестного» [там же: 218]. Рассказы золотоискателя Егора Ивановича Жмаева – от них «веет простором и привольем сибирской тайги» – заставляют повествователя живо вообразить золотоносные реки, «засыпанные снегом вершины сумрачных гор и ропот океана у отвесных скал Камчатки» [там же: 607].

Принципиально важную роль в очерках играют легенды и предания об уральской старине. В. И. Немирович-Данченко влетает в свое повествование десятки рассказанных ему попутчиками легендарных рассказов о деяниях Ермака, Строгановых, Демидовых. В итоге временной горизонт повествования резко расширяется, удаляясь ко времени культурных героев русского Урала, его первостроителей. При этом рассказы о культурных героях связываются с урочищами, приобретая тем самым зримую пространственную проекцию: «Начиная от Елабуги и выше, что ни место – то былина» [там же: 70]. Каждое урочище становится *уроком*, рассказом, ове ществленным в ландшафте, – в нагромождении скал, в пещере, повороте реки: «Тут Строгановы татар били, там татары поймали Строгановых и мучили их, вымогая признаний, где зарыты их сокровища. Вон на этой горе они изжарили на медленном огне старика, а рядом один из Строгановых схватил изуверов и двенадцать человек их закопал живьем в землю... Три дня головы их виднелись над нею, пока несчастные не погибли в страшных мучениях. Народ здесь, как и везде. Что бы кем ни было сделано – припишут Строгановым, что бы с кем ни случилось – случилось со Строгановыми. Бил какой-нибудь «разбойный» человек мирные поселки пермяков – это Ермак» [там же: 561, 562]. Существенен эстетический итог насыщения повествования местными преданиями: «Миром легенд кажется вся эта даль, заставленная мрачными горами» [там же: 561].

Своими путевыми очерками В. И. Немирович-Данченко открывал богатый нарративный потенциал Урала. В щедрой россыпи сотен чужих рассказов, рассеянных по повествованию, встречаются сюжетные мотивы, которые впоследствии будут развиты в прозе писателей Урала. Так, в рассказах о Ермаке обнаруживается сюжет бу-

дущего бажовского сказа «Ермаковы лебеди»⁶, в рассказе о встрече в медном руднике в Нижнем Тагиле встречаем сюжетный мотив, который будет развит в сказе «Таюткино зеркальце»⁷. В разговоре с рабочим на Кизеловском заводе возникает даже параллель к «Доктору Живаго»: к преданию о кузнеце Вакхе, выковавшем себе железное нутро⁸.

Но помимо развернутой пространственно и исторически панорамной картины Урала в очерках В. И. Немировича-Данченко есть нечто иное – масштабное художественное обобщение об уральском мире. «Меня давно манило в самую глубь Урала», – в этих словах, кроме их прямого смысла, находит выражение замысел найти сущность, тайну горной страны. Очерки Немировича объединены в единое, развивающееся целое как маршрутом путешествия, так и пунктирно намеченным сюжетом поисков подлинного Урала, «погружения в глубину». Эту подлинную глубину Урала он находит в рудниках и на заводах у доменных печей и бессемеровских конвертеров.

Не только природные ландшафты служили источником сильных эстетических переживаний Немировича, но и своеобразная, потрясающая нечеловеческим размахом поэтика горнозаводского дела. В очерках встречается замечательная в своем роде формула: «техническое дело [на Урале] принимает сказочные размеры» [Немирович-Данченко 1890: 738]. И другое важное замечание, характеризующее авторское видение: «Я <...> был потрясен <...> обстановкой заводского дела, его картиной, его художественным целым» [там же: 738]. «Художественное целое» Урала открывается Немировичу в органической связи природных ландшафтов и горнозаводского производства, природы и трудовой жизни здешнего человека.

Как каждый камень и скала оказываются окаменевшей историей, так и каждый рудник является хранителем тайны. Спускаясь в рудник, повествователь находит на его сводах таинственные письмена: «При свете взятых с собою свечей изломы угля ярко светились на черных стенах штольни. Казалось, в подземном царстве открылся нам волшебный грот с таинственными надписями, звездообразными знаками, непонятными символами, скрывающими под своими причудливыми зигзагами тайны, недоступные смертному. Символами этими были изборождены и своды грота. Следы ударов от кайл повсюду. Можно подумать, что в этой черной, подземной пещере было заключено какое-то громадное, могучее чудовище, в бессильной злобе исцарапавшее стены своими сильными железными когтями» [там же: 266].

В этом фрагменте на глазах происходит переключение с плана воображения в план действительности и обратно. Сначала открывается «волшебный грот с таинственными надписями», затем уже надписи объясняются прозаической причиной – следы ударов кайла, но сразу за этим включается тератологическое объяснение – следы железных когтей чудовища, заключенного в пещере. Кстати заметим, что на подобном переключении горизонтов от действительности к воображению и обратно строится масса описаний Немировича. Как раз в описании горнозаводского дела – рудников и металлургических процессов – Немирович не только проявляет осведомленность и наблюдательность, но и дает волю поэтическому воображению. Именно таким способом и создается образ Урала.

Особенно примечательны для анализа очерки «Огненные змеи и железные люди» о Кизеловском заводе и «Храм Бессемера и таинство претворения» о металлургическом производстве в Нижней Салде, но можно также привести очерк «Домна» и множество фрагментов с описаниями рудников и металлургических заводов.

В очерках о металлургических процессах Немирович ближе всего подходит к мифопоэтике Урала. Переделка чугуна в железо и выплавка стали изображаются им то в терминах космогонии, то в терминах таинственного сакрального архаического культа, а порой, и это особенно интересно и важно, он делает отсылку к представлениям об алхимическом процессе. Вот так выглядит космогоническая интерпретация металлургического процесса: «Воображение невольно работало, подсказывая сравнения, создавая целые картины. Эта громадная черная лаборатория превращалась, раздвигаясь, в лабораторию миров, где неведомые существа ковали из огня и железа мириады звезд, разбрасывая их снопами, струями и ливнями во тьму еще неодоумленной вселенной. В высоте чудится присутствие господствующего духа. Действие первых сил, творящих и созидающих, выражалось в страшном грохоте, в свете газов, стремившихся занять свое место в пространстве, в ударах раскаляющихся чудовищных метеоров, в стихийном шуме световых тел, носившихся в высоте. Материал, из которого создавались все эти тела, казался неистощимым. Огненные печи творящего божества выпускали его без конца. А мириады звезд все дальше и дальше уносились в бесконечность, в пространство, которому еще не создано ни меры, ни уподобления. Работа шла без усталости. Руки прикованных к этим мировым очагам чудовищ не знали напряжения, не знали пределов своей силы. Мне казалось, что вот-вот и я

сейчас же понесусь вслед.

– Ты опять пьян! – раздалось над самым ухом.

Мировой лаборатории как не бывало. С небес я стремглав слетел на землю. Действительность, одна действительность была кругом» [Немирович-Данченко 1890: 249, 250].

Автор на глазах читателя переключает горизонты повествования, но иронические отсылки к действительности не отменяют ни яркости, ни интенсивности образной ткани, ни мифопоэтической перспективы, открывающейся в сравнениях Немировича. Не отменяют, потому что воображение не произвольно, оно проникает в подлинную символическую глубину предмета.

Очень важны алхимические коннотации в очерке «Домна», и особенно ярко они проявлены в очерке «Храм Бессемера и таинство претворения». И в том и в другом металлургический процесс описан в терминах «древнего таинства языческого культа» [там же: 238], и домна или конвертер Бессемера представляются «храмом, в котором совершается чудное таинство претворения никуда не годной горной породы в металл» [там же: 239].

Эти коннотации в очерке «Храм Бессемера» особенно очевидны и само описание системно. Здесь домна, пристроенная к скале, напоминает какое-то «вавилонское сооружение»: «железная пещера», где установлен конвертер Бессемера, превращается в «языческое капище невидимого, но страшного бога», главный инженер – в жреца, техники – в таинственных алхимиков [там же: Урал, 738; 740; 741; 742], а сам процесс бессемерования чугуна становится священнодействием, родственным космогоническому процессу. В металлургических очерках Немирович-Данченко кажется максимально близким к универсальной мифопоэтике кузнечного и металлургического дела, завораживающе описанной Мирча Элиаде в работах «Вавилонская космология и алхимия» (1937) и «Кузнецы и алхимики» (1956) [Элиаде 1988: 78–140; 141–270].

Стоит отметить, что в очерке «Храм Бессемера» встречается отсылка В. И. Немировича-Данченко к стиливому ориентиру фантастических описаний, – это поэтический эпос Виктора Гюго. Если бы знаменитому французу довелось побывать в металлургическом цехе уральского завода, он бы, не сомневаясь Немирович, «нарисовал бы поразительно грандиозную картину рождения звезд и планет из общей стихийной жидкости» [Немирович-Данченко 1890: 742]. Скорее всего, Немирович имел тогда в виду космические видения в поэмах «Бездна» (*Abîme*), «Комета» (*La Comète*) и *Là-haut* («Наверху») из второй серии «Легенды веков», вышедшей в

1877 г. Здесь, в «Легенде веков», как считают знатоки французской литературы, Гюго «добился небывалого роскошества живописных образов, блистающих феерических картин и пылающих красок» [Евнина 1973: 23], уподобляя воображение поэта «видению творца вселенной, созерцавшего мир сквозь время и пространство» [Моруа 1980: 370]. В описании уральских заводов Немирович явно склонялся к эстетически близкому ему романтическому гиперболизму Виктора Гюго. Знание творчества французского поэта проявляется и в других местах повествования.

В очерках Немировича намечена основа своеобразной теллурически ориентированной уральской антропологии, которая получит развитие и в прозе Д. Н. Мамина-Сибиряка [Абашев 2009]. Место и дело, мастерство определяют тип человека, его характер, даже его телесность. Кровная, телесная связь человека с недрами – вот принцип этой художественной антропологии. «В каждом горнозаводском округе выработался свой народный тип, – замечает Немирович, – Рабочие из Луньевки, Александровского и Кизеловского заводов очень непохожи на таких же в Невьянске или Кыну. Работая на одном и том же деле, они складывались при чрезвычайно различных условиях» [Немирович-Данченко 1890: 704].

Немирович замечает, что уральцы «по своим нравственным качествам» резко делятся по двум главным отраслям горного производства: металлурги и золотоискатели. Металлург «так же не похож на лихорадочного, беспокойного золотоискателя, как, например, мексиканец не похож на неразговорчивого, спокойного американца-скваттера» [там же: 635]. «Золото, – продолжает размышлять Немирович, – <...> роковым образом влияет на людей, добывающих его из недр земли. Кажется, что это именно тот бесовский клад, который, по зароку схоронивших его убийц, нельзя получить, не оставив на его месте <...> своей души» [там же: 635].

Размышление о людях железа развертывается у Немировича едва ли не в миф. Железо, приводит он уральскую поговорку, – «металл строгий». «Железо дает <...> целые поколения сумрачных и строгих людей, которым чужды санвиническое легкомыслие старателей и их покладистая совесть. <...> На железном деле люди много думают, имеют зачастую дело с машинами; сверх того, если верить местным психологам, своим внутренним организмом складываются в твердые, стойкие формы, как будто чугун и железо передают им свои основные качества» [там же: 635].

Немирович записывает рассказы, демонстри-

рующие особый склад восприятия и мышления у «железных» людей. Например, рассказ о своеобразных заводских «поэтах», замороженных магией металлургического процесса. У плавильных печей встречаются рабочие, видящие в «переливах огня, в сверкающей массе металла, всевозможные образы. То река льется в серебряных берегах и вырастают на них золотые дворцы и храмы. То море из белого пламени разливается шипучими волнами; ходят над ними морские чудовища, огненная буря шумит, налетая на них. То клочкотание геены огненной, точно перед задумчивым рабочим разверзаются в этой печи врата ада» [Немирович-Данченко 1890: 253].

Таким образом, в очерках Немировича мы обнаруживаем не только с сознанием дела прописанную социальную и экономическую феноменологию Урала, но и уральскую онтологию и антропологию. Онтология Урала у Немировича приобретает черты сакральной реальности. Повествователь путешествует в поисках настоящего, подлинного, глубинного Урала. Так позднее герой повести «Веселые братья» Николая Гумилева отправится к таинственному городу в глубине уральских гор. Погружаясь в глубину Урала, Немирович попадает в «Храм Бессемера» (этим очерком завершается путешествие), где творится алхимическое таинство претворения черного чугуна в сияющую солнцеподобную сталь. Сакральным центром Урала оказывается металлургический завод.

В очерках Немировича есть видимое противоречие. Следуя конвенциям того же социологического реализма 1880-х гг., в русле которого работал Д. Н. Мамин-Сибиряк [Дергачев 2002: 8], Немирович трезво описывает, как хищнически организованная горнозаводская промышленность уничтожает природу Урала, он рисует жестокие картины обнищания и нечеловеческих условий труда на рудниках и заводах, вводит в повествование множество статистических данных, характеризующих масштабы производства и его финансово-экономические показатели, положение рабочих.

В то же время эстетически ему близка романтическая традиция с ее тягой к масштабным обобщениям, яркой образности, с чувствительностью к мифопоэтическому плану действительности. Его увлекает размах и поэзия горнозаводского дела. Оказывается, что на более глубоком уровне, онтологически, заводы связаны с этой суровой, мрачной и таинственной природой и выражают ее. В заводах и рудниках природа продолжается и обнаруживается в своем существе, они-то и вводят в ее глубь – в подземное царство.

Природа и производство в поэтике очерков В.И. Немирович-Данченко обнаруживают тайное сродство, он чувствует движение теллурических энергий в уральских ландшафтах. Поэтому для ландшафтно-пейзажных описаний В.И. Немировича-Данченко характерно подчеркивание динамики ландшафта, его готовности прийти в движение. Так, например, описывая панораму окрестностей Верх-Нейвинска с вершины Сухой горы, он заставляет двигаться горные гряды: «Кругом каймами, грядами, перепутавшимися узлами поднялись крутые горы. Одни кряжи хотят точно перебраться через другие, сливаются и снова разделяются, принижаются, чтобы тотчас же гордо выдвинуть остроконечный пик. Их то окутывают зеленые облака лесов, то серые скалы взрезывают их скаты снизу...» [Немирович-Данченко 1890: 640, 641].

И это не единичный пример, а тенденция к динамизации статичного ландшафта. Характерно в этом отношении, как Немирович использует клишированное сравнение покрытых лесом горных гряд с застывшими морскими волнами. Такое сравнение постоянно встречается и в описаниях Мамина. Но вот что происходит у Немировича, когда он, к примеру, описывает панораму окрестностей с «вышки коршуновской шахты» близ Кизела. «Точно волны океана застыли в момент спокойной зыби, так отлоги, так мягки эти горы, – начинает он описание традиционным сравнением, но тут же приводит риторические «волны» в движение: – Кажется, вот-вот они проснутся и покажутся зелеными грядами к каким-то неведомым берегам. И все эти шахты и заводы, как корабли, застигнутые ветром, заколышутся на мерно волнуемом просторе этого величавого моря». Еще большую пластическую убедительность картине пришедшего в движение ландшафта придает следующее свежее сравнение: «Вон между двумя, окаменевшими в форме гор волнами вынырнула и точно ждет попутного ветра, вся на виду, маленькая белая церковь, кажется уже распустившая свои паруса» [Немирович-Данченко 1890: 264]. Буквализация оживляет клишированный троп, и он дает важную смысловую проекцию: эти горы и леса полны внутренней жизни, динамики.

С таким внутренним динамизмом уральского ландшафта, его пульсацией, органически связан определенный тем же ландшафтом строй труда и производства. «Прииск в самой долине, – обводит взглядом повествователь золотой прииск под Невьянском. – Кругом вершины Урала, точно они надвигаются на нее отовсюду... В мгlistое время почудится, что кругом прииска не каменные горы, а обложили его тяжелые массы непроницаемых туч. Зато внизу кипит и шибко бьется всеми сво-

ими бесчисленными пульсами упорный труд человека» [Немирович-Данченко 1890: 674].

Органическое единство уральского ландшафта, его недр и человеческого труда объединяет очерки Немировича мыслью об Урале как целостном своеобразном мире, что и дало впоследствии основу для концепции горнозаводской цивилизации. В этом существенном В. И. Немирович-Данченко дополнял художественное исследование Урала в творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка. Их трудами Урал из географической данности превращался в суггестивный топос русской литературы.

Примечания

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ в рамках проекта №15-14-59004 а(р) «Маршрутами российских первопроходцев: образно-географическая карта Урала в путевых отчетах ученых и писателей XVIII – начала XX вв.».

² В. И. Немирович-Данченко составил книгу, объединив, практически не редактируя, журнальные публикации очерков в порядке их появления в печати. Всего в книге 66 главок. Печатались они циклами в следующей последовательности: *Немирович-Данченко В. И.* Река былых лесов (летняя поездка по Каме] // Дело. 1877. № 2 (февраль). С.107–138 (будущие книжные главки с 1 по 4); *Немирович-Данченко В. И.* Урал (очерки и впечатления летней поездки] // Русская речь. 1881. №9. С.1–48; №10. С.1–50; №11. С.1–49; №12. С. 1–58 (главки с 8-й по 32-ю); *Немирович-Данченко В. И.* Река лесных пустынь (из поездки по Уралу] // Истор. вестник. 1882. Т. X (ноябрь). С. 241–274; Т. XI (декабрь). С. 501–541 (главки с 33-й по 42-ю); *Немирович-Данченко В. И.* Колыбель миллионов // Истор. вестник. 1884. Т. XVI (июнь). С. 465–486; Истор. вестник. 1884. Т. XVII (июль). С. 98–111 (главки с 56-й по 60-ю).

³ *Немирович-Данченко В. И.* Урал (очерки и впечатления летней поездки] // Русская речь. 1881. №9. С.1–48; №10. С.1–50; №11. С.1–49; №12. С. 1–58. Зарисовка, которую имеет в виду Мамин-Сибиряк, появилась в сентябрьском номере «Русской речи».

⁴ Ср. те же ламентации у Мамина: «...Чусовая – дикая река, и эта дичь пугает российских путешественников, художников и ученых. Они привыкли наслаждаться южным небом, красотами моря, а на Чусовой не встретишь шотландских коттеджей, ни швейцарских шале, ни итальянских вилл, ни поэтических развалин старинных замков и крепостей» [Мамин-Сибиряк 1951: 211].

⁵ С 1869 по 1874 г. В. И. Немирович-Данченко провел в ссылке в Архангельской губернии, где

служил в канцелярии архангельского губернатора. В губернском статистическом комитете он собирал сведения о народах Севера. По делам службы и личному почину он объездил весь край, и литературная известность Немировича началась с публикации очерков и рассказов о Севере. Вскоре отдельным изданием вышла книга «Соловки. Воспоминания и рассказы из поездки с богомольцами» (СПб., 1875). Чуть позднее он путешествовал по Волге и Каспийскому морю, впечатления о которых отразились в книгах «По Волге» (СПб., 1877) и «В море» (М., 1897). Иными словами, на Урал В. И. Немирович-Данченко приехал опытным литературным путешественником со своей образной картой России.

⁶ «По Чусовой, когда Ермак подымался, так лебедь ему показывал дорогу, впереди плыл, где отмели или камни, лебедь в сторону сворачивал, и атаман тоже забирал стороной. Поэтому по всему Уралу теперь лебеди в большой милости. До них никто не дотронется» [Немирович-Данченко 1890: 462].

⁷ «Направо ячейка. Сумрачный рабочий <...> возится в ней; рядом с ним трехлетняя девочка: бледная, большеглазая... <...> – Сиротка она, ответил за нее рабочий. – Жена у меня померла – оставить ее не на кого; ну, я и беру ее с собою, пока подрастет... Все она лопочет по-своему – мне и повеселей» [Немирович-Данченко 1890: 721].

⁸ «Десять полуштофов сегодня я с утра выпил и не пьян. И очень мне это обидно. Так мне это обидно, так обидно. Значит, я нутра снова решил-ся, и что ж мне теперь делать? Вытравил нутро-то. – Новое вставь! Железное. Из хорошего листового железа» [Немирович-Данченко 1890: 255].

Список литературы

Абашев В. В. Д. Н. Мамин-Сибиряк: У истоков геопозтики Урала // Урал. истор. вестник. 2009. №1(22). С.51–59.

Абашев В. В. Фирсова А. В. План местности: литература как путеводитель // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. Пермь, 2010. Вып. 4 (10). С.98–104.

Анисимов К. В. Урал глазами путешественников: мифопоэтика, идеология, этнография // Литературный процесс на Урале в контексте историко-культурных взаимодействий: конец XIV – XVIII вв. Екатеринбург, 2006. С.21–51.

Вердеревский Е. А. От Зауралья до Закавказья // В Парме. Пермь, 1988. С.57–130.

Власова Е. Г. У истоков образа Урала: отчеты об ученых путешествиях конца XVIII в. // Культурная и гуманитарная география. 2013. Т.2, № 2.

С. 159–171. URL: <http://www.gumgeo.ru/index.php/gumgeo/article/view/73> (дата обращения: 20.09.2015).

Дергачев И. А. Творчество Д. Н. Мамина-Сибиряка – историко-литературный парадокс // Изв. Урал. гос. ун-та. 2002. № 24. С. 5–8.

Дергачев И. А. Д. Н. Мамин-Сибиряк в литературном процессе 1870–1890-х гг. Новосибирск, 2005.

Евнина Е. М. Виктор Гюго // Гюго В. Девяносто третий год. Эрнани. Стихотворения. М., 1973. С. 5–29.

История литературы Урала. Конец XIV – XVIII в. М., 2012.

Крылов М. П. Региональная идентичность в Европейской России. М., 2010.

Мамин-Сибиряк Д. Н. От Урала до Москвы. Путевые заметки // Мамин-Сибиряк Д. Н. Собр. соч.: в 12 т. Свердловск, 1951. Т. 12. С. 131–287.

Моруа А. Олимпико, или жизнь Виктора Гюго. Минск, 1980.

Немирович-Данченко Вас. Ив. Кама и Урал (очерки и впечатления). СПб., 1890.

[Михайловский Н. К.] Рецензия на: Немирович-Данченко В. И. Подневольные странники. Очерки и рассказы. 2 тома. СПб., 1877; *Его же.* Страна холода. СПб., 1877. *Его же.* По Волге. Очерки и впечатления летней поездки. СПб., 1877 // Отечественные записки. 1877. № 3. С. 96–99. Вторая страница. (Новые книги).

Элиаде М. Азиатская алхимия. М., 1988.

Ottum L. Discriminating Vision: Rereading Place in Wordsworth's Guide to the Lakes // *Prose Studies*. 2012. Vol. 34, № 3. December. P. 167–184.

References

Abashev V. V. D. N. Mamin-Sibiryak: U istokov geopoetiki Urala [At the origins of geopoetics of the Urals]. *Ural'skij istoricheskij vestnik* [Ural historical journal]. 2009. № 1(22). P. 51–59.

Anisimov K. V. Ural glazami puteshestvennikov: mifopoetika, ideologija, etnografija [The Urals through the eyes of travelers: mythopoetics, ideology, ethnography]. *Literaturnyj protsess na Urale v kontekste istoriko-kul'turnykh vzaimodejstvij: konets XIV – XVIII vv.* [Literary process in the Urals in terms of historical and cultural interactions]. Ekaterinburg, 2006. P. 21–51.

Dergachev I. A. Tvorchestvo D. N. Mamina-Sibirjaka – istoriko-literaturnyj paradox [D. N. Mamin-Sibiryak's creative work – historical and cultural paradox]. *Izvestija Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Ural Federal University Journal]. 2002. № 24. P. 5–8.

Dergachev I. A. D. N. Mamin-Sibirjak v literaturnom protsesse 1870–1890-kh gg. [D. N. Mamin-Sibiryak in the literary process of the 1870–1890s]. Novosibirsk, 2005.

Eliade M. Aziatskaja alkhimija [Asian alchemy]. M., 1988.

Evnina E. M. Viktor Gjugo [Victor Hugo]. *Giugo V. Devjanosto tretij god. Ernani. Stikhotvorenija* [Hugo V. Year 93rd. Hernani. Poems]. M., 1973. P. 5–29.

Istorija literatury Urala. Konets XIV – XVIII v. [History of literature of the Urals. The late XIV – XVIII centuries]. M., 2012.

Krylov M. P. Regional'naja identichnost' v Evropejskoj Rossii [Regional identity in European Russia]. M., 2010.

Mamin-Sibirjak D. N. Ot Urala do Moskvy. Putevye zametki [From the Urals to Moscow. Traveling essays]. *Mamin-Sibirjak D. N. Sobraenie sochinenij: V 12-ti tt.* [Collected works: in 12 vols.]. Sverdlovsk, 1951. Vol. 12. P. 131–287.

Maruois A. Olimpiko ili zhizn' Viktora Gjugo [Olympio: the life of Victor Hugo]. M., 2011.

[Mikhajlovskij N. K.] Retsenzija na: Nemirovich-Danchenko V. I. Podnevol'nye stranniki. Oчерki i rasskazy. 2 toma [Review of: Nemirovich-Danchenko V. I. Forced strangers. Essays and stories]; *Strana kholoda* [The country of cold]; *Mikhajlovskij N. K.* Po Volge. Oчерki i vpechatlenija letnej poezdki [Along the Volga river. Essays and impressions of the summer journey]. *Otechestvennye zapiski* [Domestic proceedings]. 1877. № 3. P. 96–99.

Nemirovich-Danchenko V. I. Kama i Ural (oчерki i vpechatlenija) [The Kama and the Urals (essays and impressions)]. SPb., 1890.

Ottum L. Discriminating Vision: Rereading Place in Wordsworth's Guide to the Lakes // *Prose Studies*. Vol. 34. № 3. December 2012. P. 167–184.

Rose G. Place and Identity: A Sense of Place // *A Place in the World*. Oxford: Oxford University Press, 1995. P. 87–132.

Verderevskij E. A. Ot Zaural'ja do Zakavkaz'ja [From the Transurals to the Transcaucasus]. V *Parme* [In Parma]. Perm, 1988. P. 57–130.

Vlasova E. G. U istokov obraza Urala: otchety ob uchjonykh puteshestvijakh kontsa XVIII v. [At the origins of the image of the Urals: reports on scientific travels of the late XVIIIth century]. *Kul'turnaja i gumanitarnaja geografija* [Cultural and humanitarian geography]. 2013. Vol. 2. № 2. P. 159–171. Available at: <http://www.gumgeo.ru/index.php/gumgeo/article/view/73>.

«SAVAGE BEAUTY AND TENEBROUS GRANDEUR...».
A PANORAMA OF THE URALS IN
VASILY I. NEMIROVICH-DANCHENKO'S TRAVEL WRITINGS

Vladimir V. Abashev

**Professor in the Department of Journalism and Mass Communication
Perm State University**

The article is devoted to Vasily I. Nemirovich-Danchenko's book «The Kama and the Urals» («Kama i Ural», 1890) describing his travels in 1875. The Ural travelogue of Nemirovich has become an important stage in the formation of the geo-poetical image of the region that was significant for Russia's history. The article explores key features of this image. The basic principle of the development of the Urals' image in Nemirovich's essays is the technique of panoraming. The panoramic effect is created not only through the unprecedented coverage of the region's area. Landscape descriptions are also constructed according to the panoramic model. One of Nemirovich's favourite techniques is to describe the surrounding countryside as if from a dominant height, which allows the author to include the adjacent territories into his itinerary. Intensive use of stories told by other narrators, especially tales of the local cultural heroes, like Yermak, the Stroganovs, the Demidovs, widens the temporal horizon of the narrative. They are mining plants that turn out to be the focus of the Ural identity in Nemirovich's essays. While describing the mining industry – mines and metallurgical processes – the author not only shows a great deal of awareness and acute observation, but also gives rein to his poetical imagination. He tells about iron recasting and steelmaking in terms of cosmogony and alchemy, and thus comes close to creating a particular mythopoetics of the Urals. The essays of V.I. Nemirovich-Danchenko supplemented literary exploration of the Urals in works by D.N. Mamin-Sibiriyak. Through their writings, the Urals were transformed from geographic entity into a suggestive topos of Russian literature.

Key words: V.I. Nemirovich-Danchenko; D.N. Mamin-Sibiriyak; geo-poetics; literary image of the Urals.

УДК 82-94“19”

«Я ЖЕ – ЧЕЛОВЕК ОБЫКНОВЕННЫЙ»: АНАЛИЗ ДВУХ ЖЕНСКИХ ДНЕВНИКОВ СОВЕТСКОГО ВРЕМЕНИ

Ирина Леонардовна Савкина

доктор философии, лектор отделения русского языка, культуры и переводоведения
Тамперский университет (Финляндия)

Kanslerinrinne 1 FIN-33014 Tampereen yliopisto Finland. irina.savkina@staff.uta.fi

Материалом исследования являются два женских дневника советского времени: Н.С. Лашиной (1906–1990) и М.С. Сусловой (1926–2008), к которым можно равным образом применить определения «дневник повседневности», «дневник обыкновенной женщины». С одной стороны, сравнение рефлексивного и наивного, бытового дневников позволяет обнаружить различия как в самом понимании «обыкновенности», так и в вербальных стратегиях ее репрезентации. С другой стороны, сопоставление дает возможность выявить общность в поведенческих тактиках отношений с властью, так как ситуация двойной маргинальности (социальной и гендерной) обеспечивает частичное дистанцирование от «игр власти». В то же время оба дневника показывают огромную зависимость авторов от доминантных представлений о роли женщины – жертвенной матери и контролирующей жизнь мужа и семьи жены. Эти матриархальные практики изображаются в дневниках (у Лашиной – сознательно; у Сусловой – непроизвольно) как неизбежные, необходимые для выживания.

Ключевые слова: женский дневник; наивное письмо; обыкновенность; история повседневности; гендерные отношения.

Плачет Бог, читая на том свете
Жизнь незамечательных людей.

А. Кушнер

Авторы автобиографических и дневниковых текстов, написанных на разных языках и в разное время, часто начинали свое сочинение с обсуждения мучительного, почти раскольниковского, вопроса: «Вошь я дрожащая или право имею?», или – в менее драматической форме: «Владею ли я правом писать и рассказывать свою историю? кому и почему это может быть интересным?» Кажется, что с наступлением эры Интернета, развитием блогосферы и твиттеромании, эта проблема потеряла актуальность: правом на публичную саморепрезентацию и возможностью ее немедленно реализовать наделен теперь каждый желающий. Однако эта новая ситуация не отменяет, а, напротив, обостряет вопрос о смысле чтения и исследования эгодокументов «незамечательных» людей.

Что может исследователь вычитать из дневника обыкновенного человека? Что такое обыкновенность, можно ли ее определить? Каким образом обычные люди принимают участие «в

изобретении истории» и «каким образом история общества вписана в их язык и тело?» [Козлова 2005: 28]. Как пишут о себе эти обычные люди? Какие аналитические стратегии применимы при изучении их текстов? Что вообще может исследователь вычитать из дневника обыкновенного человека и может ли он избежать искушения не «вычитывать», а, наоборот, «вчитывать» в текст иные смыслы, продиктованные собственным опытом и языком, отличным от опыта и языка того, кто говорит в автотексте? На подобные вопросы стремилась, например, ответить в своих книгах процитированная выше социолог Наталья Козлова, пытавшаяся исследовать «голоса из хора», сделать видимым то, что составляет остающиеся в зоне «слепого пятна» фоновые практики [Волков 1997].

В данной статье я хочу присоединиться к этой исследовательской традиции и сделать объектом внимания два текста советского времени, к которым можно равным образом применить определение «дневник обыкновенной женщины», но при этом само понимание «обыкновенности» и стратегии ее вербализации в них абсолютно раз-

личны.

Надо подчеркнуть, что вообще понятие «обыкновенность»/ «обыкновенный человек» трудно определимо при всей своей кажущейся очевидности. Можно ли соотнести его с любимым в советском дискурсе выражением «простой советский человек», которое авторы исследования начала 1990-х гг. деидеализируют, признавая главными чертами такого человека «массовидность, деиндивидуализированность, противопоставленность всему элитарному, своеобразному, доступность для контроля, примитивность уровня запросов» [Советский простой человек 1997: 8]? В таком контексте обыкновенному (простому) человеку противопоставляется «непростой» – герой, выдающаяся личность, творец. Или обычный человек – это типичный, «средний», тот, кто обладает «волей к норме», кто не годится в герои серии «Жизнь замечательных людей»? Или это тот, кого называем «маленьким человеком», «лузером», «маргиналом», кто является не субъектом, а объектом власти, доминируемым, а не доминирующим, и кому противопоставляются люди, обладающие властью, распоряжающиеся властными ресурсами, «выигравшие», удачлики?

Все эти вышеприведенные понятия, так или иначе соотносимые с дефиницией «обыкновенный человек», «обыкновенная женщина», на первый взгляд малоприменимы к Нине Сергеевне Лашиной (1906–1990), дневниковые записи которой с 1929 по 1967 г. изданы под названием «Дневник русской женщины» в 2011 г. Юрист по образованию, Лашина служила в разных советских учреждениях, пыталась заниматься литературным трудом, в 50-е гг. работала в журнале «Крокодил». Дворянка по происхождению, образованный человек, хорошо владеющий литературным языком, склонный к рефлексии, она, однако, на протяжении всего своего многостраничного Дневника довольно последовательно и осознанно позиционирует себя как обыкновенного, рядового, частного человека, и большая часть ее записей посвящена повседневной жизни и перипетиям личной судьбы. В этом смысле дневник Лашиной дает огромный материал для исследования советской женской повседневности [см.: Fitzpatrick 1999; Белова 2013; Ransel 2015; Лебина 2015] во всем ее «блеске и нищете». Однако нас здесь будет интересовать не референтный анализ, а сам субъект письма, существенные для автора модели нарративной самоидентификации и те «тактики слабых», которые она описывает и которым сознательно или неосознанно следует сама.

Как уже было отмечено, Лашина подчеркнуто акцентирует в дневнике свою обыкновенность:

«Может быть, были и другие люди, чувствующие героический подъем <...> Я же человек обыкновенный и вокруг себя вижу людей таких же простых и обыкновенных, которым свойственны все человеческие слабости и чувства» [Лашина 2011, 1: 208]¹; «Я же должна признать, что я самый средний человек» [2, 308].

Конечно, будучи современницей таких событий, как Великая Отечественная война или разоблачение культа личности Сталина, Лашина осознает их историческую значимость и свидетельствует: фиксирует, восхищается, критикует, анализирует, но при этом отмечает: «Моя попытка в этом направлении была бы подобна детскому лепету. Ведь я так мало знаю и понимаю. Да и не к чему. История будет написана умелыми руками специалистов» [2, 7].

Если Лашина в своем Дневнике и пишет историю, то это история с маленькой буквы, изображенная снизу, изнутри, представленная через описание «повседневности дней» [1, 342], рутинных дел и реакций, составляющих суть фоновых практик поведения, переживания и восприятия/воссоздания реальности. В этом смысле «историзм» в ее дневнике иной, чем в автотекстах многих ее современниц и современников [см.: Raperno 2009]. Важно еще раз подчеркнуть, что такой модус взгляда и письма интерпретируется ею как сознательный выбор: «26.04.40 Почему я об этом пишу? Потому что это и есть наша жизнь. Если вести дневник честно, то нельзя описывать только события чрезвычайные. Обычная, повседневная жизнь наша ведь занимает 90% дней и лет. И мне думается, что когда я умру, и дети, и внуки мои прочтут мои простые записки, они многое поймут глубже и будут благодарны мне» [1, 179].

Повседневность, которую описывает в своем дневнике Лашина, имеет ясно маркированное социальное и гендерное измерение: это женская повседневность и повседневность слабых, тех, кто внизу, внутри потока жизни. В акте письма автор дневника последовательно отождествляет себя с обычными, маленькими людьми, жертвами власти; она их агент, их голос, им она сопереживает и сочувствует. При этом идеологическая принадлежность этих обыкновенных людей для автора второстепенна: равную жалость у нее вызывают предприниматели-узбеки, «антисоветчики», которых она в качестве народного заседателя судит в 30-е гг., простые герои войны, немецкие обыватели – жертвы войны, рабочие люди и «безродные космополиты». Вот несколько примеров: «15.02.1930 Доверчивые и темные люди [самаркандские узбеки – мелкие предприниматели. – И.С.] они не думали о бумажках

<...> Такие беспомощные и растерянные люди, большей частью совсем не понимающие, что происходит, и почему у них отнимают дом, сад, одеяла, казаны, халаты, почему их сажают в тюрьму, берут под конвой» [1, 35–36]; «20.09.1940 Мне стало жутко. Вправе ли мы судить людей за то, в чем виноваты все, и виноваты ли люди в том, что осуждают такую тяжелую жизнь. Ведь человек прежде всего хочет есть, хочет накормить своих детей, и только потом он носитель идей» [1, 190]; «27.11.42 Конечно, командование, приказы, всякая стратегия и все такое <...> Но ведь ни в одном приказе не может быть написано: Тебе, Ваня, закрыть грудью дзот, тебе, Коля, на горящем самолете кинуться на немецкие цистерны <...> А вам, Саша и Степа, драться с немцами на кулаках, сбросить их с крыши и умереть от пуль! <...> Генералы наши умные люди, честь им и хвала! Но что были бы их приказы, не будь такого народа, таких «обыкновенных», ничем не примечательных людей» [1, 265]; «21.08.1945. [Муж присылает с фронта несколько ящиков трофеев] Два-три дня я ходила ошеломленная. Различные чувства боролись во мне. Царапали по сердцу некоторые мелочи, вроде тех, что в кармане пиджака я обнаружила раздавленные очки в золотой оправе и детские перчатки. Жалость к маленькому, униженному и оскорбленному человеку забралась в мое сердце, ведь не все же в Германии фашисты и злодеи» [2, 21] и т.п.

Обыкновенные люди, жертвы и объект манипуляций власти для автора Дневника – это *мы*, а власть предрержащие, те, кто «откормлен на славу, вымыт не наспех, а тщательно и со смыслом» [2, 290], – это *они*. Именно так Лашина последовательно позиционирует себя в акте письма, притом что в реальных ситуациях, о некоторых из которых идет речь и в вышеприведенных цитатах, она как раз действует от лица тех, кто имеет власть: она начисляет налоги, судит, проверяет общежития как «представитель министерства», разбирает жалобы как заведующий отделом писем «Крокодила». Возможно, в жизни она ведет себя иногда как власть имеющий, о чем изредка проговаривается и в Дневнике, но в дневниковом автонарративе она последовательно на стороне жертв власти.

Отношения нарративного Я и других обыкновенных людей с властью строятся в Дневнике как сюжет непонимания. «Не знаю, не понимаю» – таким рефреном на протяжении всего текста Дневника сопровождаются описания и комментарии действий власти: «15.02.1930 Работа в ОКРФО наполняет меня смятением. Я не понимаю того, что делается, не могу разобраться во

всем, что на меня налетело, не знаю, какой позиции держаться» [1, 35–36]; «20.02.1937 Умер Оржиникидзе. Недавно прошелестели слухи, что застрелился Ломинадзе. Не знаю. В газетах ничего нет. Коммунисты молчат. Спросить не у кого» [1, 138]; «25.05 37 Ничего не понимаю. Я не одна в смятении. [...] Что происходит?» [1, 142]; «31.07.1942 Из Москвы писем нет никому. Сидим в своем глухом Рождестве, как слепые котят» [1, 261]; «4.04.53 Кто и как ответит за все, как это распутается, ничего неясно. Голое сообщение, и все тут! Ничего я не понимаю» [2, 231].

Два момента в этой позиции обыкновенного человека здесь ясно маркированы. Во-первых, отчуждение от власти, которая всегда изображается как нечто непостижное уму, она никогда не часть *нас*, это *они*, действующие в каких-то своих, неясных для людей интересах. Влиять на нее или участвовать в ее выборах непосредственно невозможно. Второе – это функция информации как властного ресурса, как способа разделения на доминирующих и доминируемых («слепых котят»). Изолирование от информации, конечно, и основа для манипулятивных пропагандистских стратегий.

Ресурсы, которыми пользуется в этой ситуации обыкновенный человек, – это собственные каналы информации [слухи] и проявляемая автором Дневника эмпатия, солидарность и нарративная идентификация со слабыми, жертвами. Последнее, наверное, можно рассматривать как одну из тех тактик повседневности [см.: Серто де: 103–194], которые вызывают отклонения в функционировании власти.

Американский историк Йоханн Хелльбек, исследуя дневники сталинского времени, пишет о том, что, судя по всей логике основных революционных нарративов, преобразования (себя самого и социума), коллективизации (в общественном и индивидуальном) и очищения (политические чистки и «работа над собой») производились и воспроизводились самими советскими гражданами, которые неустанно рационализировали непроницаемые политические программы и таким образом являлись идеологической силой, действующей наравне с лидерами партии и государства [Hellbeck 2009: 39–45].

Случай Лашиной демонстрирует иные сознательные и бессознательные практики отношения с идеологическими метанарративами. И в сталинское время, и позже она отказывается «рационализировать непроницаемые политические программы», фиксируя свое непонимание, предпочитая размещать себя на полях, за пределами владений власти. Маргинализуя собственное Я через понятие обыкновенности и изображая сво-

их персонажей как частных людей, она воплощает в своем письме одну из тех описанных де Серто тактик «ускользания от власти», которые «переопределяют ее институциональные усилия» [Козлова 2005: 175].

Все вышесказанное не означает, что дневниковый нарратив Лашиной совершенно свободен от принуждений господствующего идеологического дискурса, – это, конечно, не так. Но выбранная автором дневника позиция – на периферии, «на полях» – позволяет ей смотреть на все как бы «искоса», не только через линзы официальной идеологии, но и со стороны, из маргиналии. Этот «сбитый фокус» парадоксальным образом делает взгляд зорче и дает возможность сохранять способность к рефлексии, иногда открыто деконструируя формы дискурсивного принуждения, как в записи от 2.04.56 «...без клички кулаков и мироедов они оказались просто русскими крестьянами с их женами, детьми, стариками – крестьянами, по чьему-то произволу лишенными избы, коровы, всего имущества и выгнанными с позорными кличками в вековечную жестокою ссылку» [2, 322].

Повседневность, на описании которой сосредоточен Дневник Лашиной, – это прежде всего *женская* повседневность, и большая часть Дневника посвящена гендерным отношениям и родительству. Все три брака его автора далеки от той модели семьи нового, непатриархального типа [Градскова 1999: 59–64], основанной на дружбе и равноправии, равноучастии супругов в домашних делах и воспитании детей, о которой она мечтает, так как все трое ее мужей придают большое значение собственной свободе, часто перекладывая финансовые проблемы, ответственность за принятие решений и воспитание детей на плечи жены.

В такой ситуации для того, чтобы выжить и сохранить семью, как следует из Дневника, возможны две тактики. Первая – это тактика патриархального контроля, которую подробно излагает сестра третьего мужа дайаристки, Вячеслава Лашина. «20.02.54 Зина считает, что жена должна держать мужа в руках, для его же блага ограничивать его во всем, в случае проявления первых признаков лжи немедленно установить за ним контроль, проверять каждый его шаг, пресекать всякие его злоупотребления в самом начале, касается ли это вина или женщин. Она утверждала, что во всем, что произошло, виновата я сама, потому что не руководствовалась этими мудрыми правилами, бросила вожжи и пустила события на самотек» [2, 283].

Тактики скрытого лидерства зачастую использует в жизни и сама дайаристка, однако в

акте письма она подчеркивает свою приверженность другой модели женского поведения, связанной с концептом не «новой», а традиционной, патриархальной семьи: она описывает себя как всепрощающую и жертвующую собой женщину. В этом смысле идеальным образцом для нее является собственная мать, которая была оставлена мужем с тремя маленькими детьми на руках [кроме их общего младшего сына, был и ребенок мужа от другой женщины и еще племянница], безропотно их растила и самоотверженно принимала участие в воспитании внуков, одновременно до глубокой старости работая в школе. «5.04.32 Все отношения мамы к родным и чужим <...> – это любовь. Часто эта любовь остается безответной, но от этого она не пропадает. Как терпеливо и кротко она относится к обоим сыновьям, таким грубым с нею! Как ласково и безотказно ухаживает за внучатами, жертвуя сном и отдыхом <...> И при всем этом ни одной мысли о себе, для себя <...> она может спать не на кровати, если кровать кому-то понадобится, а на стульях, может не обедать, если не хватило другим. Она никогда не задумывается над своими собственными нуждами, просто отказывая себе во всем и ничто не вызывает ее недовольства, раздражения. Напротив, во всех случаях она очень довольна» [1, 57–58].

Меряя свою жизнь максималистским идеалом жертвенного самоотречения, Лашина ощущает непреходящее чувство вины перед всеми своими домашними, но в первую очередь – перед детьми. Если в ее отношениях с мужчинами две модели жены (старая и новая) конкурируют между собой, то по отношению к детям она последовательно стремится выполнять роль ответственной, жертвующей матери. Дети для нее – безусловная и главная ценность и цель, им, подробно и весьма беспристрастному описанию их характеров и проблем, посвящена большая часть дневника. «8.05.33 Дети, которым я практически отдаю всю свою жизнь, время, труд, являются для меня неиссякаемым источником радости. Счастье для меня и в страданиях за них, в лишениях, которые я сознательно терплю из-за них» [1, 98].

Описания таких лишений и страданий часто встречаются на страницах Дневника, который фиксирует порой гигантское, невыносимое напряжение автора в попытках соответствовать идеалу жертвенной матери при необходимости работать – в ситуации, когда мужчины по объективным и субъективным причинам не способны обеспечить семью, а государство принуждает к трудовой деятельности, иногда напоминающей рабский труд.

Постоянное напряжение и неизбежное чув-

ство вины приводят к ситуациям бунта – словом и «телом». Дневник становится местом, где можно выплеснуть, выкричать свое страдание и усталость и нарушить табу (например, подвергнуть сомнению святость и неизбежность материнства), а «бунт телом проявляется в депрессиях, нервных срывах, тяжелый нервных болезнях, которые также описываются в Дневнике: «На почве невращения и истощения я почти потеряла зрение. Не могла ни писать, ни читать, ни шить» [10.02.45; 1, 343]; «Всю ночь я продолжала плакать. Слезы, продолжавшиеся больше 30-ти часов, уносят душу, и это так и было» [3.12.52; 2, 211]. Жизнь обыкновенной советской женщины, жены и матери, отягощена кроме разного рода моральных страданий массой известных материальных проблем, среди которых наиболее острым представляется пресловутый квартирный вопрос. Описанию коммунального советского быта посвящено много страниц Дневника: «1.04.1932 Теперь в двух комнатах живут 11 человек, плюс мокрые пеленки и детский крик с утра до вечера» [1, 56]; «26.09.44 Повернуться невозможно. Чтобы выйти из комнаты, нужно всех потревожить. Кто-то должен подвинуться, кто-то встать со стула» [1, 341] и т.п.

Отсутствие частного пространства у автора Дневника, как и у всех остальных членов семьи, не только делает невозможной интимную супружескую жизнь, но и выхолащивает само содержание понятия семьи: внутри этого коллективизированного быта невозможно быть дочерью, матерью, женой в том смысле, который представляется Лашиной правильным и естественным. «29.09.45. Я люблю его [мужа, Костю. – И.С.] не только женской любовью, но и материнской <...> Нам с ним обоим тяжело живется. Мы никогда не бываем вдвоем. Поговорить нам друг с другом не представляется возможным. Мои и его желания сразу получают отзывы, оценки, вопросы других людей. <...> Я страдаю. В нынешней обстановке наша любовь и дружба обречены на чахлае и жалкое существование. Я даже не могу по-настоящему рассмотреть, каким он стал после войны» [2, 23–24].

Чтобы в таких обстоятельствах просто жить, «обывать», быть обыкновенной, нормальной женщиной, нужно совершать усилия самопожертвования, иногда непосильные. Идея героического и агиографическая модель биографического нарратива используются в дневнике Лашиной не для описания ситуации «жизнь за царя», за родину, за коммунизм или религиозного духовного подвига; в этой парадигме описывается обыкновенное женское существование в непрерывных усилиях по обузданию хаоса, энтропии

повседневной бытовой жизни.

Дневниковый текст другой обыкновенной советской женщины – Марии Петровны Сусловой (1926–2008) принципиально отличается от Дневника Н.С. Лашиной. Его автор – деревенская женщина, которая родилась в 1926 г., окончила 7 классов сельской школы, четыре года была работницей металлургического завода в г. Березники. Выйдя замуж, в 1957 г. переехала в село Комгорт Пермского края, где работала дояркой, продавцом, бригадиром полеводческой бригады, заведующей фермой. Сулова – мать троих дочерей и бабушка шести внуков. Дневник она начала писать после смерти матери в 1981 г. и вела его два десятка лет. В 2000 г. она подарила преподавателям Пермского госуниверситета Ирине Ивановне Русиновой и Анне Владимировне Курниковой несколько тетрадей своих дневников, и те опубликовали записи за 1981–1985 гг., снабдив их комментариями и присоединив к тексту Дневника Сусловой ряд статей, детально исследующих этот текст в лингвистическом, социолингвистическом, нарративном и культурологическом аспектах. Публикаторы совершенно обоснованно видят в записях М. П. Сусловой образец наивного письма и называют его бытовым дневником. Как и Дневник Лашиной, дневниковый текст М. П. Сусловой может служить богатым источником для изучения исторической реальности: он содержит массу бесценной информации о разных аспектах жизни российской деревни на излете советского времени.

Но хотелось бы сосредоточить внимание на рассмотрении тех же вопросов, которые обсуждались выше на материале дневника Н. С. Лашиной, и попытаться выяснить, какое представление об обыкновенной жизни обычной советской крестьянки создается при чтении этого дневника и какими способами в тексте Сусловой репрезентирована эта обыкновенность. Трудность формулирования ответа на последний вопрос заключается в том, что, в отличие от Лашиной, Сулова никогда и нигде не обсуждает собственную позицию и ее дневник свободен не только от всяких проявлений рефлексии, но и вообще от любого прямого выражения чувств и оценок.

Перед нами образец наивного письма [Козлова, Сандомирская 17], наивного дневника [Михеев 2007: 83] или наивного дискурса [Русинова 2007а: 219], т.е. текст, написанный человеком, для которого «практика письма не является обязательной ни в профессиональной, ни в обыденной жизни» [Козлова, Сандомирская 1996: 13]. Текст Сусловой многими своими свойствами

напоминает блестяще проанализированный Натальей Козловой и Ириной Сандомирской автобиографический нарратив Евгении Киселевой, но в то же время и существенно от него отличается, так как представляет собой не спонтанный поток произвольно, без соблюдения грамматических норм, записанной устной речи, а бытовой дневник, стремящийся быть хроникой, отчетом. Как замечают публикаторы, выйдя на пенсию, Мария Петровна работала «наблюдателем природы», т.е. фиксировала и передавала на метеостанцию наблюдения над природой и погодой. Можно высказать предположение, что именно практика писания такой метеохроники (по определенной схеме) дала в руки Сусловой модель, которую они применила к описанию собственной ежедневной жизни, тем более что природа и состояние погоды, как показала И.И. Русинова, – важнейшая составляющая ее картины мира [Русинова 2007а: 224]. Как замечают те же публикаторы, «в живом общении Мария Петровна – очень эмоциональный, ироничный человек, ее речь пестрит шутками, остроумными поговорками и притчами» [Русинова, Курникова 2007: 6], в то время как дневник отличают сухость, протокольность, практически полное отсутствие оценочных слов и конструкций [Русинова, Вяткина 2007]. Вероятно, та модель хроники или отчета, которая мотивировала Сулову к ведению дневника, виделась ей как нормативная модель письма, принципиально противоположная устной речи с ее эмоциональностью и нелогичностью. Сулова пишет достаточно правильным языком, но не разделяет запись на логические сегменты, практически не пользуется запятыми, точками и заглавными буквами. Ее Дневник, как и другие формы наивных автодокументальных текстов, можно вслед за Н. Козловой [Козлова 2005: 60–61] назвать образцом бессубъектного письма в философском смысле слова, где под субъектом понимается рефлектирующее Я, с достаточной степенью осознанности позиционирующее себя в историческом времени. В наивном письме «история уступает место живому времени» [Козлова, Сандомирская 1996: 42]; человек пишет каждый раз из того момента, где он находится сейчас, не понимая и не анализируя этот момент и себя в нем как часть какой-то более универсальной целостности. Если для Лашиной писать с позиции «маленького человека» – это выбор, то для Суловой – это безальтернативный вариант. Что включает в себя эта «органическая позиция», какие черты и свойства женской обыкновенности мы можем «вычитать» из дневника Суловой?

В отсутствие рефлексий и оценок главное, что

может быть объектом анализа, – это принципы составления перечней событий: что именно включается в них и что исключается; что упоминается часто, а что редко; что описывается как собственное действие, а что – как разделенное.

Такой анализ сразу показывает общность позиции Лашиной и Суловой по отношению к власти. Мир большой политики существует вообще за пределами мира автора Дневника. Телевизор, который мог бы выполнять положенную функцию медиатора, используется в качестве «домашнего кинотеатра», так как из телепрограмм упоминаются только кинофильмы, просмотр которых является частью вечерней рутины, и один раз упоминается телеконцерт. Смерть и похороны Л.И. Брежнева зафиксированы в Дневнике тоже скорее как своего рода событие телепрограммы, а не политики. Но и структуры, представляющие государство в ближнем пространстве, тоже не часто удостоиваются упоминания. Слово «колхоз» отсутствует в записях, дважды мелькает «собрание» и «заседание». «Писала наряды» [Сулова 2007: 79]², «дежурили на ферме» (80) «получила медаль Ветеран труда» (86) – этим исчерпывается информация о взаимодействии автора дневника с общественными и властными структурами. Государство дает зарплату («получку»), отпускные и пенсию, и этим его влияние на повседневную жизнь ограничивается. То есть можно сказать, что в отношениях с государством и властью (близкой и дальней) проявляются те же тактики неучастия, игнорирования, которые мы видели и в Дневнике Лашиной. По крайней мере, эти отношения не представляются Суловой такими важными, чтобы войти в отчет о прожитом дне. Как пишет И.И. Русинова, деревенскими жителями «существующая власть воспринимается фаталистически, как нечто совершенно не зависящее от их воли» [Русинова 2007б: 241].

На карте того мира, который воссоздается из записей Дневника, есть дом, огород, улица, дома родных и соседей, кладбище, река, поля, покосы, лес, дорога (ведущая в Вильгорт). Это мир природный и семейный, общинный, традиционный. Мир модерный, т.е. мир советской деревни, представлен магазином, фермой и клубом, где проходит «Огонек» и бал-маскарад. Как и мир рабочего поселка в наивном тексте Евгении Киселевой, мир пермской деревни в Дневнике Суловой тесный и телесный. Люди живут большой семьей, постоянно ходят друг к другу, помогают, делятся, дают в долг, ночуют у соседей и родственников, вместе работают, едят, пьют, играют в карты и смотрят телевизор. В этом деревенском мире середины 80-х ощутимы черты

традиционного общества и общинного стиля жизни. «Я» в записях то и дело превращается в «Мы»: «делала окрошку топили баню носили дрова» (67); не разделенные запятыми или соединенные математическими плюсами имена «слипаются» в какого-то многоголового коллективного актора: «Я Нина Зоя Витя и ребята делали окрошку (66); «пили у Насти в складе Настя+Настя+Я+Нина+Ваня» (18).

Рутинная, обыкновенная, ежедневная женская жизнь, которую фиксирует Сулова в записях Дневника, состоит из никогда не прекращающейся работы по дому и по хозяйству, рыбалки, собирания грибов и ягод, интенсивного общения и не менее интенсивного «пирования». Центром этого мира является, несомненно, семья. Дочери живут отдельно, но общение с ними реальное, по телефону или через письма и открытки, очень интенсивное. Запись «очень жду письма от девок» (43) – одна из немногих, где есть прямо, словесно выраженная субъективная эмоция. Сулова с мужем помогают дочерям деньгами (135), в деревне гостят внуки, которых бабушка обихаживает (моет, стирает, кормит, наказывает, вяжет им носки). Многократно описываются контакты со свекровью и свекром и другими родственниками. Но центральная фигура в дневнике – это муж. Несмотря на то что, судя по Дневнику, семейную жизнь Суловых нельзя назвать идиллически гармоничной, отбор фактов, частота упоминаний и форма фиксации позволяет видеть, что муж – почти второе Я Дневника. Ежедневный перечень занятий мужа такой же подробный, как и список собственных дел Марии Петровны. В назывании мужа – единственного из персонажей Дневника – используются многообразные номинации, и только по отношению к нему эти номинации иногда имеют оценочную, эмоциональную окраску, что вообще не характерно для протокольного стиля бытового дневника Суловой. Муж называется не только «он» или «Ваня», но *муж* (11) *мужик* (18), *сам* (82, 103), *тот* (87), *лежебока* (96, 123), *тунка* (т.е. тунец – 98), *идол* (56, 131), *Хренов* (32), *жадина* (51). В основном, как уже говорилось, подробно описываются разнообразные работы мужа: и собственно «мужские», и такие, которые они делают совместно. Не меньшее внимание уделено тем моментам, когда муж не выполняет своих обязанностей «хозяина», потому что пьет. Хроника действий, событий приобретает, несмотря на отсутствие экспрессивных эпитетов, весьма драматичный характер: «ругались не разговариваю» (51), «не работал дебоширил» (63), «выступал вечером» (101), «пьян дрался» (72) «брал бутылку один жорал» (80), «не давал спать

целую ночь» (55), «хватал на меня топор дрался» (31), «деньги не дал купил бутылку я отняла» (35), «пьян вывалялся в грязи я тоже упала вместе с ним его вела» (36), «шатался по Комгорту» (125), «дебоширил чуть не уронил гроб» (153), «он пировал с субботы до четверга целый день ничего не делал (22). Отношения между Иваном и Марией активно двусторонние. Она контролирует мужа, ищет и конфискует спрятанные бутылки и наказывает молчанием. Запись «не разговариваю» – одна из наиболее частотных. Роль женщины как матриарха, контролера, того, на ком лежит ответственность за поддержание порядка и выживание, в Дневнике Суловой так же очевидна, как у Лашиной или в наивной автобиографии Евгении Киселевой [см.: Козлова, Сандомирская 1996: 72]. И так же, как Лашина и Киселева, Сулова, в общем-то описывает такой порядок жизни как естественный. В автобиографии, сопровождающей публикацию Дневника, рассматривая жизнь как судьбу, она резюмирует все эти зафиксированные «надрывы в избе», если воспользоваться выражением Ф.М. Достоевского, как нормальную и даже счастливую семейную жизнь: «с мужем на пенсии занимались рыбалкой любили лес держали своего скота жили дружно растили детей» [Сулова 2007: 10].

Тем не менее форма простодушного отчета-хроники, которую имеет Дневник Суловой, позволяет увидеть и то, что роль женщины не только героически-страдательная. Некрасовская формула «он до смерти работает, до полусмерти пьет», кажется, годится и для описания жизни в колхозной деревне на излете существования СССР.

В Дневнике упоминаются такие организованные формы досуга, как бал-маскарад или «Огонек» в клубе; Сулова с подругами и соседями смотрят также фильмы по телевизору, играют в карты и лото. Но основной формой досуга безусловно является выпивка, в которой участвуют все, в том числе женщины и сама автор Дневника. В нем есть две сферы жизни, которые описаны наиболее разнообразно: это мир природы [см.: Русинова 2007а: 237–239] и мир алкоголя. Покупают «красную бутылку», «ходят по вино» и «берут пиво», пьют вермут, тройной одеколон, уральскую, любительскую, пиво бутылочное, пиво жигулевское, какой-то экзотический даллер, похмеляются чекушкой, сдают «посуду бомбы», варят самогон, ставят квас и пиво, покупают по 1, 47 (рубли 47 копеек), по 2.56, 2.45, 6.20, 2.80, 5.30, 3.42. Это мир, где питье – не веселие, а повседневная практика.

Слово «пьян», вероятно, самое частотное в Дневнике. Оно обычно пишется в скобках, кото-

рые являются практически единственным знаком препинания, который Сулова последовательно использует в дневнике. По какому принципу она заключает слова в скобки, не совсем ясно, но чаще всего в скобки ставится слово «пьян». Во многих случаях, вероятно, оно имеет отношение к состоянию мужа Ивана, но далеко не всегда. Кажется, что часто оно фиксирует сам факт пьянствования и опьянения, в котором участвуют родственники, подруги, соседи, товарки и она сама: «посидели с Ваней» (70), «я напилась пьяна» (51), «выжорал у меня одеколон жадина» (51), «пировали с Зойкой после стирки» (52), «Толя забурился» (54), «гнали с Витей самогон» (55), «Нинки не было дома пьянствует была у Веры Мезенцевой все пьяны» (56), «подпила изрядно» (64), «Нина по деньги ей дала она пьет уже неделю (85), «пили рано утром пиво и водку» (92), «Настя валялась у нас под окном вся в грязи» (109), «сгуляли с Надей и Верой» (128) и т.д.

Питье – органическая часть повседневности, важная составляющая обыденности. Это доказывает и тем, что в Дневнике встречаются записи типа «не пила» (105), «ничего не пила» (90). Как представляется, подобные фиксации того, что автор Дневника *не* делала, особенно значимы в контексте нашей темы, так как именно они есть маркеры обыденности. Если нарушается рутинный ход жизни, что-то привычное и необходимое изымается, то это «зияющее отсутствие» становится событием, достойным упоминания в хронике. «Картошку не варила, корову не доила» (52), «печь не топила в магазин не ходила» (25), «не косила не топила» (65), «ужин не готовила» (64), «кино не смотрели» (98), «ничего не делала лежала на печи» (146). В этом же ряду «ничего не пила» (90). Интересно отметить, что такой же частью обыденной жизни и повседневности становится для Суловой ритуал ведения своей дневниковой хроники. Примерно через год после начала ведения дневника сам факт документирования осознается как достойное записи событие дня: «записала дневник» (53), «записала свой дневник» (82), «писала свои талмуть» (84), а в какой-то момент это действие начинает ощущаться как норма, как часть жизненной рутины, так как появляются примеры «негативной фиксации»: «не записывала» (88).

То, что ведение дневника становится для Суловой обыденным делом, фактом повседневности, свидетельствует о том, что в ее жизни существуют или в ее жизнь входят практики, чуждые традиционному обществу, в котором отсутствует или не сформировалась зона приватности.

Мы отмечали, что Лашина страдает от отсутствия своего приватного пространства. Сулова по понятным причинам дефицит приватного пространства и частной жизни нигде и ни в какой форме не маркирует. Однако сама интенция ведения дневника объединяет этих столь разных женщин. Для обеих дневник является такой приватной зоной, но для Суловой приватное не является синонимом персонального. Она живет как бы на границе традиционного и современного. Несмотря на существование в природном, циклическом времени [см.: Русинова 2007а], Сулова отлучена от тех функций, которые в традиционном крестьянском обществе выполняли старые женщины, потерявшие способность к деторождению: контролировать следование традиции, принимать роды, ворожить, пестовать, лечить больных, готовить мертвых в последний путь [Кабакова 2001, Прокопьева 2005]. Как бы ни была она равнодушна к политическим событиям и социальным формам общежития, но она безусловно приобщена к другим, не традиционным формам социокультурного бытия. Сулова не рассказывает или причитает, она не транслирует родовое предание, она пишет личный дневник, лишенный персональности, реализуя имеющийся у нее ресурс грамотности и советской «культурности».

Анализ двух женских дневников советского времени показывает, насколько разной может быть советская женская обыденность, обыденность, и какими различными могут быть нарративные стратегии ее воплощения в дневниковом тексте. Но, несмотря на эти очевидные, не нуждающиеся в длинных комментариях различия, мы можем видеть и нечто общее, например, в отношениях авторов дневника с властным дискурсом и гендерными стереотипами.

С одной стороны, двойная маргинальность *обыкновенных женщин* позволяет им отчасти избежать идеологического принуждения, не участвовать в играх власти. С другой стороны, дневники показывают огромную их зависимость от доминантных представлений о роли женщины – жертвенной матери и ответственной, контролирующей жизнь мужа и семьи жены. Эти матриархальные практики изображаются в дневниках (у Лашиной – сознательно; у Суловой – непроизвольно) как неизбежные, необходимые для выживания. А «для души» они пишут дневник, создавая в самом акте письма какое-то пространство приватной свободы. Ничего особенно в их записях, кажется, нет, но эта «обыденность» завораживающе интересна.

Об этом же пишет в своем стихотворении, строка из которого стала эпиграфом к этой ста-

ть, поэт Александр Кушнер, изображая Бога, который взирает на простого, незамечательного человека. «Он читает в сердце дяди Пети, С удивленьем смотрит на него. Стружки с пылью поднимает ветер. Шепчет дядя: этого...того... Сколько бед на горьком этом свете! Загляденье, радость, волшебство!»

Примечания

¹ В дальнейшем указывается только том и номер страницы.

² Далее цитаты даются только с указанием страницы в круглых скобках.

Список литературы

Белова А. В. Женская повседневность как предмет истории повседневности: историографический и методологический аспекты // Российская повседневность в зеркале гендерных отношений / отв. ред. и сост. Н. Л. Пушкирева. М.: Новое лит. обозрение, 2013. С. 25–67.

Волков В. В. О концепции практик[и] в социальных науках // Социол. исслед. 1997. № 6. С. 9–23.

Градскова Ю. «Обычная» советская женщина – обзор описаний идентичности. М.: Sputnik, 1999. 155 с.

Козлова Н. Н. Советские люди. Сцены из истории. М.: Изд-во Европа, 2005. 527 с.

Козлова Н. Н., Сандомирская И. И. «Я так хочу назвать кино». «Наивное письмо»: опыт лингвосоциологического чтения. М.: Русское феноменологич. общество, Гнозис, 1996. 256 с.

Лашина Н. С. Дневник русской женщины: в 2 т. М.: КПЦ «Преображение», 2011. Т. 1. 1929–1945 гг. 368 с.

Лашина Н. С. Дневник русской женщины: в 2 т. М.: КПЦ «Преображение», 2011. Т. 2. 1946–1967 гг. 488 с.

Либина Н. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М.: Новое лит. обозрение, 2015. 488 с.

Михеев М. Дневник как эго-текст (Россия, XIX–XX). М.: Водолей Publishers, 2007. 264 с.

Русинова И. И. Наивный дискурс (на материале личного дневника диалектоносителя) // Сусллова М. П. Дневник (1981–1985 гг.). Публикация и исследование текста / отв. ред. И. И. Русинова; Перм. ун-т. Пермь, 2007а. С. 219–234.

Русинова И. И. Образ человека в дневнике диалектоносителя. // Сусллова М. П. Дневник (1981–1985 гг.). Публикация и исследование текста / отв. ред. И. И. Русинова; Перм. ун-т. Пермь, 2007б. С. 235–242.

Русинова И. И., Вяткина И. И. Грамматические особенности дневниковых записей диа-

лектоносителя // Сусллова М. П. Дневник (1981–1985 гг.). Публикация и исследование текста отв. ред. И. И. Русинова; Перм. ун-т. Пермь, 2007. С. 188–195.

Русинова И. И., Курникова А. В. Предисловие // Сусллова М. П. Дневник (1981–1985 гг.). Публикация и исследование текста / отв. ред. И. И. Русинова; Перм. ун-т. Пермь, 2007. С. 4–7.

Сертто де. М. Изобретение повседневности. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. 332 с.

Советский простой человек: Опыт социального портрета на рубеже 90-х / А. А. Голов, А. И. Гражданкин, Л. Д. Гудков и др.; отв. ред. Ю. А. Левада. М.: Мировой океан, 1993. 300 с.

Сусллова М. П. Дневник (1981–1985 гг.). Публикация и исследование текста / отв. ред. И. И. Русинова; Перм. ун-т. Пермь, 2007. 264 с.

Fitzpatrick S. Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s. Oxford: Oxford University Press, 1999. 228 p.

Hellbeck J. Revolution in my Mind. Writing a Diary under Stalin. Cambridge and all: Harvard University Press, 2009. 448 p.

Paperno I. Stories of the Soviet Experience. Memoirs, Diaries, Dreams. Itaka, London: Cornell University Press, 2009. 285 p.

Ransel D. L. The Scholarship of Everyday Life // Everyday Life in Russia Past and Present. C. Chatterjee, D. L. Ransel, M. Cavender, and K. Petroine [eds.]. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 2015. P. 17–34.

References

Belova A. V. Zhenskaja povsednevnost' kak predmet istorii povsednevnosti: istoriograficheskij i metodologicheskij aspekty [Women's everyday life as a subject of history of everyday life: historiographical and methodological aspects]. Rossijskaja povsednevnost' v zerkale gendernykh otnoshenij [Russian everyday life in the mirror of gender relations] / ed. by N. L. Pushkareva. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2013. P. 25–67.

Certeau M. de Izobretenie povsednevnosti [The Practice of Everyday Life]. St. Petersburg: European University at St. Petersburg Publ., 2013. 332 p.

Fitzpatrick S. Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s. Oxford: Oxford University Press, 1999. 228 p.

Gradskova Ju. «Obychnaja» sovetskaja zhenshhina – obzor opisanij identichnosti. [The "ordinary" Soviet woman – review of descriptions of identity]. Moscow: Sputnik Publ., 1999. 155 p.

Hellbeck J. Revolution in my Mind. Writing a Diary under Stalin. Cambridge and all: Harvard University Press, 2009. 448 p.

Kozlova N. N. Sovetskie ljudi. Stseny iz istorii. [Soviet people: scenes from history]. Moscow: Evropa Publ., 2005. 527 p.

Kozlova N. N., Sandomirskaya I. I. «Ja tak kochu nazvat' kino». «Naivnoe pis'mo»: opyt lingvosotsiologicheskogo chtenija. [This is how I want a movie to be called. Naive writing. Linguo-Sociological Reading]. Moscow: Russkoe fenomenologicheskoe obshhestvo, Gnozis Publ., 1996. 256 p.

Lashina N. S. Dnevnik russkoj zhenshhiny. [Diary of a Russian woman]. Moscow: Preobrazhenie Publ., 2011. Vol. 1 (1929-1945). 368 p.

Lashina N. S. Dnevnik russkoj zhenshhiny. [Diary of a Russian woman]. Moscow: Preobrazhenie Publ., 2011. Vol. 2 (1946-1967). 488 p.

Lebina N. B. Sovetskaja povsednevnost': normy i anomalii. Ot voennogo kommunizma k bol'shomu stilju. [Soviet everyday life: norms and anomalies. From military communism to big style]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2015. 488 p.

Mikheev M. Dnevnik kak ego - tekst (Rossija, XIX-XX). [Diary as ego – text (Russia, XIX-XX)]. Moscow: Vodolej Publ., 2007. 264 p.

Paperno I. Stories of the Soviet Experience. Memoirs, Diaries, Dreams. Itaka, London: Cornell University Press, 2009. 285 p.

Ransel D. L. The Scholarship of Everyday Life // Everyday Life in Russia Past and Present. C. Chatterjee, D. L. Ransel, M. Cavender, and K. Petroine [Eds.]. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 2015. P. 17-34.

Rusinova I. I. Naivnyj diskurs (na materiale lichnogo dnevnika dialektonositelja [Naive discourse (a case study of a personal diary of a dialect speaker)].

Suslova M. P. Dnevnik (1981-1985 gg.). Publikatsija i issledovanie teksta. [Diary (1981-1985). Publication and research of the text] / ed. by I. I. Rusinova. Perm: Perm State University Publ., 2007. P. 219-234.

Rusinova I. I. Obraz cheloveka v dnevnike dialektonositelja. [Image of a person in a diary of a dialect speaker]. *Suslova M. P.* Dnevnik (1981-1985 gg.). Publikatsija i issledovanie teksta. [Diary (1981-1985). Publication and research of the text] / ed. by I. I. Rusinova. Perm: Perm State University Publ., 2007. P. 235-242.

Rusinova I. I., Vjatkina I. I. Grammaticheskie osobennosti dnevnikovyx zapisej dialektonositelja. [Grammatical features of diary entries of a dialect speaker]. *Suslova M. P.* Dnevnik (1981-1985 gg.). Publikatsija i issledovanie teksta. [Diary (1981-1985). Publication and research of the text] / ed. by I. I. Rusinova. Perm: Perm State University Publ., 2007. P. 188-195.

Rusinova I. I., Kurnikova A. V. Predislovie. [Preface]. *Suslova M. P.* Dnevnik (1981-1985 gg.). Publikatsija i issledovanie teksta. [Diary (1981-1985). Publication and research of the text] / ed. by I. I. Rusinova. Perm: Perm State University Publ., 2007. P. 4-7.

Sovetskij prostoj chelovek: Opyt sotsial'nogo portreta na rubezhe 90-kh [The ordinary Soviet person: a social portrait (1990s)] / Golov A. A., Grazhdankin A. I., Gudkov L. D. et al./ ed. by Levada Ju. A. Moscow: Mirovoj okean Publ., 1993. 300 p.

Volkov V. V. O kontseptsii praktik[i] v sotsial'nykh naukakh. [On the conception of practice(s) in social sciences]. *Sotsiologicheskie issledovanija. [Sociological Studies].* 1997. Iss. 6. P. 9-23.

«I'M JUST AN ORDINARY PERSON»: TWO WOMEN'S DIARIES FROM SOVIET TIMES

Irina L. Savkina

**Lecturer in the School of Language, Translation and Literary Studies
University of Tampere, Finland**

The article presents a study of diaries written by two women, N.S. Lashina (1906–1990) and M.S. Suslova (1926–2008). Both diaries can be defined as «diaries of everyday life», «diaries of ordinary women». The comparison of a self-reflective diary with a naive routine diary makes it possible to specify the differences in the understanding of «ordinariness» as well as in verbal strategies of its representation. On the other hand, the comparison helps to find common features in behavioural tactics of relations with the authorities, since the situation of double marginality (social and gender) allows one to keep distance from the «games of the authorities», at least to some degree. At the same time, both diaries demonstrate strong dependence of the authors on dominant opinions on a woman's role – as a sacrificial mother and a responsible wife who controls the life of her husband and family. These matriarchal practices are present in the diaries (purposefully in Lashina's diary and unintentionally in Suslova's diary) as unavoidable and essential elements of survival.

Key words: woman's diary; naive writing; ordinariness; history of everyday life; gender relations.

УДК 821.161.1 “1992/...”

ЭКФРАСИС В РОМАНЕ А. КОРОЛЕВА «ЭРОН»**Марина Петровна Абашева**

д. филол. н., профессор кафедры новейшей русской литературы

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

614990, Пермь, ул. Сибирская, 24. m.abasheva@gmail.com

Евгений Николаевич Чашинов

аспирант кафедры новейшей русской литературы

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

614000, Пермь, ул. Ленина, 10-363. evgenij-chashchinov@yandex.ru

Статья посвящена поэтике экфрасиса в романе «Эрон» (2014), занимающем центральное место в творчестве российского писателя Анатолия Королева. Экфрастический дискурс в его прозе на редкость обширен, превышает диегетическую составляющую текстов и создает специфический, пропущенный через призму культуры, вторичный мимесис. В статье устанавливаются источники, объекты экфрастических описаний А. Королева, исследуются функции экфрасиса в романном целом. Протоэкфрасисом, определяющим сюжет и поэтику романа «Эрон», становится у Королева триптих Иеронима Босха «Сад земных наслаждений». Сюжетное движение и персонажное строение романа обусловлены палимпсестным наложением живописных, музыкальных, кинематографических экфрасисов. Отличительной особенностью экфрастической поэтики А. Королева оказывается использование экфрасиса как способа автометаописания позиции романиста в тексте и как средства интеллектуально-философской рефлексии автора. Интермедальность для писателя изначально является естественной и сознательной стратегией. Индивидуальный случай экфрасиса Королева можно считать одним из симптомов характерной для современной литературы тенденции к интермедальности, синтезирующей языки разных видов искусств.

Ключевые слова: экфрасис; современная русская проза; Анатолий Королев; модернизм; постмодернизм; интермедальность; эссеизм.

Экфрасис сегодня – один из наиболее популярных предметов изучения в литературоведении и культурологии (см., например: [Schmidt 2013; Невыразимо выразимое 2013]). Причиной тому – нарастающая распространенность экфрастического дискурса в литературе, очевидно связанная с влиянием интермедального характера современной культуры. Активно развивается экфрастическая проза в западных литературах¹. Нарастает тяга к экфрасису и в современной русской прозе – у Ю. Буйды («Ермо», 1996), А. Кима («Сбор грибов под музыку Баха», 2007), А. Иванова («Блуда и МУДО», 2007) и др.

Экфрасис исследуется как вербальная репрезентация визуального (по определению Н.В. Брагинской, «“перевод” с языка изобразительного на язык словесный» [Брагинская 1977: 260]), активно изучается как в риторическом, так

и в семиотическом аспектах (см., например: [Геллер 2002]). В нарратологии экфрасис рассматривается как тип повествования: «Проникая в художественный литературный текст, экфрасис срачивается с рассказываемой историей и образует тем самым с диегезисом неразрывное целое», при этом экфрасис «становится метаязыковой рефлексией по поводу метафорического содержания картины» [Шатин 2004: 218]. Многочисленные исследования художественных экфрасисов у разных авторов свидетельствуют о том, что в художественном тексте они могут выполнять характерологическую, хронотопическую, сюжетообразующую, символическую и другие функции. Авторы монографии «Экфрастические жанры в классической и современной литературе» (2014), обобщая существующие исследования, справедливо заметили, что экфрасис

может выступать в качестве жанрообразующего признака литературного произведения [Экфрасистические жанры в классической и современной литературе 2014].

Однако и частные исследования экфрасиса в индивидуальных художественных системах не теряют своей актуальности. В историко-литературном плане они важны как средство понимания художественного мира автора. В теоретическом – как материал для изучения природы современного искусства, становящегося все больше связанным с интермедийностью. На данном этапе представляется необходимым понимание природы нового, синтетического интермедийного текста, исследование технологий и принципов применения экфрасиса в построении художественного целого.

Экфрасис в творчестве Анатолия Королева заслуживает специального анализа, поскольку имеет для писателя особое значение. Очевидно, тяга к визуальным искусствам органична для мировосприятия автора. Примечательно, что первые творческие опыты А. Королева были связаны с живописью: «Я ведь начинал как художник в то время – я начинал рисовать тушью, работать с гуашью, сангиной и акварелью» [Сидякина 2004], – вспоминает писатель. Привлекали его также опыты фотографии, кино: «Как только мы с Юрой Хаскиным взяли в руки кинокамеру, мы сразу стали стремиться к экспериментальному кино» [там же]. В юности Королев совершал попытки «приблизить современность» через постижение современных (часто запрещенных в СССР) музыкальных новинок: «Мы вышли в эфир, мы стали ловить западные радиостанции, слушая джаз, слушая современную рок-музыку, “Битлов”, эту музыку, которая несла невероятно мощную энергетику» [там же].

Подобные поиски, несомненно, оказали влияние на прозу А. Королева. Кажется, нет у писателя произведения, где бы экфрасис не играл смысло- и структурообразующей роли: в романе «Дракон» (2003) авторские рисунки вступают в диалог с текстом, «Гений местности» (1990) является по сути топоэкфрасисом – описанием парка, роман «Быть Босхом» (2004) спроецирован на ряд босховских картин, эмблематически представляющих романский сюжет. Такой же универсальной сюжетной метафорой в повести «Человек-язык» (2000) является фильм Дэвида Линча «Человек-слон» (1980).

Интермедийная природа творчества А. Королева уже привлекала внимание исследователей. Так, в диссертации А.Г. Сидоровой рассматривается визуальный код картин Босха в романе А. Королева «Быть Босхом» [Сидорова 2006]. Этот же роман стал предметом внимания и

Т.Н. Марковой, увидевшей функцию «текста Босха» в романе «в переводе натуралистического регистра образов в эстетический» [Маркова 2014: 513]. В статье Т.Ф. Семьян и М.А. Григорьевой, кроме романа о Босхе, проанализированы романы «Игры гения» (2006) о творчестве Леонардо да Винчи, а также исследованы приемы визуализации текста в романе «Человек-язык». В монографии И.А. Мартьяновой на примере романа А. Королева «Человек-язык» рассмотрены элементы кинематографа в прозе писателя [Мартьянова 2001].

В настоящей работе основное внимание сосредоточено на романе «Эрон» (2014). Эта книга представляет собой энциклопедию, кажется, всех возможных форм и видов экфрасиса писателя: прямой и косвенный, миметический и немиметический, монологический и диалогический, развернутый и нулевой, эксплицитный и имплицитный. Но важнее всего то, что использование экфрасиса А. Королевым в «Эроне» представляет собой уникальную модель, характерную для всего его творчества: палимпсест экфрасисов образует романную вселенную, становясь способом художественно-философской авторефлексии писателя. Об этой модели и пойдет речь в настоящей статье.

Сюжет романа «Эрон» раскрывает судьбы пяти молодых провинциалов в Москве эпохи заката СССР (1972–1988), не связанные фабульно. Судьба каждого из героев развивается в пространстве реальной Москвы 1980-х гг., но спроецирована на обширный ряд культурно-мифологических ассоциаций и развивается в двух планах: во времени действия романа и в пространстве мифа. Начинаясь архитектором Адам, мечтающий преобразовать столицу, пребывает во власти видений из библейских сюжетов. Героине с символически нагруженным именем Ева выпадает возможность социально укрепиться в высшем московском обществе, в результате сломавшем ее душу. Невозможность материнства Евы в символическом плане прочитывается как эсхатологическая судьба для человеческого рода. Лилит в «реальном» плане романа – роковая женщина, ищущая брака по расчету, в символическом плане знаменует возвращение мира назад, в хаос: она оборачивается в финале шумерской богиней-прародительницей Тиамат, рождая бога-геометра (из шумерской мифологии) Мардука, сокрушившего мироздание. Роль еще одного персонажа, Антона, – обнажить «низовую» жизнь столицы, ее грехи и пороки. Богоискательскую линию романа реализует Надежда: она способна узреть Бога и призвана оправдать несправедливость божественного мироустройства.

Время романа измеряется временем полета космических зондов («Пионер-10», «Вояджер-1», «Вояджер-2»), а повествование нередко прерывается хроникой произошедших за описываемый период значимых событий в стране и мире. Общая тональность отобранных фактов – эсхатологическая: смерти великих людей, катастрофы, разрушения. Финал романа остается открытым, «ведь он продолжается, этот идеальный полет-порыв в сторону звезды Барнарда, продолжается бег Эрона и сейчас – десять, сто, тысячу лет спустя» [Королев 2014: 281]². Эрон – авторский миф, созданный путем компиляции двух мифологических образов: Эроса (любви) и Хроноса (времени). Эрон в авторской мифологии означает постоянное движение по спирали времени: от начала к его краю. Это также единица измерения бега и символ смены эпох. Но самый главный сюжет романа – метафизическое размышление автора о строении Вселенной и строении собственного романа.

Экфрасис в романе «Эрон» начинается, как нам представляется, еще прежде романного текста, он образует прототипическую основу романа.

Экфрасис как прототекст

Нам уже приходилось писать о том, что роман как целое (в сюжетном движении, системе образов, стилистике) разворачивает триптих Иеронима Босха (1450–1516) «Сад земных наслаждений» (1500–1510) – художника, особенно ценимого А. Королевым (автор не раз признавался в этом в многочисленных интервью, босховские мотивы присутствуют во многих текстах писателя). При этом код Босха в «Эроне» «не назван прямо, он выстраивается через сложную систему очевидных и скрытых символических связей, является претекстом и выполняет смыслопорождающую функцию: предустанавливает законы романного универсума, который затем разворачивается в повествование» [Абашева 2014: 178]. Соотнося романские части с частями картины Босха, можно обнаружить уподобление архитектуры романа устройству триптиха Босха.

Начало романа корреспондирует с изображением на закрытых створках триптиха. Все первые описания Москвы-Метрограда решены в монохромной, серо-черной гамме с высокими черными (у Королева частотны эпитеты «обугленные», «чернильные») башнями. Соотнесение городского пространства с пейзажем Босха (а нередко – и, например, Беклина) порождает особую визуальность: «Языки тьмы свешивались из окон. Только на самом вершине каменных скал горели дымные красные огни, и над ними вокруг советских гербов кружились черными хлопьями пепла бессонные стаи птиц» (11–12). Этот фраг-

мент свидетельствует об очевидной немиметической природе городского пейзажа, в котором вдруг вырастают скалы. На образы пространства влияют образы искусства. Живопись формирует в романе урбанистический образ Москвы, осмысленный через культурные коды разных эпох (античные рисунки на амфорах, живопись средневековья, XIX–XX вв. – вплоть до современных писателю произведений). Экфрасис в романе «работает на выразительность мимесиса, сообщая трансгрессивным описаниям особую напряженность» [Абашева, Чащинов 2014: 140].

Левая створка триптиха – изображение Адама и Евы рядом с Богом – в романе развивается мотивами вступления героев в новый для них мир, который представляется им раем. Едущей в поезде из Камска в Москву Еве «привиделся солнечный галечный берег неизвестного моря, приснился увиденный с высоты пустой солярий, грозовая туча рядом с солнечным диском и одинокая фигурка голого человека на пляже. И еще пригрезился запах каких-то неистово цветущих кустов, с обидой облепленных губастыми желтыми цветами» (11).

Вторая часть романа Королева – изображение порочной жизни людей, живущих подобно босховским персонажам вокруг башни Прелюбодения на средней створке триптиха: разврат, растление, тщетная попытка устройства уединенного (как в стеклянном куполе) счастья любовников, крушение надежд. Правая створка триптиха, называемая «музыкальным адом», детерминирует кажущиеся избыточными и странными сцены романа: когда, например, один из героев, Антон, погружается в московскую преисподнюю греха и разврата (глава прозрачно названа «Сатириконт св. Антония»), и сцены соблазнения невинного юноши, погружения его на дно порока варьируют вкупе с петрониевскими мотивами, изобразительные мотивы триптиха Босха «Искушение святого Антония».

Помимо развернутого изобразительного экфрасиса И. Босха, композиционным прото-экфрасисом романа становится музыкальное творчество О. Мессиана. В предисловии к роману А. Королев признается: «Я наивно полагал, что пишу интеллектуальный роман в духе симфоний Оливье Мессиана» (7). Автор, конструируя текст, оглядывается на композитора: «Так, отступая, Мессиаан впускал голоса птиц в свою музыку» (590). Любовная сцена героев Франца и Нади проходит под звуки мессиаановского «Гроба сияющего».

Не менее важен в романе, как и во всем творчестве Королева (например, в романе «Человек-язык»), киноэкфрасис. То есть экфрастический дискурс А. Королева отнюдь не исчерпывается

одним ключом-кодом. Многочисленные экфрасисы соплагаются и накладываются друг на друга. Такой палимпсест, по нашим наблюдениям, – вовсе не следствие избыточной культурной впечатлительности автора. Интермедальность текста является сознательной стратегией писателя. Романский мир репрезентируется не столько в мимесисе, сколько в пространстве экфрасиса (или цепи экфрасисов), т.е. художественным пространством романа является пространство искусства.

Экфрасис как мимесис

Королев не ограничивается экфрасисом как характеристикой, например, персонажа. Хотя нельзя не отметить его искромётные портреты, выполненные с помощью экфрасиса: «Если эротика Мелиссы была тронута пером Бердслея и залита едкой тушью теней, то сладострастность Мелисанды – матери? – начиналась скорее в стылых ужасах Беркли, где текучая плоть красоты обладает энергией отвратительной плазмы» (443). Писатель видит и описывает лица, предметы, объекты словно уже пропущенными через линзу искусства, это описание реальности, какой он ее видит, – своеобразный вторичный мимесис. Такой экфрасис имеет и сюжетообразующую функцию, причем автор не просто вербализирует какое-то живописное полотно, а использует множество экфрасисов: порой через цепь экфрасисов и выстраивается сюжетная линия. Например, скитания одного из героев строятся как его переход из одной картины в другую. Перемещения Адама, совершаемые внутри сразу нескольких картин Босха («Сад земных наслаждений», «Поклонение младенцу», «Святой Христофор»), сопровождают кадры из «Калигулы» (1979) Т. Брасса. Потом герой попадает в декорации оперы Моцарта «Волшебная флейта» (1791). История Антона – это также переход между картинами Босха: из «Сада земных наслаждений» в «Искушение святого Антония», – который совмещается с отсылками к петрониевскому «Сатирикону» и одноименному фильму Феллини.

Следовательно пространство романов Королева – это в большей степени пространство культуры, чем истории или быта. Поэтому город предстает как синтетическое произведение искусства. Топоэкфрасис Москвы – характерный для писателя прием, очевидно, используемый под влиянием читанных в юности романов А. Белого (в студенчестве Королев защищал дипломную работу по роману «Петербург») и М. Булгакова (образу булгаковской Москвы посвящено немало страниц не в художественной, но, скорее, литературоведческой книге А. Королева «Обручение света и тьмы», 2013). Москва у Королева является не только местом,

но и героем повествования. Топоэкфрасис здесь создается столкновением, соположением разных экфрастических описаний: панорамы К. Айвазовского, цветовых решений в стиле букетов Врубеля, «оживающих» сюжетов картин З. Серебряковой, И. Бродского, стилизаций картин как соцреализма, так и авангардного искусства.

Столь же точно, заметим, Королев расставляет и музыкальные знаки времени: помимо музыки Мессиана и Моцарта, в романе присутствует звуковая палитра эпохи. Королев вспоминает композиции Элвиса Пресли, Ллойда Уэббера, Элтона Джона, Бони-М, следит за сменой музыкальных вкусов массового слушателя 80–90-х гг.: Джимми Хендрикс, Дженис Джоплин, Френк Заппа...

Киноэкфрасисы отобраны не менее тщательно. Сцены извращений, грехопадения, издевательств над телом и духом решены автором в стилистике картин Пазолини («Сало, или 120 дней Содома» (1975), «Свинарник» (1969), «Евангелие от Матфея» (1964)). Аллюзии к Римской империи времени упадка связаны с фильмом Тинто Брасса «Калигула». Полет описываемых в романе космических аппаратов «Пионер-10», «Вояджер-1» и «Вояджер-2» (а этот аспект чрезвычайно важен в романе: роман длится, пока спутник летит) связан с киноэпопеей С. Кубрика «Космическая одиссея: 2001» (1968). В романе часто присутствуют упоминания киноработ, популярных в 1980-е: «Крестный отец-2» Ф. Коппола, «Андрей Рублев» и «Зеркало» А. Тарковского, «Дом начинается с Эйч» П. Гринуэя, немое кино Мурнау и роли Чаплина, «Кабаре» Б. Фосса, «Годзилла», «Вестсайдская история» Р. Уайза и Д. Роббинса.

Знаками эпохи, таким образом, становятся у Королева художественные произведения разных видов искусства, представленные в развернутых описаниях. Это бесконечно длящееся интертекстуальное полотно, очевидно, и является авторской целью. Но не окончательной. Самодостаточный экфрастический текст-пэчворк – не просто постмодернистский коллаж. Он отражает принципы строения самого романа – структурные и мировоззренческие. Способ бытования экфрасиса в книге репрезентирует структурно-смысловую основу всей книги. Роман, к слову, вполне экфрастически обсуждает сам автор, активно объясняющий «бессонному читателю» процесс создания текста: «Слово все еще низвергается в чашу романа, перо воровски торопится очертить финальные контуры абсурдного времечка карикатур на подлинность, вместе с пером спешит рука романиста и легким натиском точ-

ки, схваченной кончиком шариковой ручки, набрасывает силуэты, профили тени» (858).

В связи с автومتаописательным дискурсом романа находится одна из важных его тем – размышления автора над теорией фракталов Б. Мандельброта (газетная вырезка о научном открытии даже вклеена Королевым в рукопись-черновик книги). Фрактал Мандельброта – математическое множество, обладающее свойством самоподобия, т.е. однородности в различных шкалах измерения⁴. Это приводит Королева к выводам о фрактальности писательского творчества: «Черная капиллярная ручка Pilot Rolling Ball, которой пишется данная страница романа, есть упрощенная копия человеческой руки, которая обрела способность захватить точку, из которой и начинают фрактально, точка за точкой слагаться линия, буква, слово, предложение, страница и весь роман – миллионное скопище организованных точек» (835).

Обсуждаемая ближе к финалу романа теория Мандельброта, как нам представляется, является не только моделью Вселенной, но в некоторой степени автومتаописанием романного художественного мира. Громадное целое романа состоит из малых его подобий. В экфрастическом дискурсе этот принцип претворяется через многослойный палимпсест экфрасисов, наполняющих собою основные; главными, повторим, являются «Сад земных наслаждений» и топоэкфрасис Москвы, являющейся продолжением Вавилона, Египта, Мемфиса, Рима.

Механизм смыслообразования романа, можно сказать, представляет собой процесс движения от образно-иконического целого к повествовательным мотивам, являющимся реализациями других («частных») визуальных или аудиальных источников. Экфрасис, таким образом, играет роль генератора творческого дискурса.

Вообще, «Эрон» изобилует «историей идей» – наиболее важными, кроме фрактальной теории, оказываются идеи Хайдеггера, любимого Королевым с юности, и Бахтина – бахтинский термин «хронотоп» фигурирует даже в названиях глав романа (XIV глава названа «Хронотоп Адама», XXIV – «Хронотоп Голубого Ангела», XXIX – «Хронотоп Мандельброта»).

Письмо Королева располагается на грани художественного и научного дискурсов. На этой грани пульсирует авторская мысль, интеллектуально-художественная авторефлексия. Ведь «Эрон» – роман о художнике, о писателе. Иными словами, метароман. Именно автор и является главным героем романа – правда, внедигетическим. Он непрестанно вступает в диалог с «бессонным читателем», объясняя способы построения собственного романа и способы мироустрой-

ства в целом. Экфрасис же в этом процессе становится основной объяснительной моделью.

Экфрасис как метатекст

Автор в романе постоянно подчеркивает демиургическое начало своего труда, представляя «чертеж» романа, используя метафору циркуля, отсылающую едва ли не к масонской символике мастера: «Ножка циркуля, которым мы обводим круг времени, постоянно утоплена в пестром овале Мавсола» (720), «В маленькой комнате, прямо на паркетном полу подле кровати Марлен Дитрих, мы утопим ножку второго циркуля, опорную точку нашей хроники» (722).

Всеведущий автор, как правило, смотрит на создаваемый мир с некой высокой точки. Такой точкой становится, например, первый небоскреб в Москве, построенный Э. Нирнзее в 1913 г. «Отсюда, с плоской крыши первого небоскреба, можно легко оглядеть с высоты овал рая, вокруг которого модерн воздвиг свои змеинные стены» (595). Собственно архитектурный образ Москвы осмыслен автором в категориях обобщенно-культурологических.

В этом смысле характерно описание Москвы, по сути являющее собой эссе, очерк о модерне. Здесь первый круг обзора повествователя представлен шедеврами западно-европейской архитектуры: итальянские паллацо («Морозовский дворец архитектора Жолтовского на Спиридоновке, вариация в итальянском духе» (595) сменяются тяжелой английской готикой («Фантазия в стиле английской готики Федора Шехтеля для Зинаиды Морозовой» (596), суровым скандинавским средневековьем («Доходный дом Филатова на Арбате, не дом вовсе, а скандинавская скала мрака с рыцарями на углах» (596). Урбанистический экфрасис вторично мифологизируется в процессе толкования повествователем: «Доходный дом Исакова на Пречистенке архитектора Кекушева – не жилье москвичей, а обиталище восточных гурий. Огромные окна, удобные для созерцания облаков с фиалками чернильных сосцов, витые навесные балконы, подходящие для кольцевой хватки птичьих когтей и сладкозвучного пенья сирен» (596). Вторичная мифологизация и «оживление» становятся основными авторскими приемами в архитектурном экфрасисе московского модерна. Ведя диалог с основателем архитектуры модерна Уильямом Моррисом, автор уподобляет его мифологическому Зевсу, а дальше в тексте встречаем псевдоэкфрасис портрета нового Зевса: «Чело Зевса обвито не лавром, а эгоистической повиликой с бутафорскими розами, где вместо шипов – коготки горностаевых лапок» (597). Завершают архитектурный ансамбль знаменитые Сандуны. Статический образ обретает динамику под взглядом романиста и

читателя: «Упоительные римские термы Москвы, достойные изысков Тримальхиона, сующего посеребренный палец в рот, чтобы, пощекотав горловой язычок, освободить желудок для новой порции свежих устриц в лимонном соке» (597–598). (Сандуны у Королева явно испытали влияние фильма Феллини «Сатирикон»). Использование формы настоящего времени при наведении взора на объект («сующего», «ослепляет», «тлеют») приближает происходящее к моменту времени смотрящего. Движение взгляда-камеры создает эффект вновь просматриваемого сюжета.

Архитектура и живопись, что описывает повествователь, подвергаются авторской мифологической трансформации. Богом-покровителем европейского модерна Москвы оказывается мальчик Амур с картины Ф. Штука: «А пока все эти чары – царство голого мальчика с крылышками амура <...> его нарисовал Франц Штук» (598). Название и некоторые черты указывают на картину Штука «Амур-император», описания мальчика приближают к другому полотну: «Купидон на балу-маскараде». Показательно в этом смысле соединение греческого и римского античных богов любви в образе московского покровителя модерна: сурового Амура («Отчего же он кажется злым? Да таким, что морозец по коже» (598)) и загадочного Купидона («Курчавая головка облачком шалости мелькает то здесь, то там» (598). Сливаясь в восприятии в единый образ нового божества, картины Ф. Штука оживают перед взором читателя: «В огромных горящих окнах величиной с этаж видно мелькание его пухлых ляжек, румянец надутых щек» (598). В следующем абзаце текста новое божество сошло с полотен художника – зритель подглядывает за мальчиком, резвящимся в доме.

Таким образом, анализ показывает, что роман Королева перенасыщен экфрасисами разного порядка, характера, способа интерпретации. Изобразительный экфрасис обширен, он нередко организует повествование. Нулевой миметический экфрасис используется для создания атмосферы, контекста изображаемого события, служит рамой восприятия. Свернутый экфрасис чаще всего рифмует события эпохи (или романа) с предшествующими текстами культуры. Экфрастический дискурс, таким образом, является чрезвычайно символически нагруженным – не фрагментарно входит в роман, а организует его на разных структурных уровнях.

Особенность экфрастического дискурса А. Королева – в том, что его текст (в данном случае – роман «Эрон») не просто направлен на перевод визуального в вербальное, писатель органично думает и пишет экфрасисами, образы живописи, архитектуры, музыки, кино, скульптуры

являются его способом осмысления мира. Плотный, почти тотальный экфрастический дискурс, установка на интермедийность представляют собой следствие интеллектуально-культурологического способа миропонимания и письма, свойственного А. Королеву. Такая функция экфрасиса, впрочем, – свидетельство утверждающегося в современной литературе способа мышления и творчества, основанного на интермедийном коде, на соположении языков разных искусств. Методология анализа таких текстов требует выработки специальных аналитических подходов.

Случай Анатолия Королева – индивидуально характерный, но при этом отражающий общие тенденции современного романа, тяготеющего к эссеистическому способу мышления [Эпштейн 1987]. В романе Королева совмещаются мифологическая и эссеистическая установки. Сам характер конструирования мифа подвергается автокомментарии, т.е. демифологизации. В целом «Эрон» (вне фабульной составляющей) можно рассматривать как собрание культурологических, научных, философских эссе о мире, человеке и бытии. Впрочем, едва ли не каждый роман Королева можно назвать романом-эссе: напоминающая исследование Д.С. Лихачева о садах «Повесть о парке», исследование нравственного выбора в романе «Человек-язык», изучение живописного дара художника в книге о Леонардо де Винчи «Игры гения». В этом А. Королев во многом предвосхитил опыт постмодернистского романа XXI в.

Примечания

¹ Анализ проблем экфрасиса в современной прозе – например, романах Трэиси Шевалье, Грегори Норминтона и др. см. подробнее: [Тулякова 2012; Бочкарева 2009; Cheeke 2010].

² В дальнейшем ссылки на это издание даются с указанием страниц в круглых скобках, например: (281).

³ Более подробно образ города в романе «Эрон» рассмотрен в нашей работе, посвященной урбанизму А. Королева. См.: [Абашева, Чашинев 2014].

⁴ Множество Мандельброта – сложный математический объект, «математическая теория форм, имеющих дробную размерность» [Дьюдни 1985: 80]. Состоящее из бесконечного числа повторений множество при компьютерной обработке видится в форме непропорциональной восьмерки, перевернутой на бок. Границы восьмерки покрыты «отростками», каждый из которых составляет с частью множества свою восьмерку. «Члены множества – комплексные числа,

т.е. числа, содержащие действительную и мнимую части» [там же].

Список литературы

Абашева М.П. Протоэкфрасис в романе Анатолия Королева «Эрон» // «Учености плоды»: к 70-летию юбилею профессора Ю.В. Шатина: сб. науч. тр. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2014. С. 173–186.

Абашева М.П., Чащинов Е.И. Урбанизм Анатолия Королева (о романе «Эрон») // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. Вып. 1(25). С. 137–144.

Бочкарева Н.С. Функции живописного экфрасиса в романе Грегори Норминтона «Корабль дураков» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2009. Вып. 6. С. 81–92.

Брагинская Н.В. Экфрасис как тип текста (к проблеме структурной классификации) // Славянское и балканское языкознание. Карпато-восточнославянские параллели. Структура балканского текста. М.: Наука, 1977. С.259–283.

Геллер Л. Воскрешение понятия, или Слово об экфрасисе // Экфрасис в русской литературе: труды Лозаннского симпозиума / под ред. Л. Геллера. М.: МИК, 2002. С. 5–22.

Дьюдни А.К. Получение изображений самых сложных математических объектов с помощью компьютера-микроскопа // В мире науки. 1985. №10. С. 80–87.

Королев А.В. Эрон: Роман. Пермь: Изд. центр «Титул», 2014. 904 с.

Маркова Т.Н. Интермедиаальный код в новейшей русской прозе (роман «Быть Босхом» А. Королева // Кризис литературоцентризма. Утрата идентичности vs. новые возможности / отв. ред. Н.В. Ковтун. М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. С. 498–515. (Сер. Универсалии культуры. Вып. 5).

Мартынова И.А. Киновек русского текста: парадокс литературной кинематографичности. СПб.: САГА, 2001. 224 с.

«Невыразимо выразимое»: экфрасис и проблемы репрезентации визуального в художественном тексте: сб. ст. / сост. и науч. ред. Д.В. Токарева. М.: Новое лит. обозрение, 2013. 571 с.

Семьян Т.Ф., Григорьева М.А. Визуализация в прозе Анатолия Королёва // Вестник ЮУрГУ. Сер.: Лингвистика. 2012. №2 (261). С. 38–43.

Сидорова А.Г. Интермедиаальная поэтика современной отечественной прозы (литература, живопись, музыка): дисс. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2006. 218 с.

Сидякина А. Анатолий Королёв // Маргиналы (уральский андеграунд: живые лица погибшей литературы). Челябинск: Фонд Галерея, 2004. URL: <http://abursh.sytes.net/Marginaly/Korolev.htm>. (дата обращения: 15.08.15).

Тулякова И.И. Экфрастический роман Трейси Шевалье «Дама с единорогом» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2012. Вып. 4(20). С. 174–180.

Шатин Ю.В. Ожившие картины: экфрасис и диегезис // Критика и семиотика. Новосибирск, 2004. Вып. 7. С. 217–226.

Экфрастические жанры в классической и современной литературе / Н.С. Бочкарева, К.В. Загороднева, Е.О. Пономаренко, А.Г. Рогова, И.А. Табункина, Д.С. Туляков, И.И. Тулякова; под общ. ред. Н.С. Бочкаревой; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2014. 204 с.

Эпштейн М. На перекрестке образа и понятия (Эссеизм в культуре нового времени) // Эпштейн М. Парадоксы новизны. М.: Прогресс, 1987. С. 334–380.

Barbetti C. Ekphrastic Medieval Visions: A New Discussion in Interarts Theory. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2011. 208 p.

Bensmaïa R. The Barthes Effect: The Essay as Reflective Text. University of Minnesota Press, 1987.

Cheeke S. Writing for Art: The Aesthetics of Ekphrasis. Manchester: Manchester University Press, 2010. 204 p.

Schmidt D.J. Between Word and Image: Heidegger, Klee and Gadamer on Gesture and Genesis. Bloomington and Indianapolis: Indiana Univ. Press, 2013. 188 p.

References

Abasheva M.P. Protoekfrasis v romane Anatolija Koroljova “Eron”. [Protoekphrasis in Anatoly Korolev’s novel “Eron”]. «Uchjonosti plody»: k 70-letnemu jubileju professora Ju.V. Shatina. Sb. nauchnykh trudov [“The fruits of learning”: to the 70th anniversary of Professor Yu.V. Shatin]. Novosibirsk: Novosibirsk St. Ped. Univ. Publ., 2014. P. 173-186.

Abasheva M.P., Chashchinov E.N. Urbanizm Anatolija Koroljova (o romane «Eron») [Anatoly Korolev’s urbanism (on the novel “Eron”)]. Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology]. 2014. Iss. 1(25). P. 137-144.

Barbetti C. Ekphrastic Medieval Visions: A New Discussion in Interarts Theory. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2011. 208 p.

Bensmaïa R. The Barthes Effect: The Essay as Reflective Text. University of Minnesota Press, 1987.

Bochkareva N.S. Funktsii zhivopisnogo ekfrasisa v romane Gregori Normintona «Korabl' durakov» [Functions of pictorial ekphrasis in the novel "The Ship of Fools" by Gregory Norminton]. Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology]. 2009. Iss. 6. P. 81-92.

Braginskaja N.V. Ekfrasis kak tip teksta (k probleme strukturnoj klassifikatsii) [Ekphrasis as a type of text (on the issue of structural classification)]. Slavyanskoe i balkanskoe jazykoznanie. Karpato-vostochnoslavjanskije paralleli. Struktura balkanskogo teksta [Slavic and Balkan linguistics. Carpathian-East-Slavic Parallels. The structure of Balkan text]. Moscow: Nauka Publ., 1977. P. 259-283.

Cheeke S. Writing for Art: The Aesthetics of Ekphrasis. Manchester: Manchester University Press, 2010. 204 p.

D'judni A.K. Poluchenie izobrazhenij samykh slozhnykh matematicheskikh ob'ektov s pomoshch'ju komp'yutera-mikroskopa [Imaging the most complex mathematical objects using a computer-microscope]. V mire nauki [In the world of science]. 1985. Vol. 10. P. 80-87.

Epstein M. Na perekrestke obraza i ponjatija (Esseizm v kulture novogo vremeni) [At the crossing of the image and concept (Essayism in the culture of modern history)]. Paradoksy novizny [Paradoxes of the novelty]. Moscow: Progress Publ., 1987. P. 334-380.

Ekfrasticheskie zhanry v klassicheskoj i sovremennoj literature [Ekphrastic genres in classical and contemporary literature] / N.S. Bochkareva, K.V. Zagorodneva, E.O. Ponomarenko, A.G. Rogova, I.A. Tabunkina, D.S. Tuljakov, I.I. Tuljakova. Perm: Perm St. Univ. Publ., 2014. 204 p.

Geller L. Voskreshenie ponjatija, ili Slovo ob ekfrasisie [Resurrection of the concept, or a word on ekphrasis]. Ekfrasis v russkoj literature: trudy Lozanskogo simpoziuma [Ekphrasis in Russian literature: proceedings of the Lausanne Symposium]. Moscow: MIK Publ., 2002. P. 5-22.

Korolev A.V. Eron [Eron]. Perm: Titul Publ., 2014. 904 p.

Markova T.N. Intermedial'nyj kod v novejshej russkoj proze (roman «Byt' Boskhom» A. Koroljova) [Intermedial code in modern Russian prose ("Being Bosch" by A. Korolev)]. Krizis

literaturotsentrizma. Utrata identichnosti vs. novye vozmozhnosti [A crisis in literature-centrism. The loss of identity vs. new opportunities]. Moscow: Flinta Publ., 2014. P. 498-515.

Mart'janova I.A. Kinovek russkogo teksta: paradoks literaturnoj kinematografichnosti [The cinematographic age of Russian text: the paradox of literary cinematicness]. St. Petersburg: SAGA Publ., 2001. 224 p.

«Nevyrazimo vyrazimoe»: ekfrasis i problemy reprezentatsii vizual'nogo v khudozhestvennom tekste ["Inexpressibly expressible": ekphrasis and issues of visual representation in literary text]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2013. 571 p.

Schmidt D.J. Between Word and Image: Heidegger, Klee and Gadamer on Gesture and Genesis. Bloomington and Indianapolis: Indiana Univ. Press, 2013. 188 p.

Sem'jan T.F., Grigor'jeva M.A. Vizualizatsija v proze Anatolija Koroljova [Visualisation in Anatoly Korolev's prose]. Vestnik JuUrGU. Serija: Lingvistika [Bulletin of the South Ural State University. Series: Linguistics]. 2012. Vol. 2(261). P. 38-43.

Shatin Ju.V. Ozhivshie kartiny: ekfrasis i diegezis [Revived Pictures: ekphrasis and diegesis]. Kritika i semiotika [Criticism and Semiotics]. Novosibirsk, 2004. Iss. 7. P. 217-226.

Sidorova A.G. Intermedialnaja poetika sovremennoj otechestvennoj prozy (literatura, zhivopis', muzyka). Dis. kand. filol. nauk [Intermedial poetics of modern Russian prose (literature, painting, music). Cand. philol. sci. diss]. Barnaul, 2006. 218 p.

Sidjakina A. Anatolij Koroljov [Anatoly Korolev]. Marginaly (ural'skij andegraund: zhivye litsa pogibshej literatury) [The outcasts (the Ural underground: the living personae of the dead literature)]. Available at: <http://abursh.sytes.net/Marginaly/Korolev.htm> (accessed 15.08.2015).

Tuljakova I.I. Ekfrasticheskij roman Trejsi Shevalje «Dama s edinorogom» [Tracy Chevalier's ekphrastic novel "The Lady and the Unicorn"]. Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology]. 2012. Iss. 4(20). P. 174-180.

ЕКФРАСИС IN ANATOLY KOROLEV'S NOVEL «ERON»

Marina P. Abasheva

**Professor in the Department of Contemporary Russian Literature
Perm State Humanitarian-Pedagogical University**

Evgeny N. Chashchinov

**Postgraduate Student in the Department of Contemporary Russian Literature
Perm State Humanitarian-Pedagogical University**

The article deals with the poetics of ekphrasis in the novel «Eron» (2014), which takes the central place in the oeuvre of the famous Russian writer Anatoly Korolev. Ekphrastic discourse in his prose is uncommonly extensive. It exceeds the diegesis component of the texts and creates specific secondary mimesis refracted through the prism of culture. The article establishes the sources, objects of A. Korolev's ekphrastic descriptions and explores the functions of ekphrasis in the novel as a whole. It is the triptych «The Garden of Earthly Delights» by Hieronymus Bosch that becomes the proto-ekphrasis determining the plot and the poetics of «Eron». The plot's development and the system of characters are determined by the palimpsestic layering of pictorial, musical, and cinematographic ekphrases. The distinctive feature of A. Korolev's ekphrastic poetics is his use of ekphrasis as a method of autometadescription of the novelist's position in the text, and as a mean of the author's intellectual and philosophical reflection. The individual case of A. Korolev's ekphrasis could be considered as a symptom of a tendency to intermediality, typical of contemporary literature and synthesising languages of various arts.

Key words: ekphrasis; modern Russian prose; Anatoly Korolev; modernism; postmodernism; intermediality; essayism.

УДК 821.121–31 (091)

СПЕЦИФИКА ПИЩЕВЫХ КОДОВ В ВИКТОРИАНСКОМ И МОДЕРНИСТСКОМ РОМАНЕ (ДЖ. ЭЛИОТ, Д.Г. ЛОУРЕНС)

Наталья Владимировна Горбунова**к. филол. н., доцент кафедры зарубежной литературы****Тюменский государственный университет, Институт филологии и журналистики**

625003, Тюмень, ул. Семакова, 10. natvlagor@yandex.ru

Ольга Михайловна Ушакова**д. филол. н., профессор кафедры зарубежной литературы****Тюменский государственный университет, Институт филологии и журналистики**

625003, Тюмень, ул. Семакова, 10. olmiva@yandex.ru

В статье рассматривается специфика пищевых кодов в викторианском и модернистском романе. Материалом исследования являются романы Дж. Элиот («Сайлес Марнер», «Мельница на Флоссе», «Мидлмарч») и Д.Г. Лоуренса («Любовник леди Чаттерли»). Авторы фокусируют внимание на трансформации семантики пищевых кодов в процессе развития повседневного дискурса в английской литературе XIX–XX веков. Основные проблемы, представленные в работе: система культурных кодов, особенности викторианского и модернистского мифологизирования, поэтика пищевых тропов, образы «кухни и трапезы», еда как реальность и ритуал, образ рая в литературе в контексте гастрономических ассоциаций и т.д.

Ключевые слова: викторианство; модернизм; Дж. Элиот; Д.Г. Лоуренс; ритуал; поэтика повседневности; культурный код; мифологизирование; семантика еды.

Пищевые коды – важная структурная составляющая поэтики художественного текста и системы его культурных кодов. По утверждению Р. Барта, код – это «не реестр и не парадигма, которую следует реконструировать любой ценой; код – это перспектива цитаций, мираж, сотканный из структур; он откуда-то возникает и куда-то исчезает – вот все, что о нем известно; порожденные им единицы (как раз подлежащие анализу) сами суть не что иное как текстовые выходы, отмеченные указателями, знаками того, что здесь допустимо отступление во все прочие области каталога <...>; все это осколки чего-то, что уже было читано, видно, совершено, пережито: код и есть след этого *уже*. Отсылая к написанному ранее, иначе говоря, к Книге (к книге культуры, жизни, жизни как культуры), он превращает текст в проспект этой Книги. Или так: каждый код воплощает одну из сил, способных завладеть текстом (в тексте все они пересекаются), олицетворяет один из Голосов, сплетающихся в текст»

[Барт 1994: 32–33]. Пищевые коды не только отсылают читателя к культуре повседневности и шире – к Книге жизни во всем ее многообразии, но и служат инструментом создания широкой панорамы действительности, описания национальной семиосферы, индивидуальной характеристики персонажей (национальной идентичности, культурно-антропологической и социально-психологической сущности, «гумора» и т.д.), способом мифологического моделирования, средством символического обобщения и т.п.

Известный исследователь пищевой топографии, кулинарной семиотики, философии трапезы и застолья А. Генис в одной из своих книг замечает: «Кулинарная семиотика позволяет обнаружить в каждом блюде социальные знаки, которые в совокупности образуют социокультурную систему, раскрывающую специфику национальной ментальности» [Генис 2008: 233]. Изучение пищевых кодов литературных текстов дает возможность открыть новые семантические слои,

понять культурно-исторические, эстетические особенности художественного мира автора, проникнув в него не с «парадного входа». Обращение к подобного рода исследованиям предоставляет необъятное поле деятельности для литературоведов, так как использование пищевых тропов в текстах имеет долгую долитературную и литературную историю. В настоящей статье предпринимается попытка подойти с обозначенных позиций к творчеству двух английских романистов, непосредственно связанных линией генетической преемственности: романам Джордж Элиот (1819–1880) и Дэвида Герберта Лоуренса (1885–1930) и, соответственно, к двум значительным периодам в истории английской культуры – викторианству и модернизму.

Викторианство, особая эпоха в истории Великобритании, до сих пор представляется объектом непреходящего исследовательского интереса, сыграв «едва ли не решающую роль в формировании культурного облика современной английской нации, национального характера, национальной психологии, образа мышления» [Проскурнин 2005: 137]. Эта неоднозначная эпоха породила и свою, весьма специфическую, мифологию. Большой обеденный стол, объединяющий всех членов и добрых друзей дружной семьи, озаряемый светом жарко пылающего очага, – образ, весьма распространенный в английской литературе XIX в. Став так или иначе привычным для читателя, он, как кажется, призван был свидетельствовать о союзе по-своему счастливых индивидуумов, вполне способных составить гармоничное общество.

Создавая универсальный метаязык противоречивой и во многом парадоксальной эпохи, английская литература XIX в. благодаря этому фиксировала в широком общественном сознании еще более глобальный образ – образ процветающей во всех отношениях страны. С одной стороны, этот образ представляется отчасти рационально сконструированным, с другой – по-своему необходимым, так как даже в эпоху динамичных и кардинальных изменений он включал в себя как нечто неотъемлемое идею здорового, по-хорошему традиционного, жизненного уклада.

Возможно, так произошло отчасти и в силу того, что совместные завтраки и обеды были неременным атрибутом легендарной семейной истории королевы Виктории и ее любимого супруга принца Альберта. Вероятно, детали совместной трапезы, обязательно заслуживающие упоминания в контексте биографии Виктории, были призваны свидетельствовать еще и о том, что простота и естественность допустимых чело-

веческих проявлений (даже в ситуациях, строго определенных правилами придворного церемониала) не только являются залогом физического здоровья, но и выступают в качестве основы позитивного душевного настроения, гармоничного нравственного облика.

Так, посредством даже простого упоминания о некоторых актуальных для своего времени элементах трапезы происходило (возможно, и неосознанно) моделирование национального сознания, непосредственно закреплявшего определенную информацию о собственной культуре. Ю.М. Лотман, много размышлявший о необходимых условиях существования культуры как таковой, одним из них полагал «построение системы, правил перевода непосредственного опыта в текст»: «Для того, чтобы то или иное историческое событие было помещено в определенную ячейку, оно прежде всего должно быть осознано как существующее, то есть его следует отождествить с определенным элементом в языке запоминающего устройства. Далее оно должно быть оценено в отношении ко всем иерархическим связям этого языка. Это означает, что оно будет записано, то есть станет элементом текста памяти, элементом культуры. Таким образом, внесение факта в коллективную память обнаруживает все признаки перевода с одного языка на другой, в данном случае – на “язык культуры”» [Лотман 2000: 488].

По замечанию В.В. Похлебкина, общепризнанного знатока кулинарных традиций разных народов, «ничто не дает возможности так близко соприкоснуться с материальной культурой народа, как национальный стол. Разобраться в его особенностях – едва ли не самый лучший и короткий путь к взаимопониманию наций» [Похлебкин 2004]. Более того, можно утверждать, что привычный спектр кулинарных мотивов, свойственный всем народам без исключения (пища «повседневная», пища «праздничная», пища «ритуальная»), незримо, но основательно выступает в роли универсального «диалогизирующего контекста» [Бахтин 1986: 319], в границах которого, заявленных конкретным текстом, становится возможным хотя бы немного приблизиться к пониманию человека и его эпохи. М.М. Бахтин отмечал, что «объектность образа человека не является чистой вещностью. Его можно любить, жалеть и т. п., но главное – его можно (и нужно) понимать. В художественной литературе (как и вообще в искусстве) даже на мертвых вещах (соотнесенных с человеком) лежит отблеск субъективности» [Бахтин 1986: 308].

В XIX в., в контексте интереса к историческому повествованию, изображение заурядных

эпизодов из жизни современников обретало все большую значимость. Так, например, частое упоминание в викторианской прозе «хлеба с маслом» либо «гренок и чая» как о ежедневно употребляемой пище не просто свидетельствует о традиционных гастрономических пристрастиях или о достойной восхищения скромности быта и стола разных слоев английского общества. Это был еще и самый простой способ быстро утолить голод, поскольку «приготовить обед в середине XIX в. было настоящим подвигом, <...>, а кухонное оборудование было весьма примитивным. <...>. Кухарка сама решала, как довести огонь в духовке (а то и в открытом очаге) до нужной температуры и не только не сжечь блюдо, но и угодить взыскательным вкусам. <...> Работа была очень ответственная, учитывая, что к еде англичане относились со всей серьезностью» [Коути 2014: 78].

В попытках представить живой и целостный образ Англии и англичан, ее населяющих, писатели XIX в., возможно, сами того не желая, затрагивали еще один любопытный аспект. Пища и необходимость насыщаться рассматривались скорее как нечто, призванное в большей мере объединять представителей различных сословий и социальных групп, нежели позиционировать разницу их вкусов, во многом продиктованных принадлежностью к разным уровням «общественной лестницы». И в этом смысле представление о викторианской эпохе, формирующееся благодаря литературе, также весьма противоречиво: иногда складывается впечатление, что и трапеза перестает быть оплотом «сословности», характеризуется через своеобразное «стирание границ».

Так, простота и доступность «повседневного стола» королевы Виктории, вероятно, по-своему свидетельствовала о ее «демократических» пристрастиях, что во многом сродни девятнадцатому веку. Согласно свидетельствам близких, даже она, облеченная властью над одной из самых могущественных империй мира, завтракая в одиночестве, отдавала предпочтение самым простым блюдам, таким как «горячая овсяная каша», «вареное яйцо» и чай [Хибберт 2008: 581, 622]. В ее повседневном обеденном меню присутствовали «рыба, холодный и горячий пудинг, <...> отварная курица, ростбиф, телячий рубец с потрохами и приправой, <...> жареная картошка» [там же: 652–653].

При этом за «парадным» обедом на несколько персон могли подавать и любимые королевой специфические блюда, например, «виндзорский суп с телячьими ножками»; «она никогда не отказывалась от сочных пирожных, клубничного

торта, шоколадных бисквитов и варенья из самых разнообразных ягод» [там же: 653]. Помимо основных блюд на столе всегда было много фруктов непосредственно из Виндзорского сада (апельсины, груши, яблоки), «огромное количество салатов» и «разнообразные вина» [там же: 653].

Вообще, пища праздничная – это всегда обед по какому-либо значительному поводу (помолвка, свадьба, торжественная встреча и т.п.). В данном случае даже необходимо говорить об определенном разнообразии, поскольку чаще всего «обеда состояли из нескольких блюд, включая пару десертов» [Коути 2014: 78]. В связи с этим отнюдь не кажется случайным, что Ш. Бронте, например, отводит определенное место в жизни повзрослевшей Джен Эйр из одноименного романа (1847) «кухонно-кулинарным» эпизодам. Так, в ожидании хозяина Торнфильдхолла и давно не посещавших его роскошную усадьбу гостей героиня повествования «проводила целые дни в кладовых» с экономкой и поварихой. Будучи бедной гувернанткой, никогда не имевшей собственного дома, она, захваченная непривычной для нее предпраздничной суетой, увлеченно учится «делать кремы, ватрушки и французские пирожные, жарить птицу и украшать блюда с десертом» [Бронте 1982: 186]. Позже, в доме Риверсов, оказавшихся ее близкими родственниками, Джен Эйр, ожидая к Рождеству Мэри и Диану, прежде всего намерена «сбивать яйца, чистить изюм, толочь пряности, печь сладкие рождественские булки, готовить начинку для пирогов и торжественно совершать ряд других кулинарных обрядов» [там же: 440]. Так преодолевая определенные ступени на пути к полноценному бытию в социуме, она приобщается к нему в том числе и посредством пребывания на кухне.

Пристрастие к угощению, поданному «по всем правилам», свойственно англичанам любого сословия и материального достатка. Так, например, в романе Э. Гаскелл «Север и Юг» (1855) даже семья чрезвычайно стесненного в средствах пастора Хейла, где вполне обычными являются «холодное мясо» либо «тарелка каши», тщательно готовится к встрече с новым человеком в их жизни, фабрикантом Торнтоном: «За приоткрытой дверью можно было увидеть другой стол, накрытый к чаю белой скатертью, на ней красовались вазочка с кокосовыми пирожными и корзина, наполненная апельсинами и румяными американскими яблоками на подстилке из зеленых листьев» [Гаскелл 2011: 30, 82, 98].

Упоминания о ежедневной еде и праздничной трапезе особенно часты в контексте специфиче-

ских «детских» сюжетов, ставших в XIX в. неотъемлемой частью английской литературы. Традиционно это просто наличие еды либо ее отсутствие, свидетельствующие о положении ребенка в доме и его правах на какие-либо, даже очевидные, блага; об отношении к нему взрослых, о характере взаимодействия членов семьи и их отношении друг к другу. История главного героя романа Ч. Диккенса «Большие надежды» (1860) Филипа Пиррипа, Пипа, начинается, по сути, с «куска хлеба», который «пожирает» беглый каторжник, случайно встретившийся ему во время ежедневной одинокой прогулки на кладбище [Диккенс 1984: 4]. Приготовление «хлеба и масла» к «вечернему чаю» превращается у сестры Пипа, чрезвычайно скупой жены кузнеца, в настоящую пародию на ежедневное ритуальное священнодействие [там же: 10–11]. В сочельник, вместо ожидаемых детьми обязательных чудес, вечно голодный Пип вынужден «месить рождественский пудинг», а ночью – «очистить кдадовую», полную праздничных припасов. Чтобы «страшный человек» с кладбища не исполнил своего обещания («вырвут у тебя сердце с печенкой, зажарят и съедят»), Пип «стащил краюху хлеба, остаток сыра, полбанки фруктовой начинки, <...> кость почти без мяса и великолепный круглый свиной паштет» [Диккенс 1984: 13, 16]. При этом ребенок даже не подозревает, что именно этот однажды украденный свиной паштет определит всю его последующую жизнь: и позволит испытать огромное счастье, порожденное иллюзиями, и приведет к сокрушительному разочарованию.

«Внимание к обыденному в истории и попытка реконструировать повседневное, понимаемое достаточно широко – от особенностей быта до художественной ауры времени» [Проскурнин 2005: 22] определяет в целом и специфику повествования у Джордж Элиот. Но вот насколько писательница либо стремится следовать уже отчасти сложившемуся в литературе «мифу о викторианстве» как периоде всеобщей гармонии и благоденствия (когда возможно любую проблему разрешить позитивно), либо пытается переосмыслить его, либо откровенно полемизирует с ним, вопрос далеко не однозначный.

В ранних своих романах, изображая преимущественно Англию первой трети XIX в., она, скорее, следует давно установившимся представлениям относительно устройства жизни в обществе. Например, в романе «Сайлас Марнер» (1859) праздники в провинциальном местечке Рейвлоу, с простыми нравами и патриархальным укладом, характеризуются кратко, но исчерпывающе – через образы «кухни» и «трапезы»: «И

как только неизменные блюда сквайра Кесса начинали идти на убыль и терять свежесть, гостям стоило лишь перейти немного дальше вдоль деревни в дом мистера Осгуда, и там их снова ждали непечатые окорока и ростбифы, с пылу горячие пироги со свининой, только что сбитое масло – словом, все, чего может пожелать досужий аппетит, и если все это было не в таком изобилии, как у сквайра Кесса, то уж, конечно, качеством ничуть ему не уступало» [Элиот 1959].

История же самого сквайра Кесса, о сыновьях которого, «когда они выросли, пошла не слишком добрая слава», и которые сыграли роковую роль в судьбе ткача Марнера, также объясняется достаточно прозаично: «Жена сквайра умерла много лет назад, и Красный дом уже давно был лишен хозяйки и матери, источника благотворной любви и страха в гостиной и на кухне, и этим отсутствием хозяйки объясняется не только то обстоятельство, что праздничный стол Кессов отличался не столько отменным приготовлением блюд, сколько их количеством, но и то, что гордый сквайр снисходил до председательствования за обеденным столом в «Радуге» гораздо чаще, чем в своей собственной столовой, обшитой темными деревянными панелями» [там же]. Таким образом, представляется показательным, что судьба целого семейства, его драматичная история и печальные последствия внутреннего разлада рассматриваются автором в контексте утраты традиционных ценностей, ценностей «гостиной и кухни», столь значимых в незапамятные «патриархальные» времена.

В первых частях романа «Мельница на Флоссе» (1860), посвященных детским годам брата и сестры Талливер, Дж. Элиот подробно перечисляет обязательные блюда, сопровождающие ежегодные праздники: «Плум-пудинг удался таким же красивым и пышным, как всегда; <...> десерт был ничуть не хуже, чем обычно: золотые апельсины, коричневые орехи, прозрачно-желтый яблочный мармелад и темно-красная пастила из слив, – ничто не отличало нынешние рождественские праздники от прежних» [Элиот 2014: 190]. Это упоминание блюд представляется не просто необходимым при создании светлой, радостной семейной атмосферы. Оно воспринимается как принципиально значимое в контексте воспоминаний повествователя об идиллических временах сравнительно недавнего прошлого, которое ассоциируется с истинным «золотым веком»: «Стояла Пасхальная неделя, и сдобные ватрушки удались у миссис Талливер на славу – еще более пышные и легкие, чем обычно»; а «разнообразные ароматы, доносившиеся из кух-

ни, так живо вызывали в воображении то пекущийся кекс с изюмом, то не остывший еще студень, то мясную подливку, что на душе сразу становилось весело; сам воздух вселял надежды» [Элиот 2014: 51, 55].

Так, благодаря «кухне миссис Талливер» в романе Дж. Элиот словно бы воссоздается образ настоящего «утраченного рая». Ежегодная повторяемость нехитрых блюд, готовящихся по одним и тем же рецептам к главным для «доброто христианина» праздникам, свидетельствует и о своеобразной «архаичности» традиционного семейного уклада, и о неспешном течении времени в отдельном местечке провинциальной Англии (каковых тысячи), и об устоявшемся образе жизни, где допускаются только необходимые, продиктованные этим укладом, изменения. В такой, по-своему еще «ритуализированной», смене событий годового цикла автором романа обнаруживается и специфическое основание для последующих драматических коллизий в повествовании, которые приведут всю семью Талливеров – словно изгнанную самим течением все-сильного Времени из «рая» привычного, «мифологизированного», бытия – к трагическому финалу.

Однако романы Дж. Элиот представляют определенную ценность не только благодаря тому, что в них запечатлен некий общедоступный пищевой «национальный код», как и в произведениях других известных викторианцев. Ее романы можно воспринимать как по-своему этапные для английской литературы еще и в силу того, что в них запечатлен «основной конфликт раннего викторианского времени – это столкновение феодально-патерналистской модели общественного устройства и буржуазно-либеральных ценностей» [Проскурнин 2011: 80]. Характер такой «смены вех» обнаруживается даже в языке «кухни и трапезы»: и прежде не являясь доминирующим в творчестве Дж. Элиот, круг «кулинарных» цитат в ее зрелых романах становится еще более ограниченным.

В быстро развивающуюся «индустриальную эпоху», к концу XIX в., собственно «обед» перестает ощущаться сотрапезниками как некое «ритуализованное» действие. Пища скорее выступает в качестве своеобразного показателя если не буквального «изобилия» или «привязанности к материальному», то уж наверняка как четко осознаваемый многими персонажами зрелых романов Дж. Элиот показатель «безопасности бытия», «укорененности» в бытии. Так, сосредоточившись в романе «Мидлмарч» (1872) на изображении преимущественно представителей разных уровней «среднего» сословия, для которых важ-

на уже не столько пища в буквальном смысле, сколько пища интеллектуальная в виде различных «идей», писательница демонстрирует и еще одну особенность своего времени.

«Всемирно одинаковая», «искусственная», «офранцузенная и онемеченная», «космополитическая» кухня, «кухня господствующих классов» [Похлебкин 2004] находит отражение лишь во вскользь упоминаемых автором на страницах романа «Мидлмарч» абстрактных названиях подаваемых к столу блюд, по сути изначально интонациональных: «суп», «чай», «кофе», «десерт». Чуть чаще упоминаются еще более абстрактные «обед», «завтрак», «второй завтрак» или даже – «званный обед» по случаю помолвки либо празднования Нового года. Дж. Элиот не просто намеренно отказывается от изображения скромных радостей патриархального бытия, но словно призвана продемонстрировать безликость современной трапезы, утрачивающей свое истинное, фундаментальное значение в условиях стремительно развивающегося «индустриального» общества, которое становится все более «интернациональным».

Таким образом, зрелая проза Дж. Элиот представляется гораздо более противоречивой, чем ее ранние произведения. Возникает ощущение, что писательница, со свойственной ей скрытой иронией, словно бы приглашает читателя подвергнуть сомнению «национальные» мифы, поддерживаемые ею на начальном этапе творчества. Это не только давний миф о «старой доброй Англии», но и современный миф – о гармонии в общественной и частной жизни, уже отчасти закрепившийся за викторианской эпохой.

Дж. Элиот неявно, посредством, казалось бы, малофункционального для литературы «гастрономического» контекста, акцентирует внимание соотечественников на подчас неудобных для них вопросах о сущности викторианской эпохи, тем самым существенно расширяя представление о «национальном коде» англичан. Она, возможно, не стремится выразить буквально тенденцию второй половины XIX в., которая меняется в сторону «нового импульса к развитию национальной кухни», а «быть хранителем национальных традиций в области кулинарии вызывается, в основном, мелкая и средняя буржуазия» [там же]. Дж. Элиот действует несколько иначе: она словно бы закрепляет своим творчеством новый вариант языка о реальности – «языка буржуазии», который «богат, многообразен, гибок, охватывает все возможные уровни коммуникации» и при этом отчаянно «стремится сохранить существующий мир» [Барт 1989: 117] во всех его противоречиях. Такого рода язык, позволяющий рас-

суждать и писать о викторианстве как об эпохе, вроде бы сознающей свои противоречия и не боящейся широкой дискуссии о них, и представляется новым вариантом мифотворчества, своего рода «мифа справа» [Барт 1989: 117].

Пищевой модернистский дискурс во многом формируется в системе «мифологического метода», отражающего эстетические принципы представителей «высокого» модернизма и своеобразия модернистского мифотворчества. Ко многим произведениям модернистов применимо замечание М. Бодкина о «Бесплодной земле» Т.С. Элиота: «В поэме в совершенстве воплощен метод «перевода первобытных образов на современный язык, выражаясь словами К. Юнга, через одновременное сосуществование образов-оттисков из далекого прошлого и событий и фраз из современной повседневности» [Bodkin 1978: 308]. В восприятии и отображении реальности сквозь призму универсальной архаики большую роль сыграло влияние работ как представителей Кембриджской антропологической школы, Дж. Фрэзера, Дж. Меррея, Дж. Хэррисон, Ф. Корнфорда, А. Кука и др., так и основателей психоанализа, З. Фрейда и К.Г. Юнга. Пищевые коды модернистского текста уходят своими корнями в бездну архаики, «правремени», к культовым основам зарождения европейской словесности и культуры, мифологеме «умирания - воскресения», производительной семантике первобытных ритуалов, заново открытой учеными-антропологами в начале XX в.: «Для модернистской литературы характерна мифологизация и концептуализация еды, как самой пищи, так и процесса ее поглощения, вкушения и даже переваривания. В произведениях модернистов важным аспектом пищевого кода является ритуальная («сакральная»), архаическая производительная семантика» [Горбунова, Липская, Ушакова 2015: 64].

Как и у литературных предшественников, гастрономический мир модернистской литературы многообразен, подробен, конкретен, материален, но при этом одновременно архетипичен и переосмыслен в категориях антропологии и психоанализа, вписан в некую общую универсальную философскую конструкцию, мифологическую модель. Так, роман Дж. Джойса «Улисс» (1922) поражает раблезианским размахом и многообразием пищевых продуктов, способов приготовления пищи, ее поглощения и т.п. Д.П. Святополк-Мирский замечал: «Джойса иногда сравнивают по силе словотворчества, притягивая сюда и любовь к непечатному, с Рабле, великим языко-творцем, стоящим на заре новой буржуазной светской культуры. Внешнее сходство несо-

мненно» [Мирский 1978: 295]. При этом «натуралистическая хватка» Джойса, его сенсорные отчетливость и подробность сочетаются с философским осмыслением повседневного существования, карнавализацией быта, сакрализацией материально-телесного начала, архаизацией и ритуализацией повседневности. Хрестоматийным примером может служить эпизод «жертвы всежжения», приготовления и поглощения свинной почки главным героем Леопольдом Блумом (четвертый эпизод романа). Реконструкция древней производительной и пищевой семантики во многом определяет своеобразие поэтики драматического фрагмента Т.С. Элиота «Суини-агонист» (1926–27) и пьесы «Вечеринка с коктейлями» (1949) [Ушакова 1987: 114–126].

Пищевые тропы романа Д.Г. Лоуренса «Любовник леди Чаттерли» (1928) также являются важными конструирующими элементами мифологической модели, воссоздаваемой в тексте. Еда вписана в общую философскую концепцию романа как неотъемлемая, органичная и органическая часть бытия в его полноте, как составляющая «жизни», противопоставленной «антижизни». Характер пищи в романе соответствует идеалам Лоуренса – простота и естественность. Герои, воплощающие саму природу, ее «беззвучную симфонию», живущие в соответствии с природными ритмами, вкушают не испорченные кулинарными изысками простые, «базовые», «библейские» продукты (хлеб, молоко, мясо, сыр, масло). Эта простая, «демократичная», земная пища олицетворяет безыскусность, материальность, «вещественность», «соприродность» их повседневного существования: «Человек подсечен под самый корень, потому что оторван от земли, солнца, звезд. И любовь стала для него циркачкой, насмешницей, ведь мы сорвали этот бедный цветок с древа жизни, поставили в вазу в своем цивилизованном доме и думаем, что он никогда не завянет» [Лоуренс 1991: 250]. Отторгнутой от «древа жизни» в современности становится и еда, приобретая противоестественные, «химические» качества или вовсе отчуждаясь от человека и переходя в область красивой картинки в глянцево-модернистском журнале. Как отмечает Р. Барт в очерке «Орнаментальная кулинария» («Мифологии»): «...кулинария покрытий и алиби, постоянно стремящаяся затушевать или даже вовсе преобразить исходное пищевое сырье – грубую телесность мяса или резкие формы рачков. Блюда крестьянской кухни допускаются здесь лишь в порядке исключения (старая добрая семейная похлебка), как прихоть пресыщенных горожан, играющих в деревенский быт» [Барт 2014: 197].

Не случайно пища, которую употребляют носители истинной жизни и подлинных чувств, проста, «телесна», безыскусна. В своем эссе «По поводу романа «Любовник леди Чаттерли» Лоуренс использует пищевые метафоры («пирожное»/ «хлеб»), характеризуя ложные чувства и фальшивые эмоции, в которых погрязли, «потонули» современные люди: «Порой кажется, они процветают на такой пище. Но со временем накапливается отрицательный эффект, человек ломается. И все летит к чертям. Рано или поздно сам организм отомстит жестоко. Можно без конца обманывать многих, можно долго обманывать всех, но без конца обманывать всех нельзя, фальшивые чувства себя обнаружат. Фальшивая любовь – красивое пирожное, но очень плохой хлеб» [Лоуренс 1991: 246].

Для Лоуренса еда – важный элемент жизни человека во всей ее полноте, гармонии телесного и духовного, «телесной духовности»: «Последние три тысячи лет человечество бродило в пустыне бестелесной духовности и трагедии. Сегодня этот искус завершен» [там же: 252]. Еда – жизненно необходимая часть телесного бытия, в котором разум и тело, дух и материя сосуществуют в гармонии и нераздельности: «Жизнь организма, тела – это жизнь чувств и эмоций. Тело чувствует голод, жажду, его радует солнце и снег, оно получает удовольствие от аромата роз и вида цветущего куста сирени. Гнев, печаль, любовь, нежность, тепло, страсть, ненависть, горе – все это истинные чувства. Они принадлежат телу и осознаются умом» [там же: 245].

Обитатели поместья Рагби, олицетворения безжизненности и бесплодности, не едят совсем. Конечно, у них есть часы для приема пищи, – но в тексте романа это отражено только в сухих строках расписания, графика завтраков, вторых завтраков, обедов и т.п. Какую же пищу едят обитатели Рагби и в принципе едят ли они вообще, читателю не известно. Бытовая жизнь в Рагби стерильна, абстрактна, умозрительна, как и само существование четы Чаттерли. В лучшем случае можно догадаться, что хозяева и гости пьют вино, кофе, чай – в основном, в качестве дополнения к разговорам о политике, науке, искусстве, морали и т.п. Это лишены своей основы современные ритуалы, отмеренные «кофейной ложечкой» (образ из стихотворения «Любовная песня Дж. Альфреда Пруфрока» Т.С. Элиота). В единственной «материальной» сцене трапезы (8-я глава), традиционном английском чаепитии, фигурируют хлеб и чай. Впрочем, хлеб в Рагби также лишен своей изначальной, животворящей сути, плоти и естества – это засушенные, подгоревшие тосты: «Она развязала

и сняла шарф и, забыв о шляпке, принялась готовить чай. Поджаренные хлебцы, конечно же, превратились в сухари. Надев чехольчик на чайник, чтоб не остывал, она поднялась и взяла стакан для фиалок. Бедняжки понурились, тугие стебельки обмякли» [там же: 73]. Сухари и обмякшие понурые стебельки – материализация метафоры, эмблематические знаки отказывающегося есть сэра Клиффорда. Клиффорд Чаттерли, подобно капризному ребенку или старику, не желает обедать в одиночестве, без своей супруги (няни). И в целом этот увядший натюрморт – метафора семейной жизни четы Чаттерли: сухая стерня женственности Конни и вялая мужественность Клиффорда, «чехольчик на чайнике».

В отличие от сэра Чаттерли, егеря Меллорс – «человек едящий». Меллорс неоднократно изображается в процессе поглощения пищи. Клиффорд же, напротив, только читает, рассуждает, пишет и т.п. (т.е. занимается сугубо интеллектуальными занятиями, вне досягаемости земных, органических запахов стирания и кухни). Так, например, в самом начале любовного сюжета, в преддверии зарождающейся страсти, Конни застаёт Меллорса жующим: «Он встал, подошел к двери, вытирая рот красным платком и дожевывая кусок» [Лоуренс 1991: 134]. Цветовая гамма эпизодов, связанных с едой, очень важна для Лоуренса, писателя и художника. В данном случае можно говорить и о традиционной мифопоэтической символике красного цвета (страсть, любовь, эротика и т.п.) и некоем цветовом сигнале, маркирующем персонажа.

Впервые описание полноценной трапезы в романе появляется в 12-й главе. С точки зрения семантики еды эпизод построен на контрасте: эфемерность трапезы в Рагби (нулевой пищевой фактор) и воссоздание застолья в доме егеря во всей его материальной и сенсорной полноте (запах, фактура, температура, цвет и т.п.). Итак, Конни пошла в лес «сразу после второго завтрака» [там же: 133], описания которого, конечно же, нет (а был ли завтрак?). Не застав Меллорса в сторожке, она прошла к дому, где застаёт егеря за едой, предметно-вещный состав которой представлен в подробностях. Перед нами возникает наглядная картина, изображающая простую, грубую, «натуральную» пищу, незамысловатую посуду: «На столе – тарелка с картошкой и остатками отбивной, хлеб в плетеной хлебнице, соль, синий кувшин с пивом. Вместо скатерти – белая клеенка» [там же: 134]. Живописная стилистика выдержана в духе постимпрессионизма (П. Сезанн «Натюрморт с синим кувшином», 1900; А. Матисс «Синий кувшин», 1901–1904 и т.п.), как у любимых Лоуренсом художников, ценимых им

за умение передать «трепетное движение жизни». Кстати, копия картины Сезанна висела и в покоях Конни. Показательны также «остатки отбивной» – это «живая» пища, которую едят, которая находится в процессе и движении, а не застывшая часть искусственно созданной композиции. Именно в доме егеря Конни впервые предстает как активный участник трапезы (читатель с удивлением констатирует, что и Конни тоже ест), а еще она заваривает чай, наливает в кувшин молоко (второй кувшин – желтый), расставляет посуду, разливает чай и т.д.

Само изображение двух кувшинов – синего с пивом и желтого с молоком – прочитывается в данной сцене как визуальные знаки мужского и женского начал, напоминающие в то же время о цветовых палитрах Сезанна и Ван Гога. Застолье дополняют сыр, масло, молоко, сливки [Лоуренс 1991: 135]. Именно во время трапезы Конни обсуждает с Меллорсом важные для обоих вопросы. Можно говорить о рамочной конструкции данного эпизода, который обрамляют два «пустых» чаепития в Рагби: по возвращении в поместье – снова чай, но опять же без всяких признаков жизни и активности, – «за чаем Конни была молчалива» [там же: 138]. Чаепитие в этой конструкции предстает также как ритуал, но если в доме Меллорса он наполнен действенной, жизнетворной энергией, то в Рагби это формальный момент, ритуал выхолощенный, давно утративший свою связь с жизнью.

Описывая очередной визит Конни в дом Меллорса, Лоуренс обращает внимание на то, что видит леди Чаттерли сразу – это кипящий чайник (сравним с остывшим чайником в единственной «реальной» сцене чаепития в Рагби) и накрытый стол. Еда снова простая, калорийная, «неорнаментальная» (для барышень): «Меллорс принес из кладовки хлеб, масло и копченые языки» [там же: 159], предлагает Конни выпить какао, кофе, чаю. И хотя совместной трапезы поначалу не получается, в ходе разговора Конни все же высказывает желание выпить чаю, на этот раз его заваривает Меллорс. В отличие от Клиффорда, он способен не только пылать страстью и любить, но и накормить свою возлюбленную. Принятие пищи сопровождается серьезным разговором о жизни и т.п., что опять-таки подчеркивает нерасчлененность бытия в его полноте и единстве материального и духовного, важной константе лоуренсовского мировосприятия.

Практически все сцены, живописующие отношения леди Чаттерли и егеря, сопровождаются трапезой. Важный для развития сюжета визит Констанс и ее сестры в дом Меллорса опять же построен по схеме: сначала «еда без еды», а за-

тем – последующее «полнокровное» действие принятия пищи. Перед визитом к Меллорсу у сестер был «отменно скверный» обед в гостинице, описания того, что там подавали и ели, естественно, нет. Это очередная сцена «отсутствия еды» в безжизненном пространстве. В доме же егеря, как обычно, тепло, стол приготовлен к обеду, накрыт белой скатертью: «Что-нибудь покушать? – обратился он к Конни. – А то я мигом. Ты ведь до еды охотница. – Он говорил на языке простонародья с невозмутимостью хозяина харчевни. – А что у тебя есть? – спросила Конни. – Вареный окорок, сыр, маринованные каштаны – что глянется. – Ладно: поем немного, – согласилась Конни» [там же: 197]. Отметим эту характеристику Конни как «охотницы до еды», не совместимую со статусом светской дамы. Далее следует довольно подробное описание трапезы, во время которой обсуждаются вопросы, судьбоносные для главных героев. Через поведение за столом Лоуренс показывает манеры Меллорса, подчеркивает, что егерь убирает со стола сам. В данном эпизоде мы имеем дело с социально-личностной характеристикой персонажа. Еда также национально и социально маркирована и в то же время является символом полноты и простоты природного существования.

В описании следующего утра также важное место занимает завтрак. Его отличает простая калорийная пища, подчеркивается хороший аппетит Конни, трапеза представлена как объединяющий ритуал: «Вот снизу донесся запах жареного бекона, и наконец он вошел с огромным черным подносом в руках, едва прошедшим в дверь. Он опустил поднос на постель и стал разливать чай. Конни, кое-как прикрытая порванной сорочкой, с жадностью набросилась на еду. Он сидел на единственном стуле, держа тарелку на коленях. – Ах, как замечательно! – сказала Конни. – Как замечательно завтракать вдвоем. Он ел молча, мысленно отсчитывая последние минуты, летевшие так быстро. Конни это чувствовала» [там же: 202]. Сцена завтрака носит откровенно эротический характер, отражающий типичные для Лоуренса психоаналитические идеи о взаимосвязанности сексуальности и хорошего аппетита, а также его демократические представления о взаимоотношении полов, в котором большую роль играет равенство как необходимое условие гендерной гармонии. Производительная, эротическая семантика пищевых процессов, их включенность в вечный круговорот «рождение – смерть – возрождение» (см., например, об этом: [Фрейденберг 1997], трактовка «пищеварения как совокупления» (слова А. Гениса о Н. Заболоцком [Генис 2008: 298]) и т.п. в целом

характерны для модернистской пищевой кодировки: «СУИНИ: Я обращаю тебя!/ Обращу в такое/ Жирненькое – ах! – миссионерское жаркое. / ДОРИС: Так ты меня съешь? СУИНИ: Грех не съест такое/ Маленькое, миленькое, славненькое, сладенькое, / Сочненькое – ах! – миссионерское жаркое. Видишь вот яйцо...» [Элиот 1971: 92–93].

Само наличие хлеба насущного, как и его безыскусный характер, неразрывно связаны с темой подлинной любви, полноценного плотского и эмоционального союза мужчины и женщины. Вдали от возлюбленного у Конни нет жизни, она в буквальном смысле «сохнет», а потому и еда теряет свои естественные характеристики, а с ними и свой глубинный сакральный смысл, вызывая отвращение: «Фальшивой» жизни в Венеции соответствует нездоровая искусственная пища – коктейли, мороженое, даже ломти арбузов там «цвета сырой говядины» [Лоуренс 1991: 209]. В этом целлулоидном мире еда как источник жизни не существует, как и самое существование здесь является заменой и подменой жизни подлинной: «В этом как раз все и нуждались: ласковая вода – наркотик; солнце – наркотик; джаз – наркотик; сигареты, коктейли, мороженое, вермут – все это были наркотики. Забыться! Наслаждений! Наслаждений!» [там же: 210]. Оторванная от своих природных основ жизнь «на курорте», в отличие от первозданного Эдема, обретенного героями рая в среднеанглийском весеннем лесу, – это искусственный рай «кружевных оборочек», в котором Конни откровенно несчастна.

Заметим, что дружеское застолье, вкусная и здоровая пища, хороший аппетит являются постоянной составляющей архетипа «земного рая» в романе, его текстообразующей мифологемы. Об особенностях мифологизма Лоуренса неоднократно писали отечественные литературоведы (из последних работ можно отметить исследования Б.М. Проскурнина, А.В. Пустовалова, М.К. Абелян и др.): «Конфликт в «Любовнике леди Чаттерли» имеет очевидный сказочно-романтический подтекст. Художественный мир романа строится на использовании элементов нескольких источников: сказок «Спящая красавица», «Красавица и чудовище», христианского мифа о потерянном рае и низвержении Люцифера в ад и некоторых других. Несомненна притчевость связанных между собой событийного и символического рядов» [Пустовалов 2009: 133].

Рай в романе «Любовник леди Чаттерли» – это именно земной рай, блаженство которого понятно простому, неискушенному, демократичному читателю, слушателю, зрителю. Он ассоци-

ируется с райскими утехами легендарной Коканьской страны, с ее молочными берегами, валом из паштета, стеной из пуддинга и любовью красоток: «Там стены сложены из пирогов,/ Из мяса, рыб и прочих вкусняков,/ Да всякий ублажить себя готов. / Печенье сахарное вместо черепицы. /В церквях, обителях, дворцах той радостной землицы / Все кровли жирные колбасы подпирают – / Как те, что короли с князьями уминают. /Ешь, сколько влезет, там всего полно, / Никто за это не осудит все равно» (перевод наш. – Н.Г., О.У.) [The Land of Cokeygne]. Эта созданная, вероятно, по образцу французского фавлио средневековая английская стихотворная сатира о «Коканьской стране» (вторая половина XIII в.) отразила народные представления о райском блаженстве и наряду с новозаветными образами закреплена в национальном культурном сознании. Истории развития «кокканьского» сюжета в европейских литературах посвящена кандидатская диссертация О.Ю. Силантьевой «Страна Кокань и Шлараффия во французской и немецкой литературах XVIII–XIX вв.». Таким образом, Лоуренс следует как общеевропейской, так и национальной традиции, понимая еду как неотъемлемый атрибут райского блаженства, превосбытного, архаического, природного пространства, до грехопадения, отсечения человечества «от древа жизни» [Лоуренс 1991: 252] и начала исторического времени.

В противоположность персонажам, живущим естественной жизнью (Меллорс, Конни, сэр Малькольм), плохой аппетит, дурной стол или отсутствие еды маркируют носителей сухого, рационально-рассудочного, холодно-интеллектуального начала (Клиффорд, Дункан Форбс и др.). На этом контрасте строятся и многие пищевые метафоры в романе: сэр Малькольм современным девицам, «воблам сушеным», противопоставляет свою дочь Конни как «круглобокую» шотландскую форель, «золотое яблочко». Меллорс сравнивает ее с «золотым яблоком на серебряном блюдечке», говоря Хильде: «А жаль, вы ведь тоже могли бы быть золотым яблочком, а не позлащенным скорпионом» [там же: 199]. Берри, молодой пылкий человек, гость в Рагби, сравнивает живущих «разумом» людей с палыми яблоками: «А как выбрали жить разумом, так вмиг прервалась связь, как бы отторгли вы себя от ветки, на которой росли. И если, кроме жизни разума, не будет у вас никакой иной, вы завянете как палое яблоко. Отсюда и вытекает логически: не уйти нам от злобы, это естественно и неизбежно, как не миновать палому яблоку гниения» [там же: 31]. Все эти сравнения также имеют мифопоэтический

характер и встраиваются в общую мифологическую модель романа.

Функции пищевых тропов в «Любовнике леди Чаттерли» разнообразны, их использование отражает творческие установки автора, его этические и эстетические представления. В то же время анализ пищевых кодов в романе помогает понять сложные механизмы взаимодействия и преемственности литературных эпох, поколебать традиционные представления о Лоуренсе как разрушителе викторианского культурного кода. Исследование семантики еды в романах Дж. Элиот и Д.Г. Лоуренса показывает, что модернисты не отказываются от использования национального «кулинарного» кода, социально-психологических функций пищевых тропов, их этических и философских измерений. Они расширяют возможности пищевого дискурса, обращаясь к архаическим моделям и ритуалам, актуализируя его семантику в духе философских и научных исканий своего времени.

Список литературы

- Барт Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика / пер с фр.; сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
- Барт Р.* S/Z. М.: Ad Marginem, 1994. 303 с.
- Барт Р.* Мифологии / пер с фр.; вступ. ст. и коммент. С.Н. Зенкина. 3-е изд. М.: Акад. проект, 2014. 351 с.
- Бахтин М.М.* Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / сост. С.Г. Бочаров; текст подгот. Г.С. Бернштейн и Л.В. Дерюгина; примеч. С.С. Аверинцева и С.Г. Бочарова. Изд. 2-е. М.: Искусство, 1986. С. 297–325.
- Бронте Ш.* Джен Эйр / пер. с англ. В. Станевич. М.: Правда, 1982. 512 с.
- Гаскелл Э.* Север и Юг / пер. с англ. В. Григорьевой, Е. Первушиной. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. 544 с.
- Генис А.* Колобок. Кулинарные путешествия. М.: АСТ: Астрель, 2008. 319 с.
- Горбунова Н.В., Липская Л.И., Ушакова О.М.* Поэтика трапезы в литературе и кинематографе: от викторианства к модернизму // Вестник Тюмен. гос. ун-та. Гуманитарные исследования. Humanities. 2015. Т.1. № 2 (2). С. 60–69.
- Диккенс Ч.* Большие надежды / пер. с англ. М. Лорие. М.: Правда, 1984. 512 с.
- Коути Е.* Недобрая старая Англия. СПб.: БХВ-Петербург, 2014. 320 с.
- Лотман Ю.М.* О семиотическом механизме культуры // Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2000. С. 485-503.
- Лоуренс Д.Г.* Любовник леди Чаттерли: роман / пер. с англ. И. Багрова, М. Литвиновой. М.: Кн. палата, 1991. 272 с.
- Лоуренс Д.Г.* По поводу романа «Любовник леди Чаттерли» // Лоуренс Д.Г. Любовник леди Чаттерли: роман. М.: Кн. палата, 1991. С. 244–254.
- Мирский Д.* Джеймс Джойс // Мирский Д.П. Литературно-критические статьи. М.: Сов. писатель, 1978. 328 с.
- Похлебкин В.В.* Национальные кухни наших народов. М.: Центрполиграф, 2004 // URL: <http://yandex.ru/clck/jsredir?from=yandex.ru%3Byandsearch%3Bweb%3B%3B&text=&etext=745.7> (дата обращения: 29.07.15).
- Проскурнин Б.М.* Идеи времени и зрелые романы Джордж Элиот. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2005. 144 с.
- Проскурнин Б.М.* «Миддлмарч» Джордж Элиот как важное звено обновленного вузовского канона английской литературы викторианского века // Мировая литература в контексте культуры: сб. материалов VIII науч. конф. «Иностранные языки и литературы в контексте культуры» / общ. ред. и сост. Н.С. Бочкаревой и В.А. Бячковой / Перм. ун-т. Пермь, 2011. С. 79–85.
- Пустовалов А.В.* «Любовник леди Чаттерли» Д.Г. Лоуренса: миф и сказка в структуре романа // Пограничные процессы в литературе и культуре: сб. статей по материалам Междунар. науч. конф., посвящ. 125-летию со дня рождения Василия Каменского (17–19 апр. 2009 г.) / общ. ред. Н.С. Бочкаревой, И.А. Пикулевой / Пермский ун-т. Пермь, 2009. С. 133–136.
- Силантьева О. Ю.* Страна Кокань и Шлараффия во французской и немецкой литературах XVIII–XIX вв.: дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.03. М., 2006. 297 с.
- Ушакова О.М.* Миф и современность в драме Т.С. Элиота «Вечеринка с коктейлями» // Типологические аспекты литературоведческого анализа. Тюмень, 1987. С. 114–126.
- Фрейденоберг О.М.* Поэтика сюжета и жанра. М.: Лабиринт, 1997. 448 с.
- Хибберт К.* Королева Виктория / пер. с англ. В.М. Заболотного. М.: АСТ: АСТ Москва, 2008. 700 с.
- Элиот Дж.* Мельница на Флоссе / пер. с англ. Г. Островской и Л. Поляковой. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. 640 с.
- Элиот Дж.* Мидлмарч / пер. с англ. И.Г. Гуровой, Е.В. Коротковой. М.: АСТ: Астрель, 2012. 829 с.
- Элиот Дж.* Сайлас Марнер / пер. Н.Л. Емельяниковой. М.; Л.: Гослитиздат, 1959 // URL:

<http://coollib.net/b/266262/read> (дата обращения: 18.02.15).

Элиот Т.С. Бесплодная земля. М.: Прогресс, 1971. 188 с.

Bodkin M. Archetypal Patterns in Poetry. Psychological Studies of Imagination. Oxford: Oxford University Press, 1978. 340 p.

The Land of Cokaygne // URL: <http://www.thegoldendream.com/landofcokaygne.htm> (дата обращения: 07.09.15).

Proskurnin B.M. The Subversion of Linear Time in “Sons and Lovers” by D.H. Lawrence // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2015. № 2 (30). С. 112–119.

References

Bakhtin M.M. Problema teksta v lingvistike, filologii i drugikh gumanitarnykh naukakh. Opyt filosofskogo analiza [The Problem of Text in Linguistics, Philology and other Humanities. Experience of Philosophical Analysis]. *Bakhtin M.M.* Estetika slovesnogo tvorchestva [Aesthetics of philological creative work]. М.: Iskusstvo Publ., 1986. P. 297-325.

Bart R. Mifologii [Mythologies]. М.: Akademicheskij proekt Publ., 2014. 351 p.

Bart R. Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika [Selected Essays: Semiotics. Poetics]. М.: Progress Publ., 1989. 616 p.

Bart R. S/Z. М.: Ad Marginem Publ., 1994. 303 p.

Bodkin M. Archetypal Patterns in Poetry. Psychological Studies of Imagination. Oxford: Oxford University Press, 1978. 340 p.

Brontë Ch. Jane Eyre / transl. from Engl. by V. Stanevich. М.: Pravda Publ., 1982. 512 p.

Eliot G. Mel'nitsa na Flosse [The Mill on the Floss] / transl. from Engl. by G. Ostrovskaja i L. Pol'jakova. SPb.: Azbuka, Azbuka-Attikus Publ., 2014. 640 p.

Eliot G. Middlmarch [Middlemarch] / transl. from Engl. by I. Gurova, E. Korotkova. М.: AST: Astrel' Publ., 2012. 829 p.

Eliot G. Silas Marner [Silas Marner] / transl. from Engl. by N.L. Emeljannikova. М. – L.: Goslitizdat Publ., 1959. Available at: <http://coollib.net/b/266262/read> (accessed 18.02.15).

Eliot T.S. Besplodnaja Zemlja [The Waste Land]. М.: Progress Publ., 1971. 188 p.

Freidenberg O.M. Poetika sjuzheta i zhanra [Poetics of Plot and Genre]. М.: Labirint Publ. 448 p.

Gaskell E. Sever i Jug [North and South] / transl. from Engl. by V. Grigorjeva, E. Pervushina. SPb.: Azbuka, Azbuka-Attikus Publ., 2011. 544 p.

Genis A. Kolobok. Kulinarne puteshestvija. [Kolobok. Culinary Journeys]. М.: AST: Astrel Publ., 2008. 319 p.

Gorbunova N.V., Lipskaja L.I., Ushakova O.M. Poetika trapezy v literature i kinematografe: ot viktorianstva k modernizmu [The Poetics of Repast in Literature and Cinema: From the Victorian Age to Modernism]. Vestnik Tjumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovanija. [Tyumen State University Herald. Humanities]. 2015. Vol. 1. № 2(2). P. 60-69.

Dickens Ch. Bol'shie nadezhdy [Great Expectations] / transl. from Engl. by M. Lorie. М.: Pravda Publ., 1984. 512 p.

Hibbert Ch. Koroleva Viktorija [Queen Victoria]. М.: AST: AST Moskva Publ., 2008. 700 p.

Kouti E. Nedobraja staraya Angliya [Unkind Old England]. SPb.: BHV-Petersburg Publ., 2014. 320 p.

Lawrence D.H. Ljubovnik ledi Chatterli: Roman [Lady Chatterley's Lover] / transl. from Engl. by I. Bagrov, M. Litvinov. М.: Kn. Palata Publ., 1991. 272 p.

Lawrence D.H. Po povodu romana “Ljubovnik ledi Chatterli” [A propos of “Lady Chatterley's Lover”]. *Lawrence D.H.* Ljubovnik ledi Chatterli: Roman [Lady Chatterley's Lover]. М.: Kn. Palata Publ., 1991. P. 244-254.

Lotman Ju.M. O semioticheskom mekhanisme kul'tury [On the semiotic mechanism of culture]. *Lotman Ju.M.* Semiosfera [Semiosphere]. SPb.: Iskusstvo-SPB Publ., 2000. P. 485-503.

Mirskij D.P. Dzhejms Dzhojs [James Joyce]. *Mirskij D.P.* Literaturno-kriticheskie stat'i [Literary criticism articles]. М.: Sovetskij pisatel' Publ., 1978. 328 p.

Pokhlebkina V.V. Natsional'nye kukhni nashikh narodov [National cuisines of our peoples]. М.: Tsentrpoligraf Publ., 2004. Available at: <http://yandex.ru/clck/jsredir?from=yandex.ru%3Byandsearch%3Bweb%3B%3B&text=&etext=745.7> (accessed 29.07.15).

Proskurnin B.M. Idei vremeni i zrelye romany Dzhordzh Eliot. [Ideas of the Time and Mature Novels of George Eliot]. Perm: Perm St. Univ. Publ., 2005. 144 p.

Proskurnin B.M. “Middlemarch” Dzhordzh Eliot kak vazhnoe zveno obnovlennogo vuzovskogo kanona anglijskoj literatury viktorianskogo veka [George Eliot's “Middlemarch” as an important constituent of the new canon of English literature of the Victorian era]. Mirovaja literatura v kontekste kul'tury. Sbornik materialov VIII nauchnoj konferentsii «Inostrannye jazyki i literatury v kontekste kul'tury» [World literature in the context of culture. Proceedings of VIII scientific conference “Foreign

languages and literatures in the context of culture”]. Perm: Perm St. Univ. Publ., 2011. P. 79-85.

Proskurnin B.M. The Subversion of Linear Time in “Sons and Lovers” by D.H. Lawrence // Vestnik Permskogo Universiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology]. 2015. Iss. 2(30). P. 112-119.

Pustovalov A.V. “Ljubovnik ledi Chatterli”: mif i skazka v strukture romana [“The Lady Chatterley’s Lover”: Myth and Fairy-Tale in the Novel’s Structure]. Pogranichnye protsessy v literature i kulture. Sb. statej po materialam nauchnoj konf., posvjashhennoj 124-letiju so dnja rozhdenija Vasilija Kamenskogo (17–19 apr. 2009) [Processes in literature and culture]. Perm: Perm St. Univ. Publ., 2009. P. 133-136.

Silant’eva, O. Ju. Strana Kokan’ i Shlaraffia vo frantsuzskoj i nemetskoj literaturakh XVIII-XIX vv. Diss. kand. filol. nauk [The Land of Cokaygne and Schlaraffia in French and German Literatures of the 18-19th centuries. Cand. philol. sci. diss.]. M., 2006. 297 p.

The Land of Cokaygne. Available at: <http://www.thegoldendream.com/landofcokaygne.htm> (accessed 07.09.15).

Ushakova O.M. Mif i sovremennost’ v drame T.S. Eliota “Veчерinka s koktejljami” [Myth and Modernity in T.S. Eliot’s Play “The Cocktail Party”]. Tipologicheskie aspekty literaturovedcheskogo analiza [Typological aspects of literary analysis]. Tyumen, 1987. P. 114-126.

FOOD CODES IN VICTORIAN AND MODERNIST NOVELS (GEORGE ELIOT, D.H. LAWRENCE)

Natalya V. Gorbunova

Associate Professor in the Department of Foreign Literature
Tyumen State University, Institute of Philology and Journalism

Olga M. Ushakova

Professor in the Department of Foreign Literature
Tyumen State University, Institute of Philology and Journalism

The article deals with the specifics of food codes in Victorian and modernist novels. The material under analysis includes novels by George Eliot («Silas Marner», «The Mill on the Floss», «Middlemarch») and D.G. Lawrence («Lady Chatterley’s Lover»). The authors focused on the transformation of the food code semantics in the course of development of everyday discourse in English literature of the 19-20th centuries. The main issues considered in the paper are the system of cultural codes, peculiarities of Victorian and modernist mythologizing, poetics of food literary tropes, images of «kitchen and dining», food as a ritual and reality, the image of paradise in literature in the context of gastronomic associations, etc.

Key words: Victorian era; modernism; George Eliot; D.H. Lawrence; ritual; poetics of everyday life; cultural code; mythologizing; food semantics.

ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ РОМАНА ЛЕОНГАРДА ФРАНКА «ШАЙКА РАЗБОЙНИКОВ»

Аркадий Анатольевич Шевченко

аспирант кафедры мировой литературы и культуры

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Пермь, ул. Букирева, 15. arc.box@mail.ru

Борис Михайлович Проскурнин

д. филол. н., профессор, зав. кафедрой мировой литературы и культуры,

декан факультета современных иностранных языков и литератур

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Пермь, ул. Букирева, 15. bproskurnin@yandex.ru

Статья посвящена экспериментам Леонгарда Франка с жанровой формой романа «Шайка разбойников» (1914), включающей элементы социального романа и романа о художнике как модификации романа становления. Комплекс жанровых форм использован автором для повествования об экзистенциальных антагонизмах творческой личности – художника. Дополнительное усложнение структуры романа достигается посредством внедрения жанровых разновидностей романа детства и приключенческого романа. В исследовании подчеркивается, что, несмотря на синтез ряда жанровых элементов, роман Л.Франка представляет собой идеальное художественное целое.

Ключевые слова: Леонгард Франк; роман «Шайка разбойников»; жанровое своеобразие; жанровая модификация; социальный роман; роман о художнике; роман становления; роман детства.

«Шайка разбойников» (“Die Räuberbande”, 1914) Леонгарда Франка (Leonhard Frank, 1882–1961) представляет собой первое обращение автора к романному типу художественного осмысления действительности: «Уже в первом своем романе <...> писатель страстно выступил против несправедливых общественных условий, калечащих человеческую личность, подавляющих или разрушающих индивидуальность» [Затонский 1962: 189]. Ранние художественные произведения Л.Франка структурно и содержательно были близки малым прозаическим формам [Lehmann 1971: 216], в то время как «Шайка разбойников» – роман, над которым писатель работал «трудно и мучительно медленно» [Стеженский 1983: 20], – трактуется как окончательное свидетельство тяготения автора к жанровой парадигме романа. Публикация «Шайки разбойников» в 1914 г. мюнхенским издательством “Georg Müller” не только принесла Л.Франку широкую известность, но и стала отправным пунктом для последующего романного творчества: романы «Шайка разбойников», «Оксенфуртский мужской

квартет» (“Das Ochsenfurter Männerquartett”, 1927) и «Из трех миллионов трое» (“Von drei Millionen drei”, 1932) образуют так называемую «Вюрцбургскую трилогию», объединенную единым топом (город Вюрцбург). «... Романы написаны в разное время и едва ли были задуманы Франком как единое целое, как трилогия, однако читатель не может не обнаружить в них известной общности, как идейной, так и художественной» [Знаменская 1970: 7].

Анализируя специфику литературного творчества Леонгарда Франка и художественные особенности романа «Шайка разбойников», большинство исследователей ссылаются на достижения немецкой литературной традиции. Н.С.Лейтес, например, полагает, что «Шайка разбойников» имеет два мощнейших художественных истока: с одной стороны – усвоение и творческую адаптацию (с чертами стилизации) наследия немецких романтиков (проблемно-тематические компоненты произведений), с другой – следование реалистическим образцам творчества А. Дёблина и Г. Фаллады (с точки зрения

художественной экспликации образного строя) [Лейтес 1975: 97–99]. Более того, смысловая перегруженность топоса (город Вюрцбург в «Шайке разбойников») и элементы его персонификации позволяют Н.С. Лейтес говорить, применительно к роману Леонгарда Франка, об областнической литературе [там же: 99].

Д. В. Затонский выстраивает более широкие аналогии и причисляет к литературным предшественникам Леонгарда Франка Г.Я. К. Гримельсгаузена, представителей творческого объединения «Бури и натиска» (нем. “Sturm und Drang”) и немецкого романтизма. Л. Франк выполняет «посредническую миссию» и транслирует творческий опыт на более поздние стадии национального литературного процесса – литературу ГДР, в частности, на творчество Э. Штриттматтера [Затонский 1962: 187].

Поэтика романа «Шайка разбойников» не поддается однозначному толкованию. Так, Г.Знаменская включает роман в контекст литературы ортодоксального (левого) экспрессионизма, с его установками на конкретное наполнение социальным содержанием, демонстрацию контрастов и «нервной динамичности», фрагментарность и условность изображаемого, эксплуатацию тематики бунта, протеста [Знаменская 1970: 6]. В. Хабиخت, также обращаясь к анализу экспрессионистской специфики «Шайки разбойников» Л. Франка, усматривает в нем авторский интерес к социальной и революционной тематике [Habicht 2000: 210]. Н.С. Павлова, рассуждая о разрыве Л.Франка с экспрессионистской моделью художественного творчества, «помещает» роман в русло реалистической традиции, «изображающей жизнь в формах самой жизни» [Павлова 1982: 272]. Д.В. Затонский, называя Франка «одним из зачинателей немецкого критического реализма» [Затонский 1962: 187], однозначно фиксирует «принадлежность» «Шайки» к указанному художественному направлению. Н.С. Лейтес подчеркивает, что в романе «Шайка разбойников» «черты экспрессионистской поэтики сочетались с чертами реалистической», при этом реалистическое содержание постепенно получает статус художественной доминанты за счет «нарастания социальной определенности» произведений Л. Франка [Лейтес 1975: 99]. В.И. Стеженский констатирует художественную «ущербность» экспрессионизма, отказывающегося «от изображения жизни в ее конкретности» [Стеженский 1983: 31], и подмечает в романе немецкого писателя конкретику жизнеописания и попытки авторского анализа социальных антагонизмов.

Вслед за Н.С. Лейтес, считающей, что романы Леонгарда Франка «отмечены чертами жанрового новаторства» [Лейтес 1975: 98], обратимся к жанровой структуре романа «Шайка разбойников», распадающейся на три ярко выраженные составные части и имеющей кольцевую композицию.

Условное разделение «Шайки разбойников» на три части детерминировано, в первую очередь, авторским фокусом в изображении персонажей романа. В первой части акцент сделан на описании социума, сконструированного Л.Франком по принципу художественного контраста: обывателям бюргерской среды, погрязшим в пороках и бытовой рутине, противопоставлена «шайка разбойников», состоящая из 14 мальчишек. Конфликт идеалов и жизненных позиций формирует в этой части романа фактическую модель двоимирия: посредством авантюры духа и юношеского максимализма ребята этой шайки пытаются вырваться из-под гнета социальных и нравственных пережитков города Вюрцбурга, преодолеть «неподлинное существование» [Столбова 2011: 26] провинциальных обывателей. Выделение второй части романа обусловлено выдвиганием на передний план судьбы одного из представителей шайки – Олдшэттерхенда (Михаэль Фиркант), бросившего вызов общественным стереотипам. Герой пробует найти себя в творчестве: будучи одаренным, Олдшэттерхенд пытается стать художником, но в условиях творческих предрассудков богемы и «обывательского психоза» друзей и близких терпит трагическое фиаско. Третья часть романа возвращает читателей к изображению социума города Вюрцбурга, правда, в измененном состоянии, с «дополнительными качественными приращениями»: нет больше шайки, нет больше двоимирия – некогда юные разбойники предстают теперь «столпами» бюргерского общества, «элементами» обывательской провинциальной «системы».

Роман Леонгарда Франка начинается с описания города Вюрцбурга: «Подводры вдруг покатили по мостовой бесшумно, горожане жестикулировали, шевелили губами, но ни звука не было слышно, воздух и дома дрожали – это загудели, сзывая к субботней вечерне, все тридцать вюрцбургских колоколов. Выделяясь своей мощью, далеко разнесся звон большого соборного колокола; он покрыл все другие звуки и постепенно угас <...> Лучи заходящего солнца озаряли город. Над серым замком, что на вершине холма, повисли пухлые красные облака, в круто сбегавшем вниз Королевском винограднике белели головные платки женщин – начался сбор винограда. Пахло водой, дегтем и ладаном» (с. 25)¹. Создавая почти

визуальное ощущение картин городской жизни, ассоциативную передачу запаха и звука, писатель добивается от изображения максимальной достоверности: Вюрцбург не только становится фоном, местом действия событий в романе, но и обретает собственный образ (во многом автобиографический, так как Вюрцбург – родной город Леонгарда Франка). Накапливая устойчивые признаки топоса, Вюрцбург в «Шайке разбойников» выступает как провинциальный городок, в котором явления нравственной и социальной деградации не только получают массовый и регулярный характер, но и признаются нормой, закономерным способом существования, базирующимся на «поэтизации патриархально-идиллических иллюзий» [Лейтес 1975: 98].

Обращение к нравоописательному роману (в рамках социального романа) подталкивает Леонгарда Франка к внедрению в художественную систему произведения целой галереи персонажей мещанского / бюргерского типа, процветающих в городе Вюрцбурге. Автор наделяет их отрицательными чертами характера, вскрывает их «нравственное уродство»; например, господин Магер – «учитель народной школы, тиран многих поколений мальчишек» (с. 26) (“... der Volksschullehrer und Tyrann vieler Generationen Knaben” [Frank 1971: 8]), отличающийся как чванством, так и жестокостью, которую он методично и беспристрастно применяет к ученикам местной школы. В эту же вереницу персонажей входят и дородный священник, «страдающий плоскостопием», чьи «крутые бока ходили ходуном» (с. 27), и механик Тритт – «человек с холеной рыжей бородкой и холодными зеленоватыми глазами» (с. 30), и стекольщик Иоганн Якоб Штреберле, «шепелявивший и брызгавший сквозь сверкающие зубы слюной» (с. 62), и элегантный саксонец с изящной бородкой – владелец «гигиенического заведения», «поддельвающийся под грубоватые баварские обычаи и не носивший воротничков к костюму и лакированным башмакам» (с. 76), и многие другие персонажи – жители Вюрцбурга. Для усиления характеристик героев – местных обывателей – автор, во-первых, использует сатирически окрашенные детали портрета или манеры поведения, а во-вторых, дает очевидную отсылку к определенному нравственному типу: образы учителя Магера и механика Тритта выражают типажи тирана, деспота; на стекольщика Штреберле навешивается «ярлык» сплетника и подстрекателя; образ рыжего рыбака иллюстрирует добродушного простолюдина; в образе элегантного саксонца отчетливо виден приспособленец и карьерист и т.д. Негативную авторскую оценку получают и образы

церковных служителей – дородный священник и викарий: герои не столько проповедуют религиозные истины, сколько являются наглядным свидетельством морального разложения церкви и ее профанации (например, ухаживания викария «со здоровым румянцем на выступающих скулах» (с. 58) за молодой сестрой Андреаса Штейнбрехера – члена разбойничьей шайки). Обличает автор романа и социальные пороки, проступающие на городских задворках Вюрцбурга: проституцию (образы проституток из Рыбачьего переулочка, образы хозяйки трактира «Чудный вид на Майн» и молодой рыжеволосой девушки), алкоголизм (образ жены учителя танцев), жестокое истребление животных (образы рыбака, мясника). Введение в художественное повествование подобных персонажей позволяет Л. Франку «вскрыть» поведенческие стереотипы и аморальные стандарты в обществе, а также проанализировать их в контексте действий и поступков героев. Одним из наиболее показательных эпизодов, демонстрирующих господство насилия в современной жизни, становится сцена на скотобойне, поражающая своей кровавой жестокостью и уродливостью.

Особенности жизни и быта местного «контингента» легко определяются посредством изучения специфического колорита города Вюрцбурга. Автор подчеркивает праздную городскую атмосферу, способствующую нравственной деградации, и нередко изображает увеселения «шайки разбойников» в различных помещениях (трактир вдовы Беномен, кабачок «Рыбаки», пивная «Экертов садик», корпуса № 7, 11 и 13 публичного дома в Рыбачьем переулочке, трактир «Чудный вид на Майн» и пр.). Леонгард Франк сатирически рисует притязания Вюрцбурга и его обитателей на внедрение технического прогресса (например, городской циферблат с подсветкой, открытие «гигиенических» заведений), демонстрируя очевидную несостоятельность этих идей при снижении культурного и нравственного уровня представителей бюргерства. Вместе с тем «провинциальность» родного города, привычность происходящих событий, безмятежный ход времени, городские народные традиции и ритуалы, памятные места и, наконец, сбор винограда – все это вызывает несомненный трепет в душе писателя: «Франк может чуть ли не самозабвенно любоваться пейзажами родных мест, но и здесь он видит мрачные стороны жизни» [Лейтес 1975: 98].

Схожие чувства автор испытывает и при описании резвых мальчишек – шайки разбойников города Вюрцбурга, жажда свободной жизни которых часто описывается автором юмористиче-

ски [Geerdts 1996: 502]. Изображение обособленной социальной среды несомненно обогащает содержательную сторону романа: так, в произведении проникают темы дружбы, юношеской экзальтации и максимализма, мотивы бунта и протеста, а на жанровом уровне – элементы приключенческого (авантюрного) романа и романа детства. Более того, обращение писателя к детским образам имеет двойную смысловую нагрузку: во-первых, это динамизирует развертывание сюжета (на протяжении романа читатель видит взросление ребят, изменение их жизненных установок и мировоззренческих позиций, разные судьбы, разные поступки, качественные перемены в понимании дружбы и отношении к ней), во-вторых, шайка юных разбойников приобретает статус «контрольной группы» по отношению к социуму Вюрцбурга: помещая мальчишек в ситуацию выбора жизненных альтернатив, Л. Франк словно проверяет, сможет ли кто-то из них изменить свою судьбу и вырваться из обывательской «трясины», достичь реальных высот, самореализоваться и преуспеть в жизни: «Писатель не стремился множить в своих книгах разные характеры, он предпочитал ставить сходный тип в разные условия, сложные ситуации, в которых сущность его могла бы проявиться со всей возможной полнотой» [Стеженский 1983: 31–32]. По мере развития художественного действия он показывает, как иллюзии юных разбойников разрушаются под гнетом обывательской действительности [Jarmatz, Simons 1996: 502].

Образы ребят занимают центральное место в художественной системе первой части романа: сюжетное действие концентрируется вокруг дружбы мальчишек, их действий и поступков, приключений и фантазий. Леонгард Франк изображает банду мальчишек как закрытую группу, широко используя приемы автономизации и даже табуирования. Так, например, почти все мальчишки из банды имеют прозвища: глава шайки – Оскар Беномен – именуется себя Бледным Капитаном; колоритными персонажами шайки выступают Король Воздуха (Ганс Люкс), Писарь (Ганс Видершейн) и Соколиный Глаз (Георг Банг). Прозвища в данном случае имеют конкретные отсылки к статусу (притязания и амбиции Бледного Капитана в качестве главаря; письмовыводитель – будущая профессия Ганса Видершейна и его «должность» в шайке), ассоциативным характеристикам (мечтательность и склонность к романтическому мировидению Ганса Люкса) или физическим дефектам / недугам героя (один глаз Георга Банга был стеклянным и переливался в темноте, когда на него попадал свет). Два героя – Виннету (Андреас Штейнбрехер) и Олдшэттер-

хенд (Михаэль Фиркант) – получили свои прозвища благодаря приключенческим романам (вестернам) немецкого писателя Карла Мая (Karl May, 1842–1912). «Грязная, без обложки, книжца Карла Мая» (с. 56) (“... ein schmutziges Karl-May-Buch ohne Einbanddecke...” [Frank 1971: 66]) небезосновательно фигурирует на страницах романа, косвенно влияя на судьбу Андреаса Штейнбрехера. Важно заметить при этом, что жизненные перипетии взаимоотношений Андреаса и Михаэля развертываются диаметрально противоположно судьбам Виннету и Олдшэттерхенда из романов Карла Мая.

Шайка располагает собственным имуществом и инвентарем: «сигары разной формы и разного качества, выкраденные разбойниками у своих отцов, лежали в коробке для перчаток вперемешку с сигаретами; рядом с ней возвышался копченый пороссячий желудок, за ним в строгом порядке яблоки, груши, яйца, пачка стеариновых свечей, двенадцать пар собственноручно сшитых разбойниками сандалий из толстой свиной кожи <...> полная пивная бочка <...> распоротые картофельные мешки, метла и лопата, а также двенадцать рогов, висевших на стене» (с. 42–43). Она проводит «законспирированные» встречи в «зале» (заброшенная шахта и система подземных тоннелей под Королевским виноградником) – собственном укрытии, убежище, где обсуждаются планы сожжения Вюрцбурга и побега в Южную Америку или на Дикий Запад (Северную Америку), текущие дела и доходы от деятельности шайки. Ребята имеют собственную библиотеку: «На большой этажерке, битком набитой книгами, стояли все разбойничьи, индейские и морские романы, какие только были на свете: "Баварский Гизль, или Повелитель богемских лесов", полная серия из двухсот тринадцати желтых брошюр по десять пфеннигов каждая, "Атаман разбойников Ринальдини", также в двухстах тринадцати выпусках по десять пфеннигов, "Дело о семи миллионах, или Занзибарский мошенник", "Корабль призраков" Гауффа» (с. 43) и свою «настольную книгу» – «небольшой томик издательства «Реклам»: "Разбойники. Драма в пяти действиях Фридриха фон Шиллера"» (с. 43) (“Auf einem kleinen Eckbrett lag für sich allein ein dünnes Reclambändchen: "Die Räuber. Drama in fünf Aufzügen von Friedrich von Schiller". Das Hausbuch der Bande” [Frank 1971: 41]). Последнее не может не вызвать в сознании читателей аллюзий к романтической традиции [Werner 1973: 227], как и косвенное внедрение (посредством реплик героев, их размышлений и мечтаний, юношеской рефлексии) элементов приключенческого романа, навеянных разбойни-

кам их «литературными кумирами». Как и любое тайное сообщество, шайка разбойников обладает собственным талисманом, «священным животным» – кроликом, «купленным у еврея Мейергейма за тридцать пять пфеннигов» (с. 44). Л. Франк подробно описывает «ритуалы» юной шайки: «опись» новых поступлений и товаров, пение гимна – «разбойничьей песни», заимствованной из драмы Фридриха Шиллера и т. п.

Сложившаяся система отношений внутри общества, сходные детские устремления и иллюзии, общие мотивировки усиливают момент разрыва с макросоциумом (жители города Вюрцбурга) и способствуют процессам обособления и дистанцирования шайки ввиду трактовки образа Вюрцбурга как «действующего лица, властно и жестоко вторгающегося в ребячью жизнь» [Стеженский 1983: 23]. Разбойники позиционируют себя единым целым, открыто противопоставляют себя обществу и пользуются непререкаемым авторитетом в детской среде.

Автор изображает членов разбойничьей шайки в трех художественных проекциях: в отношениях друг с другом, с семьей и с остальным социумом. Стоит заметить, что в первых двух аспектах ребята характеризуются как индивидуальности со сложным комплексом внутренних чувств и качеств, а в третьем – выступают как собирательный образ вюрцбургской шайки разбойников.

Несомненным предводителем шайки является Бледный Капитан (Оскар Беномен), любитель гимнастических упражнений, обладающий смекалкой младший сын влиятельной вдовы Беномен «с морщинистым, будто обтянутым мятым пергаментом лицом» (с. 85) – владелицы одного из вюрцбургских трактиров. Автор романа акцентирует внимание на равнодушии, индифферентном отношении атамана шайки к собственной семье, на значимости для героя личностного развития и роста, порядка и требования справедливости. Определенную конкуренцию за место главаря шайки Бледному Капитану пытается оказать сын пожилого коммивояжера – Король Воздуха (Ганс Люкс), отличающийся пылкостью чувств и упражняющийся в акробатических этюдах.

Один из самых ярких персонажей юной банды – Писарь (Ганс Видершейн) – «ученик и будущий письмовыводитель адвоката Карфункельштейна» (с. 32). Этот задорный мальчишка часто склоняет остальных товарищей к шалостям и мелким пакостным поступкам, но и сам не остается безучастным: открыв «бизнес на стороне», он продает суконные товары клиентам отца по завышенной цене, а полученный денежный «навар»

откладывает на собственные расходы. Из-за этих «озорных деяний» и благоговейного страха перед отцом Писарь часто оказывается под домашним арестом. К тому же Ганс храбр и смел (эпизод в кегельбане) – он часто выручает своих приятелей даже ценой собственных увечий.

Лучший друг Писаря – Красное Облако (Теобальд Клеттерер), мальчик-сирота, один из статистов местного театра – также состоит в разбойничьей шайке. Несмотря на рот, «напоминающий мышиную нору, в которой шоколадными пирамидками темнели обломки зубов» (с. 85), Теобальд не только активно декламирует поэтические и прозаические строки, но и пытается реализовать себя в театральном искусстве «провинциального масштаба». Трагическими нотками проникнут образ Соколиного Глаза (Георг Банг), имеющего физический дефект (стеклянный глаз), но научившегося жить с этим недугом. Георг совершает поступки по чести и совести, в том числе и по отношению к себе самому (эпизод с ночевкой в мусорном фургоне).

На трагической коллизии основан и образ Виннету (Андреас Штейнбрехер). Сложные взаимоотношения с холодной и чопорной матерью вынуждают Андреаса к неудачной попытке самоубийства: тонкая душевная организация Виннету не смогла выстоять перед «безлюбой материнской суровостью» (с. 102). Мальчик переживает не только «брак по расчету» собственной сестры и викария, но и смерть матери, в которой ранимый Андреас усматривает не только «тихое блаженное счастье <...> умиление и страстное желание <...> но и страх» (с. 102). В характере Виннету происходят кардинальные изменения, связанные с переходом от первоначальной неприязни, отвращения ко всему религиозному к впадению в набожность и принятию аскетичного образа жизни. Примечательно, что героя почти всегда окружают детали и символы, наполненные религиозным содержанием (вмурованная в стену статуэтка Божьей Матери, проржавевшая настенная гравюра с изображением распятого Христа) и вызывающие у него чувство трепетного страха.

И, наконец, Олдшэттерхенд (Михаэль Фиркант) – самый младший представитель шайки, в котором «жило чувство художественного воображения» [Стеженский 1983: 23]. По мнению исследователей творчества немецкого писателя, образ Олдшэттерхенда содержит очевидные автобиографические черты: известно, что в период учебы в школе Л. Франк был невысокого роста и подвергался неоднократным садистским наказаниям со стороны авторитарного учителя Георга Дюрпа [Steidle 2011: 3]. Своего героя Леонгард Франк характеризует следующим образом: «Ол-

дшэттерхенду в жизни не повезло. Отец его был бедный человек. А от школьного тирана Магера Олдшэттерхенд переключал к тирану Тритту» (с. 30) (*“Oldshatterhand hatte es schlecht getroffen in Leben. Sein Vater war ein armer Mann. Und von Schultyrannen Mager war Oldshatterhand zum Tyrannen Tritt geraten”* [Frank 1971: 17]). Небольшой рост и заикание формируют у Олдшэттерхенда комплекс неполноценности, который он остро ощущает, хотя и пытается перебороть его. Михаэль, страдающий от насилия и неоправданной жестокости взрослых, ищет утешения в фантазиях о Диком Западе, призывах к бунту, протесту – именно поэтому шайка становится для него «вторым домом», «началом, дарующим свободу». Болезненное восприятие мальчиком окружающего мира послужило, с одной стороны, благодатной почвой для развития творческих наклонностей, творческого осмысления окружающей действительности («Взгляни-ка на облако, мам, вон там, над крепостью. Похоже на Рим, верно?» (с. 31)), с другой – началом душевного кризиса и симптомом психического расстройства: вспомнить хотя бы, что «любимым местом прогулок Олдшэттерхенда была городская свалка» (с. 54). Со временем Олдшэттерхенд начинает чувствовать отчуждение от некогда близких друзей, и с его образом автор связывает тему одиночества и мотив боли (последнее роднит Михаэля с образом Виннету, остро переживающим смерть матери): «Личностное становление [героя] связано непосредственно с противостоянием и погружением в себя» [Столбова 2011: 27]. Еще одна важная черта, которую в Михаэле подмечает Леонгард Франк, – «поиск смертельной опасности» (с. 68), именно она позволит Олдшэттерхенду вырваться из бюргерского замкнутого круга к высотам истинного художника, но и она же станет причиной его трагического финала.

Автор романа не дает подробных портретных и поведенческих описаний ребят, а делает это штрихами, подмечая одну-две колоритные детали: «толстые негритянские губы» Бледного Капитана, привычка краснеть не к месту у Писаря, «жутковатый» искусственный глаз у Соколиного Глаза, заикание у Олдшэттерхенда [Стеженский 1983: 26]. Несмотря на различие в характерах, социальных статусах и взглядах на житейские вещи, члены шайки всегда действовали в ее интересах, ради их общего блага и против общего врага – ненавистного социума города Вюрцбурга (эпизод с вынесением судебного приговора; сцена массовой драки в кегельбане; эпизоды, изображающие экзекуции над учениками школьного учителя Магера и т.д.). Последний из приведенных примеров получает дополнительное толкование

в контексте феномена, названного О.Б. Фоменко одной из «констант немецкой литературы», базирующейся на связке «авторитарный педагог» и «чувствительный ученик», испытывающий ощущение страха [Фоменко 2004: 105].

Леонгард Франк описывает участников тайного разбойничьего сообщества в динамике, что закономерно с учетом момента развития, подросткового «взросления» детских персонажей. Постепенно меняется мировоззрение, отношение к жизни как таковой, жизненные условия и обстоятельства. Так происходит и с ребятами, что приводит к началу распада не только шайки, но и детской дружбы: «У каждого члена шайки постепенно сформировался свой характер, свои интересы, и шайка распалась» (с. 106) (*“Durch die allmählich schärfer hervorgetretenen Charakterzüge und Interessen der einzelnen Mitglieder hatte die Räuberbande sich aufgelöst”* [Frank 1971: 165]). Соколиный Глаз покидает шайку из-за разгрома, который у него дома учинили Бледный Капитан и Писарь, и «с головой уходит» в рыбалку. Красное Облако не находит больше времени на шайку ввиду постоянных репетиций в театре. Виннету впадает в набожность и уходит в монахи, а Олдшэттерхенд разочаровывается в друзьях, отказавшихся от идеи побега на Дикий Запад, от бунта и протеста, от их общей детской мечты. Символично, что именно Олдшэттерхенд «ликвидирует» «залу» – пристанище некогда авторитетной шайки, после чего покидает Вюрцбург в поисках собственного предназначения.

Несомненно, что детские образы в совокупности и многообразии, их содержательное единство и композиционная значимость конструируют жанровое ядро первой части романа «Шайка разбойников», что позволяет трактовать ее в жанровом отношении как роман детства [Знаменская 1970: 8; Стеженский 1983: 22], для которого, наряду с обращением к анализу детской психологии и поведенческих стереотипов, изображением окружающего мира глазами ребенка, присущ принцип художественной типизации, обобщающей авторский жизненный опыт и характерные черты многих детских судеб [Иванова 2010: 478]. Таким образом, повествование в романе детства базируется на конфликте ребенка и взрослого, поданном в синтезе чувственно-образного и обостренного предметно-реального начал. Обращение Л. Франка к школьной тематике является дополнительным указателем, свидетельствующим о внедрении автором жанровых черт романа детства, так как «школа [в романе] описана как микромоделль социума» [Воронин 2012: 43].

Вторая часть романа ознаменована рядом но-

ваций, введенных Леонгардом Франком в художественную систему произведения. Во-первых, автор отказывается от множественности героев и выдвигает на передний план одного из них – Олдшэттерхенда, бросающего вызов бюргерской среде в поисках нравственного и личностного идеала. Во-вторых, существенно модифицирует жанровую структуру романа, характеризующуюся склонностью к эклектике и фрагментарности: социальный (нравоописательный) роман отходит на художественную периферию и выполняет скорее функцию фона, вступая в отношения контраста с романом становления и романом о художнике, которые, в силу большей художественной условности и рефлексивности, адекватно показывают суть авторских интенций – трагедию художника из народа. Обращение автора к роману становления продиктовано, во-первых, проблемой формирования личности, актуализированной в «Шайке разбойников», во-вторых, «экзистенциальной возможностью становления героя [Олдшэттерхенда] в качестве субъекта» [Esselborn-Krumbiegel 1983: 119]: обращаясь к творчеству, Олдшэттерхенд пытается обрести себя, гармонизировать свое существование, открыть в себе сакральное. Жанровая спецификация романа о художнике избирает в качестве основополагающей установку на доминантное выражение творческой личности героя-художника на всех уровнях художественной системы [Бочкарева 2008: 4]. Так в романе «Шайка разбойников» конструируется пространственная, временная и смысловая целостность образа Олдшэттерхенда, обозначается конфликт искусства и жизни, приращивается культурологическое содержание. В-третьих, теряет статус доминанты топонимический образ Вюрцбурга, что фиксируется сменой хронотопа провинциального городка на хронотоп большой дороги (и далее – хронотоп большого города).

Образ покидающего родной Вюрцбург Олдшэттерхенда связывается автором романа с мотивом боли, душевной пустоты: герой разочаровывается в дружбе, но остается непоколебим и до конца верит в детские мечты и идеалы, в то, что другие мальчишки из шайки уже давно списали на инфантильные фантазии. Важную роль играет при этом тема поиска собственной идентичности (предназначения), герой хочет найти свое место в мире, «стать кем-то»: «Снова и снова возвращался он мыслью к страстной мечте <...> – стать кем-то. Он хотел кем-то стать» (с. 116) (“Er umkreiste wieder seine Sehnsucht <...> die Sehnsucht – etwas zu werden” [Frank 1971: 185–186]). Только посредством обретения себя самого Олдшэттерхенд надеется упразднить социальную несправедливость и жестокость, от

которых он пострадал в детстве и которые нанесли ему глубокую душевную травму: «Он должен стать кем-то, чтобы исключить из своей жизни унижительное, подчиненное положение» (с. 116). Наблюдая за дисгармонично устроенным миром, герой приходит к осознанию, что, только став артистом (шире – художником), он сможет достигнуть своей мечты, пройти путь духовного очищения: «... и с тех пор его не оставляла мысль стать артистом. Не обязательно актером или певцом. Вообще артистом. На этом поприще, думал он, он сможет кем-то стать» (с. 117). Однако путь, которым Олдшэттерхенд идет к своей цели, оказывается тернистым: прежде чем открыть в себе творческий импульс и стать художником, молодой человек вынужден работать лифтером в отеле на Фаргассе во Франкфурте-на-Майне, на велосипедной фабрике в Дрездене, где он существует под лозунгом «смелее в бой», санитаром в больнице имени Юлиуса Эхтера в Вюрцбурге. Обладая гибкой фантазией и впечатлительностью, Олдшэттерхенд не может работать в ненавистных ему местах и чувствует свою неприкаянность. На велосипедной фабрике он постоянно видит болезненных и нищих рабочих в отвратительных лохмотьях: «У него защемило сердце, он отбежал в сторону и с ужасом уставился на жуткие фигуры; безучастно, тупо глядя перед собой, пробирались они вдоль забора – дети, старухи и девушки, пришибленные, восковые, бескровные, в отрепьях...» (с. 117). Во время работы санитаром, при получении образцов крови, он становится свидетелем жуткой сцены забоя быков на скотном дворе: «В зал <...> загнали еще партию быков. <...> Их загоняли в козлы, вязали – и через три минуты они уже висели в ряд, один подле другого, выпотрошенные, ободранные, раскорячив обрубки ног, высунув языки. Словно продравшись сквозь кровавый туман, выскочил Олдшэттерхенд на улицу...» (с. 143).

Леонгард Франк сознательно использует натуралистические приемы при описании этих сцен и отображает их рефлексивно, преломленно через обостренное сознание героя. Постепенно Михаэль увлекается искусством и всячески пытается приобщиться к нему: «...с тех пор он что ни день спешил после работы в музей, чтобы двадцать минут насладиться картинами» (с. 121) и далее: «За пятьдесят пфеннигов Олдшэттерхенд купил себе ящик с красками, кисточку и из своего чердачного окна снова и снова рисовал вид Дрездена» (с. 122). Творчество, поначалу воспринимаемое Олдшэттерхендом лишь как увлечение, со временем начинает постигаться им как призвание. Именно с этого момента жанровая структура второй части романа «Шайка разбой-

ников» постепенно приобретает очевидные черты романа о художнике, оставаясь в русле романа воспитания. Обращение Леонгарда Франка к этой жанровой разновидности обусловлено несколькими творческими установками. Во-первых, авторским замыслом, направленным на изображение героя-художника. Во-вторых, мощной национальной литературной традицией: «В немецком романе 20-х годов XX века образ дисгармоничного состояния мира приобретает стилеобразующее значение... <...> Для этого романа существенна антитеза "живое – мертвое", часто акцентируемая в немецкой литературе. В нем есть тема "художник и общество", традиционная для литературы Германии...» [Лейтес 1992: 16–17]. В-третьих, автобиографической составляющей: из личных архивов писателя известно, что в возрасте 24 лет он покидает родной Вюрцбург, чтобы стать живописцем². Вот почему в образе молодого Олдшэттерхенда легко усматриваются автобиографические черты.

Как истинный художник, Олдшэттерхенд живет в постоянной нужде, пытаясь скопить деньги на учебу художественному ремеслу; герой снимает для жилья тесные и затхлые каморки: «Олдшэттерхенд поднялся в свою каморку, узкую, точно коридор. В ней, кроме четырех кроватей, одна за другой, больше ничего не было» (с. 118); «Счастливый, поспешил он [Олдшэттерхенд] домой, толкнул дверь своей каморки и отлетел... <...> Дверь, заставленная мебелью, открывалась лишь чуть-чуть. Он осторожно повторил маневр и, протиснувшись в щель, взобрался на кровать, а затем, уцепившись за край двери, спустился на пол. Только после этого он закрыл дверь и уселся на кровать, тем самым одновременно садясь и за стол» (с. 170).

Маскируя недостатки в живописной технике несомненным талантом, Михаэль Фиркант часто прибегает к помощи импровизации: так было с пейзажной картиной, изображающей ивовый куст и маленькое озеро, подаренной им своей первой любви – Елене Лейзеганг; с пейзажной зарисовкой солнечного Вюрцбурга, купленной пожилым господином за 60 марок. Герой постоянно стремится к саморазвитию, пытается «обуздать» талант, совершенствовать свою технику: Олдшэттерхенд становится завсегдатаем музеев, картинных галерей; в Мюнхене герой регулярно посещает картинную галерею имени А.Ф.Шака, Старую Пинакотеку. Автор часто изображает героя созерцающим произведения живописного искусства и инсталляции, размышляющим об их смысле и содержании. Особый интерес питает герой к мюнхенским арт-кафе, где собираются представители городской богемы: «Заглядывая в

окна, Олдшэттерхенд стоял перед маленьким артистическим кафе. Все внутри казалось ему восхитительным. Мягкие скамьи, обтянутые красным бархатом, бронзовые люстры... <...> Олдшэттерхенд восхищался молодыми художниками, смело входившими в кафе, но, на секунду вообразив, что тоже входит в кафе, где сидят столь прославленные личности, чуть не оцепенел от страха» (с. 175). Страх героя понятен: во-первых, он ощущает свою «провинциальность», «инаковость», во-вторых – в среде богемы как нигде приобретает актуальность оппозиция «свой – чужой», маркирующая принадлежность субъекта к художественному «мейнстриму» или, наоборот, его творческую несостоятельность.

Постепенное вхождение героя в мир подобных заведений открывает перед ним специфику современного искусства, не только нивелирующего предыдущие художественные системы, но и внедряющего элементы эпатажа: например, использование человеческого тела в качестве художественного материала и его эксплуатация – как зарождение элементов боди-арта и стриптиза (образы белокурой девушки и долговязого художника в мюнхенском арт-кафе). «Свое тело я вправе отдать кому хочу» (с.188), – декларативно заявляет одна из юных художниц в арт-кафе. Леонгард Франк относится к таким «выходкам» с пренебрежением и подает их в сатирическом освещении, так как представители богемы «отбрасывают как буржуазные, так и элементарные моральные нормы» [Стеженский 1983: 29]. Авторское неприятие современных художников легко прослеживается на уровне портретных описаний: у одного из них «маленькое, точно жеваное лицо и неожиданно торчащий нос-картошка» (с. 176), у другого «лицо дряблое, испещренное бесчисленными фиолетовыми сосудиками» (с. 177). Олдшэттерхенд, по мнению писателя, представитель искусства настоящего, подлинного, идущего от глубины. Собственное усердие и тяга к новым знаниям вознаграждают художника успехом: «Олдшэттерхенд был принят в Королевскую академию изобразительных искусств» (с. 170).

В письме, которое мать отправляет Михаэлю в Мюнхен, неслучайно появляется фигура Франца Ленбаха (Franz Lenbach, 1836–1904) – художника, виднейшего представителя мюнхенской школы живописи: Олдшэттерхенд словно идет по его стопам и, начиная с самых провинциальных низов, пробивается к вершинам художественного искусства, обретая признание и славу (мотив славы получает в образе Олдшэттерхенда гипертрофированную степень развития: герой становится одержим идеей собственного признания,

что в итоге послужит дополнительным усилителем трагического разрешения конфликта художника и общества в финале романа). Свое главное творение – полотно «Сказка» на конкурс Академии – Олдшэттерхенд создает в состоянии агонии: одинокий, душевнобольной и преследуемый судебным процессом. Картина отражает смятение художника, отягощенное безумием и расстройством на сексуальной почве, является своеобразной сублимацией страхов и тайных желаний Олдшэттерхенда: «На третий день картина была готова: сырая, темная улочка, на ступеньках домов, словно сказочные приведения, охватив руками колени, сидят девушки в свободных розовых, голубых, фиолетовых платьях, кое-кто даже в кроваво-красных, – печальные создания, ждущие освободителя. Улица публичных домов во Франкфурте-на-Майне. На углу улицы Олдшэттерхенд написал самого себя. На цыпочках, в экстазе протянув руки с растопыренными длинными пальцами, он то ли защищается, то ли пытается что-то жадно схватить. Жутью и сладостью веяло от этой картины» (с. 207). Картина художника выигрывает в конкурсе, но первую премию Академии и всеобщее признание Олдшэттерхенд получает уже посмертно. Автор романа проводит параллели и соотносит картину героя с одной из работ Оноре Домье (Honoré Daumier, 1808–1879) – французского художника-реалиста: «Олдшэттерхенд никогда не видел картин Домье. В газетах, позже, его картину сравнивали с одной из работ этого художника» (с. 207) (“Oldshatterhand hatte nie ein Bild von Daumier gesehen. In den Zeitungen wurde das Bild später mit einem Werk von Daumier verglichen” [Frank 1971: 362]).

Колоссальную смысловую нагрузку в контексте второй части романа получает мотив сумасшествия (безумия) и образ душевнобольного, реализующиеся как художественные составляющие образа Олдшэттерхенда. Герой-художник склонен к проявлениям гениальности, что выступает в качестве одной из предпосылок формирования психической патологии, так как «у гениальности имеются физиологические признаки, а исключительная творческая одаренность является продолжением болезни, помешательства, аномальной активности головного мозга» [Толмачев 2003: 40]. Комплексы и психологические травмы, полученные героем в детстве, прогрессируют и в юношеские годы, накладывая отпечаток на болезненное и обостренное восприятие действительности. Михаэлю регулярно снятся кошмарные сны: «На рассвете ему приснилось, что по нему и вокруг него шмыгает стая мышей» (с. 119), он часто обращается к уродливым и гро-

тесным образам, копирует полученные рисунки и развешивает их по всей комнате: например, череп, который герой «изъял» из «залы» как некий трофей, «многократно повторенный [на рисунках], хохотал со всех стен, когда Олдшэттерхенд, разбуженный холодным сиянием луны, просыпался среди ночи» (с. 174). На своем жизненном пути Олдшэттерхенд постоянно сталкивается с душевнобольными людьми, а в тексте романа регулярно фигурирует отсылка к сумасшедшему дому или психиатрической лечебнице. Таков, например, полоумный сын хозяйки комнаты в Дрездене, который «лопотал, как дитя, а порой впадал в бешенство... <...> тогда он раздевался догола и накидывался с кухонным ножом на мать» (с. 118).

«Американец» из семейства Беномен – старший брат Бледного Капитана, уехавший на заработки в Америку, становится для мальчишек из Шайки своеобразным идиолом. Вернувшись из Нового Света нищим, без гроша за душой, «Американец» бросает тень на безупречную репутацию семейства Беномен, да еще и пытается реализовать в Вюрцбурге сумасшедшие архитектурные проекты, граничащие с фантастикой: «Напротив дома вдовы Беномен стоял ветхий одноэтажный домишко жестяника Иеронимуса Грибе. Однажды американец глядел на него не отрываясь с утра до обеда, а когда мать поставила суповую миску на стол, сказал, что хочет снести старый домишко и вместо него построить небоскреб в шестьдесят этажей» (с. 149); «Американец схватил Олдшэттерхенда за руку, подтащил его к фонарю и развернул рулон. На листе был вычерчен гигантский мост из стальных конструкций; под ним, опрокинувшись навзничь, лежала обнаженная женщина исполинских размеров, ее согнутые в коленях мощные ноги образовали устои моста. Вниз с моста прыгали обнаженные жирные бабищи в отвратительно-бесстыдных позах, других перемалывал мчащийся по мосту поезд» (с. 150). После нескольких подобных припадков семья решает поместить Американца в элитную палату психиатрической лечебницы, в которой спустя месяц он и умирает.

Вереницу душевнобольных персонажей продолжает молодая художница в сандалиях, пытавшаяся совратить Олдшэттерхенда в своем ателье. Потерпевшая неудачу девушка словно впадает в горячку: «Шагнув к стене, она повесила на шею каштановую гирлянду и стала медленно выкрикивать: Я!.. Христос!.. Гёльдерлин!.. Ницше!.. Издревле обрушивается на нас... невидимая десница вселенной» (с. 173). Чувствуя свою вину и переживая за судьбу девушки, Олдшэттерхенд навещает ее на следующий же день,

но узнает, что ее забрали в сумасшедший дом. И, наконец, находясь под следствием по делу о подстрекательстве к самоубийству, сам Олдшэттерхенд проходит психиатрическую экспертизу, которая окончательно подрывает душевное равновесие героя. Ему постоянно кажется, что судебный психиатр Карл Роберт издевается над ним, что он «играет складной линейкой, складывая то треугольник, то квадрат, то букву "Г" наподобие виселицы» (с. 205). Во время припадков Михаэль полностью утрачивает способность адекватного восприятия мира, ему повсюду чудятся опасность, смерть; финальные реплики героя все больше напоминают бред душевнобольного: они лишены всякой логической связи и последовательности и представляют собой нагромождение воспоминаний вперемешку с фактами настоящего. Яркий пример речевого расстройства героя – фраза из разговора между Олдшэттерхендом и Виннету в конце второй части романа: «А я... негр глядит в сторону Африки... хочешь сигарету?... Ах, нет... эдакую прямоугольную трубку. Слушай, убери ты эту статую... и складную линейку... <...> Об одном тебя прошу... люби меня... <...> Нет! Нет! Я хотел сказать, что взамен статуи напишу маслом божью мать... Помоги мне! О, боже!» (с. 213). Максимального пика и обострения безумия художника, выраженное раздвоением личности, достигает в его предсмертном диалоге со своим «вторым я», сублимированным и материализованным извне.

Любовная тематика, связанная с сюжетной линией Олдшэттерхенда, во второй части романа выполняет вспомогательную функцию: она «вторична» по отношению к тематике дружбы и теме «художник и общество» и подвергается искажению вследствие сумасшествия героя. Впервые трепетное чувство Михаэль испытывает к Елене (Ленхен) Лейзеганг – подруге своей сестры. Со стороны Олдшэттерхенда эти чувства выглядят, скорее, как основанная на крепкой дружбе влюбленность, чем любовь. Однако он все же меняет подпись на собственной картине, подаренной девушке, отказываясь от слов «с уважением» в пользу фразы «с вечной любовью» (с. 134). Чувства героев трудно назвать полноценными: влюбленные встречаются редко, разговоров о планах на будущее Олдшэттерхенд сознательно избегает, хотя Ленхен пытается «привязать к себе» любимого человека, устроив его работать санитаром в больницу к своему отцу. Встав перед выбором: чувства или призвание (творчество), Михаэль безоговорочно выбирает последнее и отправляется в Мюнхен. О силе настоящих чувств, точнее об их отсутствии, говорит тот факт, что Олдшэттерхенд достаточно равнодуш-

но относится к известию о новом ухажере Ленхен, о чем он узнает из письма матери.

Об отношениях Михаэля и его подруги «с японскими раскосыми глазами» Зофи Мейнхольт и упоминать не стоит: имя девушки встречается на страницах романа всего несколько раз. Однако Олдшэттерхенду, как и любому художнику, присуща внутренняя пылкость и страстная мечтательность. Сексуальные инстинкты и желания заставляют молодого художника искать утех в публичных домах: во Франкфурте-на-Майне это улица публичных домов, изображенная им позднее на полотне «Сказка», в Вюрцбурге – корпуса № 7, 11 и 13 публичного дома в Рыбачьем переулке. Одна из таких встреч в Вюрцбурге с рыжеватой блондинкой оставляет в памяти героя глубокий след: «В крошечной комнатухе, кроме раскрытой белой кровати и оттоманки, застеленной турецким ковром, ничего не было. Розовый фонарик слабо освещал комнату. Девушка сбросила платье прямо на пол и предстала обнаженная перед Олдшэттерхендом. Равнодушно поправила она обеими руками прическу. Олдшэттерхенд поглядел на завитки у нее под мышками. От слабости и страха его била мелкая дрожь» (с. 146–147). Душевный кризис, поразивший Олдшэттерхенда, подталкивает к чрезмерному увлечению эротизмом, причем в аспекте не только творчества (художник выполняет целую серию портретов и рисунков обнаженных женщин), но и жизненных установок. Сексуальные фантазии, часто представленные в извращенной форме и навеянные воспоминаниями, становятся для Олдшэттерхенда предметом постоянной рефлексии: таковы размышления Михаэля о девушке из Шпессарта, ассоциации и размышления героя над копией картины «Венера» Джорджоне, выполненной Францем Ленбахом: «...он видел только прекрасную обнаженную женщину, ее грудь, округлый живот и невольно опустил глаза – вместо Венеры он неожиданно увидел ту рыжеватую блондинку, которая в Рыбачьем переулке лежала перед ним на оттоманке. Это видение, точно во сне, смешивалось с образом девушки из Шпессарта. Блаженство волной затопило ему грудь, слив воедино все эти женские тела» (с. 171). В условиях отсутствия любых перспектив, связанных с проявлением любви, Олдшэттерхенду остается только одно: провоцировать их в своем сознании и погружаться в них в одиночку.

Безоговорочный провал терпит герой и на поприще дружбы. Олдшэттерхенд становится жертвой своего происхождения, «происхождения из народа». Мюнхенская богема усматривает в нем самоучку, дерзкого выскочку, бездарного подражателя и не готова принять его в свои ряды,

опасаясь, что своим талантом художник сможет доказать им обратное. Дружба Олдшэттерхенда с Францискусом Грюнвизлером сначала показана автором как искренняя и трепетная, базирующаяся на творческом тандеме: «Грюнвизлер делился с Олдшэттерхендом деньгами, показал ему, что из синей и желтой краски получается зеленая, с бесконечным терпением помогал ему преодолевать технические трудности и дал возможность вырваться из прежней его жизни» (с. 183). Пораженный хандрой, Михаэль находит убежище у Грюнвизлера, и вместе они отправляются в лесной домик близ Шпессарта, где целыми днями напролет занимаются постижением искусства и созерцанием лесных пейзажей, где «минуты бурного энтузиазма сменялись днями полного отчаяния» (с. 158). Францискус обучает Олдшэттерхенда основам живописной техники, поддерживает друга в минуты творческого застоя, дискутирует с ним об искусстве, верит в его талант. Для Олдшэттерхенда Грюнвизлер – своеобразный наставник, старший коллега «по цеху», проводник в «мир живописного искусства». Разлад в дружбе между художниками происходит из-за ревностного вмешательства в их отношения друга Грюнвизлера – Христинуса Иммермана – корифея местной богемы. Имея несомненное влияние на Грюнвизлера, Иммерман фактически склоняет друга к предательству по отношению к Олдшэттерхенду, в котором видит опасного соперника в дружбе и творчестве. При этом Иммерман признает несомненный талант Михаэля, но не видит возможностей для его дальнейшего творческого развития: «Талант у него есть... но, боже мой, талант есть у многих... <...> но субъект с подобным образом мыслей не принадлежит нашему кругу» (с. 167). Фактически отказывая Олдшэттерхенду в его притязаниях на творческое признание, Иммерман акцентирует оппозицию «свой – чужой» и ее значимость для современного искусства, отвергающего любые контакты с провинциальностью, народностью.

Грюнвизлер принимает опасения Иммермана насчет Олдшэттерхенда за чистую монету и видит, как ему кажется, истинную суть их с Михаэлем отношений, в которых нет места дружбе, а есть только одностороннее использование со стороны последнего. Автор вводит в текст повествования факт, который может косвенно являться свидетельством гомосексуальности Грюнвизлера, одолеваемого идеей написать портрет обнаженного Олдшэттерхенда (с. 167), но дальнейшего развития в романе эта идея не получает. В личном разговоре Францискус разрывает с Михаэлем всякие контакты, некогда связывающие их: «...мне пришлось содержать тебя. Ты

просто гнусный негодяй! А я, болван, верил, что ты мне друг... <...> Иммерман — мой лучший друг. Мой единственный друг. А ты думал, я дурак?» (с. 201). Поддавшись чувству мести, Грюнвизлер с подачи Иммермана придумывает коварный план – трюк с письмами и имитирует преступление, якобы совершенное Олдшэттерхендом: «По иску Францискуса Грюнвизлера: прокурор Мюнхена возбуждает дело против художника Михаэля Фирканта по обвинению в попытке принудить к шантажу и ограблению» (с. 202). Герой чувствует себя опустошенным: незыблемая дружба рушится как картонный домик. Олдшэттерхенд все более склоняется к мести: в этом он видит единственное спасение в ситуации «идеально спланированного» предательства и уголовного дела, сфабрикованного против него. Сумасшествие героя играет лишь на руку такому положению вещей.

Пребывая в творческой изоляции, Олдшэттерхенд пытается найти поддержку и опору в друзьях детства и возвращается в Вюрцбург. Но и здесь ждет героя разочарование: он чувствует между собой и бывшими товарищами по разбойничьей шайке непреодолимую пропасть: «Ни с кем из них не могу я об этом поговорить» (с. 211) (“Ich kann mit keinem von ihnen darüber reden” [Frank 1971: 370]), – констатирует Олдшэттерхенд. Герой не осознает за собой морального права посвящать некогда близких друзей, принявших путь конформизма, в личные проблемы, да и просто боится быть непонятым, не услышанным. Повидавшая взлеты и падения судьба несоизмерима с душой простого обывателя. Точно так же и Михаэль: духовно и нравственно он перерастает бывших друзей, которые, к сожалению, больше ничего не могут дать ему в этой жизни. Эпизод на озере, когда Олдшэттерхенд прячется от Бледного Капитана и компании, так и не решившись к ним подойти, проникнут внутренним драматизмом: «Не спуская боязливое взгляда с мирного кружка разбойников, он [Олдшэттерхенд], пятясь, неслышно, точно индеец, пополз на четвереньках от дерева к дереву» (с. 211). Олдшэттерхенд больше не осознает себя частью шайки разбойников, он исключил себя из этого сообщества своим жизненным выбором, своей личностной позицией. Последнее пристанище Олдшэттерхенд пытается найти у Виннету, но разговор между молодыми людьми не получается. Отчасти из-за припадка сумасшествия у Олдшэттерхенда, отчасти из-за неспособности религии как таковой помочь обезумевшему художнику. Еще одна важная деталь о превратностях судьбы: Михаэль стреляет в себя из того же револьвера, что и когда-то Виннету в «зале»...

Оружие спасает и дарует жизнь Виннету, чтобы тот стал священником в Вюрцбурге, но безжалостно отнимает ее у загубленного художника: «Мрак настоящего вытеснил воспоминания» (с.213) – жизненный и творческий путь художника Михаэля Фирканта, трагически прерываясь, подходит к концу. Н.В.Столбова, анализируя отношения Олдшэттерхенда с другими героями романа, приходит к выводу «о разорванности связки человек – общество» и ее актуальности в аспекте отказа героя «от настоящего при иллюзорности будущего» [Столбова 2011: 26–27].

И все-таки есть в романе человек, к которому Олдшэттерхенд испытывает трогательную привязанность и «глубокое доверие» (с. 114). Образ Незнакомца имеет неоднозначное происхождение и природу: «Незнакомец был в непромокаемом плаще. Большие голубые глаза и суровый тонкогубый рот выделялись на узком лице. Ему было лет тридцать, на висках под каштановыми волосами уже проглянула седина» (с. 113). Большинство исследователей сходится во мнении, что «метафорическая фигура» [Затонский 1962: 189] Незнакомца (имя которого нарочито завуалировано Леонгардом Франком) – это alter ego самого автора³, а если вспомнить, что образ Олдшэттерхенда пропитан автобиографическими сентенциями, то и alter ego самого Михаэля. Незнакомец появляется в ключевые моменты истории об Олдшэттерхенде. Именно со встречи с ним герой начинает самостоятельную жизнь, утвердившись в своих жизненных намерениях. В уста Незнакомца автор романа вкладывает философские размышления, которые Олдшэттерхенду необходимо расшифровать, чтобы постигнуть таинства жизни и искусства, а читателю – чтобы понять истинную суть романа. При первой встрече Незнакомец поведает еще юному, неопытному Михаэлю о «страстном желании, рождающемся в великих муках» (с. 114) (“Ja, Sehnsucht ist, weil Qual ist...” [Frank 1971: 181]) (фраза, ставшая своеобразным эпиграфом к жизни Олдшэттерхенда), поделится своими раздумьями о жизненных парадоксах: «Я?.. Размышляю над тем, почему один цветок опадает с дерева, так и не превратившись в плод, а другой, рядом с ним, созревает без помех... Над этим я размышляю непрестанно... В этом – вся моя работа...» (с.143) (“Ich? ... Ich denke darüber nach, warum eine junge Blüte von Baume fallen muß, bevor sie zur Frucht wird, während neben ihr eine andere ungehindert zur Frucht reifen darf... Darüber denke ich nach, unaufhörlich. Das ist meine Arbeit...” [Frank 1971: 182])). Если приглядеться повнимательнее, можно уловить в последней фразе Незнакомца смысл всего романа: каждый из героев выбирает свой

жизненный путь – путь риска и свободы, чреватый гибелью, или путь безвольного существования. Позднее, через несколько лет, Олдшэттерхенду будет казаться, что тогда, в самом начале, в образе Незнакомца ему явился он сам, умудренный жизнью и опытом...

Следующая встреча Михаэля с Незнакомцем происходит при случайных обстоятельствах: уже став художником, Олдшэттерхенд сталкивается с ним в одном из мюнхенских арт-кафе, где герои размышляют о современном искусстве. Важным событием в жизни Михаэля становится поездка (совместно с Незнакомцем) в Геную, явившаяся своеобразным «глотком свежего воздуха» для художника: Олдшэттерхенд не только живет в роскошных апартаментах, но и впервые воочию видит море. Последний раз при жизни Олдшэттерхенда Незнакомец появляется в эпизоде, предшествующем самоубийству молодого художника. Автор философски обыгрывает раздвоение личности Олдшэттерхенда вследствие умпомешательства и вносит элемент иррациональности: часть Михаэля «трансформируется» в образ Незнакомца и начинает вести с ним диалог. Незнакомец призывает Михаэля не падать духом, говорит о правде и справедливости (художественно эти мотивы сопутствуют образу Олдшэттерхенда). В диалоге обнажаются истинные ценности: всю свою сознательную жизнь Олдшэттерхенд жаждал уважения, признания: «Да, без уважения людей я жить не могу. Переулки, в которых я вырос, и окна домов стыдятся меня, шепчут мне в след, что презирают меня. Лица в этих окнах прячутся от меня в темноту...» (с. 215). Незнакомец говорит о губительном влиянии среды, о ее лживости, о том, что правда на стороне молодого художника, но Михаэль не слышит этого или не хочет слышать.

Возникающая тема одиночества, ставшая постоянным спутником Олдшэттерхенда, подается Незнакомцем как альтернатива приспособленчеству и лжи, как естественное состояние художника: «Но есть только два пути: либо лгать, как все, быть как все, либо презирать их презрение и быть одиноким. Взгляни на мою утешительную улыбку и убей в себе слабость и трусость» (с. 216). Олдшэттерхенд, пытающийся смыть с себя «налет» лжи, воспринимает слова Незнакомца буквально и стреляет в себя из револьвера. Автор романа психологически тонко изображает смятение героя в наивысший момент трагической коллизии, его робкую надежду, что оружие откажет, но «...на этот раз револьвер не отказал. Голова упала на плечо, рука, сжимавшая оконный крючок, судорожно дернулась; падая, Олдшэттерхенд рванул раму и уже мертвый открыл ок-

но» (с. 216). И только хозяйка каморки, прибежавшая на звук выстрела, «увидела, что по лестнице спокойно, с ясным лицом спускается какой-то незнакомец...» (с. 216). Незнакомец заботится об Олдшэттерхенде и после его гибели, словно пытаясь по крупицам восстановить его образ, собрать его «лики»: получает вместо Михаэля награду от Академии за победу в конкурсе, забирает тело погибшего с публичной лекции по анатомическому видению для художников, где оно должно было стать расходным материалом. В данном контексте автор касается темы жестокости современного искусства, его неразборчивости и безнравственности, свободы, граничащей с анархией и произволом. Образ Незнакомца выполняет в романе кольцевую функцию: во-первых, с его образом связываются начало и конец истории о художнике Олдшэттерхенде; во-вторых, возникая в конце романа в Вюрцбурге, образ Незнакомца закольцовывает повествование в аспекте хронотопа.

Рассказ об истории Олдшэттерхенда во второй части романа автор «разбавляет» эпизодическими вставками о жизни остальных разбойников в Вюрцбурге. Две сюжетные линии (с одной стороны – Олдшэттерхенда, с другой – разбойников), развивающиеся параллельно, художественно разработаны автором по принципу контраста, при этом повествование о разбойниках, часто приобретающее иронический оттенок, будто оттеняет драматизм событий, связанных с «зигзагами судьбы» художника Олдшэттерхенда. Унылая бюргерская атмосфера заставляет героев участвовать в разнообразных «кружках по интересам»: атлетическое сообщество «Мускул» (Бледный Капитан), молодежный клуб «Бодрые ребята» (Красное Облако), клуб рыболовов «Кит» (Соколиный Глаз) и др. Молодые люди пытаются возобновить совместное времяпрепровождение и создают под активным началом Бледного Капитана «Клуб гармонично тренированного тела». Из остальных событий заслуживают внимания лишь бесславное возвращение в Вюрцбург Американца – старшего брата Бледного Капитана, безуспешные попытки Красного Облака записаться в актеры мюнхенского театра да упоминание о военной службе Короля Воздуха. Обывательская среда постепенно поглощает некогда грозных разбойников, «превращает их в ничем не примечательных бюргеров» [Знаменская 1970: 11].

Намеченная повествовательная тональность и содержательные регистры плавно перетекают в третью, небольшую по объему, часть романа, полностью сосредоточенную на превращении разбойников в статусных представителей вюрц-

бургского социума: герои становятся теми, кого всячески презирали и ненавидели в детстве. С динамикой образов в романе напрямую соотносится образ времени, который «просвечивает у Франка сквозь первый план романа – план судьбы его героев» [Лейтес 1975: 98].

Бледный Капитан теперь женился на дочери господина Шлауха, приумножив денежное состояние семьи Беномен: работу в собственном трактире Оскар успешно сочетает с выполнением отцовской функции. Писарь стал правой рукой адвоката Карфункельштейна, помогает родителям и обручился со своей возлюбленной, несмотря на тяжелые проблемы со здоровьем. Соколиный Глаз разнообразил свою жизнь членством в различных клубах и сообществах. Король Воздуха, вернувшийся со службы, открыл при местном цирке отделение акробатики, а Красное Облако ушел с головой в садоводство и «состоял во всех клубах и союзах...» (с. 220) Вюрцбурга. Виннету продолжает вести аскетичный образ жизни при местной церквушке, размышляет о сакральном и пользуется любовью прихожан, что также является проявлением обывательского конформизма, «соблазнившего» его бывших товарищей по шайке. Разбойники продолжают держаться со-обща, встречаются один раз в неделю и создают клуб любителей карточных игр «Деньги на бочку». Каждый из героев устроился в жизни и не готов променять сложившийся бюргерский уклад на «шило в мешке»: «В "Шайке разбойников" писатель приходит к выводу, что характеры людей формируются внешними условиями» [Затонский 1962: 189]. События в конце романа связаны с возвращением в Вюрцбург Тихони – ровесника разбойников, ставшего моряком, и его рассказами о путешествии в Китай. Интересно заметить, что изрядно выпивший в трактире Бледного Капитана Тихоня ошибочно принимает сидевшего незамеченным Незнакомца за Олдшэттерхенда и пьет «за его здоровье». К слову, разбойники, видевшие Незнакомца ранее, во время их приезда в Мюнхен к Олдшэттерхенду, не признали в нем знакомого человека и отнеслись к его персоне безучастно. Концовка романа пронизана ностальгией: уже взрослые разбойники видят Королевский виноградник и с трепетом вспоминают былые времена – наивные детские годы...

Подводя итог, можно заключить, что жанровое своеобразие романа Леонгарда Франка «Шайка разбойников» формируется в аспекте взаимодействия разных жанровых структур.

Роман становления (Entwicklungsroman) определяет художественное развертывание проблемы формирования личности героя (Олдшэттерхенда) и придает ей онтологический статус.

Роман о художнике (Künstlerroman) – как спецификация романа становления – составляет целостное смысловое ядро истории о художнике Олдшэттерхенде и обогащает роман культурологическим содержанием.

Социальный (нравоописательный) роман моделирует социальный контекст романа (изображение социума, местных обывателей), актуализирует значимость топонимических параметров (топос города Вюрцбурга) и выполняет функцию композиционного обрамления романа.

Роман детства фокусирует художественный ракурс на изображении детских образов, их психологических установках и поведенческих стереотипах в контексте конфронтации с социумом.

Элементы приключенческого романа, художественно реализующиеся на фоне романтической традиции, наделяют повествование остросюжетными и динамическими составляющими.

Как видим, жанровая структура романа «Шайка разбойников», подчиняющая себе все прочие уровни художественной системы произведения, представляется неоднородным образованием с гибридной структурой в соответствии с закономерным выделением трех частей произведения. В ходе анализа жанровой схемы романа к магистральной (основной) жанровой линии была добавлена периферийная, выполняющая вспомогательные функции. Магистральная жанровая линия характеризуется трансформацией:

I. Социальный (нравоописательный) роман (I стадия) → II. Роман о художнике в контексте романа становления → III. Социальный (нравоописательный) роман (III стадия)

где позиции I и III являются исходным (изображение социума города Вюрцбурга, топонимический образ города, контрастное включение шайки разбойников в бюргерскую среду) и конечным (изображение разбойников представителями обывательской среды) пунктами повествования о шайке разбойников, в соответствии с выделением трех частей романа. Позиция II не только вытесняет жанровую разновидность социального (нравоописательного) романа (III стадия) в периферийную зону, но и являет собой диалектическое единство романа становления (жизненные перипетии и развитие Олдшэттерхенда) и его

жанровой модификации – романа о художнике (сюжетная линия Олдшэттерхенда – художника). Из сегмента периферийной линии первой части романа следует отметить жанровую спецификацию – роман детства, связанную с художественной репрезентацией детских образов, и жанр приключенческого романа, актуализирующий соответствующую повествовательную тональность и тематическое наполнение. Третья часть романа в периферийной зоне жанровыми образованиями не представлена. Таким образом, периферийную жанровую линию можно обозначить в виде следующей последовательности:

I. Роман детства / приключенческий роман → II. Социальный (нравоописательный) роман (II стадия) → III. ...

Примечания

¹ Здесь и в далее ссылки на текст романа даются по изданию: [Франк 1970] с указанием страницы в круглых скобках.

² При помощи друга, берлинского художника Э.-М. Энгерта, Леонгард Франк выпустил в мюнхенском издательстве «Дельфин» альбом собственных литографий под названием «Незнакомые девушки у моря и Распятие» (первоначально – в формате журнала по подписке, который, однако, не пользовался популярностью): «На шести листах были изображены в серовато-коричневых тонах обнаженные девушки с длинными распущенными волосами, сидевшие, лежащие или разгуливающие по берегу моря. Фигуры нарочито удлиненные, угловатые, позы с оттенком декоративности. Седьмой лист запечатлел распятие Христа. Стоявшие по обе стороны креста скорбные женские фигуры были задрани-

рованы в синие и серо-розовые одеяния. У подножия полулежала обнаженная девушка с широко раскрытыми глазами, в которых таился ужас» [Стеженский 1983: 20]. Позднее в журнале «Die Neue Kunst» и некоторых газетах были опубликованы положительные отзывы на рисунки Л. Франка.

³ Странники этой идеи ссылаются на поразительное сходство описания Незнакомца и очень известной, сохранившейся в архивах писателя, фотографии тридцатилетнего, рано поседевшего Леонгарда Франка периода его работы над романом «Шайка разбойников» [Стеженский 1983: 27].

Список литературы

Бочкарева Н.С. Роман о художнике: проблематика и поэтика / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2008. Ч. 2. 52 с.

Воронин С.С. Тема школы в повести Леонгарда Франка «Причина» (1915) // Уральский филологический вестник. Драфт: молодая наука. 2012. № 4. С. 43–50.

Затонский Д.В. Сила любви и ненависти (заметки о творчестве Леонгарда Франка) // Иностранная литература. 1962. № 10. С. 187–194.

Знаменская Г. Предисловие // Франк Л. Шайка разбойников. Оксенфуртский мужской квартет. Из трех миллионов трое / пер. с нем. М.: Худож. лит., 1970. 496 с.

Иванова Э.Ю. «Школьная» тема в творчестве писателей ГДР (К.Вольф. «История одного детства», Ф.Фюман. «Еврейский автомобиль») // Известия Самар. науч. центра РАН. 2010. Т.12, № 3 (2). С. 478–481.

Лейтес Н.С. Конечное и бесконечное. Размышление о литературе XX века: мировидение и поэтика / Перм. гос. ун-т. Пермь, 1992. 120 с.

Лейтес Н.С. Немецкий роман 1918–1945 / Перм. гос. ун-т. Пермь, 1975. 330 с.

Павлова Н.С. Типология немецкого романа 1900–1945. М.: Наука, 1982. 282 с.

Стеженский В.И. Леонгард Франк: Очерк жизни и творчества. М.: Худож. лит., 1983. 149 с.

Столбова Н.В. Между одиночеством и диалогом (Фридрих Ницше и Леонгард Франк) // Вестник Пермского гос. технич. ун-та. 2011. С. 22–30.

Толмачев В.М. Рубеж веков как историко-литературное и культурологическое понятие // Зарубежная литература конца XIX–начала XX в.: учеб. пособие. М.: Академия, 2003. 458 с.

Фоменко О.Б. Национал-социалистическая школа как культурологическая проблема в немецкой литературе двадцатого века: дисс. канд. культуролог. наук. М., 2004. 183 с.

Франк Л. Шайка разбойников. Оксенфуртский мужской квартет. Из трех миллионов трое. М.: Худож. лит., 1970. 496 с.

Esselborn-Krumbiegel H. Der "Held" im Roman: Formen des dt. Entwicklungsromans im frühen 20. Jh. Darmstadt, 1983. 249 S.

Frank L. Die Räuberbande. Aufbau-Verlag Berlin, Weimar, 1971. 404 S.

Geerdts H. J. Deutsche Literaturgeschichte in einem Band. Berlin, 1996. 780 S.

Habicht W. Der Literatur Brockhaus: grundlegend überarbeitete und erweiterte Taschenbuchausgabe in 8 Bänden, Band 3. Mannheim – Leipzig – Wien – Zürich, 2000. 417 S.

Jarmatz K., Simons E. Deutsche Literaturgeschichte in einem Band. Berlin, 1996. 780 S.

Lehman W. Deutsche Literaturgeschichte in Bildern. Teil II. Leipzig, 1971. 506 S.

Steidle H. Zwischen alle Stühlen. Der Würzburger Romancier Leonhard Frank / Würzburger

Stadtbuch. Würzburg, 2011. 8 S.

Werner H.-G. Deutschsprachige Literatur in Überblick. Leipzig, 1973. 458 S.

References

Bochkareva N.S. Roman o khudozhnike: problematika i poetika [The Novel about the Artist: Problematics and Poetics]. Perm: Perm State Univ. Publ., 2008. P. 2. 52 p.

Esselborn-Krumbiegel H. Der "Held" im Roman: Formen des dt. Entwicklungsromans im frühen 20. Jh. [The "Hero" in the Novel: The Forms of German Entwicklungsroman in the Early 20th Century]. Darmstadt, 1983. 249 p.

Fomenko O.B. Natsional-sotsialisticheskaja shkola kak kul'turologicheskaja problema v nemetskoj literature dvadtsatogo veka. Diss. kand. kul'turolog. nauk. [National-socialist School as a Cultural Problem in German Literature of the 20th Century. Cand. culturolog. sci. diss.]. Moscow, 2004. 183 p.

Frank L. Die Räuberbande. [The Robber band]. Aufbau-Verlag Berlin, Weimar, 1971. 404 p.

Frank L. Shajka razbojnikov. Oksefurtskij muzhskoj kvartet. Iz trjokh millionov troe [The Robber Band. Ochsenfurt Male Quartet. Three of Three Million]. Moscow: "Khudozh. lit." Publ., 1983. 149 p.

Geerdts H. J. Deutsche Literaturgeschichte in einem Band [German History of Literature in One Volume]. Berlin, 1996. 780 p.

Habicht W. Der Literatur Brockhaus: grundlegend überarbeitete und erweiterte Taschenbuchausgabe in 8 Bänden, Band 3. [The Literature Brockhaus: The Fundamentally Revised and Expanded Paperback Edition in 8 Volumes, Vol. 3]. Mannheim – Leipzig – Wien – Zürich, 2000. 417 p.

Ivanova E.Ju. "Shkol'naja" tema v tvorcestve pisatelej GDR (K. Vol'f "Istorija odnogo detstva", F. Fjuman "Evrejskij avtomobil") [The "School" Theme in Works by Writers of the GDR (K. Wolf "Patterns of Childhood", F. Fühmann "The Jewish Car")]. Izvestija Samarskogo nauchnogo tsentra RAN [Journal of the Samara Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences]. 2010. Vol. 12. № 3(2). P. 478-481.

Jarmatz K., Simons E. Deutsche Literaturgeschichte in einem Band [German History of Literature in One Volume]. Berlin, 1996. 780 p.

Lehman W. Deutsche Literaturgeschichte in Bildern. Teil II [German History of Literature in Pictures. Part II]. Leipzig, 1971. 506 p.

Lejtes N.S. Konechnoe i beskonechnoe. Razmyshlenie o literature XX veka: mirovidenie i poetika [The Finite and the Infinite. Thinking about Literature of the XXth Century: the Vision of the World and Poetics]. Perm: Perm State Univ. Publ., 1992. 120 p.

Lejtes N.S. Nemetskij roman 1918-1945 [The German Novel of 1918-1945]. Perm: Perm State Univ. Publ. 1975. 330 p.

Pavlova N.S. Tipologija nemetskogo romana 1900-1945 [The Typology of the German Novel of 1900-1945]. Moscow: "Nauka" Publ., 1982. 282 p.

Steidle H. Zwischen alle Stühlen. Der Würzburger Romancier Leonhard Frank [Between all the Chairs. The Würzburg Novelist Leonhard Frank]. Würzburger Stadtbuch [Würzburg City Book]. Würzburg, 2011. 8 p.

Stezhenskij V.I. Leongard Frank: Oчерk zhizni i tvorcestva [Leonhard Frank: Essay on the Life and Work]. Moscow: "Khudozh. lit." Publ., 1983. 149 p.

Stolbova N.V. Mezhdru odinochestvom i dialogom (Fridrikh Nitsche i Leongard Frank) [Between Loneliness and Dialogue (Friedrich Nietzsche and Leonhard Frank)]. Vestnik Permskogo gosudarstvennogo technicheskogo universiteta [Perm State Polytechnic University Bulletin]. 2011. P. 22-30.

Tolmachjov V.M. Rubezh vekov kak istoriko-literaturnoe i kul'turologicheskoe ponjatие [The Turn of the Century as a Historical and Literary-Cultural Concept]. Zarubezhnaja literatura kontsa XIX-

nachala XX veka: uchebnoe posobie [Foreign Literature of the Late XIX – Early XX Centuries: Textbook]. Moscow: "Akademia" Publ., 2003. 458 p.

Werner H.-G. Deutschsprachige Literatur in Überblick [Literature in German: an Overview]. Leipzig, 1973. 458 p.

Voronin S.S. Tema shkoly v povesti Leongarda Franka "Prichina" (1915) [The Theme of the School in the Story by Leonhard Frank "The Cause" (1915)]. Ural'skij filologicheskij vestnik. Draft: molodaja nauka [Ural Philology Journal. Draft: young science]. 2012. № 4. P. 43-50.

Zatonskij D.V. Sila ljubvi i nenavisti (zametki o tvorcestve Leongarda Franka) [The Power of Love and Hate (Notes on the Works by Leonhard Frank)]. Inostrannaja literatura [Foreign Literature]. 1962. № 10. P. 187-194.

Znamenskaja G. Predislovie / Frank L. Shajka razbojnikov. Oksenfurtskij muzhskoj kvartet. Iz trjokh millionov troe [The Preface / Frank L. The Robber Band. Ochsenfurt Male Quartet. Three of Three Million] / transl. from Germ. M.: "Khudozh. lit." Publ., 1970. 496 p.

THE GENRE ORIGINALITY IN THE NOVEL «DIE RÄUBERBANDE» BY LEONHARD FRANK

Arkady A. Shevchenko

Postgraduate Student in the Modern Languages and Literatures Faculty
Perm State University

Boris M. Proskurnin

Professor, Head of the Department of World Literature and Culture, Dean of the Modern Languages and Literatures Faculty
Perm State University

The article is devoted to Leonhard Frank's experiments with the genre form in the novel «Die Räuberbande» (1914). The structure of the Frank's novel includes elements of the social novel and *Künstlerroman* as a modification of *Entwicklungsroman*. This complex genre form is used by the author to narrate the existential antagonisms of a creative person – an artist. An additional complication of the structure is achieved through the introduction of the elements of the novel of childhood and the adventure novel. It is stressed that despite the synthesis of a number of genre elements, the novel of L. Frank appears to be a perfect artistic unity.

Key words: Leonhard Frank; novel «Die Räuberbande»; genre originality; genre modification; social novel; *Künstlerroman*; *Entwicklungsroman*; novel of childhood.

УДК 821.111-3

ЭКФРАСТИЧЕСКАЯ ЭКСПОЗИЦИЯ РОМАНА А. С. БАЙЕТТ «ДЕВА В САДУ»

Ольга Игоревна Графова

аспирант кафедры мировой литературы и культуры

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Пермь, ул. Букирева, 15. grafova.olly@gmail.com

В статье исследуется экфрастическая экспозиция раннего романа «Дева в саду» (1978) современной английской писательницы А. С. Байетт. Роман открывается прологом, ограниченным рамками Национальной портретной галереи в Лондоне и отсылающим к знаменитым портретам Елизаветы I и к рекламным плакатам второй половины XX столетия. Две контрастирующие эпохи показаны глазами Александра через призму его писательского и жизненного опыта. Образы Елизаветы I связываются с периодом расцвета английской литературы и искусства; картины английской жизни 60-х гг. XX века визуализируют размышления о национальной идентичности и обозначают период заимствования и ностальгической «пародии» в духе постмодернизма.

Ключевые слова: экфрастическая экспозиция; пролог; экфрастический роман; экфрасис; интермедальность; портрет; Елизавета I; А. С. Байетт; Национальная портретная галерея.

Введение

Четыре романа современной английской писательницы Антони Сьюзен Байетт – «Дева в саду» («The Virgin in the Garden», 1978), «Натюрморт» («Still Life», 1986), «Вавилонская башня» («Babel Tower», 1997) и «Свистящая женщина» («A Whistling Woman», 2002) – образуют тетралогии. События в них происходят в Англии с 1940 по 1980 г. Главные герои – сестры Фредерика и Стефани Поттер, а также друзья семьи – Александр и Дэниел. Жизнь героев тесно переплетается с историей и культурой Англии. Критики называют серию романов «впечатляющим достижением» писательницы и утверждают, что это не «выдуманная история», а настоящая «хроника событий («roman-fleuve»)» [Rubin 2001]. Сама Байетт еще в 1996 г., задолго до написания четвертого, завершающего романа тетралогии, говорит о своем замысле: «Я думаю о саморефлексирующем реалистическом романе, повествующем о нашем времени и нашей культуре» [Hulbert 1996].

На сегодняшний день роман «Дева в саду» удостоен большого внимания со стороны критиков. Джейн Кэмбелл пишет о том, что стилистика романа представляет собой «смещение реализма и более экспериментальной метафорической структуры» [Campbell 2002: 63]. В отличие

от использования этой техники в предыдущих работах Байетт, здесь «потребовалось гораздо более сложное узоробразование для реализации амбициозного проекта – истории женщин разворачиваются на фоне культуры, искусства и истории» [там же]. Сью Соренсен полагает, что в первых двух романах тетралогии «ощущается пик визуальности, тогда как в последних двух ее больше волнует язык» [Sorensen 1999: 164]. Элизабет Хикс также отмечает визуальность первых двух романов тетралогии, характеризующуюся длинными и детальными описаниями не только произведений искусства, но и предметов обихода, интерьера, обеденного стола, подробных описаний тканей и текстур [Hicks 2009]. Одни исследователи характеризуют «Деву в саду» как «исторический роман об искусстве и английскости (Englishness)» [Puschmann-Nalenz 2014], другие придерживаются мнения, что «обращение к истории Англии позволяет осмыслить послевоенные годы, установить их значимость и направленность» [Alfer 2001: 50].

Как считают многие исследователи и критики, роман «Дева в саду» («The Virgin in the Garden») напрямую связан с образами английской культуры, что становится понятно уже по названию, а также по нескольким существующим обложкам романа. На двух из них помещен «Портрет Дар-

нли», Елизаветы I, – самый известный из портретов королевы-девушечницы (*virgin*). В романе акцентированы два отрезка времени – эпоха Елизаветы I и послевоенная Англия, в особенности 1953 г., момент восхождения Елизаветы II на английский престол и торжественная коронация. Эти две эпохи объединяются пьесой «Астрея», посвященной Елизавете I и написанной Александром Веддерберном к коронации Елизаветы II. Постановка пьесы занимает большую часть романа и многозначно отражается в экспозиции.

Целью данной статьи является изучение экфрастической экспозиции романа «Дева в саду». Ранее нашим творческим коллективом исследовались экфрастический дискурс, символика цвета и проблемы современного искусства в прозе Байетт (см.: [Дарененкова 2012; Бочкарева 2014, 2015] и др.). Экфрастическая экспозиция как введение картины или нескольких картин, а также других визуальных произведений искусства перед началом действия «с целью подготовки читателя и символического толкования литературного произведения» [Бочкарева 2012: 164] уже изучалась нами на материале тетралогии Байетт [Бочкарева, Графова 2013, 2014]. В данной статье исследуются экфрасис и визуальные образы романа «Дева в саду», выявляется их связь с художественным целым произведения.

1. Англия в 1960-е гг.:

картины английского общества

Роман «Дева в саду» открывается прологом под названием «Национальная портретная галерея: 1968», который хронологически завершает романное действие, образуя круговую композицию. Фредерика пригласила Александра и Дэниела в Национальную портретную галерею на речитал Флоры Робсон в роли Королевы Елизаветы I. Уже в первом параграфе пролога повествователь акцентирует противоречивые отношения Фредерики и Александра: «Она пригласила его, то ли спонтанно, то ли со злым умыслом, – этого он не знал... Он хотел сказать “нет”, но сказал “да”» [Byatt 1994: 7]. Встреча в Национальной портретной галерее напоминала ему о его прошлой писательской и театральной жизни, которая спустя много лет вызывает в нем неоднозначные чувства. Молодой художник, который также получил приглашение от Фредерики, высказал свое негативное отношение к Национальной портретной галерее. Сами слова «национальный» и «портрет» отталкивали его. Он заключил, что это не его «сцена». Фредерика на это решительно ответила, что это была «сцена» Александра. Сам Александр «сомневался в этом», что указывает на его неуверенность в пьесе и проделанной над ней работе. Он тоже не хо-

тел принимать приглашение Фредерики, но все же сказал «да», «глядя на покрытые сажей буквы в названии галереи». В отличие от молодого художника, он «всегда испытывал теплые чувства к этому месту». Противоречие взглядов двух поколений свидетельствует о конфликте старого и нового, ушедшего и пришедшего ему на смену, прошлого и настоящего.

Для Александра как литератора словосочетание «национальный портрет» имело особые смыслы: «он считал эти слова невероятно сильными вместе, хотя сейчас это словосочетание ушло в прошлое». Слово «defunct», которое использует Александр, означает «мертвый», «ушедший», «покинувший мир». Лично для него «оба слова связаны с идентичностью: идентичностью культуры (места, языка и истории) и идентичностью отдельного человека как объекта миметической репрезентации» [Byatt 1994: 7]. Обе эти составляющие «сейчас или когда-то имели значение» для Александра. Однако герой был поражен тем, что его окружало здесь и сейчас: «Черный вращающийся по кругу рэйлинг, к которому было прикреплено множество бледных репродукций “Портрета Дарнли” Елизаветы Тюдор, блеклые коралловый, золотой, белый, гордыня, бдительность, объявляющие – “Люди, Прошлое и Настоящее”» [ibid.]. Александр видит соединение двух разных эпох, отмечая «Портрет Дарнли», который он считает лучшим портретом Елизаветы, и современный «рэйлинг», используемый для презентации выставки. Упоминание металлического вращающегося рэйлинга акцентирует момент «автоматизации» современного мира. Александр также отмечает изменение портрета на плакатах: слова «бледный» («pale»), «блеклый» или «затуманенный» («faded») указывают на выцветание основной палитры картины, на которой основными цветами являются «коралловый», «белый» и «золотой». Такое видение портрета «обесцвечивает» роль прошлого для настоящего мира. Автор пишет, что Александр «усмехнулся с эстетической точки зрения», увидев рекламные плакаты по пути к портретной галерее. Таким образом, несмотря на «теплые чувства» героя к этому месту и к тому, что его окружает, оно оказалось совсем другим, что поразило и даже насмешило Александра.

Он продолжил свой путь по направлению к зданию, описывая все, что попадалось ему на пути: «постеры Первой мировой войны с молодыми офицерами, обвинительно указывающими на него [Александра] пальцами», «магазин “I was Lord Kitchener’s Valet”, переполненный всякими безделушками, вещами, копирующими те, что использовались во времена Британской Империи, и наполненный не призывными звуками

горна, а бряцаньем и воем электрической гитары, подключенной к усилителю» [Byatt 1994: 7–8]. Название магазина соответствует широко известному в 1960-е гг. магазину одежды, продававшему старинную униформу и располагающемуся в районе Ноттинг Хилл в Лондоне. Магазин «Я служил камердинером Лорда Китченера» назван в честь известного британского военного деятеля Герберта Китченера (1850–1916), занимавшего пост военного министра Великобритании во время Первой мировой войны. Его образ известен по изображению на плакатах во время Первой мировой войны, на которых он указывает пальцем на смотрящего. Плакат сопровождается слова «Твоя страна нуждается в тебе» (илл.1).

Илл. 1. Плакат с изображением Герберта Китченера

Магазин «I was Lord Kitchener's Valet» в 1960-е гг. использовал для рекламы образ Китченера, указывающего пальцем на смотрящего (на данный момент вывеска находится в музее Виктории и Альберта) (илл.2).

Илл. 2 Вывеска магазина «I was Lord Kitchener's Valet»

Александр шел по направлению к Национальной портретной галерее с Шафтсбери-авеню. Там

он и видел все перечисленные плакаты и магазин безделушек. На рекламном щите красовался «чудовищный» («monstrous») образ мужчины: «он был обнажен до пояса и снизу затянут в узкие красно-бело-синие брюки. На его выпуклой спине было небрежно написано – “Я поддерживаю Британию” (букв. “Я несу на спине Британию”))» [ibid.: 8]. Этот образ иронически отсылает к плакату времен Первой мировой войны «Твоя страна нуждается в тебе» с Гербертом Китченером.

Перед зданием Национальной портретной галереи «бродили разные люди с новыми, но многовековыми лицами»: «Сандалии, кафтаны, прерывистые громкие возгласы, будто из песен, или громкое звяканье, время от времени нарушающие полную тишину» [ibid.]. Эта какофония звуков и лиц создает образ современной Британии. Образ смешанный, соединяющий прошлое и настоящее, свое и чужое. Образ визуальный и аудиальный – все описания сопровождаются звуковыми характеристиками (громкие шквалы звуков разного происхождения), причем непривычными для героя.

Александр наконец входит в здание и передает свое первое впечатление от него: «Галерея изменилась с его последнего, причем недавнего визита». Общее впечатление дополняется более тщательным описанием того, что изменилось: «Она потеряла прежнюю викторианскую солидность желто-коричневой кожи и красного дерева и обрела показное богатство, блестящие альковы для портретов Тюдоров показались Александру неприятными» [ibid.]. Не найдя «Портрет Дарнли» на прежнем месте, Александр довольствуется «Портретом Дитчли».

Вскоре толпа «заполняет пространство между ним и картинами». Герою кажется, что пространство «переполнено», «затоплено» людьми, «позорному одетыми, равным образом различными». Описание толпы людей как огромной волны подчеркивает разнообразие современного общества: «Пыльные ноги во вьетнамках под шелковыми, пушистыми, спутанными бородами над сари и шафранового цвета широкими одеяниями» [ibid.: 8]. Эта группа людей создает впечатление «неопрятности», «небрежности». В предложении отсутствуют сказуемые, характеризующие действия людей и лица, их совершающие. Одежда и внешность описываются по принципу нанизывания одной детали на другую, что создает впечатление многослойности восточных нарядов. Александр продолжает наблюдение: «Военные куртки из Вьетнама и Крыма, едва видимые усы и тонкие птичьи шеи, торчащие из желто-золотых воротников над потускневшими эполетами. Латексные девочки в серебристых колгот-

ках и ботинках и серебристых юбках, подпрыгивающих на их маленьких попках. Безжизненные девочки в черных вельветовых свисающих кольчужных платьях с бумажными цветами в завитках их искусственных волос. Несколько женщин, похожих на Жорж Санд и Мадмуазель Сакрипант, одетых в брюки, рубашки с оборками и вельветовые береты. Перемещающиеся беспольные люди в свисающих нарядах, сделанных из индийских покрывал с плохо пропечатанным рисунком, которые когда-то в детстве Александра пылились на чердаке пляжного дома» [Wyatt 1994: 8]. В каждом предложении описываются группы людей в разных одеждах и стилях. Большое внимание уделяется тканям и краскам, текстурам и принтам. Каждая группа отличается от предыдущей, а вместе они формируют разномастную толпу. Александр часто идентифицирует происхождение ткани или самого образа через интертекст, что еще раз подчеркивает то разнообразие людей, которые посещают выставку. Описания Александра представляют собой масштабную картину современной ему толпы. Несмотря на движение людей (и сравнение с потоком воды), картина кажется запечатленной красками на полотне, настолько тщательно герой описывает их одеяния и поведение.

Взгляд Александра перемещается с картин на людей, из-за которых практически невозможно созерцать картины. Интересно, что герой разделяет толпу на несколько категорий и оформляет каждую из них по отдельности. Последними из описанных становятся американские туристы, которые «были одеты в английские макинтоши, английский твид, английский кашемир, и которые неотступно следовали вперед вслед за голосом, раздававшимся из наушников, провода от которых тянулись от их ушей к маленьким коробочкам со звуковым путеводителем» [ibid.: 9]. Байетт иронически повторяет прилагательное «English» по отношению к американским туристам. Александр слышит отдельные слова из наушников и понимает, о чем идет речь – «об иконографических и еще реалистических качествах Английского Ренессанса, варварского и грубого два столетия после торжественных и грациозных побед Высокого Ренессанса. Стиль, который тогда только начал формироваться. Это был светский стиль...» [ibid.].

Темой его размышлений становится понятие стиля тогда и сейчас: тогда это были определенные каноны, которым нужно было следовать; сейчас понятие стиля было сложно охарактеризовать. Глядя на изображение Томаса Кромвеля и на насмешливые образы солдат, «он задумался о природе современной пародии». Для него, не понимающего и не любящего пародию, «она каза-

лась необдуманной и бесцельной: они имитировали все и вся из-за неуправляемого сочетания эстетического любопытства, издевательской разрушительности и нежных ностальгических чувств, желания быть кем-то и где-то, только не здесь и не сейчас». Размышления о пародии завершают созерцание окружающей толпы, но также подводят итог наблюдениям героя. Разрушительность связывается с теорией деконструкции Деррида, а в сочетании с эстетическим любопытством и ностальгией пародия приобретает постмодернистские черты: «...с приходом постмодернизма, во-первых, наступило известное согласие в понимании пародии, а во-вторых, произошла явная смена парадигмы: пародия уже не трактуется как контастация, искажение, протест, где серьезные драматические тона заглушают комическое начало, – теперь пародия связана скорее с образом мирного сосуществования стилей и идей, с комедийной игрой смыслами на бесконечном поле интертекстуальности» [Ильин 2001: 202]. Таким образом, Александр описывает общество постмодерна, которое чуждо ему и его природе.

Герой размышляет о собственном стиле и собственном образе в рамках этого общества (рассматривает себя как часть картины, которую рисует): «однако у него самого были внушительные познания в сфере истории костюма, он мог провести параллель между изменением шва или фасона и традицией и индивидуальным талантом; ему это удавалось не хуже, чем написание стихов или подбор слов. Он посмотрел на свою одежду и свою поэзию в свете этих легких изменений замаскированных инноваций. Он предчувствовал, что на данный момент ни в том ни в другом не было жизни» [Wyatt 1994: 9]. Несмотря на все это, «в свои пятьдесят, одетый в хорошо скроенный оливковый габардин, кремовую шелковую рубашку и золотистый хризантемовый галстук, он был привлекательным мужчиной» [ibid.]. Александр попытался посмотреть на себя с позиций современного стиля и пародии и уже заранее понимал, что его стиль нельзя назвать заимствованным или пародийным в постмодернистском смысле слова. Размышления о пародии в современном обществе в начале пролога контрастируют с истинным восхищением стилем английского Ренессанса и «иконой» стиля того времени – Елизаветой I.

2. Английский Ренессанс: портреты королевы Елизаветы I

В прологе романа герои посещают речитал Флоры Робсон в роли Королевы Елизаветы I, благодаря которой актриса получила широкую известность и признание и с которой она впо-

следствии ассоциировалась у зрителей (после фильмов «Пламя над Англией» (1937), «У льва есть крылья» (1939), «Морской ястреб» (1940)). Хотя повествование в романе ведется от третьего лица, выставки, картины и речитал представлены глазами Александра. Автор не случайно выбирает именно Александра для описания событий пролога, – будучи автором драмы в стихах «Астрея», он особенно заинтересован в образе Елизаветы I и в том, что этот образ олицетворяет (для него лично и для страны в целом), а также в тех изменениях, которые произошли в Англии за несколько столетий после ее правления. Благодаря критическому взгляду Александра пролог построен на контрасте двух эпох – Елизаветинской, конца XVI и начала XVII вв., и современной Англии второй половины XX в. Данное сравнение поднимает вопрос об истории, культуре, преемственности, развитии как составляющих национальной идентичности.

Александр в первую очередь пришел посмотреть на так называемый «Портрет Дарнли» – портрет Елизаветы I неизвестного художника («The Darnley Portrait», 1575), названный так по имени бывших владельцев графов Дарнли: «Он поднялся по лестнице, чтобы посмотреть на “Портрет Дарнли”, но из-за представления тот был перенесен в другой зал» [Wyatt 1994: 8]. Так как «Портрет Дарнли» был перенесен в зал, где проходило представление, «герой, присев на скамейку, вынужден был наблюдать альтернативную Глориану» [ibid.]. Глорианой стали называть Королеву Елизавету после того, как Эдмунд Спенсер написал свою аллегорическую поэму «Королева фей» («The Faerie Queene», 1590) в честь и во славу Елизаветы. Упоминание о Глориане и последующее описание портрета Елизаветы указывает на так называемый «Портрет Дитчли» (илл.3), приписываемый Маркусу Гераэрту Младшему («The Ditchley Portrait», 1590): «...Глориана, охровая, в белом платье, стоящая на графствах Англии в грозные ливни и в ясные дни, нарисованный толщиной в дюйм конский хвост, приподнятый и окрашенный хной, тяжелое шелковое стеганое платье, затянутое в узкий корсет» [ibid.: 8].

Внимание Александра на картине сконцентрировано на платье королевы и ее прическе. Глагол «bestride» в переводе означает «сидеть верхом» или «стоять на чем-то», хотя чаще всего упоминается в дискурсах, связанных с верховой ездой. Возможно, данное слово придает главенствующий, лидирующий характер образу королевы, равно как и ее готовность в любое время и в любую погоду защитить свои земли («в грозные ливни и в ясные дни»). Два раза упоминаются слова, характеризующие цвет волос – «охро-

вые» («raddled») и «покрашенные хной» («hennaed»). Цвет волос королевы является знаковым компонентом ее образа.

Илл. 3. Маркус Гераэрт Младший «Портрет Дитчли», 1592

Дойдя, наконец, до нужного зала, где собралась вся английская элита, Александр подходит к долгожданному портрету, «его любимому» [ibid.: 12] (илл. 4).

Илл. 4. Неизвестный художник «Портрет Дарнли», 1575

Повествователь указывает на портрет Елизаветы; когда же мы слышим мысли самого Александра (непрямая речь), то он вновь обращается напрямую к «ней»: «И вот она стоит, чистый и сильный образ, в воздушном платье из кремового плотного шелка, вышитого золотыми листьями, отделанное коралловыми кисточками на корсете,

с завитком жемчужной цепочки на нем» [Wyatt 1994: 12]. Сначала Александр дает общую оценку образу Елизаветы, а затем подробно описывает ее платье, замечая каждую деталь, в том числе и завиток жемчужного ожерелья на груди. Таких «неоднозначных», или «двойственных», деталей на портрете несколько. Во-первых, «Неподвижные ослабленные длинные белые руки, которые демонстрировали изящество: лежали они спокойно или были напряжены, было сложно сказать»; во-вторых, «круглый перьевой веер, чей яркий круговорот темных цветов указывал на страсть или неистовую энергию, таящуюся в фигуре».

Будучи хорошо знакомым с картиной, Александр пытается раскрыть сущность Елизаветы, понять ее натуру. Описание Александра сопровождается глаголами, характеризующими «движение» и «энергию», которые сокрыты за красками и мазками. Герой отмечает, «что чем больше смотришь на картину, тем больше появляется двойственности на портрете»: «Яркое белое лицо было юным и надменным. Или белым как мел, бледным, костлявым, любого возраста, черные глаза под тяжелыми веками – знающие и отстраненные» [ibid.]. Портрет и образ Елизаветы I остаются для Александра загадкой, которую невозможно раскрыть: «она была такой личностью, чья избыточная энергия вызывала неопределенные смешанные чувства, поклонение и иконоборство, любовь и страх...» [ibid.]. Для всех и каждого Елизавета была средством эмоциональной и интеллектуальной подпитки и разрядки. Александр перечисляет все возможные интерпретации жизни и личности Елизаветы, вписывая ее образ в круговорот тайн, аллегорий, смыслов, возможностей, самая вероятная и невероятная из которых связана с Уильямом Шекспиром: «Шекспир не был Шекспиром: это был Марло или Бэкон или Де Вер или сама Королева Елизавета. Елизавета не была Елизаветой Королевой Девственницей: она была проституткой Вавилона, или Лондона, тайной матерью, женщиной, Шекспиром» [Wyatt 1994: 12–13]. Размышления героя граничат с тайной, которую невозможно раскрыть и доказать, и поэтому его мысли представляют собой круговорот образов и взаимосвязей на уровне культуры елизаветинской эпохи и всех последующих эпох.

Отталкиваясь от Шекспира, Александр думает о Елизавете как о мужчине (эта мысль пришла ему в голову, когда он был моложе), вновь изучая ее маскулинное тело, «скрытое и погруженное в шелестящие и объемные шелка» [ibid.]. Позднее он тайно думал о Елизавете как о Госпоже Природе в одноименном стихотворении Эдмунда Спенсера. От общепринятых взглядов

на личность королевы Александр уходит в свои потаенные мысли, которые раскрывают цель написания его драмы в честь Елизаветы. Но даже после ее написания он не подходит ближе к ее личности, так как это невозможно сделать.

Таким образом, «Портрет Дарнли» – это портрет всех возрастов королевы, а также двойственный, символический образ елизаветинской эпохи и последующих за ней эпох, включая современность. Не случайно повествователь погружает нас во внутренний мир Александра, который сначала размышляет о различиях в эпохах, культуре, людях тогда и сейчас, о связях между эпохами, а затем переходит в пространство личного и субъективного видения.

Если посмотреть на экфрасис портрета в целом, Александр описывает платье, украшения, детали, краски и цветовую палитру, однако большее внимание он обращает на ее глаза, лицо и образ в целом. Он использует обобщающие конструкции, которые указывают на синтезирование мыслей и чувств от увиденного в целостный образ. Экфрасис портрета Елизаветы становится не просто описанием произведения искусства, это впечатление-размышление от неоднократного изучения данного и других портретов, рассмотрение их в сравнении, а такжеписание драмы в стихах «Астрея», ее постановка и подготовка к коронации Елизаветы II, 15-летний отрезок времени после ее написания.

После речитала размышления героя о личности Елизаветы и ее портрете продолжают, но уже в рамках диалога с Фредерикой. Александр почувствовал «жуткую усталость» от ощущения того, что Флора Робсон читала строки из его драмы в стихах. Александр не любит думать и вспоминать о своей прошлой творческой деятельности. Однако сейчас он объясняет свои чувства: «Ему хотелось, чтобы он никогда не писал этой пьесы. Быть здесь, в обществе “Портрета Дарнли”, это как быть в одной комнате с женщиной, которую ты однажды оскорбил и с которой теперь невозможно построить каких-либо отношений» [Wyatt 1994: 15]. Для Александра упомянутый портрет – это не просто целостный образ Елизаветы, но сама Елизавета, которую он воспринимает в личностном, субъективном смысле как женщину, с которой у него были неудачные отношения. Вину, которую он ощущает, невозможно искупить, так как «шансы не появлялись снова, они ушли и остались в прошлом» («Chances did not come round again, they went, and stayed, past») [ibid.].

Восприятие Елизаветы как женщины, с которой у Александра был неудачный опыт отношений, отсылает к Фредерике, с которой героя связывают длительные противоречивые отношения

и которая неоднократно в его глазах приобретает черты Елизаветы. Так, Фредерика сравнивается с образом богини-покровительницы охотников Бритомартиды из поэмы Э. Спенсера «Королева фей», олицетворяющей Елизавету I. Кроме того, упоминаются принадлежащие Фредерике «корсет и ботинки с металлическим блеском», а «ее волосы были уложены в форме бронзового шлема, но в более космическом стиле» [Byatt 1994: 12]. Таким образом, Фредерика и Елизавета I переплетаются друг с другом в восприятии героя. С одной стороны, это обусловлено тем, что Фредерика играла Елизавету в пьесе «Астрея» (еще тогда ее образ и характер казались ему подходящими для исполнения роли молодой Елизаветы). С другой стороны, Фредерика всегда удивляла и восхищала его своей личностью и характером, олицетворяя все те черты, которые он воспекает, глядя на портреты Елизаветы I.

Заключение

Пролог романа «Дева в саду» представляет собой соединение эпохи английского Ренессанса и второй половины XX в. (время правления Елизаветы II спустя 300 лет после правления Елизаветы I). Эти два периода, контрастные по своей природе, отражают изменения в культуре и традициях в современном героям мире. В начале пролога перед Александром открывается современный мир. Длинные и детальные описания улиц, галереи и толпы рисуют картину Британии второй половины XX в. Визуальность и детальность портретов людей позволяют рассматривать данные описания как живописное полотно, а помещение героя в пространство Национальной портретной галереи отсылает к размышлениям о национальной идентичности и самоидентичности отдельного человека. Данные понятия, с точки зрения героя, чужды современному ему обществу. Это новая культура заимствования и «пародии», в которой смешивается всё и вся, по сути представляет собой бесцельную, ностальгическую, ироническую «мешанину» в стилистике постмодернизма. Важнейшей экфрастической деталью современности служат плакаты и постеры.

Обращение к образу Елизаветы отражает ностальгию героя по эпохе Ренессанса с ее солидностью, возвышенностью и эстетическим подъемом. Экфрасис портретов подчеркивает значимость и двусмысленность образа Елизаветы I в культуре Великобритании, которые принимают разные формы в различные эпохи и времена. Видя портреты Елизаветы I глазами Александра, мы обращаемся к основной сюжетной линии романа, связанной с пьесой «Астрея». Образ Елизаветы переплетается с образом Фредерики, и

обе героини романа воспринимаются героем как женщины, с которыми он строит отношения. Экфрасис в прологе не только отражает видение героя, но и показывает весь его жизненный путь, как повседневный, так и творческий, со всеми его перипетиями, взлетами и падениями, экфрасис становится неотъемлемой частью персонажа и его образа. Глядя на себя в настоящем, герой, однако, с тревогой понимает, что в его творчестве и внешнем облике «будто пропала жизнь» (те же чувства испытывает герой в прологе второго романа тетралогии, уже в 1980 г.). Таким образом, вписанные в литературное произведение портреты Елизаветы, тянущие за собой целую эпоху, историческую и литературную, вплетаются в современный исторический и культурный контекст, в картину современного мира. Это переплетение не только акцентирует контраст эпох, но с ностальгической грустью передает ощущение поколения о несостоятельности и бесцельности культуры и искусства Британии на данном отрезке времени.

Список литературы

- Бочкарева Н.С.* Экфрастическая экспозиция в романе Дж. Барнса «Метроленд» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2012. Вып. 3(19). С. 161–170.
- Бочкарева Н.С.* Современное искусство в экфрастических рассказах А.С. Байетт «Китайский омар» и «Боди-арт» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. Вып. 1(25). С. 166–172.
- Бочкарева Н.С.* Экфрасис произведений декоративно-прикладного искусства в романе А.С. Байетт «Детская книга» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2015. Вып. 3(31). С. 105–122.
- Бочкарева Н.С., Графова О.И.* Экфрасис и экспозиция: музей в прологе (на материале романов А.С. Байетт и других произведений) // Мировая литература в контексте культуры. 2013. Вып. 2(8). С. 174–179.
- Бочкарева Н.С., Графова О.И.* Экфрастическая экспозиция в романе А.С. Байетт «Натюрморт» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. С. 186–199.
- Дарененкова В.С.* Символика цвета в «Маленькой черной книге рассказов» А. С. Байетт: дисс. ... канд. филол. наук. Пермь, 2012. 190 с.
- Ильин И.П.* Постмодернизм: словарь терминов. М.: ИНИОН РАН, 2001. 257 с.
- Alfer A.* Realism and its discontents: The Virgin in the garden and Still Life // Essays on the fiction of A.S. Byatt: imaging the real / ed. by A. Alfer, M. Noble. Westport, 2001. P. 47–59.

Byatt A.S. *The Virgin in the Garden*. L.: Vintage, 1992. 566 p.

Campbell J. A.S. *Byatt and the heliotropic imagination*. Wilfrid Laurier University Press, Canada, 2002. 310 p.

Hicks E. *Material Pleasures: The Still Life in the Fiction of A. S. Byatt*: Doctor of Philosophy thesis. University of Wollongong, 2009. URL: <http://ro.uow.edu.au/theses/3546> (дата обращения: 16.08.2015).

Hulbert A. Hungry for books // *The New York Times Book Review*. 1996. №23. URL: <https://www.nytimes.com/books/99/06/13/specials/byatt-babel.html> (дата обращения: 20.09.2015).

Puschmann-Nalenz B. A great good place or a ghastly pile? Representation of the English country-house in recent British fiction: metamorphosis of the literary motif // *Symbolism: an international annual of critical aesthetics*. Germany, Berlin: Degryeter, 2014. URL: [http:// books.google.ru/books/](http://books.google.ru/books/) (дата обращения: 25.09.2015).

Rubin M. Potters' world ends with a bang and a whimper // *Los Angeles Times*, December 15, 2002. URL: <http://articles.latimes.com/2002/dec/15/books/bk-rubin15> (дата обращения: 20.09.2015).

Sorensen S. D. Verbal and visual language and the question of faith in the fiction of A. S. Byatt. A Thesis ... doctor of philosophy. Vancouver: The University of British Columbia, 1999. 164 p.

References

Alfer A. Realism and its discontents: *The Virgin in the garden and Still Life* // *Essays on the fiction of A.S. Byatt: imaging the real* / Ed. by A. Alfer, M. Noble. Westport, 2001. 50 p.

Bochkareva N. S. Ekfrasis proizvedenij dekorativno-prikladnogo iskusstva v romane A.S. Bajett "Detskaja kniga" [Ekphrasis of Arts and Crafts in A.S. Byatt's novel "The Children's Book"]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology]. 2014. Iss. 3(31). P. 105–122.

Bochkareva N. S. Ekfrasticheseskaja ekspozitsija v romane Dzh. Barnsa *Metroland* [Ekphrastic Exposition in the Novel *Metroland* by J. Barnes]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology]. 2012. Iss. 3(19). P. 161–170.

Bochkareva N. S. Sovremennoe iskusstvo v ekfrasticheskikh rasskazakh A.S. Bajett "Kitajskij omar" i "Bodi-art" [Contemporary Art in Ekphrastic Stories "The Chinese Lobster" and "Body Art" by A.S. Byatt]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija* [Perm University

Herald. Russian and Foreign Philology]. 2014. Iss. 1(25). P. 166–172.

Bochkareva N. S., Grafova O. I. Ekfrasis i ekspozitsija: muzej v prologe (na materiale romanov A. S. Byatt i drugikh proizvedenij) [Ekphrasis and Exposition: Museum in Prologue (Based on Novels by A. S. Byatt and Other Works)]. *Mirovaja literatura v kontekste kul'tury* [World Literature in the Context of Culture]. 2013. Iss. 2(8). P. 174–179.

Bochkareva N. S., Grafova O. I. Ekfrasticheseskaja ekspozitsija v romane A.S. Bajett "Natjurmort" [Ekphrastic Exposition in the Novel "Still Life" by A. S. Byatt]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology]. 2014. Iss. 4(28). P. 186–199.

Byatt A.S. *The Virgin in the Garden*. L.: Vintage, 1992. 566 p.

Campbell J. A.S. *Byatt and the heliotropic imagination*. Wilfrid Laurier University Press, Canada, 2002. 310 p.

Darenenkova V.S. Simvolika tsveta v "Malen'koj chernoj knige rasskazov" A.S. Bajett. Diss. kand. filol. nauk. [Symbolism of Colour in A.S. Byatt's "Little Black Book of Stories". Cand. philol. sci. diss.]. Perm, 2012. 190 p.

Hicks E. *Material Pleasures: The Still Life in the Fiction of A. S. Byatt*: Doctor of Philosophy thesis. University of Wollongong, 2009. Available at: <http://ro.uow.edu.au/theses/3546> (accessed 16.08.2015).

Hulbert A. Hungry for books // *The New York Times Book Review*. 1996. №23. Available at: <https://www.nytimes.com/books/99/06/13/specials/byatt-babel.html> (accessed 20.09.2015).

Il'in I.P. Postmodernism: slovar' terminov [Postmodernism: Dictionary of Terms]. M.: INION RAS, 2001. 257 p.

Puschmann-Nalenz B. A great good place or a ghastly pile? Representation of the English country-house in recent British fiction: metamorphosis of the literary motif // *Symbolism: an international annual of critical aesthetics*. Germany, Berlin: Degryeter, 2014. Available at: [http:// books.google.ru/books/](http://books.google.ru/books/) (accessed 25.09.2015).

Rubin M. Potters' world ends with a bang and a whimper // *Los Angeles Times*, December 15, 2002. Available at: <http://articles.latimes.com/2002/dec/15/books/bk-rubin15> (accessed 20.09.2015).

Sorensen S. D. Verbal and visual language and the question of faith in the fiction of A. S. Byatt. PhD thesis. Vancouver, The University of British Columbia, 1999. 164 p.

**ЕКФРАСТИЧЕСКАЯ ЭКСПОЗИЦИЯ В РОМАНЕ
«THE VIRGIN IN THE GARDEN» BY A.S. BYATT**

Olga I. Grafova

**Postgraduate Student in the Department of World Literature and Culture
Perm State University**

The article investigates intermedial structure of the early novel «The Virgin in the Garden» by contemporary British novelist A.S. Byatt. The novel begins with a prologue, bounded by the frames of the National Portrait Gallery in London and referring to the famous portraits of Elizabeth I and advertisement posters of the second half of the XXth century. Two contrasting epochs are presented from Alexander's point of view through the prism of his literary and life experience. Images of Elizabeth I are connected with the period of the golden age of English literature and art; scenes of English life of the 1960s visualize the character's contemplation on national identity and denote the period of imitation and nostalgic «parody» in the spirit of postmodernism.

Key words: ekphrastic exposition; prologue; ekphrastic novel; ekphrasis; intermediality; portrait; Elizabeth I; A.S. Byatt; National Portrait Gallery.

УДК 821.111(73)

КОНЦЕПЦИИ МУЛЬТИКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА В РОМАНЕ ДЖ. ЕВГЕНИДИСА «СРЕДНИЙ ПОЛ»

Лилия Фуатовна Хабибуллина

д. филол. н., профессор кафедры зарубежной литературы
Казанский федеральный университет, Институт филологии и
межкультурной коммуникации
420021, Казань, ул. Татарстан, 2. e-mail: fuatovna@list.ru

Анастасия Александровна Виноградова

студент отделения русской и зарубежной филологии им. Л. Н. Толстого
Казанский федеральный университет, Институт филологии и
межкультурной коммуникации
420021, Казань, ул. Татарстан, 2. e-mail: vinogrado1993@mail.ru

В статье рассматривается роман Дж. Евгенидиса «Средний пол» (*Middlesex*, 2002), соединяющий в себе целый ряд актуальных для современного литературоведения проблем в контексте авторской концепции мультикультурализма, наиболее ярко проявляющейся в пространственных образах романа. Образ греческой Смирны является воплощением идеи «органического» мирного сосуществования наций на основе естественно сложившегося уклада. Американский Детройт представляет собой механистический мир «плавильного котла» наций, а современный немецкий Берлин демонстрирует возможности «истинного» мультикультурализма – места, где каждый «Другой» чувствует себя частью целого. Роман анализируется с точки зрения взаимодействия в нем исторической, мультикультурной и отчасти гендерной проблематики, затрагивается также проблема исторической травмы.

Ключевые слова: американская литература XXI в.; мультикультурализм; пространство; Дж. Евгенидис; «Средний пол»; гендер; историческая проблематика.

Роман американского писателя Джеффри Евгенидиса (1960) «Средний пол» (*Middlesex*, 2002), за который его автор получил Пулитцеровскую премию 2003 г., заслуживает особого внимания как произведение, соединившее в себе практически все значимые для литературы рубежа веков типы проблематики, такие как гендерная, мультикультурная, проблема травмы, в том числе исторической¹. Именно этот роман писателя привлек к нему внимание читателей и критиков и уверенно ввел его в круг самых читаемых авторов XXI в.

Роман «Средний пол» занимает ключевое место в творчестве Дж.Евгенидиса, являясь продолжением в раскрытии проблемы гендерной самоидентификации, начатой им ещё в романе «Девственницы-самоубийцы» (*The Virgin Suicides*, 1993), затрагивая и тему эмиграции. В произведении описывается история взросления и

самоопределения американки греческого происхождения Каллиопа Стефанидис, которая в подростковом возрасте осознает себя юношей Каллом. Оно построено по законам романа воспитания: история главного героя связывается с историей бабушки и деда, покинувших Грецию, затем родителей, строивших свою жизнь в США, и завершается моментом взросления главной героини/героя. Как отмечает В.Прозоров, «общая идея истории трех поколений семьи Стефанидисов в романе состоит в том, что на смену бинарным оппозициям “природа”–“воспитание” (nature–nurture) приходят постмодернистская множественность и вариативность» [Прозоров 2012: 404]. Роман содержит активный исторический код, который поддерживается обильным упоминанием дат, исторических персонажей, событий. Таким же активным в романе является естественно-научный код, который укрупняется

за счет подробного описания особенностей генетического развития Калла-Каллиопы (синдром дефицита 5-альфа-редуктазы), а также упоминаемых известных медицинских трудов и случаев трансгендерных состояний. Специфика ситуации самоидентификации героини/ героя состоит в том, что параллельно с национальной самоидентификацией ((гречанка/грек)/ американец(-нка)) перед героиней/героем встает вопрос гендерной самоидентификации. Постепенный разрыв семьи с диаспорой, а также разрыв семейных связей сочетаются с осознанием специфики собственной гендерной природы центральным персонажем. Своеобразие романа состоит в том, что уникальность каждой ситуации самоидентификации личности здесь акцентируется через действительно крайне редкую гендерную ситуацию, которая заставляет героиню/героя не только осмысливать собственную природу, природу своих сексуальных предпочтений, но и выстраивать свой жизненный путь в условиях, не похожих на жизнь других людей. В то же время через культурный (мифологический) и исторический контекст прослеживается идея о всеобщем характере тех изменений в мире, которые обуславливают возможность подобной самоидентификации.

К концу XX в. формируется постмодернистская концепция истории, определяющая доминирование исторической темы в литературе конца века, особенно англоязычной, при этом исследователи и авторы обращают внимание на травмирующую роль истории в жизни индивида. Об этом, например, пишет О.Ю. Панова: «Объектом постмодернистской диверсии становится в 70–90-е история, которую писатели стремятся лишить достоверности и авторитетности. Не в последнюю очередь это связано с травмированностью человека ходом истории» [Панова 2004: 121]. Историческая проблематика в романе рассматривается в контексте ситуации миграции, связанной с исторической травмой. Фоном романа становится греко-турецкая война, в результате которой Дездемона и Элевтериос (Левти) Стефанидис покидают греческую Смирну (13 сентября 1922 г. во время «резни в Смирне», устроенной турецкой армией во главе с Мустафой Кемалем), ставшую впоследствии (после греко-турецкого обмена населением 1923 г.) турецким Измиром, а также развитие и кризис американского Детройта. В романе отражены знаковые события сентября 1922 г., известные как резня в Смирне, волнения на Двенадцатой улице в Детройте в июле 1967 г. Трагедия греческого народа дается через подробное описание происходящего; она оттеняется и трагедией армян, отраженной в ис-

тории доктора Нишана Филобозяна, потерявшего всю семью, вырезанную турками. Сложность межрасовых взаимоотношений в Америке накладывает отпечаток и на жизнь семьи главного героя/ героини. Стефанидисы приезжают в город в эпоху его роста, а заканчивается роман упадком Детройта. Налаженная жизнь греческих мигрантов разрушается в результате того, что их дом и кафе оказываются в центре расовых беспорядков, таким образом, одни меньшинства разрушают жизнь других. Обращаясь к актуальной для постмодернизма теме истории, Евгенидис, тем не менее, решает ее в постпостмодернистском, или неореалистическом, ключе, используя классическую форму семейной саги или романа-эпопеи, основанной, как уже говорилось, на схеме романа воспитания, но вкладывает в нее совершенно новые идеи. В контексте собственно американской литературы на историческую тему Евгенидис развивает традиции демифологизации национальной истории, которая становится ответом на миф об «историческом триумфе» Америки².

Проблема меньшинств в романе решается одновременно и в национальном, и гендерном аспектах. Точкой пересечения для этих проблемных полей становится болезненная во все времена, но особенно актуальная для рубежа XX–XXI вв. ситуация принятия Другого/Иного. В 1990-е гг. гендерные исследования выходят за пределы чисто «женской» проблематики и обращаются, в частности, к проблемам маскулинности. В это время наметился переход от феминистской теории (актуализировавшей и проблематизировавшей именно женскую субъективность, в том числе женскую гомосексуальную) к гендерной теории (актуализирующей другие типы гендерных идентичностей – мужскую, мужскую гомосексуальную и транссексуальные). Г. Литвинцева отмечает: «Еще одна черта культуры и эстетики симулякра – это “транспозиционность”, когда упраздняются оппозиции: “мужское – женское”; “прекрасное – безобразное”; “добро – зло”; “человеческое – нечеловеческое” и т.д. Классический пример трансобъекта – это Майкл Джексон – в нем стираются оппозиции: “черное – белое”, “мужское – женское”, “искусственное – естественное”, “детское – взрослое”, “красивое – уродливое”» [Литвинцева 2011: 51]. Значимым для описания этой ситуации стал предложенный Терезой де Лауретис термин “квир-идентичность”: «Главным параметром в конструкции квир-субъективности является, таким образом, параметр нередуцируемости субъективности к любым застывшим идентификационным моделям – как гетеросексуальным, так и гомосексуальным, как белым, так и цветным, как

западным, так и незападным и т.п.» [Жеребкина 2011: 63]. Дж. Евгенидис обращается к теме, крайне актуальной в контексте этих исследований, одновременно новой и вечной. Пока дискуссии о естественном характере гомосексуальности продолжаются, явление гермафродитизма известно с древних времен. Писатель признается в интервью 2007 г., что заинтересовался этой проблемой в связи с греческой мифологией, узнав еще в школе о Тиресии, который мог одновременно существовать как женщина и как мужчина [Eugenides 2007: 1]. Ситуация инцеста, которая служит в романе завязкой всей истории, также воспринимается автором романа в контексте греческой мифологии³. Таким образом, автор дает возможность читателю рассмотреть значимые для современных гуманитарных наук проблемы с точки зрения их «вечного» измерения и показать одновременно множественность и уникальность отдельных жизненных ситуаций через биографию главной героини/ героя. Значимость этой проблемы в романе подчеркивается тем, что она подробно исследуется самой героиней/ героем, причем автор в связи с ней переплетает два, казалось бы, взаимоисключающих кода – научный и мифологический; при этом оба они «работают» на то, чтобы доказать укорененность гермафродитизма в истории, мифологии и науке с давних времен. Таким образом, проблема главной героини/ героя напоминает современную ситуацию квир-идентичности⁴ и в то же время выглядит как нечто вполне органичное и давнее.

Аналогичным образом современная ситуация мультикультурного мира рассматривается автором не как нечто абсолютно новое, а как новый тип существования старых, патриархальных, естественных образцов поликультурного существования на пограничных территориях, например, между Европой и Азией. Здесь Евгенидис моделирует три основные стадии сосуществования наций: первая, патриархальная, условно донациональная, связана с тем периодом в истории человечества, когда национальные различия не были столь существенны и отступали на второй план, в частности, перед социальными, эта стадия представлена в романе образом греческой Смирны. Вторая, которую можно обозначить в соответствии с современной терминологией как эпоха национализма, воплощена в образе американского Детройта, несостоятельность этой эпохи подчеркивается и образом Сан-Франциско, который в романе предстает своего рода Содомом. «Постнациональная» модель реализована образом Берлина⁵. Мультикультурный контекст романа наиболее ярко проявляет себя в создании

пространственных образов, каждый из которых по-своему концептуален.

Предыстория героя, т.е. история инцестуальной связи Дездемоны и Элевтериоса Стефанидидов, разворачивается в Греции, которая представлена тремя основными топосами. Первый – это деревня Вифиния, где не было магазинов и банков, а была только церковь и таверна, воплощение замкнутости патриархальной жизни, территория Дездемоны, мир умирающих традиций и патриархальных ценностей; второй – город Бурса, где Элевтериос впервые познает вкус греха; третий – Смирна, которая становится и символом всего мира уходящих ценностей, и символом трагедии Греции. Образ Греции многозначен: во-первых, это мир патриархальной целостности, плодородия, изобилия и покоя, мир утраченного рая: «Не помню, говорил ли я, что летом улицы Смирны были уставлены корзинами с лепестками роз? Упомянул ли я, что все жители этого города владели французским, итальянским, греческим, турецким, английским и голландским языками? А рассказывал ли я о знаменитых смоквах, которые доставляли сюда караванами верблюдов и выбрасывали прямо на землю, так что женщины втапывали их в соленую воду, а дети садились на эти кучи, чтобы справить нужду? А упоминал ли я о том, что зловоние смешивалось с куда как более приятными ароматами миндаля, мимозы, лавра и персика и что на Марди Гра все надевали маски и устраивали изысканные обеды на палубах фрегатов? Я хочу напомнить обо всем этом, потому что все это происходило в городе, не принадлежавшем ни одной стране, так как он объединял в себе все страны, а также потому, что если вы отправитесь туда сейчас, то увидите лишь современные небоскребы, безликие бульвары, огромные фабрики с потогонной системой труда, штаб НАТО и надпись, гласящую “Измир”» [Евгенидис 2007: 20]. Во-вторых, патриархальная Смирна была центром древней культуры, для которого не существенны границы: «Купец столь же богат, сколь богатой была Смирна. Его предложение столь же соблазнительно, сколь соблазнительной была сама Смирна, считавшаяся самым космополитическим городом на Ближнем Востоке. Среди ее предполагаемых основателей были амазонки, что прекрасно согласуется с моей темой, и сам Тантал. Здесь родились Гомер и Аристотель Онассис. Восток и Запад, опера и политика, скрипка и зурна, рояль и даули соседствуют в Смирне столь же гармонично, как мед и лепестки роз в местных кондитерских» [там же: 15]. Утрата этого прошлого, в котором воплощается два идеала – патриархальный и культурный, – отчетливо

соотносится с мотивом утраченного рая. Символом природного созидательного характера патриархальной жизни становится шкатулка из оливкового дерева Дездемоны с шелковичными червями, которых изымают на таможне и которые не в состоянии выжить в мире механистической цивилизации, представленном Детройтом.

В связи с образом этого города в романе обозначается новый этап развития человечества в XX в.: «Люди лишились человечности в 1913 году, и это исторический факт. Именно в этом году Генри Форд начал массовый выпуск автомобилей и заставил рабочих работать со скоростью конвейера» [Евгенидис 2007: 24]. В Детройте дед героя принимает участие в представлении, изображающем «плавильный котел» на празднике на заводе Форда, работает на конвейере, затем торгует контрабандным алкоголем, держит ресторан, разоряется из-за беспорядков, устроенных чернокожими. Облик Детройта, каким он предстает перед героями-мигрантами, противоположен патриархальной и природной Греции и отображает механистический и антиприродный характер цивилизации. В романе образ города дается в динамике, самое начало машинной цивилизации уже несет в себе семя разрушения: «Повсюду возвышались небоскребы, кинотеатры и гостиницы. В двадцатых годах были возведены почти все знаменитые здания Детройта: здание Пенобскота и второе здание Буля с его разноцветным дизайном, напоминающим индейский пояс, здание Нового трастового фонда и башня Кадиллака. Моим деду и бабушке Детройт казался одним большим Коза-Ханом в сезон продажи коконов. Вот чего они не видели, так это спящих на улицах бездомных рабочих и тридцатиквартального гетто на востоке, кишящего афроамериканцами, которым было запрещено жить в других местах. Короче, им были не видны семена разрушения этого города». В финале отмечается: «Для того чтобы понять, что такое энтропия, надо родиться в Детройте. Здесь это понимаешь уже в раннем детстве. Поднимаясь вверх по желобу шоссе, мы разглядывали брошенные обгоревшие дома и пустые замерзшие стоянки, зараставшие летом травой. Когда-то элегантные многоквартирные здания соседствовали со свалками, а там, где раньше были кинотеатры и скорнячные лавки, располагались пункты переливания крови и миссии Матери Уэддлс. Детройт всегда действует гнетуще, когда возвращаешься в него из теплых краев» [там же: 132]. В романе даются и различные варианты жизни эмигрантов: так и не ассимилированная Дездемона противопоставлена своей американизированной кузине Сурмелине, законопослуш-

ный Левти нарушает закон из-за Джимми Зизи-мупулоса, торгующего алкоголем в годы сухого закона. Автор сосредотачивает внимание на ключевых моментах истории Детройта, воплощающего историю США, – Великая депрессия, 1960-е с их беспорядками и др. Образ Детройта историчен по своей сути и выводит еще на одну тему XX в. – тему механизированного мира, в котором происходит насильственное, дисгармоничное смешение наций и рас. Попытка насильственно «вернуть» Каллу его женскую сущность посредством операции также связывается с периодом его жизни в Детройте.

Оба мира – и патриархальный, и механизированный – связаны с ситуацией насилия и травмы. В Смирне это греко-турецкая война; воплощением непреодолимости травматического опыта выступает образ доктора Филобозяна, чью семью вырезали турки и чье спасение оказывается результатом его случайной встречи с Левти Стефанидисом. Этот образ становится символом непреодолимости опыта насилия и незаживаемости травмы истории: «Доктор Филобозян никогда не вспоминал Смирну и тут же уходил, если кто-нибудь при нем заговаривал о ней. Он никогда не говорил о своей первой жене и убитых детях. Может быть, поэтому ему и удалось выжить» [там же: 64].

В Детройте беспорядки в «черных» кварталах: «Душным летом 1967 года Детройт охвачен расовыми бунтами. Воттс взорвался двумя годами ранее. В начале июля беспорядки начались в Ньюарке. В результате все силы детройтской полиции патрулировали круглосуточные бары в черных кварталах, чтобы наносить упреждающие удары по всем взрывоопасным точкам» [там же: 97]. Данному периоду дается четкая аналогия: «В Смирне люди вытаскивали из домов свою мебель и несли ее к берегу, и то же самое происходило на экране телевизора. Мужчины вытаскивали из магазинов новенькие диваны. По улицам проплывали холодильники, плиты и посудомоечные машины. И точно так же, как в Смирне, люди спасали одежду. Женщины напяливали на себя шубы, несмотря на июльскую жару. Мужчины на бегу натягивали новые костюмы. “Смирна! Смирна! Смирна!” – не переставая причитала Дездемона, и я, уже довольно много слышавший о ней к своим семи годам, вглядывался в экран телевизора, чтобы понять, как это было. В июле 1967 года в Детройте происходило не что иное, как партизанская война» [там же: 102].

Обе ситуации насилия связаны для автора с мусульманским элементом, в первом случае – с турецким насилием, во втором – беспорядки в Детройте опосредованно связываются с мусуль-

манской пропагандой, которую ведет в черных кварталах некий Фард Мухамед, он же Джимми Зизмо, псевдогрек, псевдопророк и якобы агент Гитлера. (В соответствии с другими сведениями, опубликованными в 1959 г. чикагскими газетами, «У.Д. Фард являлся нацистским агентом турецкого происхождения» и работал на Гитлера⁶.) Мусульманский компонент связан с мотивом предательства вольного или невольного. В первом случае это не сыгравшая свою роль охранная грамота, выданная доктору Филобозяну Мустафой Кемалем (оказалось, что нападавшие турки просто не умели читать), во втором – это непреодолимость межрасовых и межрелигиозных противоречий, которая заставила подростка Мариуса Викзевиксарда Чаллухличилчеца Граймза, названного в честь эфиопского националиста, несмотря на соседские отношения и дружбу с Каллиопой, поджечь ресторан Мильтона Стефанидиса, ее отца. «Черный армейский берет, солнцезащитные очки и черный платочек в нагрудном кармане. Мариус стоял в таком виде на углу, пробуждая самосознание проходящих. «Салон „Зебра“, – показывал он своим костлявым пальцем, – принадлежит белым. Магазин телевизоров, – он переводил его дальше, – тоже белым. Бакалея – белым. Банк – белым... – Слушатели только успевали переводить глаза. – Теперь вы поняли? Они же не дают ссуды черным!» [Евгенидис 2007: 102]. Евгенидис не акцентирует вину черного населения, но тесная взаимосвязь темы насилия с мусульманским контекстом говорит сама за себя.

Альтернативу этим мирам представляет современный мультикультурный Берлин, город, становящийся в романе символом разрешения противоречий: «И вот американец Стефанидис, потомок греков, сидит на Хауптштрассе и восхищается этим турецким иммигрантом в Германии в 2001 г. Все мы неоднозначны. Не только я» [Евгенидис 2007: 129]. Калл, уважаемый житель Берлина, работник посольства, который в финале устраивает и личную жизнь, подчеркивает, что именно в этом городе он обретает себя: «Этот когда-то разделенный надвое город чем-то похож на меня. На мою борьбу за объединение, за Einheit» [Евгенидис 2007: 131]. Этот образ единственный остается «незавершенным», т.е. мир мультикультурного Берлина не уничтожен в романе, он утверждается как мир обретенной гармонии. История Калла Стефанидиса описывает параболу: начавшись на территории Европы с истории его бабушки и дедушки, нарушивших изначальную гармонию инцестуальной связью (что становится возможным благодаря разрушительному вмешательству истории), она заканчи-

вается в Европе надеждой на обретение персональной гармонии в мире новой толерантности и мультикультурных ценностей.

Все это включает историю жизни героя в более широкий контекст, позволяющий рассматривать её не как личную драму, а как часть тех процессов, которые происходят с человечеством в XX в. и на протяжении его существования в целом. Этот контекст связывает гендерную и национальную инаковость героя/ героини воедино и позволяет вписать его «случай» не только в историю медицины, что происходит в романе благодаря наличию научного дискурса, но и в культурно-исторический контекст. Три основных пространственных образа романа способствуют реализации идеологии романа, иллюстрируя авторскую концепцию развития идеи мультикультурализма. История в романе движется от естественной многонациональности (в Смирне), где благополучие держится на патриархальных ценностях и законах мирной торговли, через механистический мир Детройта, где искусственное соединение народов не приносит им счастья, к новой модели толерантности и открытых возможностей для каждого человека независимо от его национальной и гендерной принадлежности, реализованной в Берлине. Оптимистическая картина, созданная в романе писателя, демонстрирует его уверенность в перспективах мультикультурного мира.

Примечания

¹ Подробно о ситуации в зарубежной литературе рубежа веков см.: [Фролов, Хабибуллина 2014].

² Мнение о том, что Евгенидис осознанно дистанцируется от постмодернистской традиции, как и причисление его к традиции, противостоящей идеализации американской истории, высказывалось американскими исследователями С. Коэном и Я. Атанассакисом [Coen 2007].

³ В интервью журналу «Пари матч» Евгенидис замечает: «Zeus and Hera were brother and sister, too, of course. *Middlesex* begins as a kind of fairy tale [Eugenides].

⁴ Квир-идентичность включает в себя практики по изменению своего тела, в том числе и такие, как бодибилдинг, пирсинг, татуировки, нанесение шрамов и пр.

⁵ Эта авторская концепция в целом является индивидуальной, и определения, которые мы здесь используем, не являются терминами в строгом смысле слова, но то же время именно подобные литературные версии мифологизации прошлого и конструирования идеалов настоящего становились основой концепций развития

нации и мировой истории. Эта область широко исследована в социологии и культурологии, отчасти в литературоведении, и, на наш взгляд, размышления писателя соотносятся с этими исследованиями; мы можем сослаться в самом общем виде лишь на некоторые работы, описывающие процессы создания мифологизированных образов нации [Андерсон 2001; Барт 1996; Геллнер 2002; Саид 2006; Тимофеев 2005; Тишков 1998; Бреева, Хабибуллина 2009 и др.]

⁶ В одном из интервью Евгенидис признается, что история Фарда стала одним из толчков к написанию романа [Gibbons 2011].

Список литературы

Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: «Канон-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001. 288 с.

Барт Р. Мифологии / пер с фр.; вступ. ст. и коммент. С.Н. Зенкина. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996. 312 с.

Бреева Т. Н., Хабибуллина Л. Ф. Национальный миф в русской и английской литературе. Казань: ТГГПУ, 2009. 613 с.

Геллнер Э. Пришествие национализма: Мифы нации и класса // Нации и национализм. М.: Новая наука политики, 2002. С.147–162.

Евгенидис Дж. Средний пол. URL: <http://www.litmir.net/br/?b=8469> (дата обращения: 22.10.2014).

Жеребкина И. А. Концепции квинидентичности (Тереза де Лауретис, Элизабет Гросс и Ив Кософски Сэдживик) // Введение в гендерные исследования Ч.1: Феминистская теория 90-х годов. 2011. С. 63–66. URL: <http://genderstudiescentre.wordpress.com/2011/11/05/> (дата обращения: 22.10.2014).

Литвинцева Г. Ю. Гиперреальность в эпоху постмодерна // Вестник С.-Петербур. гос. ун-та культуры и искусств. 2011. № 2. С. 43–54.

Панова О. Ю. От модернизма к постмодернизму и художественному синтезу (статья вторая) // Современная Европа. 2004. № 2. С. 120–133.

Прозоров В. Г. «Безумно недостоверное “я”»: личность в постмодернистском романе США на рубеже XX—XXI веков // Америка: литературные и культурные отображения / под ред. О. Ю. Анцыферовой. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2012. С. 386–404.

Саид Э. Ориентализм / пер. с англ. А. В. Говорунова. М.: «Русский мир», 2006. 640 с.

Тимофеев М. Ю. Нациосфера. Опыт анализа семиосферы наций. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2005. 279 с.

Тишков В. А. Забыть о нации: (Пост-националистическое понимание национализма) // Вопросы философии. 1998. № 9. С. 3–15.

Фролов Г. А., Хабибуллина Л. Ф. К смене литературных эпох на Западе: теоретический аспект // Филология и культура. 2014. № 3. С. 187–194.

Athanassakis Y. «The American girl I had once been»: Psychosomatic trauma and history in Jeffrey Eugenides' *Middlesex* // European journal of American culture. Bristol: Intellect limited, 2011. Vol. 30, N 3. P. 217–230.

Cohen S. The novel in a time of terror: *Middlesex*, history, and contemporary American fiction // Twentieth century literature. Hempstead: Hofstra Univ. Press, 2007. Vol. 53, N 3. P. 371–393.

Gibbons J. The Art of Fiction No. 215 // The Paris Review, 2011. No.199. URL: <http://www.theparisreview.org/interviews/6117/the-art-of-fiction-no-215-jeffrey-eugenides> (дата обращения: 1.08.2015).

Winfrey O. A Conversation With Jeffrey Eugenides. URL: <http://www.oprah.com/ophrasbookclub/A-Conversation-with-Middlesex-Author-Jeffrey-Eugenides> (дата обращения: 1.08.2015).

References

Anderson B. Voobrazhaemye soobshhestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma [Imagined communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism]. Moscow: “Kanon-press-Tc”, “Kuchkovo pole”, 2001. 288 p.

Athanassakis Y. «The American girl I had once been»: Psychosomatic trauma and history in Jeffrey Eugenides' *Middlesex* // European journal of American culture. Bristol: Intellect limited, 2011. Vol. 30. № 3. P. 217-230.

Bart R. Mifologii [Mythologies]. Moscow: Sabashnikovs' Publ., 1996. 312 p.

Breeva T. N., Khabibullina L. F. Natsional'nyj mif v russkoj i anglijskoj literature [National myth in Russian and English literature]. Kazan: TGGPU Publ., 2009. 613 p.

Cohen S. The novel in a time of terror: *Middlesex*, history, and contemporary American fiction // Twentieth century literature. Hempstead: Hofstra univ. press, 2007. Vol. 53. № 3. P. 371-393.

Eugenides J. Srednij pol [Middlesex]. Available at: <http://www.litmir.net/br/?b=8469> (accessed 22.10.2014).

Frolov G. A., Khabibullina L. F. K smene literaturnykh epokh na Zapade: teoreticheskij aspekt [On change of literary epochs in the West: theoretical

aspect]. *Filologija i kul'tura* [Filology and Culture]. 2014. Iss. 3. P. 187-194.

Gellner E. Prishestvie natsionalizma: Mify natsii i klassa [The coming of nationalism: the myths of nation and class]. *Natsii i natsionalizm* [Nations and nationalism]. Moscow: Novaja nauka politiki Publ., 2002. P. 147-162.

Gibbons J. The Art of Fiction No. 215 // The Paris Review. 2011. No.199. Available at: <http://www.theparisreview.org/interviews/6117/the-art-of-fiction-no-215-jeffrey-eugenides> (accessed 01.08.2015).

Litvintseva G. Ju. Giperreal'nost' v epokhu postmoderna [Hyperreality in the postmodern era]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [St. Petersburg State University of Culture and Arts Herald]. 2011. Iss. 2. P. 43-54.

Panova O. Ju. Ot modernizma k postmodernizmu i khudozhestvennomy sintezu (stat'ja vtoraja) [From modernism to postmodernism and artistic synthesis (second article)]. *Sovremennaja Evropa* [Modern Europe]. 2004. № 2. P. 120-133.

Prozorov V. G. "Bezumno nedostovernoe "ja": lichnost' v postmodernistskom romane SShA na rubezhe XX—XXI vekov ["Incredibly unreliable "I": Identity in the postmodern novel in the USA at the turn of XX – XXI centuries]. *Amerika: literaturnye i kul'turnye otobrazhenija* [America: literary

and cultural reflections] / ed. by O. Ju. Antsyferova]. Ivanovo: Ivanovo State University Publ., 2012. P. 386-404.

Said E. Orientalizm [Orientalism] / transl. from Engl. by A.V. Govorunov. Moscow: "Russkij mir" Publ., 2006. 640 p.

Timofeev M. Ju. Natsiosfera. Opyt analiza semi-osfery natsij [Nationsphere. Experience in analysing semiosphere of nations]. Ivanovo: Ivanovo State University Publ., 2005. 279 p.

Tishkov V. A. Zabyt' o natsii: (post-natsionalisticheskoe ponimanie natsionalizma) [Forget about the nation: (post-nationalistic understanding of nationalism)]. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy]. 1998. Iss. 9. P. 3-15.

Winfrey O. A Conversation with Jeffrey Eugenides. Available at: <http://www.oprah.com/ophrasbookclub/A-Conversation-with-Middlesex-Author-Jeffrey-Eugenides> (accessed 01.08.2015).

Zherebkina I. A. Kontseptsii kvir-identichnosti (Tereza de Lauretis, Elizabet Gross i Iv Kosofski Sedzhvik) [Queer identity concepts (Teresa de Lauretis, Elizabeth Grosz and Eve Kosofsky Sedgwick)]. *Vvedenie v gendernye issledovanija. Ch. 1. Feministskaja teorija 90-ykh godov* [Introduction to Gender Studies. Part 1. Feminist Theory of the 90s]. P. 63-66. Available at: <http://genderstudiescentre.wordpress.com/2011/11/05/> (accessed 22.10.2014).

CONCEPTIONS OF MULTICULTURAL SPACE IN J.K. EUGENIDES' NOVEL «MIDDLESEX»

Liliya F. Khabibullina

Professor in the Department of Foreign Literature

Kazan Federal University, Institute of Philology and Intercultural Communication

Anastasia A. Vinogradova

Student

Kazan Federal University, Institute of Philology and Intercultural Communication

The article discusses J.K. Eugenides' novel «Middlesex», combining a range of issues topical for modern literary criticism in the context of the author's concept of multiculturalism, which is most vividly manifested in the spatial images of the novel. The image of Greek Smyrna presents the idea of «organic» peaceful co-existence of nations on the basis of the natural way of life. American Detroit embodies the mechanical world of the «melting pot» of nations, and modern German Berlin demonstrates the possibility of the «true» multiculturalism, of the place where each «Other one» can feel himself as part of the whole. The novel is analysed in terms of interactions of historical, multicultural and partly gender issues. The problem of historical trauma is also addressed.

Key words: American literature of the XXI century; multiculturalism; J. Eugenides; «Middlesex»; gender; historical issues.

УДК 821.111-95

ОБРАЗ И МИФ В АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ О РОССИИ

Нина Станиславна Бочкарева**д. филол. н., профессор кафедры мировой литературы и культуры****Пермский государственный национальный исследовательский университет**

614990, Пермь, ул. Букирева, 15. nsbochk@mail.ru

Борис Михайлович Проскурнин**д. филол. н., профессор, зав. кафедрой мировой литературы и культуры,****декан факультета современных иностранных языков и литератур****Пермский государственный национальный исследовательский университет**

614990, Пермь, ул. Букирева, 15. bproskurnin@yandex.ru

В рецензии на монографии Л.Ф. Хабибуллиной «Миф России в современной английской литературе» (2010) и С.Б. Королевой «Миф о России в британской культуре и литературе (до 1920-х годов)» (2012, 2014) подчеркиваются не только широкий охват и большой объем анализируемого материала, посвященного восприятию России и русских в британской (английской) литературе и культуре, но и актуальная постановка методологических проблем современной имагологии. К ним относятся соотношение национального и инонационального, специфика культурного мифа и художественного образа, механизмы их исторического изменения и сохранения стереотипов. Особый интерес и дискуссию вызвал анализ значительных произведений XIX–XX вв., обратившихся к России и русским («Время ангелов» А. Мердок, «В Эрмитаж» М. Брэдбери).

Ключевые слова: британская английская литература; рецепция; миф о России; имагология; художественный образ.

Впервые изданная в 1995 г. книга Н.П. Михальской «Образ России в американской художественной литературе IX–XIX вв.» (перездана в 2003 г.) стала прецедентным текстом для многих исследований [Дегтярева 2001; Киринозе 2002; Феклин 2005; Орехов 2008; Поляков, Полякова 2013]. Среди них выделяются монографии Л.Ф. Хабибуллиной «Миф России в современной английской литературе» (2010 г.) и С.Б. Королевой «Миф о России в британской культуре и литературе (до 1920-х годов)» (первое издание – 2012 г., второе – 2014 г.). В заключительной главе своей книги Н.П. Михальская, используя структурно-семантический метод, убедительно показывает мифологический характер образа России в английской литературе изучаемого ею периода: «На основании сделанных наблюдений можно заключить, что образ России в художественной литературе Англии обладает выраженным мифологическим характером со

многими свойственными именно мифу чертами: контрастностью противопоставлений (оппозиций) отдельных смысловых элементов, немногочисленностью и внутренней нерасчлененностью этих элементов при их отчетливой структурной выраженности, дискретности и постоянстве связей между ними, высокой стабильностью, если не неподвижностью структуры, сохранившей основной набор элементов и связи между ними на протяжении почти десяти столетий» [Михальская 1995: 151].

Л.Ф. Хабибуллина и С.Б. Королева в своих монографиях используют это положение, применяя его к новому материалу, что позволяет им сделать новые наблюдения. Так, Л. Хабибуллина утверждает, что в английской литературе второй половины XX столетия миф о России «становится историей с началом и концом, включающим миф о происхождении, “золотом веке”, национальной катастрофе, эсхатологический миф»

[Хабибуллина 2010: 190]. Исследователь обоснованно делает акцент на переосмыслении цивилизаторских стереотипов, политическом дискурсе и хронотопе путешествия. «Воображаемое национальное» России в английской литературе моделируется на оппозициях: «от “дикой” России до идеальной, воплощающей все лучшие черты западного человека, но лишенной его недостатков, от “страшной” России, ассоциирующейся с тоталитаризмом и насилием, до “смешной”, которая может годиться только для комедии, от нецивилизованной России до России высокой культуры, от не стоящей внимания России до сильной и пр.» [там же: 10].

С.Б. Королева предвдвывает свою монографию обстоятельной теоретической главой и исследует «инонациональный» миф с опорой на миф «национальный». Отталкивание от понимания «своего» при выработке стратегии понимания «чужого» прослеживается автором на всех этапах формирования и развития мифа о России в британской (главным образом, английской) литературе. С.Б. Королева удачно сочетает монографический и типологический подходы, привлекает исторический контекст в главу об английской «россике» XIX в., весьма противоречивого с точки зрения англо-русских отношений. Это был век, когда две страны были, с одной стороны, необычайно близки (эпоха наполеоновских войн), а с другой – военными противниками (Крымская война 1853–1856 гг.) и соперниками в международной политике и имперских амбициях (знаменитая «Большая игра» конца XIX–XX в. и агрессивная английская русофобия времен балканских войн и «Берлинского мира» 1878 г.). Автор монографии по-новому смотрит на байроновский миф о России, приводя много интересных и глубоких наблюдений. Вместе с тем нам не хватило вписывания привлекаемых к анализу произведений английских писателей и поэтов (в частности, поэмы Браунинга «Иван Иванович») в общую идеологию викторианства как социокультурной целостности (о ее специфике и отражении в культуре и литературе позапрошлого века см.: [Проскурнин 2009 и др.]). К сожалению, не освещена специфика обращения к русским образам и теме России классиков английской прозы XIX в. – Диккенса, Теккерея, Дж. Элиот и др., что могло бы существенно обогатить размышления об английской «россике» как тогдашнего, так и нынешнего времени.

Основным результатом исследования С.Б. Королевой можно считать вывод о бифуркационных изменениях в восприятии русского мира западным культурным сознанием на рубеже XIX–XX вв. и о появлении нового слоя мифа о России в британской культуре при сохранении

элементов других слоев. Эта переоценка была связана, в первую очередь, с обнаружением в русском «своего» христианского [Королева 2014: 149]. Принципиальную роль сыграли и два политических фактора: «связывание (отождествление) русского революционно-демократического движения с английскими демократическими институтами и английской демократической идеологией, а также с их влиянием на русское общество; и растожествление русского государства и русского народа» [там же: 150]. Большое значение для появления моды на все русское в Великобритании 1890–1920-х гг. имела русская литература (Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, А.П. Чехов) [там же: 188–189].

Справедливость вывода о переломе в отношении к России и русским на рубеже XIX–XX вв. подтверждается многочисленными работами российских и зарубежных исследователей русского в британской литературе и культуре. Так, в коллективной монографии «Россия в Британии 1880–1940: от мелодрамы к модернизму» [Beasley, Bullock 2013] расширение верхней границы исследуемого периода позволило обнаружить новое качество – роль русской и советской культуры в становлении британского модернизма в разных сферах искусства (музыка, танец, театр, кино) и других областях культуры (система образования, библиотеки и др.).

Постмодернистский период британской литературы и культуры, на наш взгляд, нуждается в более пристальном исследовании русского дискурса. Сложность такого рода исследований, вероятно, объясняется невозможностью дистанцироваться, незавершенностью процессов. Появляется ли в британской литературе второй половины XX в. принципиально новый слой мифа о России? Повлияла ли на него постмодернистская идеология, что изменилось в структуре мифа после «перестройки»? Можно ли начало XXI столетия отделить от конца предыдущего века? Какие произведения рубежа XX–XXI вв. можно считать наиболее значимыми для британского мифа о России, как соотносятся миф, образ и авторская поэтика?

С.Б. Королева убедительно показывает, что «в художественных образах русского мира, созданных в произведениях Р. Киплинга, Дж. Конрада, Б.Шоу, Г. Уэллса, В. Вулф, С. Моэма и менее известных писателей этого времени, элементы разных слоев мифа о России сосуществуют и своеобразно взаимодействуют со структурой образа и текста» [Королева 2014: 271]. Л.Ф. Хабибуллина, напротив, предполагает, что «в творчестве таких “элитарных” авторов, как А. Мердок, К. Эмис, И. Макьюэн, М. Брэдбери, П. Акройд, А. Картер, образы русских или даже

России чаще функциональны; то есть на месте России в некоторых романах вполне можно представить другую страну без ущерба для общей идеи, а на месте русского – другого национального “чужого”. Реализуя собственные концепции, эти авторы склонны в сложной художественной форме транслировать весьма стереотипные представления о России и обыгрывать их, не выходя, впрочем, за их пределы» [Хабибуллина 2010: 9]. Не затрагивая сложную проблему элитарного и массового в постмодернистской культуре, позволим себе вступить в дискуссию по поводу функциональности образа России и русских в литературно-художественном произведении.

На наш взгляд, в имагологических исследованиях образ России и русских часто «выступает автономным, самостоятельным специфическим членом в ряду соотносимых величин, но зачастую как величина мнимая, не совсем действительная, но заимствующая как бы в соседних сферах свои психологические и идеологические компоненты» [Гей 1983: 77]. Между тем художественный образ полисемантичен, неисчерпаем и динамичен. Например, в художественном мире романа М. Брэдбери «В Эрмитаж» (*To the Hermitage*, 2000) образ России неразрывно связан с образом Франции, а диалог Дидро с Екатериной II превращается во внутренний диалог героя с самим собой. Миф о России здесь тесно связан с мифом о статуе (см. об этом подробнее: [Бочкарева 2013]). Комический пафос романа распространяется не только на русских, но и на иностранных путешественников, в судьбе которых Россия играет значительную роль. Так, «французский гений» Фальконе, который «работает на Севрской фарфоровой фабрике и совсем не занимается скульптурой» [Bradbury 2001: 485], проявился только в конной статуе Петра I на Сенатской площади в Петербурге. Брэдбери сознательно обыгрывает стереотипы, отдавая дань русской и европейской литературе, и не случайно посвящает свой последний «роман культуры» путешествию в Россию.

На многоаспектном эстетическом уровне функционирует русское начало и в романе Айрис Мёрдок «Время ангелов» (*The Time of the Angels*, 1966), который обозначил перелом в творчестве автора: после него она решительно перешла на позиции Платона, а ее романы стали менее зависимыми от экзистенциалистских парадигм художественного мышления, в том числе и от идеи «жизненного капкана», в который неизбежно попадает человек как трагическая жертва абсурдности и давящей мистики необъяснимых обстоятельств жизни. В этом романе намечается возможное преодоление такой печальной зако-

номерности. И принципиально важно, что эта надежда оказывается связанной с образом русского человека, чья изначальная простота, наивность и открытость противопоставлены агрессивной и программной бесчеловечности ряда английских персонажей романа.

Здесь на «помощь» Мёрдок приходит интертекстуальность, явление, которое, на наш взгляд, часто не только идет за мифом и/или устоявшимся символом, но и переосмысляет и прецедентный текст, и укоренившиеся мифологемы. Например, совершенно определенно можно говорить об интертекстуальной связи этого романа Мёрдок и романа Достоевского «Братья Карамазовы»: идеи, реализованные русским гением в образе Ивана, отражены в образах Кэрела и отчасти Льва Пешкова; растлитель и философствующий циник Федор Павлович «процитирован» Мёрдок в пасторе-безбожнике Кэреле, а несущий в себе Бога Алеша – в Евгении Пешкове.

В определенной степени прочтение Мёрдок героев Достоевского, как и русских вообще, через призму демонизма, свойственное Западу, пронизывающее всю характерологическую, а значит, и сюжетную канву романа, весьма близко к устоявшейся к середине XX в. «мифологеме русскости». Но писательница гораздо более объемно видит русских, особенно тех, кто уже давно не живет в России и утратил с нею актуальную связь. Так, при прочтении романа сразу становится очевидным, что в нем доминирует мёрдокская «вариация» идеи Достоевского: «Если Бога нет, то все разрешено». Она отчетливо звучит в образе Льва (не случайно в нем, русском, акцентируется антирусскость, очевидная в его ненависти к отцу как русскому и в «эдиповом комплексе»), сюжетно подкрепляемых тягой к Мюриэл, в которой он видит прежде всего материнское начало, и любовью самой Мюриэл к его отцу).

Но особенно антирусскость звучит в отношении героя к православной иконе, принадлежавшей в свое время погибшей в нацистском концлагере матери, равно как и в ненависти ко всему русскому и России. В образе Кэреля идея нравственного коллапса из-за отсутствия Бога реализована на программном, осознанном уровне. Отсюда закономерно появление двух типов ангелов в романе с символическим названием: у Евгения – светлых (Святая Троица на его русской иконе), у Кэреля – темных, по большей мере падших, заменивших Бога в его системе духовных начал. Аморальность Фишера, воплощающая поддостоевски «вывернутый мир», еще более очевидна на фоне Пешкова, пусть даже и не фанатично верующего, а с «Христом в сердце» – наивного, чистого, открытого и очень русского.

Мёрдок вслед за Достоевским, но по-своему, утверждает: весьма опасна действительность, в которой человек рождается, наделенный «идеалами содомскими», т.е. различными фантастическими идеями, отделяющими его от столь необходимой в современном мире приближенности к «истинным ангелам» (см. гл. 6 и 7: [Murdoch 2001: 64–76]).

В соответствии с канонами жанра философского романа даже то, что Евгений – привратник в доме Фишеров, полно особого смысла: он действительно «открывает ворота» в другой, полный духовности, гармонии, нежности, искренности мир для Патти, когда Кэрел пресытился ею, и для Мюриел, когда отец начал гнать ее из дома.

С другой стороны, реализованные в образе Евгения Пешкова по-английски трактуемый консерватизм русского мышления и идея «несения духовного креста» [Murdoch 2001: 79] нравственно противопоставляются прогрессизму западного мышления, когда движение вперед важнее духовности: Мёрдок напряженно ищет источник высшей духовности в условиях истощенности прежних исторических путей Запада. Это еще раз подчеркивает глубинную связь романа Мёрдок с самым философским романом Достоевского – «Братья Карамазовы» – и русской культурой в целом, а также сложную диалектику стереотипного и новаторского, разрушающего привычные представления о русском и русскости.

Другой вопрос, который актуализируют авторы обеих монографий, касается связи национального и инационального мифов, а также их исторической изменчивости. Например, Л.Ф. Хабибуллина и С.Б. Королева, используя разный историко-литературный материал, приходят к противоположным выводам об отношении англичан к русской революции. «Начиная с 1917 г. и до конца 1930-х революция видится как закономерное восстание “праведного” народа против несправедного правительства» [Королева 2014: 271]. Во второй половине XX в. в английском мифе о России Октябрьская революция выполняет функцию «национальной катастрофы», которой предшествует «золотой век» – дореволюционная Россия [Хабибуллина 2010: 191]. Нетрудно заметить, что инациональный миф здесь полностью совпадает с национальным русским (советским) мифом на разных исторических этапах.

Таким образом, ценность и актуальность монографий Л.Ф. Хабибуллиной и С.Б. Королевой обусловлены не только охватом большого объема анализируемого материала, посвященного восприятию России и русских в британской (английской) литературе и культуре, но и постанов-

кой методологических проблем современной имагологии. К ним относятся соотношение национального и инационального, специфика культурного мифа и художественного образа, механизмы их исторического изменения и сохранения стереотипов. Рассматриваемые книги уже вызвали и еще вызовут широкий резонанс в читательской среде, включающей не только филологов, специалистов по британской (в частности английской) литературе, но и других ученых.

Список литературы

Бочкарева Н.С. Экфрастический дискурс в романе М. Брэдбери «В Эрмитаж» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2013. Вып. 1(21). С. 140–145.

Дегтярева В.В. Образ России в немецких путевых заметках XVIII века. Саратов: «Надежда», 2001. 111 с.

Кирнозе З.И. Россия и Франция: диалог культур: Статьи разных лет. Нижний Новгород: Нижегородский гос. лингв. ун-т им. Н. А. Добролюбова, 2002. 271 с.

Королева С.Б. Миф о России в британской культуре и литературе (до 1920-х годов). Нижний Новгород: Нижегородский гос. лингв. ун-т им. Н. А. Добролюбова, 2012. 258 с.

Королева С.Б. Миф о России в британской культуре и литературе (до 1920-х годов). М.: Директ-Медиа, 2014. 314 с.

Михальская Н.П. Образ России в английской художественной литературе IX–XIX вв. М.: МПГУ, 1995. 152 с.

Михальская Н.П. Образ России в английской художественной литературе IX–XIX вв. М.: Лит. институт им. А.М.Горького, 2003. 132 с.

Орехов В.В. Миф о России во французской литературе первой половины XIX века. Симферополь: ОАО «Симферопольская городская типография», 2008. 200 с.

Поляков О.Ю. Полякова О.А. Имагология: Теоретико-методологические основы. Киров: ООО «Радуга-ПРЕСС», 2013. 162 с.

Проскурнин Б.М. Новый человек и новое время в романе Шарлоты Бронте «Джейн Эйр» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2009. Вып. 4. С. 51–62.

Феклин М.Б. The Beautiful Genius. Тургенев в Англии: первые полвека. Oxford: Perspective Publications, 2005. 240 с.

Хабибуллина Л.Ф. Миф России в современной английской литературе. Казань: Казан. ун-т, 2010. 206 с.

Beasley R. & Bullock Ph. R., ed. Russia in Britain, 1880–1940: From Melodrama to Modernism. Oxford: Oxford University Press, 2014. 309 p.

Bradbury M. To the Hermitage. London: Picador, 2001. 498 p.

Murdoch I. The Time of Angels. London: Vintage, 2001. 242 p.

References

Beasley R. & Bullock Ph. R., ed. Russia in Britain, 1880-1940: From Melodrama to Modernism. Oxford: Oxford University Press, 2014. 309 p.

Bochkareva N. S. Ehkfrasticheskiy diskurs v romane M. Bradbury *To the Hermitage* [Ekphrastic discourse in M. Bradbury's novel *To the Hermitage*]. Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology]. 2013. Iss. 1(21). P. 140–145.

Bradbury M. To the Hermitage. London: Picador, 2001. 498 p.

Degtjareva V.V. Obraz Rossii v nemetskikh putevykh zametkakh XVIII veka [The Image of Russia in German Travel Writings of the XVIIIth century]. Saratov: Nadezhda Publ., 2001. 111 p.

Feklin M.B. The Beautiful Genius. Turgenev v Anglii: pervye polveka [The Beautiful Genius. Turgenev in England]. Oxford: Perspective Publications, 2005. 240 p.

Khabibulina L.F. Mif Rossii v sovremennoj anglijskoj literature [Myth of Russia in Contemporary English Literature]. Kazan, 2010. 206 p.

Kirnoze Z.I. Rossiya i Frantsiya: dialog kul'tur [Russia and France: the Dialogue of Cultures]. Nizhny Novgorod, 2002. 271 p.

Koroljova S.B. Mif o Rossii v britanskoj kul'ture i literature (do 1920-kh gg.) [Myth of Russia in British Culture and Literature (up to the 1920s)]. Nizhny Novgorod, 2012. 258 p.

Koroljova S.B. Mif o Rossii v britanskoj kul'ture i literature (do 1920-kh gg.) [Myth of Russia in British Culture and Literature (up to the 1920s)]. M.: Direkt-Media, 2014. 314 p.

Mikhal'skaja N.P. Obraz Rossii v anglijskoj khudozhestvennoj literature IX-XIX vv. [The Image of Russia in English Fiction in the IX-XIXth centuries]. M.: MPSU Publ., 1995. 152 p.

Mikhal'skaja N.P. Obraz Rossii v anglijskoj khudozhestvennoj literature IX-XIX vv. [The Image of Russia in English Fiction in the IX-XIXth centuries]. M.: Literaturnyj Institut Publ., 2003. 132 p.

Murdoch I. The Time of Angels. London: Vintage, 2001. 242 p.

Orekhov V.V. Mif o Rossii vo frantsuzskoj literature pervoj poloviny XIX veka [The Myth of Russia in French Literature in the first half of the XIXth century]. Simferopol, 2008. 200 p.

Poljakov O.Ju., Poljakova O.A. Imagologija: Teoretiko-metodologicheskie osnovy [Imagology: Theoretical and Methodological Foundations]. Kirov, 2013. 162 p.

Proskurnin B.M. Novyj chelovek i novoe vremja v romane Sharloty Bronte "Dzhejn Ehjr" [New Individuality and New Age in Charlotte Brontë's *Jane Eyre*]. Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology]. 2009. Iss. 4. P. 51–62.

IMAGE AND MYTH IN ENGLISH LITERATURE ABOUT RUSSIA

Nina S. Bochkareva

Professor in the Department of World Literature and Culture
Perm State University

Boris M. Proskurnin

Professor
Head of the Department of World Literature and Culture
Dean of the Modern Languages and Literatures Faculty
Perm State University

The essay reviews two monographs on Russia's reception in English literature: Lilia Khabibulina's «Myth of Russia in Contemporary English Literature» (2010) and Svetlana Korolyova's «Myth of Russia in British Culture and Literature (up to the 1920s)». It is shown that both monographs are characterized by wide scope of materials studied as well as by setting the most essential issues of modern imagology. The review reveals the ways the monographs deal with the aspects of national and foreign, cultural myths and artistic images, genesis and development of stereotypes and polemics with them.

Key words: British and English literature; reception; myth of Russia; imagology; artistic image.

Научный периодический журнал «Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология» зарегистрирован в 2009 г. как самостоятельное издание, объединяющее две серии журнала «Вестник Пермского университета», издаваемого с 1994 г. («Филология» и «Иностранные языки и литературы»).

В журнале отражаются результаты научной деятельности российских и зарубежных филологов. Кроме научных статей, материалов конференций, симпозиумов и семинаров, журнал печатает рецензии на монографии, сборники научных трудов и т.п., опубликованные в России и за рубежом, тематические обзоры и развернутую информацию о событиях научной жизни по профилю издания.

Полнотекстовая версия выставляется на сайте <http://www.rfp.psu.ru> и на сайте НЭБ Elibrary.ru.

С 19.02.2010 г. журнал включен в **Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ

Каждая рукопись сопровождается внешней (из другого города) рецензией специалиста в исследуемой области, имеющего степень кандидата или доктора наук, чья подпись заверяется в отделе кадров по месту работы рецензента. Авторы, не имеющие ученой степени, представляют, кроме внешней рецензии, отзыв научного руководителя, подписанный и заверенный по месту его работы. В рецензии и отзыве должны быть указаны полностью ФИО, ученая степень, должность, место работы и электронный адрес рецензента. Аспиранты дополнительно представляют официальную справку о сроках обучения в аспирантуре с указанием контактного телефона зав. отделом аспирантуры, подписавшим его документ.

Все три документа с печатями могут присылаться по почте или в сканированном виде отправляться на электронный адрес редакции вместе со статьей. Письмо с вложенными файлами должно быть отправлено с адреса, указанного в сведениях об авторе, и сопровождаться следующим текстом: «Передавая статью в научный журнал “Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология”, я гарантирую, что статья создана мной лично и не была ранее опубликована. Согласен на размещение статьи на сайте “Вестника” <http://rfp.psu.ru/>. Беру на себя полную ответственность за соблюдение авторских прав в отношении используемых мной материалов» (в случае частичной публикации представляемой статьи здесь должны быть указаны сведения об уже опубликованном фрагменте и месте его публикации).

Рукописи рассматриваются в порядке их поступления в течение 1–6 месяцев. Окончательное решение о публикации статьи принимается редколлегией и главным редактором. Члены международного редакционного совета или редколлегии даже при наличии положительной рецензии могут обратиться к главному редактору с предложением о дополнительном рецензировании статьи. В этом случае назначаются три эксперта из состава редколлегии или совета для подготовки обоснованного заключения. В случае отрицательного решения автору рукописи направляется мотивированный отказ от имени редколлегии. Рукопись, сопровождаемая внутренней рецензией, может быть отправлена автору на доработку для устранения замечаний. Срок доработки не ограничен. Статья, не соответствующая требованиям, предъявляемым к публикациям, вторично на доработку не отправляется. Статьи аспирантов, одобренные редколлегией, публикуются бесплатно.

ПРАВИЛА ПОДАЧИ И ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Рукопись объемом от 20 до 40 тыс. знаков, оформленная в соответствии с выложенной на сайте ФОРМОЙ, должна поступить вместе с ПАСПОРТОМ СТАТЬИ и со всеми указанными выше документами по электронному адресу langlit2009@mail.ru. Чтобы убедиться в том, что Ваши материалы получены, попросите отправить подтверждение.

Основной текст может быть написан на русском или английском языках.

Правила оформления рукописей помещены на сайте журнала в разделе «Правила оформления рукописей» и в прикрепленном файле ФОРМА.

Главный редактор – профессор кафедры мировой литературы и культуры ПГНИУ *Нина Станиславна Бочкарева*. Тел. (342)2396290, (342)2368190.

Адрес редакции: 614990, Пермь, ул. Букирева, 15, ПГНИУ, корп.5, ауд.28 (лаборатория «Духовная культура Прикамья в лингвистическом аспекте»), тел. (342)2396795 (зам. гл. редактора – доцент *Ирина Ивановна Русинова*, ответственный за выпуск – *Ирина Александровна Табункина*, ответственный за сайт – *Алексей Васильевич Пустовалов*).

Научное издание

**Вестник Пермского университета
Российская и зарубежная филология**

Выпуск 4(32) / 2015

Редакторы *Л. А. Богданова, О. И. Кирьянова*
Корректоры *Л. А. Семицветова, С. Л. Рассанова*
Компьютерная верстка *И. А. Табункиной*
Макет обложки *М. А. Шпакова*

Подписано в печать 24.11.2015. Дата выхода в свет 27.11.2015.
Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 17,20. Тираж 500 экз. Заказ _____

Издательский центр
Пермского государственного
национального исследовательского университета.
614990, г. Пермь, ул. А.И. Букирева, 15

Подписной индекс журнала
«Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология»
в общероссийском каталоге «Пресса России» – 41008
Цена свободная

Фото: Полудницын Анатолий

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ISSN 2073-6681

ВЕСТНИК
ПЕРМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

2015
Выпуск 4(32)

• РОССИЙСКАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ ФИЛОЛОГИЯ •

Выпуск 4(32) 2015

ВЕСТНИК ПЕРМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

РОССИЙСКАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ ФИЛОЛОГИЯ